Russ. 266 z (3

<36607995370013

<36607995370013

Bayer. Staatsbibliothek

ИСТОРІЯ

ГОСУДАРСТВА

РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ III.

Ф/54/43289

ИСТОРІЯ ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ III.

Изданіе третіе.

Иждивеніемъ книгопродавца Смирдина.

Ст. Б.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи А. Плюшара.

1830.

Fg/66/765

Bayerische
Staatsbibliothek
Mün

Печатано

по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ИСТОРІЯ
ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

ТОМЪ III.

ГЛАВА I.

Великій Князь Андрей.

Г. 1169 — 1174.

Области Андрея. Набѣги Половцевъ. Возвращеніе Мстислава въ Кіевъ. Кончина сего Князя. Война Андреева съ Новымгородомъ. Миръ. Набѣгъ Половцевъ. Кончина Глѣба. Смерть вѣроломнаго Владиміра. Кіевъ отданъ Смоленскому Князю. Сайгатъ или трофеи Половецкіе. Сынъ Андреевъ въ Новѣгородѣ. Война съ Болгарами. Ссора Андрея съ Ростиславичами. Происшествія въ Галичѣ. Свойство Мстислава Храбраго. Осада Вышегорода. Коварство Черниговскаго Князя. Убіеніе Андрея. Мятежъ въ землѣ Суздальской. Ненависть къ Андрею. Свойства его. Первая ересь. Злодѣй Епископъ. Населеніе Вятки.

Андрей властвовалъ тогда въ четырехъ нынѣшнихъ Губерніяхъ: Ярославской, Костромской, Владимірской и Московской; *отчасти* въ Новогородской, Тверской, Нижегородской, Тульской и Калужской; располагалъ областію Кіевскою; по- Г. 1169. Области Андрея.

[stamp]

велѣвалъ Князьями Рязанскими, Муромскими, Смоленскими, Кривскими, даже Волынскими[1]; но Черниговскіе и Галицкій оставались независимы: Новгородъ также.

Мстиславъ Андреевичь, утвердивъ дядю на престолѣ Кіевскомъ, спѣшилъ поздравить отца съ симъ важнымъ завоеванiемъ. Оставленный союзниками, Глѣбъ съ безпокойствомъ услышалъ о множествѣ Половцевъ, вступившихъ въ область Днѣпровскую. Изъявляя миролюбіе, Послы ихъ говорили: »Мы не хотимъ страшить »васъ; не хотимъ и васъ страшиться. При»сягнемъ же другъ другу въ любви и согла»сіи!« Но когда Глѣбъ осыпалъ дарами Половцевъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, чтобы скорѣе удалить опасность отъ двѣнадцатилѣтняго сына своего, Владиміра, княжившаго въ Переяславлѣ: въ то самое время другія толпы сихъ варваровъ, бывшія у Корсуня, жгли и грабили церковныя села, приписанныя къ Десятинному храму Богоматери. Глѣбъ, не имѣя готоваго войска, хотѣлъ съ малымъ числомъ гнаться за разбойниками, которые уже бѣжали къ степямъ своимъ; но Берендѣи не пустили его. »Государь Кіевскій (сказали они) »не выходитъ въ поле безъ сильной ра»ти и безъ союзниковъ. У тебя есть

Набѣгъ Половцевъ.

»меньшій братъ и мы, вѣрные слуги.« Князь Михаилъ Георгіевичь, взявъ 100 Переяславцевъ и 1500 Берендѣевъ, настигъ Половцевъ; умертвилъ ихъ стражу, и началъ битву. Берендѣи и тутъ оказали усердіе: схватили за узду коня Михайлова и говорили сему достойному брату Андрееву, что они идутъ впередъ, оставляя его за собою какъ твердую опору. »Враги (по словамъ Лѣтописца) превосходствовали числомъ, а наши мужествомъ: на всякое копіе Русское было десять Половецкихъ.« Знаменоносецъ Михаиловъ палъ въ рядахъ, и непріятели сорвали его хоругвь съ древка. Воевода Княжескій, напкнувъ на оное шлемъ свой, бросился впередъ и сразилъ знаменоносца непріятельскаго. Михаила ранили двумя копьями въ бедро, а третьимъ въ руку: Князь не думалъ о своихъ ранахъ, побѣдилъ и привелъ въ Кіевъ 1500 плѣнныхъ, освободивъ великое число Русскихъ невольниковъ.

Возвращеніе Мстислава въ Кіевъ.

Еще Глѣбъ не могъ княжить спокойно. Изгнанный изъ Кіева Мстиславъ Изяславичь, гордый, воинственный подобно родителю, считалъ свое изгнаніе минутнымъ безвремяньемъ и думалъ такъ же управиться съ сыновьями Долгорука-

го, какъ Изяславъ II управлялся съ ихъ отцемъ. Будучи союзникомъ Ярослава Галицкаго, онъ вступилъ съ его полками въ область Дорогобужскую, чтобы наказать ея Князя, Владимира Андреевича, ему измѣнившаго[2]. Владимiръ лежалъ на смертномъ одрѣ: города пылали, жителей тысячами отводили въ плѣнъ; въ числѣ ихъ попался въ руки непрiятелю и знаменитый пѣстунъ Княжескiй, Бояринъ Пукъ. Напрасно ждавъ обѣщаннаго вспоможенiя отъ Глѣба, несчастный Владимiръ умеръ, и разоренная область его досталась Владимiру Мстиславичу, столь извѣстному вѣроломствомъ. Сей недостойный внукъ Мономаховъ, ознаменованный стыдомъ и презрѣнiемъ, отверженный Князьями и народомъ, долго странствовалъ изъ земли въ землю, былъ въ Галичѣ, въ Венгрiи, въ Рязани, въ степяхъ Половецкихъ; наконецъ прибѣгнулъ къ великодушiю своего гонителя, Мстислава; вымо-
г. 1170. лилъ прощенiе, и съ его согласiя въѣхалъ въ Дорогобужъ, давъ обѣтъ вдовствующей Княгинѣ и тамошнимъ Боярамъ не касаться ихъ имѣнiя. На другой же день онъ преступилъ клятву, отнялъ у нихъ все, что могъ, и выгналъ горестную невѣстку, которая, взявъ тѣло супруга,

повезла оное въ Кіевъ. Туда шелъ и Мстиславъ, усиленный дружинами Князей Городненскихъ, Туровскою и Владиміра Мстиславича; а нерадивый Глѣбъ, въ одно время свѣдавъ о кончинѣ Владиміра Андреевича и приближеніи Мстислава, отправилъ Игумена Поликарпа встрѣтить гробъ перваго и спѣшилъ уѣхать въ Переяславль, ибо сомнѣвался въ вѣрности Кіевлянъ. Но Давидъ бодрствовалъ въ Вышегородѣ. Къ нему привезли тѣло Дорогобужскаго Князя, оставленное Боярами, которые не смѣли явиться въ Кіевѣ, гдѣ они не давно злодѣйствовали вмѣстѣ съ Суздальцами. Игуменъ Лавры, Поликарпъ, требовалъ воиновъ у Давида, чтобы вести за гробомъ коней Княжескихъ и держать знамя надъ онымъ. „Мертвымъ нѣтъ нуж»ды ни въ чести, ни въ знаменахъ, «отвѣтствовалъ Князь: »непріятель идетъ; »моя дружина готовится къ битвѣ: даю »тебѣ только Игуменовъ и Священни»ковъ.« Зная, что Мстиславъ уже близко, и что народъ волнуется въ Кіевѣ, Давидъ не пустилъ туда горестной супруги Владиміровой, для ея безопасности; самъ выжегъ окрестности своего города, и ждалъ непріятеля.

Мстиславъ безъ сопротивленія во-

шелъ въ Кіевъ. Граждане столицы и Берендѣи встрѣтили его какъ друга: первые искренно, вторые лицемѣрно, доброхотствуя Глѣбу. Не теряя времени, Мстиславъ приступилъ къ Вышегороду; сталъ предъ Златыми вратами, въ садахъ; бился съ утра до вечера, не жалѣя крови; хотѣлъ непремѣнно взять крѣпость. Но союзники измѣнили ему. Воевода Галицкій объявилъ мнимое повелѣніе своего Князя щадить людей и не стоять долго подъ Вышегородомъ. Другіе также охладѣли въ усердіи; а Берендѣи и Торки начали коварствовать явно. Видя ежедневно уменьшеніе войска, силу непріятеля, и слыша, что Глѣбъ идетъ съ Половцами къ Кіеву, Мстиславъ снялъ осаду; удалился въ Волынію съ горестію, однакожъ не безъ надежды быть впредь счастливѣе. Онъ дѣйствительно не замедлилъ снова ополчиться, узнавъ, что его племянникъ, Василько Ярополковичь, разбитый Половцами, тѣснимый въ Михайловѣ (близъ Кіева), и принужденный искать мира, выѣхалъ въ Черниговъ къ Святославу Всеволодовичу (дѣду своему по матери); что Глѣбъ и Давидъ съ братьями разрушили до основанія городокъ Михайловъ, истребляя всѣ памят-

ники Мстиславова княженія въ странахъ Днѣпровскихъ. Но внезапная болѣзнь обезоружила сего Князя. Предчувствуя близкую смерть, онъ поручилъ сыновей брату Ярославу, взялъ съ него клятву не касаться ихъ Удѣловъ, и преставился въ Владимірѣ съ именемъ Властителя умнаго, бодраго. Лѣтописцы Польскіе, согласно съ нашими, называютъ Мстиславову жену дочерью Болеслава Кривоустаго.

Кончина Мстислава.

Россія сѣверная въ тоже время была ѳеатромъ важнаго происшествія. Могущественный Андрей, покоривъ древнюю южную столицу Государства, думалъ смирить Новогородцевъ и тревожилъ ихъ чиновниковъ, которые ѣздили собирать подати за Онегою. Первыя непріятельскія дѣйствія еще болѣе возгордили сихъ надменныхъ друзей вольности: они съ малымъ числомъ разбили на Бѣлѣозерѣ сильный отрядъ Суздальскій и взяли дань съ Андреевой области. Тогда Великій Князь рѣшился однимъ ударомъ сразить ихъ гордыню. Князья Смоленскій, Рязанскій, Муромскій, Полоцкій, вторично соединили свои дружины съ его многочисленными полками. Душа Андреева, охлажденная лѣтами, уже не пылала воинскимъ сла-

Война Андреева съ Новымгородомъ.

волюбіемъ : онъ не хотѣлъ самъ предводительствовать ратію, и въ надеждѣ на счастіе или мужество сына своего, Мстислава, снова ввѣрилъ ему начальство[3]. Вся Россія съ любопытствомъ ожидала слѣдствій предпріятія грознаго, справедливаго по мнѣнію современниковъ безпристрастныхъ. «Правда« (говорили они) »что Ярославъ Великій, желая изъявить »Новогородцамъ вѣчную благодарность за »ихъ усердіе, даровалъ имъ свободу *изби-* »*рать* себѣ Князей изъ его достойнѣй- »шихъ потомковъ; но сей Князь безсмерт- »ный предвидѣлъ ли всѣ злоупотребленія »свободы? предвидѣлъ ли, что народъ, »упоенный самовластіемъ, будетъ ругать- »ся надъ священнымъ саномъ Государей, »внуковъ и правнуковъ своего незабвенна- »го благотворителя; будетъ давать клят- »ву съ намѣреніемъ преступить оную; »будетъ заключать Князей въ темницу, »изгонять ихъ съ безчестіемъ? Злоупо- »требленіе уничтожаетъ право, и Вели- »кій Князь Андрей былъ избранъ Небомъ »для наказанія вѣроломныхъ«[4]. Читая въ лѣтописяхъ такія разсужденія, можемъ заключить, что современники желали успѣха Андрею: одни по уваженію и любви къ достоинству Князей Россійскихъ,

уничижаемыхъ тогда Новогородцами; другіе, можетъ быть, отъ зависти къ избытку и благосостоянію сего народа торговаго. Паденіе Кіева предвѣщало гибель и Новогородской независимости: шло тоже войско; тотъ же Мстиславъ велъ оное. Но Кіевляне, пріученные мѣнять Государей и жертвовать побѣдителю побѣжденнымъ, сражались только за честь Князя; а Новогородцы за права собственныя, за уставы отцевъ, которые бываютъ не всегда мудры, но всегда священны для народа.

Вмѣсто того, чтобы грозить казнію однимъ главнымъ виновникамъ послѣдняго мятежа (ибо цѣлый народъ никогда самъ собою не дѣйствуетъ) или врагамъ изгнаннаго Святослава, за коего Великій Князь вступался: Мстиславъ Андреевичь въ области Новогородской жегъ села, убивалъ земледѣльцевъ, бралъ женъ и дѣтей въ рабство. Слухъ о такихъ злодѣйствахъ, вопль, отчаяніе невинныхъ жертвъ воспламенили кровь Новогородцевъ. Юный Князь ихъ, Романъ Мстиславичь, и Посадникъ Якунъ взяли всѣ нужныя мѣры для защиты [5]: укрѣпили городъ тыномъ; вооружили множество людей. Непріятели, на трехъ стахъ верстахъ оставивъ за собою одинъ пепелъ

и трупы, обступили Новгородъ, требуя, чтобы мятежники сдалися. Нѣсколько разъ съ обѣихъ сторонъ съѣзжались чиновники для переговоровъ и не могли согласиться; въ четвертый день началася битва, кровопролитная, ужасная. Новогородцы напоминали другъ другу о судьбѣ Кіева, опустошеннаго союзнымъ войскомъ: о церквахъ разграбленныхъ, о святыняхъ и древностяхъ похищенныхъ; клялися умереть за вольность, за храмъ Софіи, и бились съ остервененіемъ. Архіепископъ Іоаннъ, провождаемый всѣмъ Клиросомъ, вынесъ икону Богоматери и поставилъ на внѣшнемъ деревянномъ укрѣпленіи или острогѣ: Игумены, Іереи пѣли святыя пѣсни; народъ молился со слезами, громогласно восклицая: *Господи помилуй*! Стрѣлы сыпались градомъ: разсказываютъ, что одна изъ нихъ, пущенная воиномъ Суздальскимъ, ударилась въ икону; что сія икона въ то же мгновеніе обратилась лицемъ къ городу; что слезы капали съ образа на фелонъ Архіепископа, и что гнѣвъ Небесный навелъ внезапный ужасъ на полки осаждающихъ. Новогородцы одержали блестящую, совершенную побѣду, и приписавъ оную чудесному заступленію

Февраля 25.

Маріи, уставили ежегодно торжествовать ей 27 Ноября праздникъ благодарноти[6]. Чувство живой Вѣры, возбужденное общимъ умиленіемъ, святыми церковными обрядами и ревностнымъ содѣйствіемъ Духовенства, могло весьма естественнымъ образомъ произвести сіе чудо, то есть, вселить въ сердца мужество, которое, изумляя врага, одолѣваетъ его силу. Новогородцы видѣли въ Андреевыхъ воинахъ не только своихъ злодѣевъ, но и святотатцевъ богопротивныхъ: мысль, что за насъ Небо, дѣлаетъ храбраго еще храбрѣе. Побѣдители, умертвивъ множество непріятелей, взяли столько плѣнныхъ, что *за гривну отдавали десять Суздальцевъ* (какъ сказано въ Новогородской лѣтописи), болѣе въ знакъ презрѣнія, нежели отъ нужды въ деньгахъ. — Бѣгущій Мстиславъ былъ наказанъ за свою лютость: воины его на возвратномъ пути не находили хлѣба въ мѣстахъ опустошенныхъ ими, умирали съ голода, отъ болѣзней, и древній Лѣтописецъ говоритъ съ ужасомъ, что они тогда, въ *Великій постъ*, ѣли *мясо* коней своихъ.

Казалось, что Новогородцы, столь озлобленные Боголюбскимъ, долженство-

вали навѣки остаться его врагами; но (къ удивленію современниковъ), чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ изгнавъ Князя своего,
Миръ. Романа, они вошли въ дружелюбное сношеніе съ Андреемъ: ибо терпѣли недостатокъ въ хлѣбѣ и другихъ вещахъ необходимыхъ, получаемыхъ ими изъ сосѣдственныхъ областей Россійскихъ. Четверть ржи стоила тогда въ Новѣгородѣ около рубля сорока-трехъ копеекъ нынѣшними серебряными деньгами[7]. Довольные славою одержанной побѣды, не желая новыхъ бѣдствій войны и щадя народъ, чиновники, Архіепископъ, люди нарочитые предложили миръ Боголюбскому, по тогдашнему выраженію, *на всей волѣ своей*, то есть, не уступая правъ Новогородскихъ: Великій Князь принялъ оный, съ тѣмъ условіемъ, чтобы, вмѣсто умершаго Святослава, княжилъ въ Новѣгородѣ братъ его, Рюрикъ Ростиславичь, который господствовалъ въ Овручѣ, не хотѣлъ перемѣны, и единственно въ у-
Августа. 8. годность Андрею выѣхавъ оттуда, приказалъ сей Удѣлъ Волынскій брату Давиду.

Сѣверныя области успокоились: въ южныхъ снова свирѣпствовали Половцы, которые на сей разъ пришли изъ за-рѣки

Буга, отъ береговъ Чернаго моря. Глѣбъ Кіевскій, отягченный болѣзнію, не могъ защитить бѣдныхъ земледѣльцевъ; но храбрый Михаилъ и юный братъ его, Всеволодъ Георгіевичъ, съ Торками и Берендѣями разбили хищниковъ. Воевода Михаиловъ, Володиславъ, далъ Князю совѣтъ умертвить плѣнныхъ: ибо другія толпы непріятелей были еще впереди. Сія жестокость казалась тогда спасительною мѣрою безопасности. Освободивъ 400 Россіянъ, сыновья Георгіевы возвратились оплакать кончину Глѣба, благонравнаго (по сказанію Лѣтописцевъ), вѣрнаго въ словѣ и милосердаго[8].

Набѣгъ Половцевъ.

Кончина Глѣба.

Еще Андрей не имѣлъ времени назначить преемника Глѣбова, когда Ростиславичи, Давидъ и Мстиславъ, послали въ Волынію за дядею своимъ, Владиміромъ Дорогобужскимъ, желая, чтобы онъ, какъ старшій въ родѣ Мономаховомъ, господствовалъ въ Кіевѣ, или въ самомъ дѣлѣ зависѣлъ отъ нихъ, господствуя только именемъ. Будучи союзникомъ Ярослава Луцкаго и сыновей его брата, Владиміръ, не сказавъ имъ ни слова, уѣхалъ изъ Дорогобужа, и былъ возведенъ племянниками на Кіевскій престолъ, къ неудовольствію гражданъ и Боголюбскаго, кото-

Г. 1171, Февраля 15.

рый хотя унизилъ сію столицу, однакожъ думалъ, что Князь, славный только вѣроломствомъ, не достоинъ именоваться наслѣдникомъ ея древнихъ Самодержцевъ[9]. Досадуя внутренно и на Ростиславичей, самовольно призвавшихъ дядю, Андрей велѣлъ ему немедленно выѣхать изъ Кіева; но Владиміръ, княживъ менѣе трехъ мѣсяцевъ, умеръ, памятный криводушіемъ и всѣми презираемый: ибо не имѣлъ блестящихъ свойствъ, смѣлости и мужества, коими другіе Князья, столь часто ему подобные въ вѣроломствѣ, закрашивали свои преступленія. Тогда Андрей, соединяя честолюбіе съ благороднымъ безкорыстіемъ, и какъ бы желая великодушіемъ устыдить Ростиславичей, объявилъ имъ, что они, давъ слово быть ему послушными какъ второму отцу, имѣютъ право ждать отъ него милости, и что онъ уступаетъ Кіевъ брату ихъ, Роману Смоленскому. Довольный сею особенною благосклонностію Великаго Князя, Романъ поручилъ Смоленскъ сыну Ярополку и въѣхалъ въ столицу Кіевскую при изъявленіяхъ всеобщей радости жителей, любившихъ въ немъ добродѣтели отца его: справедливость и незлобіе. Онъ торжествовалъ

10 Маія. Смерть вѣроломнаго Владиміра.

Кіевъ отданъ Смоленскому Князю. Іюль.

вмѣстѣ и свое восшествіе на престолъ и побѣду, одержанную Игоремъ Святославичемъ Сѣверскимъ (близъ урочища Олтавы и рѣки Ворсклы) надъ Кобякомъ и Кончакомъ, Ханами Половецкими. Юный Игорь самъ вручилъ ему *сайгатъ* или трофеи, въ знакъ уваженія; былъ одаренъ Ростиславичами и весело праздновалъ съ ними въ Вышегородѣ день Святыхъ Бориса и Глѣба[10].

Сайгатъ или трофеи Половецкіе.

Не уважая Кіева, Андрей старался подчинить себѣ Новгородъ, уже не силою, но дружбою и справедливостію. Рюрикъ не долго былъ тамъ Княземъ: выгнавъ Посадника Жирослава (ушедшаго къ Боголюбскому), онъ не могъ жить съ гражданами въ мирѣ, и скоро уѣхалъ къ братьямъ. На его мѣсто Андрей съ удовольствіемъ далъ Новогородцамъ юнаго сына своего, Георгія, и самъ рѣшилъ ихъ важнѣйшія дѣла гражданскія, по коимъ Архіепископъ Іоаннъ ѣздилъ на совѣтъ къ нему въ Владиміръ. Народъ, въ угодность Великому Князю, снова призналъ Жирослава главнымъ своимъ чиновникомъ; а Великій Князь, въ угодность народу, согласился чрезъ годъ на избраніе другаго Посадника.

Сынъ Андреевъ въ Новѣгородѣ.

Въ то время Андрей имѣлъ опять

Война съ Болгарами.

войну съ Болгарами, желая ли отмстить имъ за какія обиды, или обогатиться добычею въ странѣ торговой. Рязанцы и Муромцы соединились съ его сыномъ, Мстиславомъ, на устьѣ Оки и зимою пришли къ берегамъ Камы, но въ маломъ числѣ: ибо люди отбывали отъ зимняго похода, труднаго въ мѣстахъ большею частію ненаселенныхъ, гдѣ лежатъ глубокіе снѣга и часто свирѣпствуютъ мятели. Главный Воевода Андреевъ, Борисъ Жидиславичь, взявъ шесть Болгарскихъ деревень и седьмый городокъ, умертвивъ жителей, плѣнивъ женъ и дѣтей, совѣтовалъ Князьямъ идти назадъ. 6000 Болгаровъ гнались за ними и едва не настигли Мстислава близъ границы, верстахъ въ 20 отъ устья Оки. Сей Князь, возвратясь въ столицу, кончилъ жизнь въ юности. Пользуясь довѣренностію отца въ дѣлахъ ратныхъ, онъ безъ сомнѣнія отличался мужествомъ.

Ссора Андрея съ Ростиславичами.

Горестный Андрей, оплакивая смерть достойнаго сына, не терялъ бодрости въ дѣлахъ государственныхъ, ни властолюбія. Вѣроятно, что Рюрикъ, принужденный отказаться отъ Новагорода, винилъ въ томъ не одну строптивость его жителей, но и хитрость Великаго

Князя, столь охотно взявшаго на себя быть ихъ Главою. Вѣроятно, что и Великій Князь, извѣдавъ гордость Ростиславичей, въ особенности Давида и Мстислава, искалъ случая унизить оную безъ явнаго нарушенія справедливости. По крайней мѣрѣ счастливое согласіе между ими не продолжилось. Вѣря, искренно или притворно, какому-то ложному внушенію, Андрей далъ знать Ростиславичамъ, что Глѣбъ умеръ въ Кіевѣ не естественною смертію, и что тайнымъ убійцею его былъ Вельможа Григорій Хотовичь, коего они, вмѣстѣ съ другими участниками сего злодѣянія, должны прислать къ нему въ Владиміръ для казни[11]. Романъ не сдѣлалъ того изъ жалости къ людямъ невиннымъ, безсовѣстно оклеветаннымъ; а гнѣвный Андрей, велѣвъ Ростиславичамъ выѣхать изъ областей южныхъ, отдалъ Кіевъ храброму Михаилу, княжившему въ Торческѣ. Тихій Романъ не спорилъ и возвратился въ Смоленскъ; но его братья, Рюрикъ, Давидъ, Мстиславъ, жаловались на сію несправедливость, и видя, что Великій Князь презираетъ ихъ жалобы, вступили ночью въ Кіевъ, захватили тамъ Всеволода Георгіевича вмѣстѣ съ племянникомъ Андреевымъ, Яро- Г. 1173.

полкомъ[12]; осадили Михаила въ Торческѣ, и заключили съ нимъ особенный миръ, уступивъ ему Переяславль, а себѣ взявъ столицу Кіевскую, гдѣ Рюрикъ, возведенный братьями на ея престолъ, хотѣлъ господствовать независимо отъ Андрея. Въ сіе время жилъ у Михаила юный Князь Галицкій, Владиміръ Ярославичь, сынъ его сестры, Ольги Георгіевны. Ярославъ, имѣя слабость къ одной злонравной женщинѣ, именемъ Анастасіи, не любилъ супруги, и такъ грубо обходился съ нею, что она рѣшилась бѣжать съ сыномъ въ Польшу. Многіе Бояре Галицкіе, доброхотствуя имъ, дерзнули на явный бунтъ: вооружили народъ, умертвили нѣкоторыхъ любимцевъ Княжескихъ, сожгли Анастасію, заточили ея сына и невольно примирили Ярослава съ супругою. Миръ, вынужденный угрозами и злодѣйствомъ, не могъ быть искреннимъ: усмиривъ или обуздавъ мятежныхъ Бояръ, Ярославъ новыми знаками ненависти къ Княгинѣ Ольгѣ и къ Владиміру заставилъ ихъ вторично уйти изъ Галича. Владиміръ искалъ покровительства Ярослава Изяславича Луцкаго и его племянниковъ, обѣщавъ имъ со временемъ возвратить Волынскіе города, Бужскъ

Происшествія въ Галичѣ.

и другіе; но Князь Галицкій требовалъ, чтобы они выдали ему сего несчастнаго, и грозился опустошить пламенемъ всю область Луцкую[13]. Тогда Владиміръ прибѣгнулъ къ своему дядѣ Михаилу; а Михаилъ, не пустивъ его ни къ Святославу Черниговскому (тестю Владимірову), ни къ Андрею, велѣлъ ему, въ угодность Ростиславичамъ, друзьямъ Князя Галицкаго, возвратиться къ отцу, готовому простить сына. За то Рюрикъ освободилъ Всеволода Георгіевича, удержавъ одного Ярополка плѣнникомъ въ Кіевѣ: ибо Ростиславичи, предвидя неминуемую войну съ Андреемъ, хотѣли имѣть важнаго аманата въ рукахъ своихъ. Братъ Ярополковъ, высланный ими изъ Триполя, долженъ былъ уѣхать въ Черниговъ[14].

Святославъ Черниговскій и всѣ Олеговы внуки радовались междоусобію Мономахова потомства. »Не уже ли не вступишься за честь свою!« говорили ихъ Послы Великому Князю: »враги твои суть »наши; мы всѣ готовы къ войнѣ.« Андрей, еще болѣе подвигнутый ими на злобу, отправилъ Княжескаго Мечника, именемъ Михна, сказать Ростиславичамъ: »Вы мятежники. Область Кіевская есть мое »достояніе. Да удалится Рюрикъ въ Смо-

Свойство Мстислава Храбраго.

»ленскъ къ брату, а Давидъ въ Берладъ: »не хочу терпѣть его въ землѣ Русской, »ни Мстислава, главнаго виновника злу.« Сей послѣдній, какъ пишутъ современники, навыкъ отъ юности не бояться никого, кромѣ Бога единаго [15]. Въ пылкой досадѣ онъ велѣлъ остричь голову и бороду Послу Андрееву. »Теперь иди къ своему Князю,« сказалъ Мстиславъ: »повтори ему слова мои: доселѣ мы уважали »тебя какъ отца; но когда ты не устыдился говорить съ нами какъ съ твоими *подручниками* и людьми простыми, »забывъ нашъ Княжескій санъ, то не »страшимся угрозъ; исполни оныя: идемъ »на судъ Божій.« Свѣдавъ безчестіе своего Посла и сей гордый отвѣтъ, Андрей, по выраженію Лѣтописца, омрачился гнѣвомъ, и собравъ 50,000 воиновъ Суздальскихъ, Бѣлозерскихъ, Новогородскихъ, Муромскихъ, Рязанскихъ, вручилъ предводительство юному Георгію Новогородскому, тогда уже единственному его сыну, и Вельможѣ Борису Жидиславичу. Онъ велѣлъ имъ изгнать Рюрика съ Давидомъ, а дерзкаго Мстислава привести въ Владиміръ. Рать, столь многочисленная, была еще усилена дружинами всѣхъ иныхъ Князей, подчиненныхъ Андрею: Крив-

скихъ или Полоцкихъ, Туровскаго, Городненскаго, Пинскаго, даже и Смоленскаго: ибо Романъ не смѣлъ ослушаться Великаго Князя, сколь ни любилъ братьевъ. Всѣ полки соединились въ Черниговской области, и старшій изъ Князей, Святославъ, внукъ Олеговъ, принялъ главное начальство. Михаилъ и Всеволодъ Георгіевичи, вмѣстѣ съ тремя племянниками, встрѣтили ихъ на берегу Днѣпра. Они вступили въ Кіевъ безъ сопротивленія: ибо Рюрикъ удалился оттуда въ Бѣлгородъ, а Мстиславъ съ Давидовымъ полкомъ заключился въ Вышегородѣ; самъ же Давидъ уѣхалъ въ Галичь требовать вспоможенія отъ Ярослава Владимірковича. Взявъ съ собою еще множество Кіевлянъ, Берендѣевъ, Торковъ, Святославъ Черниговскій и болѣе двадцати Князей осадили Вышегородъ. Шумный, необозримый станъ ихъ былъ предметомъ удивленія для жителей Днѣпровскихъ. Ничтожная крѣпость, обороняемая горстію людей, казалась цѣлію недостойною такого великаго ополченія, которое могло бы разрушить или завоевать сильную Державу; но въ сей ничтожной крѣпости бодрствовалъ Герой, а въ станѣ осаждающихъ не доставало ни усердія, ни со-

Осада Вышегорода.

гласія. Одни Князья не любили самовластія Андреева, другіе коварства Святославова; нѣкоторые тайно доброжелательствовали Ростиславичамъ. Стояли девять недѣль, отъ 8 Сентября до самой глубокой осени; бились ежедневно, съ обѣихъ сторонъ теряя не мало людей. Вдругъ показались вдали знамена: Мстиславъ ожидалъ Галичанъ; но пришелъ Ярославъ Изяславичь Луцкій, также союзникъ Андреевъ. Сей Князь рѣшилъ судьбу осады. Думая только о собственной пользѣ, онъ хотѣлъ столицы Кіевской; узнавъ же, что Ольговичи намѣрены присвоить оную себѣ, вступилъ въ тайные переговоры съ Рюрикомъ и Мстиславомъ, которые охотно согласились на всѣ его требованія. Когда же Ярославъ явно взялъ ихъ сторону и съ полками своими двинулся къ Бѣлугороду, чтобы соединиться съ Рюрикомъ, станъ осаждающихъ представилъ зрѣлище удивительной тревоги и наконецъ всеобщаго бѣгства. Не слушая ни Воеводъ, ни Князей, малодушные вопили: »мы гибнемъ! Ярославъ измѣ»нилъ, Берендѣи измѣнятъ, Галичане и»дутъ; будемъ окружены, побиты на »голову!« и ночью бросались толпами въ рѣку. Герой Мстиславъ стоялъ на стѣ-

нѣ: при свѣтѣ утренней зари видя сіе непонятное бѣгство войска многочисленнаго, какъ бы сверхъестественною силою гонимаго, низвергаемаго во глубину Днѣпра, онъ едва вѣрилъ глазамъ — поднялъ руки къ небу; восхвалилъ святыхъ заступниковъ Вышегорода, Бориса и Глѣба; сѣлъ на коня и спѣшилъ довершить ударъ; топилъ, плѣнялъ людей; взялъ станъ непріятельскій, обозы—и съ того времени считался храбрѣйшимъ изъ Князей Россійскихъ. Лѣтописцы, осуждая надменность Андрея и союзъ его съ Ольговичами, ненавистниками Мономаховой крови, превозносятъ хвалами Мстислава, ознаменованнаго чудеснымъ покровительствомъ Неба въ ратоборствѣ съ сильными.

Ярославъ Луцкій въѣхалъ въ Кіевъ, а сынъ Андреевъ возвратился въ Суздальскій Владиміръ съ неописаннымъ стыдомъ, безъ сомнѣнія весьма чувствительнымъ для отца; но умѣя повелѣвать движеніями своей души, Андрей не изъявилъ ни горести, ни досады, и снесъ уничиженіе съ кротостію Христіанина, приписывая оное, можетъ быть — равно какъ и бѣдственную осаду Новагорода — гнѣву Божію на Суздальцевъ за опустошеніе святыхъ церквей Кіевскихъ въ 1169 году.

Сія мысль смирила, кажется, его гордость. Онъ не хотѣлъ упорствовать въ злобѣ на Ростиславичей, не думалъ мстить Ярославу за измѣну и не мѣшалъ ему спокойно властвовать въ Кіевѣ, къ прискорбію Святослава Черниговскаго, коего искусство государственное состояло въ томъ, чтобы ссорить Мономаховыхъ потомковъ. Сей Князь, не имѣя надежды вооружить Андрея, началъ требовать Удѣла отъ Ярослава, говоря: »Ты обѣ»щалъ подъ Вышегородомъ дать мнѣ »область, когда сядешь на престолѣ »Святаго Владиміра; нынѣ, сидя наономъ »— право ли, *криво* ли, не знаю, — испол»ни обѣщаніе. У насъ одни предки: я не »Ляхъ, не Угринъ.« Ярославъ сухо отвѣтствовалъ, что онъ господствуетъ въ Кіевѣ не по милости Ольговичей, и что родъ ихъ долженъ искать Удѣловъ только на лѣвомъ берегу Днѣпра. Князь Черниговскій замолчалъ; но въ тишинѣ собралъ войско, внезапно изгналъ Ярослава, плѣнилъ его жену, сына, Бояръ, и ограбивъ дворецъ, ушелъ назадъ. Кіевляне оставались равнодушными зрителями сего разбоя, въ ожиданіи, кто захочетъ быть ихъ Княземъ. Ярославъ возвратился; и думая, что они сами тайно призвали Свя-

Г. 1174. Коварство Черниговскаго Князя

тослава, обложилъ данiю всѣхъ гражданъ, даже Поповъ, Монаховъ, иноземныхъ купцевъ Католиковъ[16]. »Мнѣ надобно серебро, »чтобы выкупить жену и сына,« говорилъ озлобленный Князь, и наказавъ Кiевлянъ, виновныхъ единственно своею къ нему холодностiю, заключилъ миръ съ Святославомъ, который жегъ тогда область брата, Олега Сѣверскаго.

Сей миръ казался Ростиславичамъ малодушiемъ, а тягостная дань, возложенная на Кiевъ, несправедливостiю. Огорченные Андреемъ, но внутренно уважая въ немъ старѣйшаго изъ Князей, достойнаго быть ихъ Главою, они изъявили ему желанiе забыть прошедшее и взаимнымъ искреннимъ согласiемъ успокоить южную Россiю: для того хотѣли, чтобы Великiй Князь, какъ ея законный покровитель, снова уступилъ Кiевъ Роману Смоленскому, и брали на себя выслать оттуда Ярослава, не любимаго народомъ и неспособнаго блюсти древнюю столицу Государства. Андрей, довольный ихъ уваженiемъ, обѣщалъ посовѣтоваться съ братьями, Михаиломъ, Всеволодомъ; писалъ къ нимъ въ Торческъ, и не дождался отвѣта, кончивъ жизнь отъ руки своихъ любимцевъ.

Убіеніе Андрея. Великій Князь, женатый — по извѣстію новѣйшихъ Лѣтописцевъ[17] — на дочери убіеннаго Боярина Кучка, осыпалъ милостями ея братьевъ. Одинъ изъ нихъ приличился въ какомъ-то злодѣйствѣ, и заслужилъ казнь. Другой, именемъ Іоакимъ, возненавидѣлъ Государя и благотворителя за сіе похвальное дѣйствіе правосудія; внушалъ друзьямъ своимъ, что имъ будетъ со временемъ такая же участь; что надобно умереть или умертвить Князя, ожесточеннаго старостію; что безопасность есть законъ каждаго, а мщеніе должность[18]. Двадцать человѣкъ вступили въ заговоръ. Никто изъ нихъ не былъ лично оскорбленъ Княземъ; многіе пользовались его довѣренностію: зять Іоакимовъ, Вельможа Петръ (у коего въ домѣ собирались заговорщики), Ключникъ Ан-
29. Іюня. балъ Ясинъ, чиновникъ Ефремъ Моизовичь. Въ глубокую полночь они пришли ко дворцу въ Боголюбовѣ (нынѣ селѣ въ 11 верстахъ отъ Владиміра), ободрили себя виномъ и крѣпкимъ медомъ въ Княжескомъ погребѣ, зарѣзали стражей, вломились въ сѣни, въ горницы, и кликали Андрея. Съ нимъ находился одинъ изъ его Отроковъ. Услышавъ голосъ Великаго Князя, злодѣи отбили дверь *ложницы*

или спальни. Андрей напрасно искалъ меча своего, тайно унесеннаго Ключникомъ Анбаломъ: сей мечь принадлежалъ нѣкогда Святому Борису[19]. Два человѣка бросились на Государя: сильнымъ ударомъ онъ сшибъ перваго съ ногъ, и товарищи въ темнотѣ умертвили его вмѣсто Князя. Андрей долго боролся; уязвляемый мечами и саблями, говорилъ извергамъ: »за»что проливаете кровь мою? рука Все»вышняго казнитъ убiйцъ и неблагодар»ныхъ!« наконецъ упалъ на землю. Въ страхѣ, въ замѣшательствѣ, они схватили тѣло своего товарища и спѣшили удалиться. Андрей въ безпамятствѣ вскочилъ, бѣжалъ за ними, громко стеная. Убiйцы возвратились; зажгли свѣчу, и слѣдомъ крови Андреевой дошли въ сѣняхъ до столпа лѣсницы, за коимъ сидѣлъ несчастный Князь. Петръ отрубилъ ему правую руку; другiе вонзили мечи въ сердце: Андрей успѣлъ сказать: »Господи! въ руцѣ Твои предаю духъ мой!« и скончался.

Умертвивъ еще перваго любимца Княжескаго, Прокопiя, заговорщики овладѣли казною государственною, золотомъ, драгоцѣнными каменьями; вооружили многихъ Дворянъ[20], прiятелей, слугъ, и по-

слали объявить Владимірской дружинѣ или тамошнимъ Боярамъ о смерти Великаго Князя, называя ихъ своими единомышленниками. »Нѣтъ,« отвѣтствовали Владимірцы: »мы не были и не будемъ »участниками вашего дѣла.« Но граждане Боголюбскіе взяли сторону убійцъ; расхитили дворецъ, серебро, богатыя одежды, ткани. — Тѣло Андреево лежало въ огородѣ: Кіевлянинъ, именемъ Козма, усердный слуга несчастнаго Государя, стоялъ надъ онымъ и плакалъ. Видя Ключника Анбала, онъ требовалъ ковра, чтобы прикрыть обнаженный трупъ. Анбалъ отвѣчалъ: »мы готовимъ его на »снѣдсніе псамъ.« *Извергъ!* сказалъ сей добродушный слуга: *Государь взялъ тебя въ рубищѣ, а нынѣ ты ходишь въ бархатѣ, оставляя мертваго благодѣтеля безъ покрова.* Ключникъ бросилъ ему коверъ и мантію. Козма отнесъ тѣло въ церковь, гдѣ крилошане долго не хотѣли отперетъ дверей: на третій день отпѣли его и вложили въ каменный гробъ. Чрезъ шесть дней Владимірскій Игуменъ Ѳеодулъ привезъ оное въ Владимірь и погребъ въ Златоверхомъ храмѣ Богоматери.

Неустройство, смятеніе господствовали въ областяхъ Суздальскихъ. Народъ, какъ

бы обрадованный убіеніемъ Государя, везде грабилъ домы Посадниковъ и Тіуновъ, Опроковъ и Мечниковъ Княжескихъ; умертвилъ множество чиновниковъ, предавался всякаго рода неистовству, такъ, что Духовенство, желая возстановить тишину, прибѣгнуло наконецъ къ священнымъ обрядамъ: Игумены, Іереи, облаченные въ ризы, ходили съ образами по улицамъ, моля Всевышняго, чтобы Онъ укротилъ мятежъ. Владимірцы оплакивали Андрея, но не думали о наказаніи злодѣйства, и гнусные убійцы торжествовали.

Мятежъ въ землѣ Суздальской.

Однимъ словомъ, казалось, что Государство освободилось отъ тирана: Андрей же, нѣкогда вообще любимый, по сказанію Лѣтописцевъ, былъ не только набоженъ, но и благотворителенъ; щедръ не только для Духовныхъ, но и для бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ: слуги его обыкновенно развозили по улицамъ и темницамъ медъ и брашна стола Княжескаго. Но въ самыхъ упрекахъ, дѣлаемыхъ Лѣтописцами народу легкомысленному, неблагодарному, мы находимъ объясненіе на сію странность: *вы не разсудили* (говорятъ они современникамъ), *что Царь, самый добрый и мудрый, не въ силахъ искоренить зла человѣческаго; что гдѣ законъ,*

Ненависть къ Андрею.

тамъ и многія обиды. Слѣдственно общее неудовольствіе происходило отъ худаго исполненія законовъ или отъ несправедливости судей: столь нужно вѣдать Государю, что онъ не можетъ быть любимъ безъ строгаго, бдительнаго правосудія; что народъ за хищность судей и чиновниковъ ненавидитъ Царя, самаго добродушнаго и милосердаго! Убійцы Андреевы знали сію ненависть, и дерзнули на злодѣяніе

Впрочемъ Боголюбскій, мужественный, трезвый и прозванный за его умъ *вторымъ Соломономъ*, былъ конечно однимъ изъ мудрѣйшихъ Князей Россійскихъ въ разсужденіи Политики, или той науки, которая утверждаетъ могущество государственное. Онъ явно стремился къ спасительному Единовластію, и могъ бы скорѣе достигнуть своей цѣли, если бы жилъ въ Кіевѣ, унялъ Донскихъ хищниковъ, и водворилъ спокойствіе въ мѣстахъ облагодѣтельствованныхъ Природою, издавна обогащаемыхъ торговлею и способнѣйшихъ къ гражданскому образованію. Господствуя на берегахъ Днѣпра, Андрей тѣмъ удобнѣе подчинилъ бы себѣ знаменитые сосѣдственные Удѣлы: Черниговъ, Волынію, Галичъ; но ослѣпленный пристра-

Свойства его.

стіемъ къ сѣверо-восточному краю, онъ хотѣлъ лучше основать тамъ *новое* сильное Государство, нежели возстановить могущество *древняго* на Югѣ[21].

Лѣтописцы всего болѣе хвалятъ Андрея за обращеніе многихъ Болгаровъ и Евреевъ въ Христіанскую Вѣру, за его усердіе къ церквамъ и монастырямъ, за уваженіе и любовь къ сану Духовныхъ. Подражая Святому Князю, крестившему Россію, онъ надѣлилъ въ Владимірѣ новую *Епископскую* Соборную церковь Богоматери (имъ въ 1158 году заложенную) помѣстьями и купленными слободами[22]; отдалъ ей также десятую часть изъ торговыхъ доходовъ своихъ и Княжескихъ стадъ; призвалъ художниковъ изъ разныхъ земель, чтобы украсить оную великолѣпно; и драгоцѣнные сосуды ея, златыя двери, паникадила, серебряный амвонъ, живопись, богатые оклады иконъ, осыпанныхъ жемчугомъ, были тогда предметомъ удивленія для Россіянъ и купцевъ иностранныхъ. Въ семъ новомъ Десятинномъ храмѣ стоялъ Палладіумъ Великаго Княженія Суздальскаго: образъ Богоматери, съ коимъ Андрей прибылъ изъ Вышегорода на берега Клязьмы и побѣдилъ въ 1164 году Болгаровъ. Не менѣе

славилась великолѣпіемъ церковь Боголюбская, украшенная золотомъ и финифтью. Такую же хотѣлъ Андрей соорудить и въ Кіевѣ, на *Дворѣ Ярослава* — въ память, какъ говорилъ онъ, древнему отечеству его предковъ; уже отправилъ туда зодчихъ, строившихъ Владимірскія Златыя врата, но не успѣлъ исполнить своего набожнаго обѣта. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано, что сей Великій Князь думалъ учредить Митрополію въ Владимірѣ, но что Патріархъ Цареградскій отказалъ ему въ томъ, желая оставить Кіевскаго Митрополита единственнымъ въ Россіи.

Со временъ Владиміра Святаго до Георгія Долгорукаго миръ и тишина царствовали въ нѣдрахъ Россійской благословенной Церкви. При Изяславѣ II сей миръ былъ нарушенъ несогласіемъ Епископовъ о посвященіи Митрополита Климента: при Великомъ же Князѣ Боголюбскомъ открылась первая ересь въ нашемъ отечествѣ, важная по мнѣнію тогдашнихъ Христіанъ. Ростовскій Епископъ Леонъ, изгнанный народомъ за его корыстолюбіе и грабежъ, утверждалъ, что ни въ какіе Господскіе праздники, буде они случатся въ Среду или Пятницу, не

Первая ересь.

должно есть мяса[23]. Новый Епископъ Суздальскій, Θеодоръ, въ присутствіи Великаго Князя опровергалъ Леона, который рѣшился искать суда въ Греціи. Послы Кіевскій, Андреевъ, Переяславскій и Черниговскій отправились въ слѣдъ за нимъ, и въ ставкѣ Императора Мануила, бывшаго тогда на Дунаѣ, съ великимъ благоговѣніемъ слушали, какъ Святитель Болгарскій, Адріанъ, уличалъ Леона въ заблужденіи. Императоръ думалъ согласно съ Адріаномъ; но Леонъ противорѣчилъ, и столь дерзко, что Вельможи Греческіе схватили нескромнаго еретика и хотѣли утопить въ рѣкѣ. Митрополитъ Россійскій и Черниговскій Епископъ Антоній держались мнѣнія Леонова: за что Князь Святославъ Всеволодовичь изгналъ Антонія изъ Чернигова. Сіе странное прѣніе нѣсколько лѣтъ волновало умы и совѣсть людей простодушныхъ.

Гораздо удивительнѣе и важнѣе то, что Лѣтописцы разсказываютъ намъ о другомъ Ростовскомъ Епископѣ. Великій Князь, признавъ Монаха Θеодора достойнымъ Святительскаго сана, посылалъ его ставиться въ Кіевъ[24]; но Θеодоръ, уже принявъ на себя званіе Епископа, не хотѣлъ ѣхать къ Митрополиту. Сего мало: бу-

Злодѣй Епископъ.

дучи корыстолюбивъ и злобенъ, онъ мучилъ людей въ подвластныхъ Епископу селахъ, Иноковъ, Игуменовъ, Священниковъ; брилъ имъ головы и бороды; даже распиналъ нѣкоторыхъ, выжигалъ глаза, рѣзалъ языки, единственно для того, чтобы присвоить себѣ ихъ достояніе. Князь терпѣлъ изверга, довольствуясь, можетъ быть, однѣми угрозами. Еще болѣе тѣмъ озлобленный, лжепастырь вздумалъ наконецъ запереть всѣ церкви въ Владимірѣ, и взялъ отъ нихъ ключи. Народъ взволновался. Великій Князь, низвергнувъ Ѳеодора, предалъ его на судъ Митрополиту, который велѣлъ отрѣзать ему языкъ, отсѣчь правую руку и выколоть глаза: »ибо сей еретикъ« (прибавляютъ Лѣтописцы) »злословилъ Богоматерь!« Такія происшествія могутъ быть изъяснены однимъ тогдашнимъ невѣжествомъ и грубостію нравовъ.

Населеніе Вятки.

Къ послѣднему году княженія Андреева относится любопытное извѣстіе *Хлыновскаго Лѣтописца* о первомъ населеніи Вятки Россіянами[25]. Въ 1174 году нѣкоторые жители области Новогородской, отчасти наскучивъ внутренними раздорами, отчасти тѣснимые возрастающимъ многолюдствомъ въ ихъ предѣ-

лахъ, рѣшились выѣхать изъ отечества, и Волгою доплывъ до Камы, завели селеніе на берегу ея. Зная, что далѣе къ Сѣверу обитаютъ народы дикіе въ странѣ лѣсной, изобильной дарами Природы, многіе изъ сихъ выходцевъ отправились вверхъ до устья Осы; обратились къ Западу; дошли до Чепцы, и плывя сею внизъ, покорили бѣдныя жилища Вотяковъ; наконецъ вошли въ рѣку Вятку, и на правомъ берегу ея, на горѣ высокой, увидѣли красивый городокъ, окруженный глубокимъ рвомъ и валомъ. Мѣсто полюбилось Россіянамъ: они захотѣли овладѣть имъ и навсегда тамъ остаться; нѣсколько дней говѣли, молились, и призвавъ въ помощь Святыхъ защитниковъ своего отечества, Бориса и Глѣба, на память ихъ, Іюля 24, взяли городъ [26] Жители скрылись въ лѣсахъ. Сіе укрѣпленное селеніе называлось *Болванскимъ* (вѣроятно, отъ капища, тамъ бывшаго): завоеватели дали ему имя Никулицына и построили въ немъ церковь Бориса и Глѣба. Между тѣмъ оставленные на Камѣ товарищи — можетъ быть, опасаясь сосѣдственныхъ Болгаровъ — рѣшились также искать другаго жилища; пришли на судахъ къ устью Вятки, плыли сею рѣ-

кою вверхъ до *Черемисскаго* города *Кокшарова* (нынѣ Котельнича), и завладѣли онымъ. Утвердясь въ странѣ Вятской, Россіяне основали новый городъ близъ устья рѣчки Хлыновицы, назвали его *Хлыновымъ*, и съ удовольствіемъ принявъ къ себѣ многихъ Двинскихъ жителей, составили маленькую Республику, особенную, независимую въ теченіе двухъ сотъ семидесяти-осми лѣтъ, наблюдая обычаи Новогородскіе, повинуясь сановникамъ избираемымъ и Духовенству. Первобытные обитатели земли Вятской, Чудь, Вотяки, Черемисы, хотя набѣгами безпокоили ихъ, но были всегда отражаемы съ великимъ урономъ, и память сихъ битвъ долго хранилась тамъ въ торжественныхъ церковныхъ обрядахъ: два раза въ годъ изъ села Волкова съ образомъ Св. Георгія носили въ Вятку *желѣзныя стрѣлы*, кои были оружіемъ Чуди или Вотяковъ, и напоминали побѣду Россіянъ[27]. Новогородцы также отъ времени до времени старались дѣлать зло Хлыновскимъ поселенцамъ, именовали ихъ своими бѣглецами, рабами и не могли простить имъ того, что они хотѣли жить независимо.

ГЛАВА II.

Великій Князь Михаилъ II.

Г. 1174 — 1176.

Вѣче въ Владимірѣ. Добродушіе Михаила. Гордость Ростовцевъ. Корыстолюбіе Бояръ. Торжество Михаила. Кончина и свойства сего Князя. Междоусобіе въ южной Россіи.

Скоро по кончинѣ Великаго Князя съѣхались Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы и всѣ люди воинскіе въ городъ Владиміръ на Вѣче, слѣдуя примѣру Новогородцевъ, Кіевлянъ и другихъ Россійскихъ знаменитыхъ гражданъ, которые, по словамъ Лѣтописцевъ, издревле обыкли рѣшить дѣла государственныя въ собраніяхъ народныхъ, и давали законы жителямъ городовъ уѣздныхъ [28]. »Всѣмъ извѣ»стно, какимъ образомъ мы лишились »Князя,« говорили Бояре на Вѣчѣ: »онъ не »оставилъ дѣтей кромѣ сына, княжащаго »въ Новѣгородѣ. Братья Андреевы въ юж»ной Россіи. Кого же изберемъ въ Госу»дари? Кто защититъ насъ отъ сосѣд»ственныхъ Князей, Рязанскаго и Муром»скаго, да не будемъ жертвою ихъ ковар-

Г. 1174. Вѣче въ Владимірѣ.

»ства или силы? Обратимся къ зятю »Ростислава Георгіевича, Глѣбу Рязанско»му; скажемъ ему: *Богъ взялъ нашего Кня»зя: зовемъ шурьевъ твоихъ на престолъ »Андреевъ; отецъ ихъ жилъ съ нами и »пользовался любовію народною.*« Сія мысль была внушена Боярамъ Послами Рязанскими[29]: граждане одобрили оную; утвердили выборъ крестнымъ цѣлованіемъ, и согласясь съ Глѣбомъ, отправили посольство въ Черниговъ, гдѣ находились тогда Ярополкъ и Мстиславъ Ростиславичи[30]. племянники Андреевы. Обрадованные честію такого избранія, но желая быть великодушными, сіи два Князя предложили дядямъ своимъ, Михаилу и Всеволоду Георгіевичамъ, господствовать вмѣстѣ съ ними; признали Михаила старшимъ, увѣрили другъ друга клятвою въ искренности союза и цѣловали крестъ изъ рукъ Епископа Черниговскаго. Обрядъ безполезный! Ярополкъ, по совѣту Ростовцевъ, недовольныхъ прибытіемъ Михаила, оставивъ его въ Москвѣ, тайно уѣхалъ въ Переяславль Залѣсскій, собралъ Бояръ, воиновъ, и взялъ съ нихъ клятву вѣрности. Ростовцы призвали туда и 1150 Владимірцевъ; но сограждане сихъ послѣднихъ, которые оставались дома,

отворили ворота Михаилу и съ радостію назвали его Княземъ своимъ, помня, что Георгій Долгорукій хотѣлъ отдать Суздальское Княженіе ему и Всеволоду. Началось междоусобіе. Ярополкъ осадилъ Владиміръ; союзники его, Муромцы, Рязанцы, жгли села въ окрестностяхъ. Семь недѣль граждане крѣпко стояли за Михаила и мужественно оборонялись; наконецъ, изнуренные голодомъ, объявили Князю, чтобы онъ далъ имъ миръ или самъ удалился. Храбрый, добродушный Михаилъ не думалъ укорять ихъ. »Вы »правы,« сказалъ онъ: »могу ли желать »вашей погибели?« и немедленно выѣхалъ. Граждане, проводивъ сего достойнаго Князя съ искренними слезами, вступили въ переговоры съ Ярополкомъ и Мстиславомъ; увѣряли ихъ въ своей покорности, но боялись злобы Ростовцевъ, которые, завидуя новой знаменитости Владиміра, желали его унизить. Города считались тогда между собою въ лѣтахъ, какъ роды дворянскіе въ поколѣніяхъ: Ростовцы славились древностію; именовали Владиміръ *пригородомъ*, его жителей своими *каменьщиками*, слугами, недостойными имѣть Князя, и хотѣли дать имъ Посадника. Владимірцы напро-

Добродушіе Михаила.

Гордость Ростовцевъ.

тивъ того утверждали, что ихъ городъ, основанный Владиміромъ Великимъ, имѣетъ право на знаменитость. Обнадеженные Ярополкомъ и братомъ его въ справедливой защитѣ, они встрѣтили ихъ со крестами и ввели торжественно въ храмъ Богоматери, гдѣ Ярополкъ былъ объявленъ Княземъ Владимірскимъ, а Мстиславъ Ростовскимъ и Суздальскимъ. Народъ успокоился, однакожь не надолго.

Мстиславъ и Ярополкъ, неопытные въ дѣлѣ государственнаго правленія, скоро утратили любовь народную. Отроки, пришедшіе съ ними изъ южной Россіи, сдѣлались Посадниками; отягощали гражданъ судебными налогами; думали о корысти гораздо болѣе, нежели о расправѣ. Князья зависѣли отъ Бояръ и во всемъ исполняли ихъ волю; а Бояре, наживаясь сами, совѣтовали и Князьямъ обогащаться. Ярополкъ отнялъ у Соборной церкви волости и доходы, данные ей Андреемъ; въ самый первый день княженія своего взявъ ключи отъ сего богатаго храма, присвоилъ себѣ казну онаго, серебро, золото, и дерзнулъ наконецъ самую побѣдоносную Вышегородскую икону Маріи отдать зятю, Глѣбу Рязанскому. Общее негодованіе обнаружилось. »Мы не

Корыстолюбіе Бояръ.

»рабы« (говорили Владимірцы) »и приняли »Князей добровольно; они же грабятъ »насъ какъ иноплеменныхъ, опустошая »не только домы, но и святые храмы. И »такъ *промышляйте*, братья!« Слово важное: оно значило, что надобно Князей унять или сбыть съ рукъ. Видя же, что всѣ Бояре держатъ сторону слабыхъ Государей — видя, что Ростовцы и Суздальцы нечувствительны къ народнымъ г. 1175.
обидамъ или терпѣливы до излишества — граждане Владимірскіе тайно призвали Михаила изъ Чернигова. »Ты внукъ Мо»номаховъ и старшій изъ Князей его ро»да,« говорили ему Послы: »иди на пре»столъ Боголюбскаго; а ежели Ростовъ и »Суздаль не захотятъ тебя, мы на все »готовы, и съ Божіею помощію никому »не уступимъ.« Михаилъ съ братомъ Всеволодомъ и сыномъ Князя Черниговскаго[31] былъ уже въ Москвѣ, гдѣ ожидали ихъ усердные Владимірцы и сынъ Андрея Боголюбскаго (скоро по смерти отца принужденный выѣхать изъ Новагорода): тогда Ярополкъ свѣдалъ о грозящей ему опасности; хотѣлъ встрѣтить Георгіевичей, но разошелся съ ними въ дремучихъ лѣсахъ, и написалъ къ брату Мстиславу Суздальскому: »Михалко боленъ; его

»несутъ на носилкахъ: спѣши отразить »малочисленныхъ непріятелей отъ Владиміра; я плѣню ихъ задній отрядъ.« Михаилъ, будучи дѣйствительно весьма нездоровъ, приближался къ Владиміру, когда полкъ Суздальскій, выступивъ изъ-за горы въ блестящихъ латахъ и распустивъ знамя, съ воплемъ устремился на его дружину. Устроенная Михаиломъ, она изготовилась къ сраженію; стрѣлки съ обѣихъ сторонъ начали битву; но Суздальцы — изумленные стройнымъ ополченіемъ непріятелей — вдругъ обратили тылъ, бросивъ хоругвь Княжескую. Лѣтописцы говорятъ, что ни тѣ, ни другіе воины не отличались никакимъ особеннымъ знакомъ, и что сіе обстоятельство спасло многихъ Суздальцевъ: ибо побѣдители не могли распознавать своихъ и непріятелей. Михаилъ съ торжествомъ въѣхалъ въ городъ Владиміръ: предъ нимъ вели плѣнниковъ. Духовенство и всѣ жители встрѣтили его съ живѣйшею радостію. Ярополкъ ушелъ къ зятю своему въ Рязань, а Мстиславъ въ Новгородъ (гдѣ княжилъ юный сынъ его, Святославъ, послѣ Георгія Андреевича); но мать и жены ихъ остались плѣнницами въ Владимірѣ[32].

Іюня 15. Торжество Михаила.

Скоро Послы отъ Суздаля и Ростова явились во дворцѣ Михаиловомъ и сказали именемъ всѣхъ гражданъ: »Государь! мы »твои душею и сердцемъ. Одни Бояре, »преданные Мстиславу, были тебѣ врага-»ми. Повелѣвай нами какъ отецъ добродуш-»ный!« Такимъ образомъ Михаилъ наслѣдовалъ Великое Княженіе Андреево; объѣхалъ разныя области; вездѣ учредилъ порядокъ; вездѣ пекся о народномъ спокойствіи. Осыпанный дарами Суздальцевъ и Ростовцевъ, награжденный за свой трудъ благословеніями довольныхъ гражданъ, онъ возвратился въ Владимiръ, оставивъ Всеволода княжить въ Переславлѣ Залѣсскомъ.

Народъ требовалъ мести: Глѣбъ Рязанскій пользовался слабостію шурьевъ, обиралъ ихъ, обогатился драгоцѣнностями и святынею храмовъ Владимiрскихъ. Михаилъ шелъ наказать его: но Глѣбъ, не дерзая оправдываться, требовалъ милосердія; прислалъ Вышегородскую икону Богоматери, всѣ драгоцѣнности, даже книги, имъ похищенныя, и тѣмъ обезоружилъ Великаго Князя. Народъ, съ восхищеніемъ встрѣтивъ образъ Маріи, снова поставилъ его въ соборной церкви Владимiрской: Михаилъ возвратилъ ей помѣстья, оброки и десятину.

Торжество Владимірцевъ было совершенно: городъ ихъ сдѣлался опять стольчнымъ, и Князь, ими призванный, заслуживая любовь общую, казался любимцемъ Неба, ибо счастіе ему благопріятствовало. Они хвалились своимъ выборомъ, и говорили, что Богъ, унизивъ гордость *древняго* Ростова, прославилъ *новый* Владиміръ, ознаменовавъ его жителей мудростію въ совѣтѣ и мужествомъ въ дѣлѣ; что они, вопреки Боярамъ, даже вопреки народу Суздальскому и Ростовскому, единственно въ надеждѣ на свою правду, дерзнули изгнать злыхъ Князей и выбрать Михаила, благотворителя земли Русской[33]. Къ несчастію, сей Государь властвовалъ только одинъ годъ, и скончался, оставивъ въ лѣтописяхъ память своей храбрости и добродѣтели. Живъ въ вѣкѣ суровомъ, мятежномъ, онъ не запятналъ себя ни жестокостію, ни вѣроломствомъ, и любилъ спокойствіе народа болѣе власти. Новѣйшіе Лѣтописцы увѣряютъ, что Михаилъ казнилъ многихъ убійцъ Андреевыхъ[34]; но современные не говорятъ о томъ. Нѣкогда изгнанный Боголюбскимъ, онъ могъ еще питать въ сердцѣ своемъ непріятное воспоминаніе сей обиды; и тѣмъ

Г. 1176, Іюня 20. Кончина и свойства Михаила.

болѣе достоинъ хвалы, ежели дѣйстви-тельно наказалъ злодѣевъ.

Михаилъ, занимаясь единственно бла-гомъ Суздальскаго или Владимірскаго Княженія, не хотѣлъ или не имѣлъ вре-мени думать о Россіи южной, гдѣ го-сподствовало междоусобіе. Олегъ Сѣвер-скій, зять и союзникъ Ростиславичей, вмѣстѣ съ ними воевалъ область Черни-говскую, осаждалъ Стародубъ, и самъ осажденный Святославомъ въ Новѣгородѣ Сѣверскомъ, долженъ былъ молить о мирѣ. Кіевъ болѣе и болѣе унижался. Видя не-чаянное прибытіе Романа Смоленскаго, и догадываясь, что братья намѣрены воз-вести его на Кіевскій престолъ, слабый Ярославъ Изяславичь не захотѣлъ подвер-гнуть себя стыду изгнанія и доброволь-но уѣхалъ въ Луцкъ. Романъ также не могъ утвердиться на семъ престолѣ, отъ зависти и козней Святослава. Имѣя тай-ныя сношенія съ Кіевлянами и съ Чер-ными Клобуками, волнуя умы лестію, злословіемъ, и скоро обрадованный не-счастною битвою сыновей Романовыхъ съ Половцами, въ коей легло на мѣстѣ множество лучшихъ воиновъ, Святославъ началъ торжественно жаловаться на Да-вида. »Я ничего не требую кромѣ спра-

Междоусобіе въ южной Россіи.

»ведливости,« говорилъ онъ Роману: »Братъ »твой, помогая Олегу, жегъ города мои. »Согласно съ древнимъ уставомъ Бояринъ »въ винѣ отвѣтствуетъ головою, а Князь »Удѣломъ. Изгони же безпокойнаго Давида »изъ областей Днѣпровскихъ.« Не получивъ удовлетворенія, Святославъ прибѣгнулъ къ оружію и къ измѣнникамъ. Зять его, сынъ Владиміра Мстиславича, внука Мономахова, именемъ Мстиславъ, жилъ въ Триполѣ съ Ярополкомъ Романовичемъ, и предалъ сей городъ тестю. Узнавъ еще измѣну Берендѣевъ, Романъ удалился въ крѣпкій Бѣлгородъ и ждалъ братьевъ. Хотя Князь Черниговскій, болѣе властолюбивый, нежели храбрый, занявъ Кіевъ, малодушно бѣжалъ отъ нихъ и перетопилъ часть своего войска въ Днѣпрѣ; однакожь Ростиславичи, свѣдавъ о впаденіи Половцевъ, призванныхъ Святославомъ, добровольно уступили ему древнюю столицу, уже незавидную. »Господствуй »въ ней« — сказали они — »но съ согласія »нашего: не насиліемъ и не обманомъ; мы »не хотимъ тѣшить иноплеменныхъ вар»варовъ междоусобіемъ.« Романъ возвратился въ Смоленскъ[35].

ГЛАВА III.

Великій Князь Всеволодъ III Георгіевичъ.

Г. 1176 — 1212.

Вѣроломство Ростовцевъ. Война съ Княземъ Рязанскимъ. Ослѣпленіе двухъ Князей. Славолюбіе Мстислава и кончина его. Раздоръ Вел. Князя съ Черниговскимъ. Вѣроломство Святослава Упреки Всеволоду. Великодушіе Мономахова потомства. Осада Торжка. Политика Новогородцевъ. Браки. Война съ Болгарами. Народъ Литовскій. Война съ Половцами. Огнестрѣльное оружіе. Бѣдствіе Игоря. Мужество Владиміра. Герой Всеволодъ. Торки и Берендѣи. Междоусобіе въ Рязани. Добродѣтели Ярослава Галицкаго. Слабости и бѣдствіе Кн. Владиміра. Властолюбіе Романа. Вѣроломство Короля Венгерскаго. Благородство сына Берладникова. Князь Владиміръ въ Германіи. Изгнаніе Венгровъ изъ Галича. Браки Временная независимость Кіева Добродѣтели Владиміра Глѣбовича. Безпокойства въ Смоленскѣ и Новѣгородѣ. Ссора съ Варягами. Воинскіе подвиги. Бѣдствія Чуди. Нѣмцы въ Ливоніи. Серебро Сибирское Кончина и характеръ Святослава. Княжна Евфимія за Греческимъ Царевичемъ. Пиры въ Кіевѣ. Миролюбіе Духовенства. Гнѣвъ Романа. Битва въ Польшѣ. Мятежный духъ Ольговичей. Неблагодарность Романова. Политика Всеволодова. Строгость и веледушіе Давида. Война съ Половцами. Всеволодъ подчиняетъ себѣ Новгородъ. Слава и тиранство Романа. Опустошеніе

Кіева. Постриженіе Рюрика. Посольство Папы къ Роману. Отвѣтъ Романовъ. Характеръ сего Князя. Рюрикъ снова на престолѣ. Происшествія въ Галичѣ. Константинъ въ Новѣгородѣ. Князья Сѣверскіе господствуютъ въ Галичѣ. Бѣгство Романова семейства. Коварство Всеволода Чермнаго. Бѣдствіе Рязанскихъ Князей. Хитрость Всеволода. Жестокость Вел. Князя. Смѣлость Мстислава. Миръ съ Ольговичами. Мятежи въ Галичѣ. Неповиновеніе Константина. Кончина и характеръ Всеволода Великаго. Мудрость Великой Княгини. Пострига. Князь Россійскій въ Грузіи. Разныя бѣдствія. Взятіе Царяграда. Нѣмцы въ Ливоніи. Основаніе Риги. Орденъ Мечепосцевъ. Духовная власть въ Новѣгородѣ.

Г. 1176. Владимірцы, еще не осушивъ слезъ о кончинѣ Государя любимаго, собралися предъ Златыми вратами и присягнули его брату, Всеволоду Георгіевичу, исполняя тѣмъ волю Долгорукаго, который назначалъ область Суздальскую въ Удѣлъ меньшимъ сыновьямъ[36]. Но Бояре и Ростовцы не хотѣли Всеволода. Еще при жизни Михаила они тайно звали къ себѣ Мстислава, его племянника, изъ Новагорода, и сей Князь, оставивъ тамъ сына своего, уже находился въ Ростовѣ; собралъ многочисленную дружину, Бояръ, Гридней, такъ называемыхъ *Пасынковъ* или Отроковъ Боярскихъ, и шелъ съ ними ко Владиміру[37]. Жители сего города

Вѣроломство Ростовцевъ.

пылали ревностію сразиться; но Всеволодъ, умѣренный, благоразумный, предлагалъ миръ. » За тебя Ростовцы и Бояре,« говорилъ онъ Мстиславу: »за меня Богъ »и Владимірцы. Будь Княземъ первыхъ; а »Суздальцы да повинуются изъ насъ, ко»му хотятъ.« Но Вельможи Ростовскіе, надменные гордостію, сказали Мстиславу: »мирися одинъ, если тебѣ угодно; мы »оружіемъ управимся съ чернію Владимір»скою.« Присоединивъ къ себѣ въ Юрьевѣ дружину Переяславскую, Всеволодъ объявилъ воинамъ о непримиримой злобѣ ихъ врага общаго. Всѣ единодушно отвѣтствовали: »Государь! ты желалъ добра »Мстиславу, а Мстиславъ ищетъ головы »твоей, и не давъ еще исполниться девя»ти днямъ по кончинѣ Михаиловой, жаж»детъ кровопролитія. Иди же на него съ »Богомъ! Если будемъ побѣждены, то »пусть возьмутъ Ростовцы женъ и дѣ»тей нашихъ!« Всеволодъ, оставивъ за собою рѣку Кзу, среди Юрьевскаго поля ударилъ на непріятеля, разсѣялъ его и съ торжествомъ возвратился въ Іюня 27. столицу. Дружина Княжеская и Владимірцы вели связанныхъ Вельможъ Ростовскихъ, виновниковъ междоусобія; за ними гнали множество коней и скота, взята-

го въ селахъ Боярскихъ. Суздаль, Ростовъ, покорились Всеволоду.

Мстиславъ напрасно желалъ быть вторично Княземъ Новогородскимъ. »Нѣтъ!« сказали ему жители: »ты *ударилъ пятою* Новгородъ: иди же отъ насъ вмѣстѣ съ сыномъ!« Они искали дружбы побѣдителя, и требовали себѣ Князя отъ Всеволода, который отправилъ къ нимъ племянника своего, Ярослава[38]. Мстиславъ, уѣхавъ къ зятю, Глѣбу Рязанскому, склонилъ его къ несчастной войнѣ, бѣдственной для нихъ обоихъ. Сія война началась въ концѣ лѣта пожарами: Глѣбъ обратилъ въ пепелъ Москву и всѣ окрестныя слободы. Зимою пришли союзники ко Всеволоду: племянникъ его, Владиміръ Глѣбовичь, Князь южнаго Переяславля, и сыновья Святослава Черниговскаго[39]. Новогородцы обѣщали ему также дружину вспомогательную, называя его своимъ отцемъ и Властителемъ; однакожь не сдержали слова. Будучи въ Коломнѣ, Великій Князь свѣдалъ, что Глѣбъ Рязанскій, нанявъ Половцевъ, съ другой стороны вступилъ въ область Суздальскую, взялъ Боголюбовъ, ограбилъ тамъ церковь, богато украшенную Андреемъ, жжетъ селенія Боярскія, плаваетъ въ

Война съ Княземъ Рязанскимъ.

крови беззащитныхъ, отдастъ женъ и дѣтей въ плѣнъ варварамъ. Такимъ образомъ междоусобіе Князей открыло путь симъ иноплеменнымъ хищникамъ и въ сѣверныя земли Россіи . . . Всеволодъ сошелся съ непріятелями; но тѣ и другіе стояли праздно цѣлый мѣсяцъ въ ожиданіи мороза: рѣка Колокша находилась между ими и не перепускала ихъ; ледъ ея былъ слишкомъ тонокъ Раздраженный злодѣйствами Глѣба, Великій Князь отказался отъ мирныхъ его предложеній, и наконецъ — видя, что рѣка замерзла — отправилъ на другую сторону обозъ свой съ частію войска. Мстиславъ первый напалъ на сей отрядъ, и первый обратился въ бѣгство: Глѣбъ также, смятый полкомъ Всеволода. Дружина Великаго Князя гналась за малодушными, и плѣнивъ самаго Глѣба, сына его Романа, Мстислава, множество Бояръ, истребила Половцевъ. Въ числѣ плѣнниковъ находился старый Воевода Андрея Боголюбскаго, Борисъ Жидиславичь, который держалъ сторону Мстислава. Всѣ они были предметомъ народной ненависти, и граждане Владимірскіе, посвятивъ два дни на общую радость, хотѣли ознаменовать третій злобною местію: обступили дво-

Г. 1177.

рецъ Княжескій и говорили Всеволоду: »Государь! мы рады положить за тебя »свои головы; но казни злодѣевъ, или »ослѣпи, или выдай намъ въ руки.« Изъявляя человѣколюбіе, Всеволодъ желалъ спасти несчастныхъ и велѣлъ заключить ихъ въ темницу, чтобы успокоить народъ. Глѣбъ имѣлъ заступниковъ. Будучи ему зятемъ, храбрый Мстиславъ, братъ Романа Смоленскаго, вмѣстѣ съ горестною своею тещею убѣждалъ Святослава Черниговскаго, какъ Всеволодова союзника, освободить плѣнниковъ усерднымъ ходатайствомъ. Порфирій, Черниговскій Епископъ, ѣздилъ для того въ Владиміръ. Глѣбу предложили свободу, съ условіемъ отказаться навсегда отъ княженія и ѣхать въ южную Россію. Онъ гордо отвѣтствовалъ: »лучше умру въ неволѣ« — и дѣйствительно умеръ чрезъ нѣсколько дней[40]. Когда же Рязанцы, устрашенные бѣдствіемъ ихъ Князя, въ угодность Всеволоду взяли подъ стражу Ярополка Ростиславича въ Воронежѣ и привезли въ городъ Владиміръ, тогда мятежъ возобновился. Бояре, купцы пришли съ оружіемъ на дворъ Княжескій, разметали темницу, и, къ горести Великаго Князя, ослѣпили его племянниковъ,

Ослѣпленіе двухъ Князей.

Ростиславичей. Онъ только уступилъ народному остервененію, по словамъ Лѣтописца Владимірскаго, не имѣвъ никакого участія въ семъ злодѣйствѣ (которое древніе Россіяне заимствовали отъ просвѣщенныхъ Грековъ); другіе же Лѣтописцы обвиняютъ въ томъ Всеволода, можетъ быть несправедливо[41]; но Великій Князь, не наказавъ злодѣевъ, заслужилъ подозрѣніе, безславное для его памяти. Чтобы оправдать себя великодушіемъ въ глазахъ всей Россіи, онъ выпустилъ изъ темницы Глѣбова сына, Романа. Несчастные слѣпцы были также освобождены, и на пути въ южную Россію, къ общему удивленію, прозрѣли въ Смоленскѣ, съ усердіемъ молясь въ Смядынской церкви Св. Глѣба, по извѣстію Лѣтописцевъ. Сентября 15.

Чудо разгласилось и благопріятствовало властолюбію сихъ Князей: Новогородцы призвали ихъ какъ мужей богоугодныхъ; оставили Мстислава начальствовать въ столицѣ, Ярополку дали Торжекъ, а бывшаго Князя своего, Ярослава, также Всеволодова племянника, послали управлять Волокомъ Ламскимъ. Мстиславъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ: Ярополкъ заступилъ его мѣсто, г. 1178, Апрѣля 20.

но скоро былъ изгнанъ народомъ, въ угодность Великому Князю, который захватилъ многихъ купцевъ Новогородскихъ, съ неудовольствіемъ видя злодѣя своего Главою сей области. Всеволодъ еще не былъ обезоруженъ: приступилъ къ Торжку и требовалъ дани. Граждане обѣщались заплатить оную; но воины сказали Великому Князю; »мы пришли сюда не »за тѣмъ, чтобы цѣловать ихъ и слу»шать пустыя клятвы;« сѣли на коней и взяли городъ; зажгли его, плѣнили жи-
Декабря 8. телей. Всеволодъ съ отборною дружиною спѣшилъ къ Волоку Ламскому, уже оставленному гражданами; нашелъ тамъ одного племянника своего, Ярослава[42]; истребилъ огнемъ пустые домы, самый хлѣбъ въ окрестностяхъ, и сею безразсудною жестокостію такъ озлобилъ Новогородцевъ, что они рѣшились не имѣть съ
Г. 1179. нимъ никакого дружелюбнаго сношенія, призвавъ къ себѣ Романа Смоленскаго. Потомки Св. Владиміра все еще вѣрили ихъ ненадежнымъ обѣтамъ, и прельщались знаменитостію древнѣйшаго въ Государствѣ Княженія.

Романъ властвовалъ тамъ не долѣе многихъ своихъ предмѣстниковъ; по крайней мѣрѣ выѣхалъ добровольно и съ че-

стію. Тогда Новогородцы, желая имѣть Князя извѣстнаго воинскою доблестію, единодушно избрали брата Романова, Мстислава, столь знаменитаго мужествомъ, что ему въ цѣлой Россіи не было имени кромѣ *Храбраго.* Онъ колебался, отвѣтствуя ихъ Посламъ, что не можетъ разстаться ни съ вѣрными братьями, ни съ южною своею отчизною; но братья и дружина сказали Мстиславу: »Новгородъ есть также твое отечество« —и сей бодрый Князь поѣхалъ искать славы на иномъ ѳеатрѣ: ибо душа его, какъ пишутъ современники, занималась одними великими дѣлами[43]. Весь Новгородъ, чиновники, Бояре, Духовенство съ крестами вышли къ нему на встрѣчу. Возведенный на престолъ въ Софійской церкви, Мстиславъ далъ слово ревностно блюсти честь, пользу Новагорода, и сдержалъ оное. Узнавъ, что Эстонцы (въ 1176 году) дерзнули осаждать Псковъ и не престаютъ безпокоить границъ, онъ въ нѣсколько дней собралъ 20,000 воиновъ, и веселяся предводительствомъ рати столь многочисленной, нетерпѣливо хотѣлъ битвы; но Эстонцы, думая только о спасеніи жизни, скрывались. Опустошивъ ихъ землю до самаго моря, взявъ

Славолюбіе Мстислава. Ноября 1.

Г. 1180. въ добычу множество скота, плѣнниковъ, Мстиславъ на возвратномъ пути усмирилъ во Псковѣ мятежныхъ чиновниковъ, не хотѣвшихъ повиноваться его племяннику, Борису Романовичу, и готовился къ инымъ предпріятіямъ. Еще въ 1066 году прадѣдъ Всеслава Полоцкаго ограбилъ Софійскую церковь въ Новѣгородѣ и захватилъ одинъ изъ его уѣздовъ: Мстиславъ, какъ ревностный витязь Новогородской чести, вздумавъ отмстить за то Всеславу, своему зятю, уже шелъ къ Полоцку. Едва Романъ Смоленскій могъ обезоружить брата, представляя ему, что сей Князь, супругъ ихъ сестры, не долженъ отвѣтствовать за прадѣда, давно истлѣвшаго во гробѣ; что воспоминаніе обидъ древнихъ не достойно ни Христіанина, ни Князя благоразумнаго. Мстиславъ уважилъ братній совѣтъ и возвратился изъ Великихъ Лукъ, обѣщая себѣ, гражданамъ и дружинѣ новымъ походомъ навсегда смирить Ливонію. Но среди блестящихъ надеждъ пылкаго славолюбія и въ силѣ мужества сраженный внезапною болѣзнію, онъ увидѣлъ суету гордости человѣческой, и живъ Героемъ, хотѣлъ умереть Христіаниномъ: велѣлъ нести себя въ церковь, причастился Свя-

тыхъ Таинъ послѣ Литургіи, и закрылъ глаза навѣки въ объятіяхъ неутѣшной супруги и дружины, поручивъ дѣтей, въ особенности юнаго Владиміра, своимъ братьямъ. Такимъ образомъ Новогородцы въ два года погребли у себя двухъ Князей: чего уже давно не бывало: ибо непрестанно мѣняя Властителей, они не давали имъ умирать на тронѣ. Бояре и граждане изъявили трогательную чувствительность, оплакивая Мстислава Храбраго, всѣми любимаго, величая его красоту мужественную, побѣды, великодушныя намѣренія для славы ихъ отечества, младенческое добродушіе, соединенное съ пылкою гордостію сердца благороднаго. Сей Князь, по свидѣтельству современниковъ, былъ украшеніемъ вѣка и Россіи. Другіе воевали для корысти: онъ только для славы, и презирая опасности, еще болѣе презиралъ золото, отдавая всю добычу Церкви или воинамъ, коихъ всегда ободрялъ въ битвахъ словами: *за насъ Богъ и правда; умремъ нынѣ или завтра: умремъ же съ честію.*— »Не было такой земли въ Россіи (говоритъ Лѣтописецъ), которая не хотѣла бы ему повиноваться, и гдѣ бы объ немъ не плакали.« Народная любовь къ сему

Кончина его. Іюня 14.

Князю была столь велика, что граждане Смоленскіе въ 1175 году единогласно объявили его, въ отсутствіе Романа, своимъ Государемъ, изгнавъ Ярополка Романовича[44]; но Мстиславъ согласился властвовать надъ ними единственно для того, чтобы усмирить ихъ и возвратить престолъ старшему брату. Новогородцы погребли Мстислава въ гробницѣ Владиміра Ярославича, строителя Софійской церкви. Надлежало избрать преемника: въ досаду Всеволоду Георгіевичу они призвали къ себѣ княжить Владиміра, сына Святославова, изъ Чернигова.

Августа 17.

Сей юноша не за-долго до того времени гостилъ у Всеволода и женился на его племянницѣ, дочери Михаиловой[45]. Святославъ имѣлъ случай оказывать услуги Великому Князю, когда онъ жилъ въ южной Россіи, не имѣя Удѣла, и не дерзая требовать онаго отъ брата, Андрея Боголюбскаго, своего бывшаго гонителя. Между тѣмъ, какъ Михаилъ и Всеволодъ съ помощію Святослава искали престола Владимірскаго, супруги ихъ оставались въ Черниговѣ. Сія дружба, основанная на одолженіяхъ, благодарности и свойствѣ, не устояла противъ обоюднаго властолюбія. Святославъ, охотно пославшій сына го-

Раздоръ Великаго Князя съ Черниговскимъ.

сподствовать въ Новѣгородѣ, могъ предвидѣть, что Всеволодъ тѣмъ оскорбится, считая сію область законнымъ достояніемъ Мономахова рода. Новыя неудовольствія ускорили явное начало вражды. Меньшіе сыновья умершаго Глѣба Рязанскаго жаловались Всеволоду на старшаго брата, Романа, Святославова зятя: говорили, что онъ, слѣдуя внушенію тестя, отнимаетъ ихъ Удѣлы и презираетъ Великаго Князя. Всеволодъ, уже не доброхотствуя Князю Черниговскому, вступился за нихъ; встрѣченный ими въ Коломнѣ, плѣнилъ тамъ Святославова сына, Глѣба[46] разбилъ передовый отрядъ Романовъ на берегахъ Оки, взялъ городъ Борисовъ, осадилъ Рязань и заключилъ миръ. Романъ и братья его признали Всеволода общимъ ихъ покровителемъ, довольные Удѣлами, которые онъ назначилъ для каждаго изъ нихъ по верховной волѣ своей.

Князь Черниговскій, раздраженный плѣненіемъ сына, хотѣлъ не только отмстить за то, но и присвоить себѣ, счастливымъ успѣхомъ оружія, лестное первенство между Князьями Россійскими. Еще Всеволодъ не имѣлъ правъ Андреевыхъ, утвержденныхъ долговременною славою;

не имѣлъ и силы Боголюбскаго: ибо Смоленскъ, область Кривская и Новгородъ не помогали ему. Святославъ надѣялся смирить его, но желалъ прежде вытѣснить Рюрика и Давида изъ области Кіевской, чтобы господствовать въ ней единовластно. Смерть Мстислава Храбраго и Олега Сѣверскаго, ихъ зятя, казалась ему случаемъ благопріятнымъ[47]: увѣренный въ дружелюбіи Олеговыхъ братьевъ, Игоря и Всеволода; выдавъ племянницу за Князя Переяславскаго, Владиміра Глѣбовича, и называясь покровителемъ сего юноши, онъ дерзнулъ на гнусное коварство, разсуждая, что всѣ способы вредить Мономаховымъ потомкамъ согласны съ уставомъ праведной мести, и что ближайшіе изъ нихъ должны быть ея первымъ предметомъ. Не имѣя въ самомъ дѣлѣ никакихъ причинъ жаловаться на Ростиславичей — которые жили съ нимъ мирно и вмѣстѣ отразили набѣгъ Хана Половецкаго, Кончака — Святославъ вздумалъ схватить Давида на звѣриной ловлѣ въ окрестностяхъ Днѣпра; сказалъ о томъ единственно женѣ и главному изъ любимцевъ, именемъ Кочкарю; тайно собралъ воиновъ и нечаянно ударилъ на станъ Давидовъ. Сей Князь, изумленный злодѣй-

Вѣроломство Святослава.

ствомъ, бросился въ лодку съ супругою, и едва могъ спастися, осыпаемый съ берега стрѣлами. Онъ ушелъ въ Бѣлгородъ къ Рюрику; а Святославъ, неудачно обнаруживъ свой умыселъ, призвалъ всѣхъ родственниковъ на совѣтъ въ Черниговъ.

»Вижу *теперь* горестную необходи»мость войны« сказалъ ему Игорь Сѣверскій: »но ты могъ бы *прежде* сохранить »миръ. Впрочемъ мы готовы повиноватъ»ся тебѣ, какъ нашему отцу, желая усерд»но твоего блага.« Между тѣмъ Рюрикъ, слыша, что Святослава нѣтъ въ Кіевѣ, занялъ сію столицу, требовалъ помощи отъ Князей Волынскихъ, и велѣлъ Давиду ѣхать въ Смоленскъ къ Роману, чтобы вмѣстѣ съ нимъ взять нужныя мѣры для безопасности сего Княженія. Но Давидъ уже не засталъ брата живаго: Романъ скончался, извѣстный болѣе мирными, кроткими свойствами, нежели воинскимъ духомъ. Лѣтописцы сказываютъ, что онъ имѣлъ наружность величественную и рѣдкое милосердіе; терпѣлъ отъ граждань Смоленскихъ многія досады и мстилъ имъ только благодѣяніями; не обманывалъ Князей, нѣжно любилъ братьевъ, славился набожностію: соорудилъ великолѣпную церковь Св. Іоанна, украсилъ оную

золотомъ и финифтью. Давидъ наслѣдовалъ престолъ Смоленскій.

Въ надеждѣ управиться и съ Ростиславичами и съ Великимъ Княземъ, Святославъ, нанявъ множество Половцевъ, оставилъ часть войска съ братомъ своимъ Ярославомъ въ Черниговѣ, чтобы дѣйствовать противъ Рюрика и Давида; а самъ съ главною силою вступилъ въ область Суздальскую, соединился съ Новогородцами на устьѣ Тверцы, опустошилъ берега Волги и шелъ къ Переславлю[48]. За 40 верстъ отъ сего города стоялъ Всеволодъ съ полками Суздальскими, Рязанскими, Муромскими, въ станѣ укрѣпленномъ Природою: между крутоберегою Вленою, ущельями и горами. Непріятели видѣли другъ друга и пускали черезъ рѣку стрѣлы. Воины Святославовы желали битвы, Суздальскіе также: послѣдніе были удерживаемы Великимъ Княземъ, а первые неприступностію мѣста. Прошло болѣе двухъ недѣль. Чтобы сдѣлать тревогу въ станѣ Черниговцевъ, Всеволодъ послалъ Князей Рязанскихъ ударить на нихъ съ боку. Внезапность нападенія имѣла успѣхъ только мгновенный: братъ Игоря Сѣверскаго принудилъ Рязанцевъ бѣжать, и взялъ у нихъ

Г. 1181.

не малое число плѣнниковъ. Напрасно ожидавъ новаго нападенія, Святославъ отправилъ къ Великому Князю своего Духовника съ такими словами: »Братъ и сынъ »мой! имѣвъ искреннее удовольствіе служить тебѣ совѣтомъ и дѣломъ, могъ ли »я ожидать столь жестокой неблагодарности? Въ возмездіе за сіи услуги ты »не устыдился злодѣйствовать мнѣ и »схватилъ моего сына. Для чего же медлишь? я близъ тебя: рѣшимъ дѣло судомъ Божіимъ. Выступи въ поле, и сразимся, на той или другой сторонѣ рѣки.« Всеволодъ не отвѣтствовалъ, задержалъ Пословъ и велѣлъ отвезти ихъ въ Владиміръ, желая, чтобы Князь Черниговскій въ досадѣ своей отважился на битву, для себя невыгодную, и перешелъ за рѣку. Святославъ не трогался съ мѣста. Весна наступила: боясь распутья, онъ рѣшился оставить часть обоза и станъ въ добычу непріятелю, впрочемъ не хотѣвшему за нимъ гнаться; сжегъ Дмитровъ, мѣсто Всеволодова рожденія, и прибылъ весновать въ Новгородъ, гдѣ жители встрѣтили его какъ побѣдителя, называя именемъ *Великаго*. Ярополкъ, прежде изгнанный ими въ удовольствіе Всеволоду, находился съ Черниговскимъ Княземъ: они вторично приняли

Упреки Всеволоду.

его къ себѣ и дали ему въ Удѣлъ Торжекъ, чтобы охранять ихъ восточныя области.

Святославъ, извѣдавъ воинскую осторожность Всеволода, уже не хотѣлъ возобновить непріятельскихъ дѣйствій въ Великомъ Княженіи Суздальскомъ: онъ велѣлъ брату, Ярославу, выступить изъ Чернигова, и соединился съ нимъ въ областяхъ Кривскихъ, гдѣ Васильковичи, Всеславъ Полоцкій и Брячиславъ Витебскій вмѣстѣ съ другими Князьями волею или неволею объявили себя друзьями Святослава [49]; каждый привелъ къ нему свою дружину, а Всеславъ Литву и Ливонцевъ. Ростиславичи и Кіевъ были предметомъ сего ополченія. Одинъ Князь Друцкій, Глѣбъ, сынъ умершаго Рогволода, не измѣнилъ Давиду Смоленскому, который думалъ защитить его, но видя превосходную силу враговъ, удалился отъ битвы. Святославъ обратилъ въ пепелъ внѣшнія укрѣпленія Друцка и, не теряя времени, шелъ къ Кіеву, сопровождаемый толпами Половцевъ. Сіе-то гибельное обыкновеніе, въ войнахъ междоусобныхъ дружиться съ иноплеменными хищниками и призывать ихъ для ужасныхъ злодѣйствъ въ нѣдра Государства, всего болѣе обезславило Князей

Черниговскихъ въ нашей древней Исторіи, и было одною изъ причинъ народной любви къ Мономаховымъ потомкамъ, которые *дотолѣ* гнушались онымъ (если исключимъ Георгія Долгорукаго), и слѣдуя наслѣдственнымъ правиламъ, отличались великодушіемъ. Такъ поступилъ и Рюрикъ. Не имѣя способовъ защитить Кіевъ, онъ выѣхалъ въ Бѣлгородъ, умѣлъ внезапно разбить Половцевъ, предводимыхъ Игоремъ Сѣверскимъ, и воспользовался робостію Святослава для заключенія мира: призналъ его старѣйшимъ; отказался отъ Кіева, удержавъ за собою всѣ другіе города Днѣпровскіе, и клялся искренно быть вѣрнымъ другомъ Черниговскихъ Князей, съ условіемъ, чтобы они, подобно ему, служили щитомъ для южной Россіи и не давали варварамъ плѣнять Христіанъ.

Великодушіе Мономахова потомства.

Вѣроятно, что Рюрикъ старался примирить Святослава съ Великимъ Княземъ: Новгородъ, бывъ основаніемъ ихъ вражды, подалъ имъ и способъ прекратить оную. Ярополкъ, ненавидя Всеволода, не могъ жить спокойно въ Торжкѣ и безпрестанно тревожилъ границы Суздальскія. Всеволодъ осадилъ его. Предвидя свою участь, граждане оборонялись му-

Осада Торжка.

жественно долѣе мѣсяца; не имѣя хлѣба, питались кониною: наконецъ голодъ заставилъ ихъ сдаться. Ярополкъ, раненный стрѣлою во время осады, былъ заключенъ въ цѣпи, а городъ сожженъ вторично; жителей отвели плѣнниками въ Владимiръ. Войско Новогородское находилось тогда съ Святославомъ въ землѣ Кривской: оно спѣшило назадъ, защитить собственную. Но чиновники и граждане, перемѣнивъ мысли, уже хотѣли искать милости Всеволодовой. Разсуждая, что дружба Государя сосѣдственнаго, юнаго, могущественнаго, твердаго душею, выгоднѣе дружбы Черниговскаго Князя, слабодушнаго, легкомысленнаго и притомъ удаленнаго отъ предѣловъ Новогородскихъ, они выслали Святославова сына и требовали, чтобы Всеволодъ, оставивъ вражду, далъ имъ Правителя. Онъ немедленно возвратилъ свободу плѣннымъ жителямъ Торжка, и своякъ его, Ярославъ Владимiровичь, внукъ Мстислава Великаго, прiѣхалъ изъ Суздаля княжить въ Новгородъ [50]. Достигнувъ такимъ образомъ цѣли своей — то есть, присоединивъ область Новогородскую ко владѣнiямъ Мономахова Дому — Всеволодъ съ честiю отпустилъ Глѣба Святославича къ отцу, не мѣшалъ

Политика Новогородцевъ.

послѣднему господствовать въ Кіевѣ, и возобновивъ старую съ нимъ дружбу, выдалъ своячину, Княжну Ясскую, за его меньшаго сына; а Глѣбъ Святославичь женился на дочери Рюриковой. Г. 1182. Браки.

Внутреннее междоусобіе прекратилось: начались войны внѣшнія. Подобно Андрею смотря съ завистію на цвѣтущую художествами и торговлею Болгарію, Всеволодъ желалъ овладѣть ею, и звалъ другихъ Князей къ содѣйствію. Г. 1183. Война съ Болгарами. Война съ невѣрными казалась тогда во всякомъ случаѣ справедливою[51]: Святославъ прислалъ сына своего Владиміра, къ Великому Князю, радуясь, что онъ замыслилъ дѣло столь благопріятное для чести Россійскаго оружія. Князья Рязанскіе, Муромскій и сынъ Давида Смоленскаго также участвовали въ семъ походѣ. Рать союзниковъ плыла Волгою до Казанской Губерніи, оставила ладіи близъ устья Цывили, подъ стражею Бѣлозерскихъ воиновъ, и шла далѣе сухимъ путемъ. Передовый отрядъ, увидѣвъ вдали конницу, готовился къ битвѣ; но мнимые непріятели оказались Половцами, которые также воевали Болгарію, и хотѣли служить Всеволоду. Вмѣстѣ съ ними Россіяне осадили такъ называемый

Великій городъ въ землѣ *Серебряныхъ* Болгаровъ, какъ сказано въ лѣтописи[52]. Юный племянникъ Всеволодовъ, Изяславъ Глѣбовичь, братъ Князя Переяславскаго [53], не хотѣлъ ждать общаго приступа, и между тѣмъ, какъ Бояре совѣтовались въ шатрѣ у Великаго Князя, одинъ съ своею дружиною ударилъ на Болгарскую пѣхоту, стоявшую въ укрѣпленіи предъ городомъ; пробился до воротъ, но уязвленный стрѣлою въ сердце, палъ на землю. Воины принесли его въ станъ едва живаго. Сей случай спасъ городъ: ибо Великій Князь, видя страданіе любимаго, мужественнаго племянника, не могъ ревностно заниматься осадою, и въ десятый день, заключивъ миръ съ жителями, отступилъ къ ладіямъ, гдѣ Бѣлозерцы до его прибытія одержали побѣду надъ соединенными жителями трехъ городовъ Болгарскихъ, хотѣвшихъ истребить суда Россіянъ. Тамъ Изяславъ скончался, и Всеволодъ съ горестію возвратился въ столицу, отправивъ конницу въ Владиміръ чрезъ землю Мордвы (нынѣшнюю Симбирскую и Нижегородскую Губерніи).

Въ сіе время Россія западная узнала новыхъ враговъ, опасныхъ и жестокихъ.

Народъ Литовскій, въ теченіе сто-пяти-десяти лѣтъ подвластный ея Князьямъ, дикій, бѣдный, платилъ имъ дань шкурами, даже лыками и вѣниками[54]. Непрестанныя наши междоусобія, раздѣленіе земли Кривской и слабость каждаго Удѣла въ особенности дали способъ Литовцамъ не только освободиться отъ зависимости, но и тревожить набѣгами области Россійскія. Трубя въ длинныя свои трубы, они садились на борзыхъ лѣсныхъ коней и какъ лютые звѣри стремились на добычу: жгли селенія, плѣняли жителей, и настигаемые отрядами воинскими, не хотѣли биться стѣною: разсыпаясь во всѣ стороны, пускали стрѣлы издали, метали дротики, исчезали и снова являлись. Такъ сіи грабители, не смотря на зимній холодъ, ужасно опустошили Псковскую область. Новогородцы, не успѣвъ защитить ее, винили въ томъ своего Князя, Ярослава Владиміровича, и на его мѣсто — кажется, съ согласія Всеволодова — призвали къ себѣ изъ Смоленска Давидова сына, Мстислава.

Народъ Литовскій.

Г. 1184.

Въ Россіи южной Князья соединили силы, чтобы смирить Половцевъ: Святославъ Кіевскій, Рюрикъ съ двумя племянниками[55], Владиміръ Переяславскій (внукъ

Война съ Половцами. Долгорукаго) Глѣбъ Юрьевичь Туровскій (правнукъ Святополка - Михаила) съ братомъ Ярославомъ Пинскимъ, Всеволодъ и Мстиславъ, сыновья Ярослава Луцкаго, Мстиславъ Всеволодковичь Городненскій и дружина Галицкаго. Они пять дней искали варваровъ за Днѣпромъ. Князь Владиміръ, начальникъ передоваго отряда, вступилъ въ битву съ Половцами. »Мнѣ »должно наказать ихъ за разореніе моей »Переяславской области,« сказалъ онъ старѣйшему изъ Князей, Святославу Кіевскому, и смѣло устремился на многочисленныя толпы непріятелей, которые заранѣе объявили его и всѣхъ нашихъ Воеводъ своими плѣнниками; но устрашенные однимъ грознымъ видомъ полку Вла-

30 Іюля. димірова, бѣжали въ степи. Россіяне на берегахъ Угла или Орели взяли 7000 плѣнныхъ (и въ томъ числѣ 417 Князьковъ), множество коней Азіатскихъ и всякаго оружія. Славный свирѣпостію Ханъ Половецкій, Кончакъ, былъ также разбитъ ими близъ Хороля, не смотря на его самострѣльные, необыкновенной величины луки, (едва натягиваемые пятидесятью воинами) и на искусство бывшаго съ нимъ

Огнестрѣль- *Бесерменина* или Хоразскаго Турка, *стрѣлявшаго живымъ огнемъ*, какъ сказано въ лѣто-

писи[56]: вѣроятно *Греческимъ*, а можетъ быть и порохомъ. Кіевляне догнали сего хитреца въ бѣгствѣ и представили Святославу со всѣми его снарядами, но, кажется, не воспользовались оными. *Пос оружіе.*

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ торжество Россіянъ обратилось въ горесть. Князья Сѣверскіе, Игорь Новогородскій, братъ его Всеволодъ Трубчевскій, и племянникъ ихъ[57], не имѣвъ участія въ побѣдахъ Святослава, завидовали имъ, и хотѣли еще важнѣйшихъ; взяли у Ярослава Всеволодовича Черниговскаго такъ называемыхъ *Ковуевъ* — единоплеменныхъ, какъ вѣроятно, съ Черными Клобуками—и пошли къ Дону. Случившееся тогда затмѣніе солнца казалось ихъ Боярамъ предзнаменованіемъ несчастнымъ.» Друзья и братья!« сказалъ Игорь: „тайны Божественныя никому »не свѣдомы, а намъ не миновать своего »рока.« Онъ переправился за Донецъ Всеволодъ, братъ Игоревъ, шелъ изъ Курска инымъ путемъ: соединясь на берегахъ Оскола, войско обратилось къ Югу, къ рѣкамъ Дону и Салу, ѳеатру блестящихъ побѣдъ Мономаховыхъ[58]. Кочующіе тамъ варвары извѣстили своихъ единоплеменниковъ о сей новой грозѣ, представляя имъ, что Россіяне, дерзнувъ зайти столь *Бѣдствіе Игоря. Апрѣля 13, 1185 г. Маія 1.*

далеко, безъ сомнѣнія хотятъ совершенно истребить весь родъ ихъ. Половцы ужаснулись, и безчисленными толпами двинулись отъ самыхъ дальнихъ береговъ Дона на встрѣчу смѣлымъ Князьямъ. Люди благоразумные говорили Игорю: „Князь! »непріятели многочисленны; удалимся: те»перь не наше время.« Игорь отвѣтствовалъ: „ Мы будемъ осмѣяны, когда не обна»живъ меча, возвратимся; а стыдъ ужаснѣе »смерти.« Въ первой битвѣ Россіяне остались побѣдителями, взяли станъ непріятелей, ихъ семейства; ликовали въ завоеванныхъ вежахъ и говорили другъ другу: » Что »скажутъ теперь наши братья и Свято»славъ Кіевскій? Они сражались съ Половца»ми еще *смотря на Переяславль*, и не смѣли »итти въ ихъ землю; а мы уже въ ней, скоро »будемъ за Дономъ и далѣе въ странахъ при»морскихъ, гдѣ никогда не бывали отцы »наши; истребимъ варваровъ и пріобрѣтемъ »славу вѣчную.« Сія гордость витязей мужественныхъ, но малоопытныхъ и неосторожныхъ, имѣла для нихъ самыя гибельныя слѣдствія. Разбитые Половцы соединились съ новыми толпами, отрѣзали Россіянъ отъ воды, и въ ожиданіи еще бо́льшей помощи, не хотѣли сразиться *копьями*, три дни дѣйствуя одпѣми

стрѣлами. Число варваровъ безпрестанно умножалось. Наконецъ войско нашихъ Князей открыло себѣ путь къ водѣ: тамъ Половцы со всѣхъ сторонъ окружили его. Оно билось храбро, отчаянно. Изнуренные кони худо служили всадникамъ: предводители спѣшились вмѣстѣ съ воинами. Одинъ раненный Игорь ѣздилъ на конѣ, ободряя ихъ, и снявъ съ себя шлемъ, чтобы они видѣли его лице и тѣмъ великодушнѣе умирали. Всеволодъ, братъ Игоревъ, оказалъ рѣдкое мужество, и наконецъ остался безъ оружія, изломивъ свое копіе и мечь. Почти никто не могъ спастися: всѣ легли на мѣстѣ или съ Князьями были отведены въ неволю Въ Россіи узнали о семъ бѣдствіи, случившемся на берегахъ Каялы (нынѣ Кагальника), отъ нѣкоторыхъ купцевъ, тамъ бывшихъ. »Скажите въ Кіевѣ »(говорили имъ Половцы), что мы теперь »можемъ обмѣняться плѣнниками.« Князья, Вельможи, народъ оплакивали несчастныхъ; многіе лишились братьевъ, отцевъ, ближнихъ сродниковъ. Святославъ Кіевскій ѣздилъ тогда въ Карачевъ[59]: на возвратномъ пути услышавъ печальную вѣсть, залился слезами и сказалъ: »я жаловался »на легкомысліе Игоря: теперь еще болѣе

»жалуюсь на его злосчастіе.« Онъ собралъ Князей подъ Каневымъ, но распустилъ ихъ, когда Половцы, боясь сего ополченія, удалились отъ границъ Россіи. Не хотѣвъ итти по слѣдамъ Владѣтелей Сѣверскихъ, чтобы не имѣть той же участи, Святославъ былъ причиною новыхъ бѣдствій: ибо варвары, успокоенные его робостію, снова явились, взяли нѣсколько городовъ на берегахъ Сулы, осадили Переяславль. Мужественный Владиміръ Глѣбовичь встрѣтилъ ихъ подъ стѣнами и бился какъ Герой; кровь текла изъ ранъ его; дружина ослабѣвала. Видя опасность Князя любимаго, всѣ граждане вооружились и едва спасли Владиміра, уязвленнаго трemя копьями[60]. Половцы, взявъ городъ *Римъ* или нынѣшній Роменъ, опустошивъ множество селъ близъ Путивля и напомнивъ Россіянамъ бѣдственныя времена Всеволода I или Святополка - Михаила, ушли, обремененные плѣнниками, въ свои вежи. Но, къ утѣшенію Сѣверянъ, Игорь Святославичь возвратился. Онъ жилъ въ неволѣ подъ надзираніемъ благосклоннаго къ нему Хана Кончака; имѣлъ при себѣ слугъ, Священника, и могъ забавляться ястребиною охотою. Одинъ изъ Половцевъ, именемъ Лаверъ, вызвался бѣжать съ нимъ въ Рос-

Мужество Владиміра.

сію. Князь Игорь отвѣтствовалъ: »я могъ уйти во время битвы, но не хотѣлъ обезславить себя бѣгствомъ; не хочу и теперь.« Однакожь, убѣжденный совѣтомъ вѣрнаго своего Конюшаго, Игорь воспользовался темнотою ночи и сномъ варваровъ, упоенныхъ крѣпкимъ кумысомъ; сѣлъ на коня, и въ 11 дней пріѣхалъ благополучно въ городъ Донецъ[61]. Сынъ его Владиміръ, оставленный имъ въ плѣну, женился тамъ на дочери Хана Кончака и возвратился къ отцу черезъ два года, вмѣстѣ съ дядею Всеволодомъ (коего называютъ Лѣтописцы Героемъ, или, по ихъ словамъ, *удалѣйшимъ* изъ всѣхъ Ольговичей, величественнымъ наружностію, любезнымъ душею). Сія гибель дружины Сѣверской, плѣнъ Князей и спасеніе Игоря описаны со многими обстоятельствами въ особенной древней, исторической повѣсти, украшенной цвѣтами воображенія и языкомъ Стихотворства. Герой Всеволодъ.

Въ теченіе слѣдующихъ осьми лѣтъ Половцы то мирились, то воевали съ Россіянами, имѣя успѣхъ и неудачи[62]. Сіи маловажныя сшибки не представляютъ ничего достопамятнаго для Исторіи. Одинъ сынъ Рюриковъ, юный Ростиславъ, отличался въ оныхъ мужествомъ и былъ

грозою варваровъ, предводительствуя Торками и Берендѣями, иногда вѣрными стражами областей Кіевскихъ, иногда измѣнниками: такъ ихъ знаменитый чиновникъ или Князекъ, именемъ Кунтувдѣй, оскорбленный Святославомъ, ушелъ къ Половцамъ, и долго грабилъ съ ними села Днѣпровскія. Чтобы обезоружить сего храбраго наѣздника, Рюрикъ далъ ему городокъ Дверенъ на берегахъ Роси. Народъ благословлялъ согласіе Рюрика съ Святославомъ, которые единодушно дѣйствовали для его внѣшней безопасности. Первый, женатый на сестрѣ Князей Пинскихъ или Туровскихъ, правнукъ Святополка-Михаила, старался быть защитникомъ и сего края: онъ ходилъ съ войскомъ на Литву, какъ бы предвидя, что она будетъ для нашего отечества еще опаснѣе Половцевъ.

Торки и Берендѣи.

Междоусобіе Князей Рязанскихъ нарушило внутренній миръ и спокойствіе въ Россіи восточной. Глѣбовичи Романъ, Игорь, Владиміръ, умышляли на жизнь меньшихъ братьевъ, Всеволода и Святослава, сперва тайно, а наконецъ осадили ихъ въ Пронскѣ[63]. Великій Князь былъ занятъ тогда новымъ походомъ рати своей на Болгаровъ; когда же Воеводы его

Г. 1186—87. Междоусобіе въ Рязани.

возвратились оттуда съ добычею и съ плѣнниками, онъ рѣшился прекратить вражду злобныхъ братьевъ. Напрасно Послы его благоразумно представляли имъ, что добрые Россіяне и единокровные должны извлекать мечь только на враговъ иноплеменныхъ. Романъ, Игорь, Владиміръ отвѣтствовали гордо, что они не имѣютъ нужды въ совѣтахъ и хотятъ быть независимы. Обольщенный ими, Святославъ измѣнилъ меньшему брату, Всеволоду, бывшему у Великаго Князя, и сдалъ имъ Пронскъ, гдѣ находилось 300 человѣкъ дружины Владимірской. Романъ взялъ ихъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ женою, дѣтьми, Боярами Всеволода Глѣбовича. Сіи безразсудные мятежники скоро увидѣли опасность, и старались умилостивить Великаго Князя. Они склонили Черниговскаго Епископа Порфирія (коего Епархія заключала въ себѣ и Рязанскую область), быть ихъ ходатаемъ; Послы Святослава Кіевскаго и брата его также находились въ Владимірѣ для сего дѣла. Но Порфирій худо исполнилъ священную обязанность миротворца; дѣйствовалъ какъ перевѣтникъ, раздражилъ Всеволода Георгіевича коварствомъ своимъ и тѣмъ умножилъ зло: ибо Великій Князь огнемъ и мечемъ

Г. 1187. опустошилъ землю Рязанскую, держась правила, какъ говорятъ Лѣтописцы, что »война *славная* лучше мира постыд»наго[64].«

Добродѣтели Ярослава Галицкаго.

Сей годъ достопамятенъ кончиною Ярослава Владимірковича Галицкаго и важными ея слѣдствіями. Подобно отцу господствуя отъ горъ Карпатскихъ до устья Серета и Прута, онъ имѣлъ истинныя государственныя добродѣтели, рѣдкія въ тогдашнія времена: не искалъ завоеваній, но, довольствуясь своею немалою областію, пекся о благоденствіи народа, о цвѣтущемъ состояніи городовъ, земледѣлія; для того любилъ тишину, вооружался единственно на обидящихъ и посылалъ ратъ съ Боярами, думая, что дѣла гражданскія еще важнѣе воинскихъ для Государя; нанималъ полки иноплеменниковъ, и спасая тѣмъ подданныхъ отъ кровопролитія, не жалѣлъ казны. Въ 1173 году онъ нанялъ у Поляковъ войско за 3000 гривенъ серебра: успѣхи торговли и мирной промышлености доставляли ему способъ быть щедрымъ въ такихъ случаяхъ. Союзникъ Греческаго Императора Мануила, покровитель изгнаннаго Андроника, Ярославъ считался однимъ изъ знаменитѣйшихъ Государей

своего времени, хвалимый въ лѣтописяхъ вообще за мудрость и сильное, убѣдительное краснорѣчіе въ совѣтахъ, по коему Россіяне прозвали его *Осьмомысломъ*. Сей миролюбивый Князь не находилъ мира только въ нѣдрахъ семейства и не могъ жить въ согласіи ни съ супругою, ни съ сыномъ: первая рѣшилась навсегда съ нимъ разстаться и (въ 1181 году) скончалась Монахинею въ Владимірѣ Суздальскомъ у Всеволода, ея брата[65]; а сынъ Ярославовъ, въ третій разъ изгнанный отцемъ, напрасно искавъ пристанища у Князей Волынскихъ, Смоленскаго, даже у Великаго Князя, жилъ два года въ Путивлѣ у своего зятя, Игоря Сѣверскаго, и хотя наконецъ, посредствомъ Игорева старанія, примирился съ отцемъ, но имѣя склонности развратныя, непрестанно огорчалъ его. Тѣмъ болѣе Ярославъ любилъ меньшаго, побочнаго сына, именемъ Олега, прижитаго имъ съ несчастною Анастасіею. Готовясь къ смерти, онъ три дни прощался со всѣми: Бояре, Духовные, граждане, самые нищіе тѣснились во дворцѣ къ одру умирающаго. Изъявивъ чувства набожныя и Христіанскія, смиреніе предъ Богомъ и людьми; назначивъ богатые вклады въ церкви, въ мо-

настыри, и велѣвъ раздать часть казны бѣднымъ, Ярославъ объявилъ своимъ наслѣдникомъ Олега: Владиміра же наградилъ только Перемышлемъ, взявъ съ него и съ Бояръ клятву исполнить сіе завѣщаніе. Но Бояре, едва предавъ землѣ тѣло Государя, изгнали Олега (ушедшаго къ Рюрику въ Овручь), и возвели Владиміра на престолъ.

Г. 1188. Слабости и бѣдствіе Князя Владиміра.

Они раскаялись: ибо новый Государь, имѣя отвращеніе отъ дѣлъ, пилъ день и ночь, презиралъ уставы Церкви и нравственности, женился вторымъ бракомъ на Попадьѣ; сверхъ того, удовлетворяя гнусному любострастію, безчестилъ дѣвицъ и супругъ Боярскихъ. Негодованіе сдѣлалось общимъ; въ домахъ, на улицахъ и площадяхъ народъ жаловался громогласно. Въ сосѣдственной области Владимірской господствовалъ тогда Князь извѣстный мужествомъ, умомъ, дѣятельностію, Романъ Мстиславичь, который еще въ лѣтахъ нѣжной юности, подъ стѣнами Новагорода, смиривъ гордость Андрея Боголюбскаго, заслужилъ тѣмъ вниманіе Россіянъ. Многими блестящими свойствами достойный своего предка Мономаха, онъ, къ несчастію, жертвовалъ властолюбію правилами добродѣтели,

и будучи сватомъ Владиміру, веселился его распутствомъ и народнымъ озлобленіемъ, ибо думалъ воспользоваться слѣдствіями онаго. Имѣя тайную связь съ Галицкими Вельможами, Романъ хотѣлъ открыть себѣ путь къ тамошнему престолу и совѣтовалъ имъ свергнуть Князя столь порочнаго. Сіи внушенія не остались безъ дѣйствія. Волненіе и шумъ въ столицѣ пробудили усыпленнаго нѣгою Владиміра. Дворъ Княжескій наполнился людьми; но заговорщики, не увѣренные въ согласіи добрыхъ, терпѣливыхъ гражданъ, опасались возложить руку на Государя, и зная его малодушіе, послали сказать ему, чтобы онъ избралъ супругу достойнѣйшую, выдалъ имъ Попадью для казни, правительствовалъ какъ должно или готовился къ слѣдствіямъ весьма несчастнымъ. Ихъ желаніе исполнилось: то есть, устрашенный Владиміръ бѣжалъ въ Венгрію съ женою, двумя сыновьями и наслѣдственными сокровищами. Бояре призвали Романа княжить въ Галичѣ.

Властолюбіе Романа.

Плоды льстивыхъ внушеній и коварства оказались непрочными для сего властолюбиваго Князя. Бела, Король Венгерскій, не уступая ему въ коварствѣ,

осыпалъ Владиміра ласками, дружескими увѣреніями, и немедленно выступилъ къ Галичу со всѣми силами, чтобы смирить мятежныхъ подданныхъ, какъ говорилъ онъ, и возвратить престолъ изгнаннику. Давно Короли Венгерскіе, бывъ и друзьями и непріятелями мужественныхъ, умныхъ Князей Галицкихъ, отъ Василька до Ярослава, завидовали ихъ странѣ плодоносной, богатой также минералами и въ особенности солью, которая издревле шла въ южную Россію и въ сосѣдственныя земли. Бела обрадовался случаю присоединить такую важную область къ Венгріи. Еще Романъ не утвердился на новомъ престолѣ; многіе граждане и Вельможи ему не доброхотствовали, ибо опасались его крутаго нрава и гордаго самовластія. Свѣдавъ, что Венгры сходятъ съ горъ Карпатскихъ, онъ успѣлъ только захватить казну и выѣхалъ изъ Галича съ Боярами, ему преданными. Король безъ сопротивленія вошелъ въ столицу. Уже Владиміръ, изъявляя благодарность добрымъ союзникамъ, думалъ, что они могутъ итти обратно; но вѣроломный Бела вдругъ объявилъ своего сына, Андрея, *Королемъ Галицкимъ*, съ согласія легкомысленныхъ Бояръ, обольщен-

Вѣроломство Короля Венгерскаго.

ныхъ его увѣреніями, что Андрей будетъ царствовать по ихъ уставамъ и волѣ. Сего не довольно: Бела, отнявъ у Владиміра и сокровища и свободу, возвратился съ нимъ въ Венгрію какъ съ плѣнникомъ.

Коварство Белы торжествовало: Романово было наказано. Сей Князь, отправляясь господствовать въ Галичѣ, уступилъ всю область Волынскую брату, Всеволоду Мстиславичу Бельзскому, который уже не хотѣлъ впустить его въ городъ Владиміръ: затворилъ ворота и сказалъ: »я здѣсь Князь, а не ты!« Изумленный Романъ — лишась такимъ образомъ и пріобрѣтенной и наслѣдственной области — искалъ защиты у Рюрика и Ляховъ. Первый былъ ему тестемъ, а Государь Польскій, Казимиръ Справедливый, дядею по матери. Братъ Казимировъ, Мечиславъ Старый, безъ успѣха приступалъ къ Владиміру, желая возвратить сей городъ любимому ими племяннику. Безъ успѣха также ходилъ Романъ съ дружиною тестя въ землю Галицкую: жители и Венгры отразили его. Наконецъ Рюрикъ угрозами принудилъ Всеволода Мстиславича отдать Владимірское Княженіе старшему брату.

Князья наши не думали вступиться

за несчастнаго Владиміра Галицкаго — посаженнаго Королемъ Белою въ каменную башню, — но съ прискорбіемъ видѣли иноплеменниковъ господами прекраснѣйшей изъ областей Россійскихъ. Между тѣмъ хитрый Бела, имѣя дружелюбныя сношенія съ Святославомъ Кіевскимъ, старался
г. увѣрить его въ своемъ безкорыстіи, и
1189. даже обѣщалъ со временемъ отдать ему Галичь; а Святославъ, вопреки условіямъ тѣснаго союза, заключеннаго имъ съ Рюрикомъ, тайно послалъ одного изъ сыновей къ Королю для переговоровъ. Рюрикъ свѣдалъ и досадовалъ. Принявъ совѣтъ Митрополита, они согласились-было изгнать Венгровъ изъ Галича; но Святославъ, уступая Рюрику сіе Княженіе, требовалъ Овруча, Бѣлагорода и всѣхъ другихъ областей Днѣпровскихъ. Рюрикъ не хотѣлъ того, и Галичь остался за Венграми, впрочемъ не надолго.

Сынъ Князя Іоанна Берладника, умершаго въ Ѳессалоникѣ, двоюродный племянникъ Ярослава Галицкаго, именемъ Ростиславъ, подобно отцу скитался изъ земли въ землю и нашелъ пристанище въ Смоленскѣ. Онъ имѣлъ друзей въ отечествѣ, гдѣ народъ, неохотно повинуясь иноземнымъ властителямъ, и нѣкоторые

Бояре желали видѣть его на престолѣ. По согласію съ ними Ростиславъ, уѣхавъ отъ Давида Смоленскаго, съ малымъ числомъ воиновъ явился предъ стѣнами Галича, въ надеждѣ, что всѣ граждане къ нему присоединятся. Но Андрей оградилъ себя полками Венгерскими, взялъ съ жителей, волею и неволею, присягу въ вѣрности и вообще такія мѣры, что сынъ Берладниковъ, вмѣсто друзей, встрѣтилъ тамъ однихъ враговъ многочисленныхъ. Видя неудачу, измѣну или робость Галичанъ, Ростиславъ не думалъ спасаться бѣгствомъ; сказалъ дружинѣ: »лучше умереть въ своемъ отечествѣ, нежели скитаться по чужимъ землямъ; предаю суду Божію тѣхъ, которые меня обманули« — и бросился въ средину непріятелей. Тяжело раненный онъ упалъ съ коня и былъ привезенъ въ столицу, гдѣ народъ, тронутый его жалостною судьбою, хотѣлъ возвратить ему свободу. Чтобы утишить мятежъ, Венгры, какъ сказано въ лѣтописи, приложили *смертное зеліе* къ язвѣ Ростислава, и сей несчастный Князь, достойный лучшей доли, скончался, имѣвъ только время удостовѣриться въ народной къ нему любви; а граждане, изъявивъ оную, раздражили своего Короля.

Благородство сына Берладникова.

Правленіе Андреево, дотолѣ благоразумное, снисходительное, обратилось въ насиліе. Венгры мстили Галичанамъ какъ измѣнникамъ, нагло и неистово: отнимали женъ у супруговъ, ставили коней въ домы Боярскіе, въ самыя церкви; позволяли себѣ всякаго рода злодѣйства. Народъ вопилъ, съ нетерпѣніемъ ожидая случая избавиться отъ ига: онъ представился.

Владиміръ Галицкій, заключенный съ женою и съ дѣтьми у Короля Венгерскаго, нашелъ способъ уйти: изрѣзалъ шатеръ, поставленный для него въ башнѣ, свилъ изъ холста веревки, спустился по онымъ внизъ и бѣжалъ къ Нѣмецкому Императору, Фридерику Барбарусѣ. Такъ сынъ Ярослава Великаго искалъ нѣкогда покровительства Императора Генрика IV; но привезъ сокровища въ Германію, а Владиміръ могъ только обѣщать, и дѣйствительно вызвался ежегодно платить Фридерику 2000 гривенъ серебра, буде его содѣйствіемъ отниметъ Галичь у Венгровъ. Императоръ — неизвѣстно, какимъ образомъ — зналъ Великаго Князя Суздальскаго и весьма ласково принялъ Владиміра, слыша, что онъ сынъ Всеволодовой сестры. Хотя, занятый тогда важнымъ намѣреніемъ ратоборствовать въ Пале-

К. Владиміръ въ Имперіи.

стинѣ съ Героемъ Востока, Саладиномъ, Фридерикъ не могъ послать войска къ берегамъ Днѣстра, однакожь далъ Владиміру письмо къ Казимиру Справедливому, которое имѣло счастливое для изгнанника дѣйствіе: ибо сей Монархъ Польскій, завидуя Венграмъ въ пріобрѣтеніи земли Галицкой, и вѣдая, сколь ихъ господство противно ея жителямъ, не отказался отъ предлагаемой ему чести быть покровителемъ несчастнаго Князя, вѣроломно обманутаго Белою; надѣялся на Галичанъ, и необманулся[66]. Бывъ недовольны правленіемъ Владиміровымъ, они еще гораздо болѣе ненавидѣли Венгровъ; и когда услышали, что сей Князь съ Воеводою Краковскимъ, знаменитымъ Николаемъ, идетъ къ ихъ границамъ: то всѣ единодушно возстали, изгнали Андрея и встрѣтили Владиміра съ радостію; а Белѣ остался слѣдъ и титулъ *Короля Галицкаго*, съ 1190 года употребляемый въ его грамотахъ[67]. Еще не миновались опасности для Владиміра: худо вѣря безкорыстію Поляковъ, боясь Венгровъ, Романа Волынскаго и собственнаго народа, онъ прибѣгнулъ къ дядѣ, Великому Князю, не хотѣвъ дотолѣ искать въ немъ милости; смиренно винился, обѣщалъ ис-

Г. 1190. Изгнаніе Венгровъ изъ Галича.

правиться, и писалъ къ нему: »Будь мо»имъ отцемъ и Государемъ: я Божій и »твой со всѣмъ Галичемъ; желаю тебѣ »повиноваться, но только тебѣ одному.« Сіе покровительство, согласное съ долгомъ родства, было лестно и для гордости Всеволода, который, взявъ оное на себя, извѣстилъ о томъ всѣхъ Князей Россійскихъ и Казимира: послѣ чего Владиміръ могъ безопасно господствовать до самой смерти.

Чтимый внутри и внѣ Россіи, Всеволодъ хотѣлъ искренняго взаимнаго дружелюбія Князей, и старался утвердить

Г. 1187 — 95. Браки.

оное новымъ свойствомъ, выдавъ дочь свою за племянника Святославова, — другую, именемъ Верхуславу, за Рюриковича, мужественнаго Ростислава, а сына своего Константина, еще десятилѣтняго женивъ на внукѣ умершаго Романа Смоленскаго[68]. Юность лѣтъ не препятствовала брачнымъ союзамъ, коихъ требовала польза государственная. Верхуслава также едва вступила въ возрастъ отроковицы, когда родители послали ее къ жениху въ Бѣлгородъ. Сія свадьба была одною изъ великолѣпнѣйшихъ, о коихъ упоминается въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ. За невѣстою пріѣзжали въ Владиміръ

шуринъ Рюриковъ, Глѣбъ Туровскій, и знатнѣйшіе Бояре съ супругами, щедро одаренные Всеволодомъ. Отмѣнно любя Герхуславу, отецъ и мать дали ей множество золота и серебра; сами проводили милую, осьмилѣтнюю дочь до третьяго стана и со слезами поручили сыну Всеволодовой сестры, который долженъ былъ, вмѣстѣ съ первыми Боярами Суздальскими, везти невѣсту. Въ Бѣлгородѣ Епископъ Максимъ совершалъ обрядъ вѣнчанія, и болѣе двадцати Князей пировали на свадьбѣ. Рюрикъ, слѣдуя древнему обычаю, въ знакъ любви отдалъ снохѣ городъ Брагинъ. Сей Князь, тесть Игорева сына, жилъ въ мирѣ со всѣми Ольговичами, и въ случаѣ споровъ о границахъ или Удѣлахъ прибѣгалъ къ посредству Всеволодову. Такъ Святославъ (въ 1190 году) желалъ присвоить себѣ часть Смоленскихъ владѣній; но Рюрикъ и Давидъ вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ обезоружили его, представляя, что онъ взялъ Кіевъ съ условіемъ не требовать ничего болѣе и забыть споры, бывшіе при Великомъ Князѣ Ростиславѣ; что ему остается или исполнить договоръ или начать войну. Святославъ далъ имъ слово впредь не нарушать мира, и сдержалъ

оное, довольный честію первенства между Князьями южной Россіи. Уступивъ Черниговъ брату, Ярославу Всеволодовичу, а Рюрику знатную часть Кіевской области, не имѣя ни Переяславля, ни Волыніи, онъ не могъ равняться силою съ древними Великими Князьями, но подобно имъ именовался Великимъ и возстановилъ независимость Кіева. Всеволодъ Георгіевичь уважалъ въ Святославѣ опытнаго старца (власы сѣдые были тогда правомъ на почтеніе людей); предвидя его близкую кончину, удерживалъ до времени свое властолюбіе и терпѣлъ нѣкоторую зависимость могущественной области Суздальской отъ Кіева по дѣламъ церковнымъ. Вмѣстѣ съ народомъ или знаменитыми гражданами избирая Епископовь для Ростова, Суздаля, Владиміра, но посылая ихъ ставиться къ Митрополиту Никифору, преемнику Константинову, онъ всегда отправлялъ Пословъ и къ Святославу, требуя на то его Княжескаго соизволенія[69]: ибо власть духовная была тѣсно связана съ гражданскою, и Митрополитъ дѣйствовалъ согласно съ желаніемъ Государя. Никифоръ хотѣлъ нарушить сей уставъ въ Россіи, самовластно посвятивъ въ Епископы Суздалю

Временная независимость Кіева

одного Грека; но Всеволодъ не принялъ его, и Митрополитъ поставилъ инаго, назначеннаго Великимъ Княземъ и одобреннаго Святославомъ.—Между тѣмъ, желая приближиться къ древней столицѣ, Всеволодъ возобновилъ городъ Остеръ, разрушенный Изяславомъ Мстиславичемъ[70]: Тіунъ Суздальскій пріѣхалъ туда властвовать именемъ Князя. Южный Переяславль также зависѣлъ отъ Всеволода, который отдалъ его, по смерти Владиміра Глѣбовича, другому племяннику, Ярославу Мстиславичу. Вся *Украйна*, по словамъ Лѣтописца, оплакала сего мужественнаго Владиміра, ужаснаго для Половцевъ, добраго, безкорыстнаго, любившаго дружину и любимаго ею.

Добродѣтели Владиміра Глѣбовича.

Когда почти вся Россія наслаждалась тишиною, Смоленская и Новогородская область представляютъ намъ ужасы мятежа и картину воинской дѣятельности. Давидъ Ростиславичь, господствуя въ Смоленскѣ, не былъ любимъ народомъ. Не имѣя твердыхъ государственныхъ законовъ, основанныхъ на опытѣ вѣковъ, Князья и подданные въ нашемъ древнемъ отечествѣ часто дѣйствовали по внушенію страстей; сила казалась справедливостію: иногда Государь, могущественный усердіемъ

Безпокойства въ Смоленскѣ и Новѣгородѣ.

и мечами дружины, угнетал народъ; иногда народъ презиралъ волю Государя слабаго. Неясность взаимныхъ правъ служила поводомъ къ мятежамъ, и Смоляне, однажды изгнавъ Князя[71], хотѣли и вторично утвердить народную власть таким же дѣломъ. Но Давидъ былъ смѣлъ, рѣшителенъ; не уступилъ гражданамъ и не жалѣлъ ихъ крови; казнилъ многихъ и возстановилъ порядокъ.

Сынъ Давидовъ, Мстиславъ, года два княжилъ спокойно въ Новѣгородѣ; вмѣстѣ съ отцемъ ходилъ воевать Полоцкую область и заключилъ миръ съ ея жителями, которые встрѣтили ихъ на границѣ съ дарами[72]. При семъ же Князѣ Новогородцы, опустошивъ часть Финляндіи, привели оттуда многихъ плѣнниковъ. Но духъ раздора не замедлилъ обнаружиться въ Республикѣ: народъ возненавидѣлъ нѣкоторыхъ знатныхъ гражданъ, осудилъ на смерть, бросилъ съ моста въ Волховъ. Юный Мстиславъ не предупредилъ зла, и казался слабымъ. Въ вину ему поставили, можетъ быть, и гибель чиновниковъ, ѣздившихъ тогда для собранія дани въ Заволочье, въ страну Печорскую и Югорскую, гдѣ Новгородъ господствовалъ и давалъ законы народамъ полудикимъ, бога-

тымъ драгоцѣнными звѣриными кожами: сіи чиновники и товарищи ихъ были убиты жителями, хотѣвшими освободиться отъ ига Россіянъ. Въ слѣдствіе того и другаго происшествія Новогородцы изгнали Мстислава, прибѣгнули опять ко Всеволоду, и желали вторично имѣть Княземъ свояка его, Ярослава Владиміровича. Тѣснѣйшая связь съ могущественнымъ Государемъ Суздальскимъ обѣщала имъ столь важныя выгоды для внутренней торговли, что они согласились забыть прежнюю досаду на Ярослава, и цѣлые девять лѣтъ терпѣли его какъ въ счастливыхъ, такъ и въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Первый годъ Ярославова княженія, или 1188, ознаменовался чрезвычайною хлѣбною дороговизною (четверть ржи стоила болѣе двухъ нынѣшнихъ серебряныхъ рублей) и важною ссорою съ Варягами, Готландцами и другими народами Скандинавскими. Новогородцы задержали ихъ купцевъ, разослали по темницамъ; не пустили своихъ за море; отправили назадъ Пословъ Варяжскихъ и не хотѣли съ ними договариваться о мирѣ. Шведскіе Лѣтописцы сказываютъ, что въ сей годъ Россіяне, соединясь съ жителями Эстоніи и Корелами,

Ссора съ Варягами.

приходили на судахъ въ окрестности Стокгольма, убили Архіепископа Упсальскаго, взяли 14 Іюля древній торговый городъ Шведскій Сигтуну, опустошили его такъ, что онъ уже навѣки утратилъ свое прежнее цвѣтущее состояніе, и вмѣстѣ со многими драгоцѣнностями похитили серебряныя церковныя врата, которыми украсилась Соборная церковь Новогородская[73]. Недовольные тогда Варягами, Новогородцы могли возбудить Эстонцевъ къ опустошенію приморской Швеціи; могли дать имъ и нѣкоторыхъ воиновъ: но участіе Россіянъ въ семъ предпріятіи безъ сомнѣнія было не важно, когда современные Лѣтописцы наши о томъ не упоминаютъ, описывая обстоятельно малѣйшія военныя дѣйствія ихъ времени; на примѣръ, какъ Псковитяне (въ 1190 году) разбили сихъ самыхъ Эстонцевъ, которые на семи *шнекахъ* или судахъ приходили грабить въ окрестностяхъ тамошняго озера; какъ Новогородцы съ Корелами (въ 1191 году) воевали бѣдную землю Финновъ, жгли тамъ селенія, истребляли скотъ. Тогда же Ярославъ Владиміровичь, имѣвъ на границѣ свиданіе съ Князьями Кривскими или Полоцкими, согласился вмѣстѣ съ ними итти зимою на Литву или Чудь; богато

Воинскіе подвиги.

одаренный союзниками, возвратился въ Новгородъ, и по условію вступивъ въ Ливонскую землю, взялъ Дерптъ, множество плѣнниковъ и всякаго роду добычи. Въ слѣдующій годъ, лѣтомъ, сей Князь самъ остался во Псковѣ, а Дворъ его, или дружина, съ отрядомъ Псковитянъ завоевали *Медвѣжью Голову* или Оденпе, распространивъ огнемъ и мечемъ ужасъ въ окрестностяхъ[74]. Тогдашнее состояніе Чудскаго народа было самое несчастное: Россіяне, ссылаясь на древнія права свои, требовали отъ него дани, а Шведы перемѣны Закона. Папа Александръ III торжественно обѣщалъ сѣвернымъ Католикамъ вѣчное блаженство, ежели язычники Эстонскіе признаютъ въ немъ Апостольскаго Намѣстника: съ Латинскою Библіею и съ мечемъ Шведы выходили на восточные берега моря Бальтійскаго и наказывали идолопоклонниковъ за ихъ упорство въ заблужденіяхъ язычества. Россіяне — Новогородцы, Кривичи — изъявляли менѣе ревности къ обращенію невѣрныхъ и не хотѣли *насиліемъ* просвѣщать людей; но считали жителей Эстоніи и Ливоніи своими подданными наказывая ихъ какъ мятежниковъ, когда они желали независимости. Въ сіе время, по

Бѣдствія Чуди.

сказанію древнѣйшаго Лѣтописца Ливонскаго, славился могуществомъ *Князь Полоцкій Владиміръ*: онъ господствовалъ до самаго устья Двины, и власть его надъ южною Чудскою землею была вообще столь извѣстна, что благочестивый старецъ Меингардъ, усердный Нѣмецкій Католикъ, пріѣхавъ около 1186 года съ купцами Нѣмецкими въ Ливонію, просилъ у него дозволенія обращать тамошнихъ язычниковъ въ Христіанство[75]: на что Владиміръ охотно согласился, и даже отпустилъ Меингарда съ дарами изъ Полоцка, не предвидя вредныхъ слѣдствій, которымъ скоро надлежало открыться для Россіянъ отъ властолюбія Папъ и Духовенства Римскаго. Меингардъ имѣлъ успѣхъ въ важномъ дѣлѣ своемъ: основалъ первую Христіанскую церковь въ Икскулѣ вмѣстѣ съ маленькою крѣпостію (не далеко отъ нынѣшней Риги); училъ язычниковъ Закону и военному искусству для ихъ безопасности; крестилъ волею и неволею; однимъ словомъ, утвердилъ тамъ Вѣру Латинскую.

Нѣмцы въ Ливоніи.

Новогородцы, желая отмстить народу Югорскому за убіеніе ихъ собирателей дани, въ 1193 году послали туда Воеводу съ дружиною довольно многочисленною. Жители, хотя свирѣпые обычаемъ

и дикіе нравами, имѣли уже города. Воевода, взявъ одинъ изъ оныхъ, пять недѣль стоялъ подъ другимъ, терпя нужду въ съѣстныхъ припасахъ. Осажденные увѣряли его въ своей покорности, называли себя Новогородскими слугами, и нѣсколько разъ обѣщали вынести обыкновенную дань[76]: *соболей, серебро* (что, какъ надобно думать, получали они мѣною отъ дальнѣйшихъ народовъ Сибирскихъ). Неосторожный Воевода, приглашенный ими, въѣхалъ въ городъ съ двѣнадцатью чиновниками и былъ изрубленъ въ куски; такую же участь имѣли и другіе 80 Россіянъ, вошедшіе за ними. На третій день, Декабря 6, жители сдѣлали вылазку и почти совсѣмъ истребили осаждающихъ, изнуренныхъ голодомъ. Спаслося менѣе ста человѣкъ, которые, долгое время скитаясь по снѣжнымъ пустынямъ, не могли дать о себѣ никакой вѣсти Новогородцамъ, безпокойнымъ о судьбѣ ихъ, и возвратились уже чрезъ 8 мѣсяцевъ. Вмѣсто того, чтобы итти въ храмъ и благодарить Небо, спасшее ихъ отъ погибели, сіи несчастные вздумали судиться предъ народомъ, обвиняли другъ друга въ измѣнѣ, въ тайномъ сношеніи со врагами во время осады города Югорскаго. Дѣло, весьма неясное, кончилось убіеніемъ трехъ

Серебро Сибирское.

Bayerische Staatsbibliothek München

гражданъ и взысканіемъ пени съ иныхъ, мнимыхъ преступниковъ.

Всеволодъ Суздальскій и Святославъ Кіевскій держали равновѣсіе Государства: Новгородъ, Рязань, Муромъ, Смоленскъ, нѣкоторыя области Волынскія и Днѣпровскія, подвластныя Рюрику, признавали Всеволода своимъ Главою: Ольговичи и владѣтели Кривскіе повиновались Святославу, который, не смотря на то, чувствовалъ превосходство силъ на сторонѣ
г. 1194 Великаго Князя, и слѣдуя внушеніямъ бла-
—95. горазумія, свойственнаго опытной старости, не дерзалъ явно ему противоборствовать. Такъ, имѣя ссору о границахъ съ Князьями Рязанскими, и готовый вмѣстѣ съ другими Ольговичами объявить имъ войну, онъ не могъ начать ее безъ дозволенія Всеволодова[77]: требовалъ онаго, не получилъ, и долженъ былъ мирно возвратиться изъ Карачева. На семъ пути Святославъ занемогъ: чувствуя сильную боль въ ногѣ, лѣтомъ ѣхалъ въ саняхъ до рѣки Десны, гдѣ сѣлъ въ лодку; изъ Кіева немедленно отправился въ Вышегородъ: облилъ слезами раку Святыхъ Мучениковъ, Бориса и Глѣба; хотѣлъ поклониться тамъ гробу отца своего, но видя дверь сего придѣла запертую, спѣшилъ возвратиться къ супругѣ. Онъ жилъ

Bayerische Staatsbibliothek München

только недѣлю; могъ еще однажды выѣхать изъ дворца къ обѣднѣ; слабѣлъ, едва говорилъ и лежалъ наконецъ въ усыпленіи; за нѣсколько часовъ до смерти вдругъ поднялся на одрѣ и спросилъ у супруги: когда будутъ Маккавеи? день, въ который умеръ отецъ его. Въ Понедѣльникъ, отвѣтствовала Княгиня. »И такъ мнѣ не дожить!« сказалъ онъ. Княгиня думала, что ему привидѣлся сонъ, и хотѣла знать оный. Святославъ не отвѣтствовалъ ей, громко читая: *вѣрую во единаго*; отправилъ гонца за Рюрикомъ, велѣлъ постричь себя въ Монахи и преставился... Непостоянный отъ юности, нѣкогда другъ и предатель Мстиславичей, Мономаховыхъ внуковъ; то врагъ, то союзникъ Долгорукаго и дядей своихъ, Черниговскихъ Владѣтелей; жертвуя истинными государственными добродѣтелями, справедливостію, честію, выгодамъ Политики личной; безсовѣстный въ отношеніи не только къ Мономахову потомству, но и къ своимъ единокровнымъ, сей Князь имѣлъ однакожь достоинства: умъ необыкновенный, цѣломудріе, трезвость, всю наружность усерднаго Христіанина и щедрость къ бѣднымъ. Имя Государя Кіевскаго, напоминая знаменитость древнихъ Князей Великихъ, доставляло ему

Кончина и характеръ Святослава.

уваженіе отъ Монарховъ сосѣдственныхъ. Бела Венгерскій искалъ его дружбы: сильный Казимиръ также. Женивъ сына, именемъ Всеволода Чермнаго, на дочери Казимировой[78], Маріи (скоро умершей Инокинею въ Кіевскомъ, ею основанномъ монастырѣ Св. Кирилла), Святославъ помолвилъ внуку, Евфимію, дочь Глѣбову, за Греческаго Царевича (можетъ быть, Исаакіева сына, Алексія IV), и не дожилъ до ея брака, успѣвъ единственно выслать Бояръ на встрѣчу къ Императорскимъ сановникамъ, ѣхавшимъ за невѣстою.

Княжна Евфимія за Греч. Царсвичемъ.

Вѣроятно, что Рюрикъ уступилъ Святославу Кіевъ единственно по его смерть, и что Всеволодъ утвердилъ сей договоръ, извѣстный Князьямъ, Вельможамъ и гражданамъ. Любимый вообще за свою привѣтливость, Рюрикъ былъ встрѣченъ народомъ и Митрополитомъ со крестами; а Великій Князь прислалъ Бояръ возвести его на тронъ Кіевскій, желая тѣмъ ознаменовать зависимость онаго отъ Государей Суздальскихъ, хотя Рюрикъ, подобно Святославу, также назывался *Великимъ Княземъ* и самовластно располагалъ городами Днѣпровскими. Онъ звалъ къ себѣ брата, Давида Смоленскаго, чтобы вмѣстѣ съ нимъ назначить Удѣлы своимъ сыновьямъ и Владиміро-

Г. 1195.

вичамъ, внукамъ Мстислава Великаго. Давидъ провелъ для того нѣсколько дней въ Кіевѣ, посвященныхъ дѣламъ государственнымъ и весельямъ. Рюрикъ, сынъ его Ростиславъ Бѣлогородскій и Кіевляне давали ему пиры. Давидъ также угостилъ ихъ. Берендѣи, Торки, самые Монахи пировали у сего Князя; и между тѣмъ, какъ роскошь изливала свой тукъ на Княжескихъ трапезахъ, благотворительность не забывала и нищихъ. Обычай достохвальный: тогда не было праздника для богатыхъ безъ милостыни для бѣдныхъ. Вообще сіи народныя угощенія, обыкновенныя въ древней Россіи, установленныя въ началѣ гражданскихъ обществъ и долго поддерживаемыя благоразуміемъ государственнымъ, представляли картину, можно сказать, восхитительную. Государь, какъ истинный хозяинъ, подчивалъ гражданъ, пилъ и ѣлъ вмѣстѣ съ ними; Вельможи, Тіуны, Воеводы, знаменитыя духовныя особы смѣшивались съ безчисленными толпами гостей всякаго состоянія; духъ братства оживлялъ сердца, питая въ нихъ любовь къ отечеству и къ Вѣнценосцамъ. Пиры въ Кіевѣ.

Признавъ Всеволода *старшимъ* и Главою Князей, Рюрикъ имѣлъ въ немъ надежнаго покровителя; однакожь искалъ

еще другой опоры, и будучи тестемъ Романа Мстиславича Волынскаго, отдалъ ему пять городовъ Кіевскихъ: Торческъ, Каневъ, Триполь, Корсунь и Богуславъ. Всеволодъ оскорбился. »Я старшій въ Мономаховомъ родѣ,« велѣлъ онъ сказать Рюрику: »кому обязанъ ты Кіевомъ? но »забывая меня, отдаешь города инымъ »младшимъ Князьямъ. Не оспориваю вла»сти твоей: господствуй и дѣлись оною »съ друзьями! Увидимъ, могутъ ли они »защитить тебя!« Желая умилостивить Всеволода, сватъ его предлагалъ ему особенный Удѣлъ въ Кіевской области; но Великій Князь требовалъ для себя городовъ отданныхъ Мстиславичу. Въ сомнѣніи и нерѣшимости Рюрикъ призвалъ на совѣтъ Никифора Митрополита; съ одной стороны не хотѣлъ нарушить слова своего въ разсужденіи зятя, а съ другой боялся Всеволода. »Мы поставлены »отъ Бога мирить Государей въ землѣ »Русской,« отвѣтствовалъ Митрополитъ: »всего ужаснѣе кровопролитіе. Исполни »волю старѣйшаго Князя. Если Мстисла»вичь назоветъ тебя клятвопреступни»комъ, то я беру грѣхъ на себя; а ты »можешь удовольствовать зятя иными »городами.« Самъ Романъ изъявилъ согла-

Миролюбіе Духовенства.

сіе взять другую область или деньги въ замѣну Удѣла, и распря прекратилась; но когда Всеволодъ, отправивъ Намѣстниковъ въ города Днѣпровскіе, подарилъ Торческъ зятю своему, Рюрикову сыну: Волынскій Князь вознегодовалъ на тестя, считая себя обманутымъ; не хотѣлъ жить съ его дочерью[79]; принуждалъ бѣдную супругу удалиться въ монастырь, и вступилъ въ дружбу съ Ярославомъ Черниговскимъ, совѣтуя ему завоевать Кіевъ. Тогда Рюрикъ, обличивъ зятя въ умыслахъ непріятельскихъ и велѣвъ *повергнуть предъ нимъ грамоты крестныя*, обратился къ Всеволоду Георгіевичу. »Го»сударь и братъ!« сказали Послы его: »*Романко* измѣнилъ намъ и дружится со »врагами Мономахова племени. Вооружимся »и сядемъ на коней!« Предвидя, что Великій Князь вступится за Рюрика, Мстиславичь искалъ союзниковъ въ Польшѣ, гдѣ юные сыновья Казимировы готовились отразить дядю, властолюбиваго Мечислава. Они сами имѣли нужду въ помощи, и мужественный Романъ за нихъ ополчился, говоря дружинѣ своей, что услуга даетъ право на взаимную услугу, и что побѣдивъ дядю, онъ будетъ располагать силами благодарныхъ племянни-

Гнѣвъ Романа.

Битва въ Польшѣ.

ковъ. Уже войска стояли другъ противъ друга. Мечиславъ требовалъ мира, предлагая нашему Князю быть посредникомъ. Бояре Россійскіе также не хотѣли кровопролитія; но пылкій Князь, вопреки ихъ совѣту, далъ знакъ битвы. Польскіе Историки пишутъ, что онъ повелѣвалъ только однимъ крыломъ, а Воевода Краковскій, Николай, другимъ и срединою. Сражались съ утра до вечера. Мечиславъ побѣдилъ, и Романъ, жестоко уязвленный, велѣлъ *нести* себя къ предѣламъ Волыніи. Знаменитый Епископъ Краковскій, Фулько, ночью догналъ его и заклиналъ возвратиться, боясь, чтобы непріятель не взялъ столицы. »Не имѣя ни силы въ ру»кахъ, ни воиновъ, отчасти убитыхъ, »отчасти разсѣянныхъ, могу ли быть »вамъ полезенъ?« сказалъ ему Мстиславичь; а на вопросъ Епископа: *что жъ дѣлать?* отвѣтствовалъ: »защищать столицу, по»ка соберемся съ силами[80].« Романъ отправилъ изъ Владиміра Пословъ въ Кіевъ; обезоружилъ тестя смиреннымъ признаніемъ вины своей, и чрезъ ходатайство Митрополита получилъ отъ Рюрика два города въ награжденіе.

Великій Князь, Рюрикъ и братъ его, Давидъ Смоленскій, требовали отъ Чер-

ниговскаго и всѣхъ Князей Олегова рода, чтобы они присягнули за себя и за дѣтей своихъ никогда не искать ни Кіева, ни Смоленска, и довольствовались лѣвымъ берегомъ Днѣпра, отданнымъ ихъ прадѣду, Святославу[87]. Ольговичи не хотѣли того. »Мы готовы« — говорили они чрезъ Пословъ Всеволоду Георгіевичу — »блюсти Кіевъ за тобою »или за Рюрикомъ; но если желаешь на»всегда удалить насъ отъ престола »Кіевскаго, то знай, что мы не Вен»гры, не Ляхи, а потомки Государя »единаго. Властвуйте, пока вы живы; »когда жь васъ не будетъ, древняя сто»лица да принадлежитъ достойнѣйшему »по волѣ Божіей!« Всеволодъ грозилъ имъ: они на все согласились; а Рюрикъ отпустилъ наемныхъ Половцевъ, и въ доказательство своего миролюбія обѣщалъ Ярославу Черниговскому исходатайствовать ему у брата Витебскъ, гдѣ княжилъ Василько Брячиславичь, зять Давидовъ, племянникъ Всеслава Полоцкаго.

Мятежный духъ Ольговичей.

Но Ольговичи нарушили клятвенный обѣтъ мира: не дождавшись Пословъ ни Всеволодовыхъ, ни Давидовыхъ, съ коими надлежало имъ во всемъ условиться, въ концѣ зимы выступили съ войскомъ къ

Г. 1196.

Витебску и начали грабить Смоленскую область. Племянникъ Давида, Мстиславъ Романовичь, сватъ Великаго Князя, хотѣлъ отразить ихъ. Ольговичи имѣли время изготовиться къ битвѣ, соединились съ Князьями Полоцкими, Василькомъ Володаревичемъ и Борисомъ Друцкимъ; заняли выгодное мѣсто, и *притоптали снѣгъ* вокругъ себя, чтобы тѣмъ удобнѣе дѣйствовать оружіемъ. Мстиславъ вышелъ съ полками изъ лѣса, напалъ стремительно и смялъ рать Черниговскую, надъ коею начальствовалъ Олегъ Святославичь; но Воевода Смоленскій, Михалко, въ тоже время бѣжалъ, не дерзнувъ сразиться съ Полочанами, которые, видя Олега разбитаго, ударили съ тьму на полки Мстислава. Сей храбрый Князь, гнавъ Черниговцевъ, увидѣлъ себя окруженнаго новыми рядами непріятелей, и долженъ былъ сдаться[82]. Зять Давидовъ, юный Князь Рязанскій, и Ростиславъ Владиміровичь, внукъ Мстислава Великаго, едва могли спастися. Они принесли Смоленскому Князю вѣсть о семъ несчастіи; а Ярославъ Черниговскій, обрадованный блестящимъ успѣхомъ своего племянника, и слыша, что жители Смоленска не любятъ Давида, хотѣлъ съ новы-

ми полками итти прямо къ сему городу. Рюрикъ остановилъ его. »Ты не имѣешь »совѣсти,« писалъ онъ къ нему изъ Овруча: »и такъ возвращаю тебѣ грамоты »крестныя, тобою нарушенныя. Иди къ »Смоленску: я пойду къ Чернигову. Увидимъ, кто будетъ счастливѣе.« Ярославъ оправдывался, жалуясь на Давида и Князя Витебскаго; обѣщалъ безъ выкупа освободить плѣннаго Мстислава Романовича, требуя единственно того, чтобы Рюрикъ отступилъ отъ союза съ Великимъ Княземъ. »У насъ дѣла общія,« отвѣтствовалъ Рюрикъ: »буде искренно желаешь мира, то дай свободный »путь моимъ Посламъ чрезъ твою об»ласть ко Всеволоду и Давиду; мы всѣ »готовы примириться.« Но Ярославъ, будучи коварнымъ, считалъ и другихъ таковыми; не вѣрилъ ему; занялъ всѣ дороги; препятствовалъ сообщенію между областями Кіевскою, Смоленскою и Суздальскою. Началась война, или, лучше сказать, грабительство въ предѣлахъ Днѣпровскихъ. Отвергнувъ великодушныя правила Мономахова Дому, Рюрикъ не устыдился нанять дикихъ Половцевъ для опустошенія Черниговскихъ владѣній и *помилъ руки* варварамъ, какъ сказано въ лѣтописи.

Ольговичи имѣли союзниковъ въ Князьяхъ Полоцкихъ: тѣ и другіе считали себя угнетенными и старѣйшими Мономаховыхъ наслѣдниковъ. Они нашли друга и между послѣдними: мужественнаго Романа Волынскаго, который искалъ всѣхъ способовъ возвыситься; слѣдуя одному правилу *быть сильнымъ*, не уважалъ никакихъ иныхъ, ни родства, ни признательности. Обязанный благодѣяніями тестя, онъ забылъ ихъ: помнилъ только, что Рюрикъ взялъ у него назадъ города Днѣпровскіе. Отдохнувъ послѣ несчастной битвы съ Мечиславомъ Старымъ, Романъ снова предложилъ союзъ Ольговичамъ и послалъ рать свою воевать область Смоленскую и Кіевскую. Сіе нечаянное нападеніе уменьшило на время затрудненіе Ярослава, но собственную область Романову подвергнуло бѣдствіямъ опустошенія: съ одной стороны Ростиславъ, сынъ Рюриковъ, а съ другой племянникъ его, Мстиславъ, сынъ Мстислава *Храбраго*, вмѣстѣ съ Владиміромъ Галицкимъ плѣнили множество людей въ окрестностяхъ Каменца и Перемиля. Самъ Рюрикъ остался въ Кіевѣ: ибо узналъ, что Всеволодъ наконецъ рѣшительно дѣйствуетъ противъ Ольговичей,

Неблагодарность Романова.

соединился съ Давидомъ, съ Князьями Рязанскими, Муромскими, съ Половцами, — завоевалъ область Вятичей и думаетъ вступить въ Черниговскую. Ярославъ видѣлъ себя въ крайней опасности; но, скрывая боязнь, изготовился къ сильному отпору: укрѣпилъ города, нанялъ степныхъ Половцевъ, оставилъ въ Черниговѣ двухъ Святославичей, и расположился станомъ близъ темныхъ лѣсовъ, сдѣлавъ вокругъ засѣки, подрубивъ всѣ мосты. Впрочемъ ему легче было поссорить враговъ своихъ хитростію, нежели силою одолѣть ихъ: такъ онъ и дѣйствовалъ.

Изъявляя вмѣстѣ и миролюбіе и неустрашимость, Ярославъ послалъ сказать Всеволоду: »Любезный братъ! ты »взялъ нашу отчину и достояніе. Желаешь ли загладить насиліе дружбою? Мы »любви не убѣгаемъ и готовы заключить »миръ согласно съ твоею верховною волею. Желаешь ли битвы? не убѣгаемъ и »того. Богъ и Святый Спасъ разсудятъ »насъ въ полѣ.« Всеволодъ хотѣлъ знать мнѣніе Князей Смоленскаго, Рязанскихъ и Бояръ. Давидъ противился миру, говоря: »Ты далъ слово моему брату соединиться съ нимъ подъ Черниговымъ, и »тамъ или разрушить власть коварныхъ

»Ольговичей или заключить миръ общій;
»а теперь думаешь одинъ вступить въ
»переговоры? Рюрикъ не будетъ доволенъ
»тобою Ты велѣлъ ему начать войну;
»для тебя онъ предалъ огню и мечу свою
»область. Можешь ли безъ него мириться?«
То же говорили и Князья Рязанскіе; но
Всеволодъ недовольный ихъ смѣлыми представленіями, велѣлъ сказать Ольговичамъ, что соглашается забыть ихъ вину, если они возвратятъ свободу Мстиславу Романовичу, откажутся отъ союза съ Романомъ Волынскимъ, и выгонятъ мятежнаго *Ярополка*, сего славнаго чудеснымъ прозрѣніемъ слѣпца, который, будучи взятъ въ плѣнъ Великимъ Княземъ[83], ушелъ изъ неволи и жилъ въ Черниговѣ. Ярославъ не принялъ только одного условія, касательно Романа Волынскаго, желая быть и впредь его другомъ. Согласились во всемъ прочемъ, и съ обыкновенными священными обрядами утвердили миръ, къ великому огорченію Рюрика. Хотя Всеволодъ далъ ему знать, что Ольговичи клялись никогда не тревожить ни Кіевскихъ, ни Смоленскихъ областей; но Рюрикъ осыпалъ его укоризнами. »Такъ
»поступаютъ одни вѣроломные,« отвѣтствовалъ сей Князь Всеволоду: »для тебя

»я озлобилъ зятя, отдавъ тебѣ города »его; ты же заставилъ меня воевать съ »Ярославомъ, который лично не сдѣлалъ »мнѣ зла и не искалъ Кіева. Въ ожиданіи »твоего содѣйствія прошли лѣто и зи»ма; наконецъ выступаешь въ поле и ми»ришься самъ собою, оставивъ главнаго »врага, Романа, въ связи съ Ольговичами »и господиномъ области, имъ отъ меня »полученной.« Слѣдуя внушенію досады, Рюрикъ отнялъ у Всеволода города Кіевскіе, и тѣмъ оскорбивъ его, приготовилъ для себя важныя несчастія, лишенный Великокняжескаго покровительства. Всеволодъ безъ сомнѣнія поступилъ въ семъ случаѣ несправедливо. Имѣя тайныя намѣренія, онъ не хотѣлъ совершеннаго паденія Черниговскихъ Князей, чтобы не усилить тѣмъ Кіевскаго и Смоленскаго, равно противныхъ замышляемому имъ Единовластію. Равновѣсіе ихъ силъ казалось ему до времени согласнѣе съ его пользою. Политика Всеволода.

Смиривъ Ольговичей и по видимому защитивъ союзниковъ, Великій Князь съ торжествомъ возвратился въ столицу, какъ Государь любимый народомъ и побѣдитель. Въ Смоленскѣ, въ Черниговѣ сдѣлались важныя перемѣны, благопріятныя для его властолюбія[84]. Давидъ, бла- Октября 6.

городный, мужественный, предчувствуя свой конецъ, уступилъ тронъ племяннику, Мстиславу Романовичу, постригся вмѣстѣ съ супругою, отправилъ юнаго сына, именемъ Константина, на воспи-
Г. 1197. таніе къ брату Рюрику, и велѣлъ нести себя, уже больнаго, изъ дворца въ Обитель Смядынскую, гдѣ и преставился въ молитвахъ (пятидесяти-семи лѣтъ
Апрѣ. 23. отъ рожденія), оплакиваемый дружиною, иноками, мирными гражданами (ибо строптивые не любили его). Лѣтописцы, уважая дѣла набожности болѣе государственныхъ, сказываютъ, что никто изъ Князей Смоленскихъ не превзошелъ Давида въ украшеніи храмовъ; что церковь Св. Михаила, имъ созданная, была великолѣпнѣйшею *въ странахъ полунощныхъ*, и что онъ ежедневно посѣщалъ ее. Но сей Князь, Христіанинъ усердный, слылъ грозою

Строгость и веледушіе Давида.

мятежниковъ и злыхъ: набожность не ослабляла въ немъ строгости правосудія, ни веледушной гордости Княжеской, противной Андрею Боголюбскому, непріятной и Всеволоду, который тѣмъ болѣе любилъ Давидова наслѣдника, своего добродушнаго свата, ему преданнаго. — Въ
Г. 1198. Черниговѣ умеръ Ярославъ, вѣрный последователь братней, коварной системы,

и Великій Князь съ удовольствіемъ свѣдалъ, что Игорь Сѣверскій, старѣйшій въ родѣ, сѣлъ на тамошнемъ знаменитомъ престолѣ: ибо сей внукъ Олеговъ менѣе другихъ славился коznодѣйствомъ.

Не имѣя опасныхъ совмѣстниковъ внутри Россіи, Всеволодъ старался утвердить безопасность границъ своихъ. Половцы за деньги служили ему, но въ тоже время, кочуя отъ нынѣшней Слободской Украинской до Саратовской Губерніи, безпокоили его южныя владѣнія, особенно же предѣлы Рязанскіе: онъ сильнымъ ополченіемъ устрашилъ варваровъ, ходилъ съ юнымъ сыномъ, Константиномъ, во глубину степей, вездѣ жегъ зимовья Половецкія, и Ханы, снявъ свои многочисленныя вежи, отъ береговъ Дона съ ужасомъ бѣжали къ морю. Война съ Половцами.

Чего Андрей желалъ напрасно, то сдѣлалъ хитрый Всеволодъ: онъ на нѣсколько лѣтъ совершенно подчинилъ себѣ мятежную первобытную столицу нашихъ Князей. Во время раздора его съ Ольговичами, повинуясь ему, лучшіе Новогородцы, не только военные люди, но и самые купцы, ходили съ Ярославомъ въ Великія Луки, чтобы удерживать Кривскихъ Владѣтелей и препятствовать ихъ Г. 1196—201. Всеволодъ подчиняетъ себѣ Новгородъ

соединенію съ Черниговцами. Ярославъ Владиміровичь уже имѣлъ тогда многихъ непріятелей въ Новѣгородѣ: Посадникъ, чиновники ѣздили ко Всеволоду, прося его, чтобы онъ вывелъ отъ нихъ свояка и далъ имъ сына. Великій Князь задержалъ сихъ Пословъ, а Новогородцы, тѣмъ оскорбленные, изгнали Ярослава, къ сожалѣнію добрыхъ, миролюбивыхъ людей, которыхъ сторона рѣдко бываетъ сильнѣйшею. Народъ, обольщенный безразсудными, хотѣлъ доказать свою независимость, и сынъ Князя Черниговскаго[85], избранный большинствомъ голосовъ, пріѣхалъ въ Новгородъ, не господствовать, но быть игралищемъ своевольныхъ. Между тѣмъ Ярославъ, съ согласія жителей, остался въ Торжкѣ; бралъ дань въ окрестностяхъ Мсты и за Волокомъ. Новогородцевъ вездѣ ловили какъ непріятелей, толпами приводили въ Владиміръ. Дѣйствуя осторожнѣе Андрея, Всеволодъ не думалъ осаждать ихъ столицы: мѣшалъ имъ только купечествовать въ Россіи и собирать налоги въ Двинской землѣ, зная, что любостяжаніе скоро одержитъ верхъ надъ упрямствомъ людей торговыхъ. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ шесть мѣсяцевъ сынъ Князя Черниговскаго долженъ былъ ѣхать

назадъ къ отцу: Сотники Новогородскіе явились во дворцѣ у Всеволода, извинялись, молили, обѣщали, и Ярославъ къ нимъ возвратился, провождаемый множествомъ ихъ освобожденныхъ согражданъ. Народъ торжествовалъ прибытіе сего Князя какъ отца и благотворителя, удивляясь своему прежнему заблужденію. Тишина возстановилась: Князь властвовалъ благоразумно, судилъ справедливо, взялъ нужныя мѣры для защиты границъ и смирилъ Полочанъ, дерзнувшихъ вмѣстѣ съ Литвою злодѣйствовать вокругъ Великихъ Лукъ[86]. Но Всеволодъ, недовольный свойкомъ, призвалъ его къ себѣ, и чего прежде не хотѣлъ сдѣлать въ угодность народу то народъ сдѣлалъ въ угодность Великому Князю: Архіепископъ Мартирій и чиновники должны были, исполняя уже не свою волю, а повелѣніе Государя, ѣхать въ Владиміръ и требовать Всеволодова сына на престолъ Новогородскій. Послы сказали: »*Господинъ* Князь Великій! область наша есть »твоя *отчина*[87]: молимъ, да повелѣваетъ »нами родный внукъ Долгорукаго, правнукъ »Мономаховъ!« Всеволодъ изъявилъ притворную нерѣшимость; хотѣлъ еще совѣтоваться съ дружиною, и какъ бы изъ снисхожденія далъ Новогородцамъ сына,

именемъ Святослава-Гавріила, еще младенца, предписавъ имъ условія, согласныя съ честію Княжескою. Сей Государь, обласкавъ, угостивъ чиновниковъ, безъ сомнѣнія не могъ увѣрить ихъ, что славная *воля Новогородская* остается въ древней силѣ своей; однакожь хотя наружнымъ образомъ почтивъ уставъ ея, скрылъ дѣйствіе самовластія отъ простыхъ гражданъ Они думали, что Святославъ ими *избранъ*, и встрѣтили его съ радостію. Другіе видѣли повелителя, но молчали, ибо надѣялись жить спокойнѣе или боялись сильнаго Всеволода. Согласясь съ Посадникомъ, онъ далъ Новугороду и Архіепископа на мѣсто Мартирія, который, не доѣхавъ до Владиміра, умеръ близъ Осташкова. — Вѣроятно, что Великій Князь окружилъ юнаго Святослава опытными Боярами, и чрезъ нихъ управлялъ областію Новогородскою, такъ же, какъ и южнымъ Переяславлемъ, гдѣ другій, десятилѣтній сынъ Всеволодовъ, Ярославъ-Ѳеодоръ, властвовалъ по кончинѣ своего двоюроднаго брата, Ярослава Мстиславича[88].

Въ сіе время Романъ Волынскій обратилъ на себя общее вниманіе пріобрѣтеніемъ сильной области и тиранствомъ

удивительнымъ, если сказаніе Польскихъ Историковъ справедливо. Знаменитый родъ Володаря Галицкаго пресѣкся: сынъ Ярославовъ, Владиміръ, освободивъ наслѣдственную область свою отъ ига Венгровъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ умеръ и не оставилъ дѣтей. Вся южная Россія пришла въ движеніе: каждый Князь хотѣлъ овладѣть землею богатою, торговою, многолюдною[89]. Но Романъ Мстиславичъ предупредилъ совмѣстниковъ: воспитанный при Дворѣ Казимира *Справедливаго*, связанный ближнимъ родствомъ съ его юными сыновьями и вдовствующею супругою, Еленою, дочерью Всеволода Мстиславича Бельзскаго, которая участвовала въ важнѣйшихъ дѣлахъ государственныхъ, онъ прибѣгнулъ къ Ляхамъ, и съ ихъ помощію вступилъ въ страну Галицкую. Народъ уже зналъ и не любилъ сего Князя, жестокаго нравомъ. Вельможи, Бояре, явились въ станѣ Польскомъ, моля Казимирова сына, Герцога Лешка, »чтобы онъ самъ управлялъ ими »или чрезъ своего Намѣстника, и та»кимъ образомъ избавилъ бы ихъ отъ »бѣдственнаго участія въ междоусобіи »Князей Россійскихъ[90].« Бояре предлагали дары, серебро, золото, ткани драго-

Слава и тиранство Романа.

цѣпныя; а граждане вооружались. Однакожь Поляки силою возвели Романа на престолъ Галицкій. Тогда сей Князь, озлобленный общею къ нему ненавистію Вельможъ, началъ свирѣпствовать какъ вторый Бузирисъ въ своихъ новыхъ владѣніяхъ. Такъ пишетъ современный Историкъ, Епископъ Кадлубекъ, повѣствуя, что Романъ умертвилъ лучшихъ Бояръ Галицкихъ, зарывалъ ихъ живыхъ въ землю, четвертилъ, разстрѣливалъ, изобрѣталъ неслыханныя муки. Многіе спаслися бѣгствомъ въ другія земли: онъ старался возвратить ихъ, обѣщая имъ всякія милости, и не обманывалъ; но чрезъ нѣсколько времени вымышлялъ клевету, обвинялъ сихъ легковѣрныхъ во мнимомъ злоумышленіи, казнилъ и присвоивалъ себѣ ихъ достояніе, говоря въ пословицу: »чтобы спокойно ѣсть медовый сотъ, »надобно задавить пчелъ.[91]«

Можетъ быть, злословіе, легковѣріе или пристрастіе излишно очернили свойство Государя ужаснаго для строптивыхъ, мятежныхъ Галичанъ; когда же онъ дѣйствительно, играя жизнію людей, слѣдовалъ въ своемъ правленіи сей гнусной пословицѣ, сохраненной и въ нашихъ лѣтописяхъ: то Князья Россійскіе

могли сверженіемъ тирана услужить человѣчеству. Рюрикъ, Ольговичи, бывъ дотолѣ въ дружбѣ съ Романомъ, хотѣли отнять у него Державу Галицкую, снисканную имъ помощію иноплеменниковъ, и соединились въ Кіевѣ, чтобы итти къ Днѣстру. Но дѣятельный Мстиславичь не терялъ времени: они еще не вышли въ поле, когда знамена Романовы уже развѣвались на берегахъ Днѣпра. Сей хитрый Князь, имѣвъ время снестися съ могущественнымъ Всеволодомъ, съ Черными Клобуками, съ Намѣстниками многихъ южныхъ городовъ, удостовѣрился въ ихъ доброжелательствѣ. Берендѣи, Торки пріѣхали къ нему въ станъ; города не оборонялись; жители прежде битвы встрѣчали его какъ побѣдителя, и самые Кіевляне безъ малѣйшаго сопротивленія отворили Копыревскія ворота Подола. Рюрикъ, Ольговичи трепетали за каменною стѣною въ верхней части города; съ радостію приняли миръ, и выѣхали изъ Кіева: Рюрикъ въ Овручь, Черниговскіе въ ихъ наслѣдственную область. — По условію, сдѣланному съ Великимъ Княземъ, отдавъ Кіевъ двоюродному брату своему, Ингварю Ярославичу Луцкому[92], Романъ спѣшилъ, ко славѣ нашего древ-

тяго оружія, защитить Греческую Имперію. Половцы опустошали Ѳракію: Алексій Комнинъ III и Митрополитъ Россійскій молили его быть спасителемъ Христіанъ единовѣрныхъ. Мужественный Романъ вступилъ въ землю Половецкую, завоевалъ многія вежи, освободилъ тамъ плѣнныхъ Россіянъ, отвлекъ варваровъ отъ Константинополя, и принудивъ ихъ оставить Ѳракію, съ торжествомъ возвратился въ Галичь.

Страшный Князь Галицкій ошибся, думая, что Ольговичи и Рюрикъ не дерзнутъ нарушить мира. Не жалѣя казны своей, не жалѣя отечества, они наняли множество Половцевъ и взяли приступомъ Кіевъ. Варвары опустошили домы, храмъ Десятинный, Софійскій, монастыри; умертвили старцевъ и недужныхъ; оковали цѣпями молодыхъ и здоровыхъ; не щадили ни знаменитыхъ людей, ни юныхъ женъ, ни Священниковъ, ни Монахинь. Одни купцы иноземные оборонялись въ каменныхъ церквахъ, столь мужественно, что Половцы вступили съ ними въ переговоры: удовольствовались частію ихъ товаровъ, и не сдѣлали имъ болѣе никакого зла. Городъ пылалъ; вездѣ стенали умирающіе; невольниковъ

Г. 1204, Генваря 1. Опустошеніе Кіева.

гнали шолпами. Кіевъ никогда еще не видалъ подобныхъ ужасовъ въ сшѣнахъ своихъ: былъ взяшъ, ограбленъ сыномъ Андрея Боголюбскаго; но жишели, лишенные имѣнія, осшались шогда по крайней мѣрѣ свободными. Всѣ добрые Россіяне, самые ошдаленные, оплакивали несчасшіе древней сшолицы и жаловались на его виновниковъ. Мало по малу она снова наполнилась жишелями, кошорые укрылись ошъ меча Половцевъ и спаслись ошъ неволи; но сей городъ, дважды разоренный, лишился своего блеска. Въ церквахъ не осшалось ни одного сосуда, ни одной иконы съ окладомъ. Варвары похишили и драгоцѣнныя одежды древнихъ Князей Россійскихъ, Св. Владиміра, Ярослава Великаго и другихъ, кошорые на памяшь себѣ вѣшали оныя въ храмахъ.

Рюрикъ и Черниговскіе Владѣшели, довольные злодѣяніемъ, вышли изъ Кіева: судьба наказала перваго. Романъ пришелъ съ войскомъ къ Овручу, и сверхъ чаянія предложилъ шесшю миръ, убѣждая его ошказашься ошъ союза Ольговичей; склонилъ даже и Всеволода Георгіевича забышь досаду на Рюрика и снова ошдашь ему Кіевъ, какъ бы въ награду за разореніе онаго. Такое удивишельное великодушіе Февраля 16.

было одною хитростію: Князь Галицкій желалъ только отвлечь легковѣрнаго тестя отъ Черниговскихъ Владѣтелей (которые тогда счастливо воевали съ Литвою); примирилъ ихъ со Всеволодомъ, и въ доказательство своей мнимой дружбы къ Рюрику ходилъ съ нимъ, въ жестокую зиму, на Половцевъ; взялъ не мало плѣнниковъ, скота—и вдругъ, будучи въ Триполѣ, безъ всякой извѣстной причины велѣлъ дружинѣ схватить сего несчастнаго Князя, отвезти въ Кіевъ, заключить въ монастырь. Рюрикъ, жена его и дочь супруга Романова, въ одно время были пострижены; а сынъ его, зять Всеволодовъ, отведенъ плѣнникомъ въ Галичь, вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ. Наказавъ тестя, Романъ возвратился въ свою область, и хотя, въ угодность Великому Князю, отпустилъ Рюриковыхъ сыновей, но бѣдный отецъ остался Монахомъ. Довольный освобожденіемъ зятя, Всеволодъ посадилъ его на престолъ Кіевскій.

Пострижение Рюрика.

Тогда пылкій, неутомимый Романъ уступивъ Великому Князю честь располагать судьбою Кіева, обратилъ свое вниманіе на Польшу, гдѣ коварный Герцогъ Мечиславъ, обманувъ юнаго Лешка, присвоилъ себѣ единовластіе. Князь Галиц-

кій весною вступилъ въ область Сендомирскую, взялъ два города, и прекратилъ военныя дѣйствія, услышавъ о смерти стараго Герцога, врага своего и побѣдителя; но возобновилъ ихъ, свѣдавъ, что сынъ Мечиславовъ объявилъ себя Государемъ въ Краковѣ. Беззащитныя села были жертвою пламени вокругъ Сендомира, и Послы Лешковы молили Романа оставить ихъ землю въ покоѣ. Соглашаясь на миръ, онъ требовалъ денегъ за убытки, имъ понесенные, и за кровь Россіянъ, убитыхъ въ сраженіи съ Мечиславомъ; отсрочилъ платежъ, но хотѣлъ, чтобы ему отдали въ залогъ область Люблинскую. — Въ тоже самое время прибылъ къ Галицкому Князю Посолъ Иннокентія III, властолюбиваго Папы Римскаго[93]. Уже давно ревностные проповѣдники Латинской Вѣры желали отвратить нашихъ предковъ отъ Восточной Церкви: знаменитый Епископъ Краковскій, Матѳей, около половины XII вѣка торжественно возлагалъ на Аббата Клервоскаго, Миссіонарія, именемъ Бернарда, обязанность вывести ихъ изъ мнимаго заблужденія, говоря въ письмѣ къ нему, что »Россіяне живутъ какъ бы въ »особенномъ мірѣ, безчисленны подобно

Посольство Папы къ Роману.

*

»звѣздамъ небеснымъ, и въ хладныхъ,
»мрачныхъ странахъ своихъ вѣдая Спаси-
»теля единственно по имени, ожидаютъ
»теплотворнаго свѣта истинной Вѣры
»отъ Намѣстника Апостольскаго; что
»Бернардъ, смягчивъ ихъ грубыя сердца,
»будетъ новымъ Орфеемъ, Амфіономъ«[94],
и проч. Сіи усердныя домогательства
Римскихъ Фанатиковъ не имѣли успѣха,
и Папа, слыша о силѣ Мстиславича, гроз-
наго для Венгровъ и Ляховъ, надѣялся
обольстить его честолюбіе. Велерѣчивый
Посолъ Иннокентія доказывалъ нашему
Князю превосходство Закона Латинскаго;
но опровергаемый Романомъ, искуснымъ
въ прѣніяхъ Богословскихъ, сказалъ ему
наконецъ, что Папа можетъ его на-
дѣлить городами и сдѣлать великимъ
Королемъ посредствомъ меча Петрова.
Романъ, обнаживъ собственный мечь свой,
съ гордостію отвѣтствовалъ: »Такой ли
Отвѣтъ Романовъ. »у Папы? Доколѣ ношу его при бедрѣ, не
»имѣю нужды въ иномъ, и кровію поку-
»паю города, слѣдуя примѣру нашихъ дѣ-
»довъ, возвеличившихъ землю Русскую.«
—Сей Князь умный скоро погибъ отъ
неосторожности[95]: снова объявивъ вой-
Г. ну Ляхамъ, стоялъ на Вислѣ; съ малою
1205. дружиною отъѣхалъ отъ войска, встрѣ-

тилъ непріятелей и палъ въ неравной битвѣ. Галичане нашли его уже мертваго. — Романъ, называемый въ Волынской Лѣтописи *Великимъ* и *Самодержцемъ всея Руси*, надолго оставилъ память блестящихъ воинскихъ дѣлъ своихъ, извѣстныхъ отъ Константинополя до Рима. Жестокій для Галичанъ, онъ былъ любимъ, по крайней мѣрѣ отлично уважаемъ, въ наслѣдственномъ Удѣлѣ Владимірскомъ, гдѣ народъ славилъ въ немъ *умъ мудрости*, *дерзость льва*, *быстроту орлиную* и *ревность Мономахову* въ усмиреніи варваровъ, подъ щитомъ Героя не боясь ни хищныхъ Ятвяговъ, дикихъ обитателей Подляшья, ни свирѣпыхъ Литовцевъ, коихъ Историкъ пишетъ, что сей Князь, одерживая надъ ними побѣды, впрягалъ несчастныхъ плѣнниковъ въ соху для обработыванія земли, и что въ отечествѣ ихъ до самаго XVI вѣка говорили въ пословицу: *Романе! худымъ живеши, Литвою ореши*[96]. Лѣтописцы Византійскіе упоминаютъ объ немъ съ похвалою, именуя его *мужемъ крѣпкимъ*, *дѣятельнымъ*. Однимъ словомъ, ему принадлежитъ честь знаменитости между нашими древними Князьями. — Даніилъ и Василько, сыновья Романовы, *втораго*

Характеръ сего Князя.

брака, остались еще младенцами подъ надзиранiемъ матери: Галичане волновались, однакожь присягнули въ вѣрности Данiилу, имѣвшему не болѣе четырехъ лѣтъ отъ рожденiя.

Рюрикъ снова на престолѣ. Постриженный Рюрикъ, услышавъ о смерти зятя и врага, ободрился; скинулъ одежду инока и сѣлъ на престолѣ въ Кiевѣ; хотѣлъ разстричь и жену свою, которая, вмѣсто того, немедленно приняла Схиму, осуждая его легкомыслiе. Онъ возобновилъ союзъ съ Князьями Черниговскими и спѣшилъ къ Галичу, въ надеждѣ, что младенецъ Данiилъ не въ состоянiи ему противиться, и что тамошнiе Бояре не захотятъ лишь крови своей за сына, терпѣвъ много отъ жестокости отца. Но мать Данiилова взяла мѣры.

Происшествiя въ Галичѣ. Андрей Государь Венгерскiй, все еще именовался *Королемъ Галицiи;* не спорилъ объ ней съ мужественнымъ Романомъ и даже былъ его названнымъ братомъ: однакожь не преставалъ жалѣть о семъ утраченномъ Королевствѣ и бралъ живѣйшее участiе въ происшествiяхъ онаго. Вдовствующая Княгиня видѣлась съ Андреемъ въ Санокѣ; напомнила ему дружбу Романову, представила Данiила, говорила съ чувствительностiю матери,

и сдѣлала въ немъ по видимому столь глубокое впечатлѣніе, что онъ искренно далъ слово быть ея сыну вторымъ нѣжнымъ отцемъ. Дѣйствія соотвѣтствовали обѣщаніямъ. Сильная дружина Венгерская окружила дворецъ Княжескій, заняла крѣпости; повелѣвая именемъ малолѣтнаго Даніила, грозила казнію внутреннимъ измѣнникамъ, и распорядила защиту отъ непріятелей внѣшнихъ, такъ что Рюрикъ, вступивъ съ Ольговичами въ Галицкую землю, встрѣтилъ войско благоустроенное, сражался безъ успѣха, не могъ взять ни одного укрѣпленнаго мѣста и возвратился съ великимъ стыдомъ. Сынъ Рюриковъ, зять Великаго Князя, выгналъ только Ярослава Владиміровича, свояка Всеволодова, изъ Вышегорода, и союзники распустили войско. Рюрикъ уступилъ Бѣлгородъ своимъ друзьямъ Черниговскимъ, которые отдали его Глѣбу Святославичу[97].

Между тѣмъ Всеволодъ Георгіевичь спокойно господствовалъ на Сѣверѣ: отряды его войска тревожили Болгаровъ, Князья Рязанскіе отражали Донскихъ хищниковъ, а Новогородцы Литву. Жители Великихъ Лукъ съ Воеводою, именемъ Нездилою, ходили въ Летгалію, или въ южную часть нынѣшней Лифляндской Гу-

берніи, и привели оттуда плѣнниковъ. Новая ссора Россіянъ съ Варягами — вѣроятно по торговлѣ — не имѣла никакого слѣдствія: послѣдніе должны были на все согласиться, чтобы мирно купечествовать въ нашихъ сѣверо-западныхъ областяхъ. Но Всеволодъ, будто бы желая защитить Новгородъ отъ внѣшнихъ опасныхъ непріятелей, велѣлъ объявить тамошнимъ чиновникамъ, что онъ даетъ имъ старшаго сына своего, Константина, ибо отрокъ Святославъ еще не въ силахъ быть ихъ покровителемъ. Надобно думать, что Бояре Владимірскіе, пѣстуны юнаго Святослава, не могли обуздывать народнаго своевольства, и что Великій Князь хотѣлъ сею перемѣною еще болѣе утвердить власть свою надъ Новымгородомъ. Двадцати-лѣтній Константинъ уже славился мудростію, великодушіемъ, Христіанскими добродѣтелями: граждане Владимірскіе съ печалію услышали, что сей любимый юноша, благотворитель бѣдныхъ, долженъ ихъ оставить. Отецъ вручилъ ему *крестъ и мечъ.* »Иди управлять народомъ,« сказалъ Всеволодъ:» будь его судіею и защитникомъ. »Новгородъ *Великій* есть древнѣйшее Княжение въ нашемъ отечествѣ: Богъ, Госу-

Константинъ въ Новѣгородѣ.

»дарь и родитель твой дают тебѣ »старѣйшинство между всѣми Князьями »Русскими. Гряди съ миромъ; помни славное имя свое, и заслужи оное дѣлами.« Братья, Вельможи, купцы, провожали Константина: толпы народныя громогласно осыпали его благословеніями. Новогородцы также встрѣтили сего Князя съ изъявленіемъ усердія: Архіепископъ, чиновники ввели въ церковь Софійскую, и народъ присягнулъ ему въ вѣрности. Угостивъ Бояръ въ домѣ своемъ, Константинъ ревностно началъ заниматься правосудіемъ; охраняя народъ, охранялъ и власть Княжескую: хотѣлъ дѣйствительно господствовать въ своей области. Мирные граждане засыпали покойно: властолюбивые и мятежные могли быть недовольны.

Г. 1206. Марта 20.

Всеволодъ не имѣлъ войны съ Черниговскими Князьями, однакожь не дозволялъ друзьямъ своимъ искать ихъ союза. Не смотря на то, сватъ его, Мстиславъ Смоленскій, въ угожденіе Рюрику вступилъ съ ними въ тѣсную связь, и хотя, боясь утратить пріязнь Великаго Князя, посылалъ къ нему Епископа Смоленскаго, Игнатія, съ дружескими увѣреніями[98], но не хотѣлъ отстать отъ Князей Черниговскихъ. Главою ихъ, по смерти Игоря

и старшаго брата, Олега, былъ тогда Всеволодъ Чермный, сынъ Святослава, подобный отцу въ козняхъ, гордый, властолюбивый: нанявъ толпы Половцевъ, соединясь съ Рюрикомъ, Мстиславомъ Смоленскимъ и съ Берендѣями, онъ вторично предпринялъ завоевать Галицкую область, и для вѣрнѣйшаго успѣха призвалъ Ляховъ. Увѣдомленный о томъ Король Венгерскій, Андрей, спѣшилъ защитить юныхъ сыновей Романовыхъ. Уже полки его спустились съ горъ Карпатскихъ; но Даніилъ и Василько не дождались прибытія Андреева. Слыша, что съ одной стороны идутъ Россіяне, съ другой Ляхи; видя также страшное волненіе въ землѣ Галицкой, вдовствующая Княгиня бѣжала съ дѣтьми въ наслѣдственный Удѣлъ ея супруга, Владиміръ Волынскій. Андрей не далъ соединиться Полякамъ съ Ольговичами: сталъ между ими, близъ Владиміра, и вступилъ съ первыми въ мирные переговоры, коихъ слѣдствіемъ было то, что Венгры, Ляхи, Россіяне вышли изъ Галича; а жители, съ согласія Андреева, послали въ Переяславль за сыномъ Великаго Князя, юнымъ Ярославомъ, желая, чтобы онъ въ ихъ землѣ господствовалъ. Можетъ быть, сама вдовствую-

щая супруга Романова убѣдила Короля Венгерскаго согласиться на сіе избраніе, въ надеждѣ, что отецъ Ярославовъ, сильный Всеволодъ Георгіевичь, вообще уважаемый, обуздаетъ тамъ народъ мятежный и со временемъ возвратитъ Даніилу достояніе его родителя. Но Черниговскіе Князья имѣли въ Галичѣ доброхотовъ, въ особенности Владислава, знатнаго Вельможу, бывшаго изгнанникомъ въ Романово время. Онъ вмѣстѣ съ другими единомышленниками представлялъ согражданамъ, что Ярославъ слишкомъ молодъ, а Великій Князь слишкомъ удаленъ отъ ихъ земли; что имъ нуженъ защитникъ ближайшій; что Ольговичи безъ сомнѣнія не оставятъ Галицкой области въ покоѣ, и что лучше добровольно поддаться одному изъ нихъ. Галичане, тайно отправивъ Пословъ въ станъ Россійскій, предложили Владиміру Игоревичу Сѣверскому быть ихъ Государемъ. Обрадованный Владиміръ ночью укрался отъ своихъ родныхъ, друзей, союзниковъ, не сказавъ имъ ни слова, и прискакалъ въ Галичь тремя днями ранѣе Ярослава, который долженъ былъ съ досадою ѣхать назадъ въ Переяславль.

Еще гоненіе на семейство Романово

Князья Сѣверскіе господствуютъ въ Галичѣ.

тѣмъ не кончилось. Владиміръ Игоревичь, исполняя совѣтъ злопамятныхъ Галицкихъ Бояръ, велѣлъ объявить гражданамъ Владимірскимъ, чтобы они выдали ему младенцевъ, Даніила и Василька, приняли къ себѣ княжить брата его, Святослава Игоревича, или готовились видѣть разрушеніе ихъ столицы. Усердный народъ хотѣлъ убить сего Посла, спасеннаго только заступленіемъ нѣкоторыхъ Бояръ; но вдовствующая Княгиня, опасаясь злобы Галичанъ, измѣны собственныхъ Вельможъ и легкомыслія народнаго, по совѣту Мирослава, пѣстуна Даніилова, рѣшилась удалиться, и представила трогательное зрѣлище непостоянной судьбы въ мірѣ.

Бѣгство Романова семейства.

Любимая супруга Князя сильнаго, союзника Императоровъ Греческихъ, уважаемаго Папою, Монархами сосѣдственными, въ темную ночь бѣжала изъ дворца какъ преступница, вмѣсто сокровищъ взявъ съ собою однихъ милыхъ сыновей. Мирославъ велъ Даніила, Священникъ Юрій и кормилица несли Василька на рукахъ; видя городскія ворота уже запертыя, они пролѣзли сквозь отверстіе стѣны, шли во мракѣ, не зная куда; наконецъ достигли границъ Польскихъ и Кракова. Тамъ Лешко Бѣлый, умиленный несчастіемъ сего

знаменитаго семейства, не могъ удержаться отъ слезъ; осыпалъ ласками Княгиню, и пославъ Даніила въ Венгрію съ Вельможею Вячеславомъ Лысымъ, писалъ къ Андрею:» Ты былъ другомъ его отца: »я забылъ вражду Романову. Вступимся »за изгнанниковъ; введемъ ихъ съ честію »въ области наслѣдственныя.« Андрей также принялъ сего младенца со всѣми знаками искренней любви, но болѣе ничего не сдѣлалъ, охлажденный, можетъ быть, въ своемъ великодушномъ покровительствѣ дарами Владиміра Игоревича, коего Послы, не жалѣя ни золота, ни льстивыхъ обѣщаній, усердно работали въ Венгріи и въ Польшѣ[99]. Сей бывшій Князь Удѣла Сѣверскаго, вдругъ облагодѣтельствованный счастіемъ, едва вѣрилъ своему величію, опасному и ненадежному. Безъ сопротивленія занявъ всю область Владимірскую, онъ уступилъ ее Святославу Игоревичу, а Звенигородъ другому брату, именемъ Роману.

Хитрый Всеволодъ Чермный, имѣвъ надежду самъ господствовать на плодоносныхъ берегахъ Днѣстра и Сана, безъ сомнѣнія завидовалъ Игоревичамъ; однакожъ скрылъ неудовольствіе, остался имъ другомъ, и хотѣлъ иначе удовлетво-

Коварство Всеволода Чермнаго.

рить своему властолюбію. Всѣ способы казались ему позволенными: бывъ союзникомъ Рюрика и Мстислава, онъ сталъ ихъ врагомъ; вооруженною рукою занялъ Кіевъ и разослалъ своихъ Намѣстниковъ по всей области Днѣпровской. Рюрикъ ушелъ въ Овручъ; сынъ его зять Великаго Князя, въ Вышегородъ, а Мстиславъ Смоленскій заключился съ дружиною въ Бѣлѣгородѣ. Они уже не имѣли права требовать защиты отъ Великаго Князя; но Чермный самъ дерзнулъ оскорбить его. »Иди къ отцу,« велѣлъ онъ сказать юному Ярославу Всеволодовичу: »Пере»яславль да будетъ Княженіемъ моего »сына! Если не исполнишь сего повелѣ»нія, или будешь домогаться Галича, гдѣ »властвуетъ теперь родъ нашего слав»наго предка, Олега: то я накажу дерз»каго, слабаго юношу.« Ярославъ выѣхалъ изъ Переяславля; а Всеволодъ Чермный скоро бѣжалъ изъ Кіева, нечаянно увидѣвъ, предъ стѣнами онаго, знамена Рюрика и Мстислава Смоленскаго. Онъ нанялъ Половцевъ: Рюрикъ сперва отразилъ его; но Чермный призвалъ союзниковъ,
г. Владиміра Игоревича Галицкаго и Князей
1207. Туровскихъ, потомковъ Святополка-Михаила, неблагодарно измѣнившихъ своему

зятю. Ничто не могло имъ противиться. Рюрикъ вторично удалился въ Овручь; Мстиславъ, осажденный въ Бѣлѣгородѣ, просилъ только свободы возвратиться въ Смоленскъ. Триполь, Торческъ сдалися, и Святославичь сѣлъ опять на престолѣ Кіевскомъ. Половцы торжествовали счастливый успѣхъ союзника своего грабежемъ и злодѣйствами въ окрестностяхъ Днѣпра: бѣдный народъ, стеная, простиралъ руки къ Великому Князю.

Всеволодъ Георгіевичь наконецъ вооружился. »Южная Россія есть также мое »отечество,« сказалъ онъ, и выступилъ къ Москвѣ, гдѣ ожидалъ его Константинъ съ войскомъ Новогородскимъ[100]. На берегу Оки соединились съ нимъ Князья Муромскій и Рязанскіе. Всѣ думали, что цѣлію сего ополченія будетъ Кіевъ: случилось, чего никто не ожидалъ. Великому Князю донесли, что Рязанскіе Владѣтели суть измѣнники и тайно держатъ сторону Черниговскихъ: онъ повѣрилъ, и сказавъ словами Давида: *ядый хлѣбъ мой возвеличилъ есть на мя препинаніе*, рѣшился наказать ихъ строго. Не предвидя своего бѣдствія, они собрались въ ставкѣ у Всеволода, чтобы веселиться за Княжескимъ столомъ его[101]. Всеволодъ въ

Бѣдствіе Рязанскихъ Князей.

Сентября 22. знакъ дружбы обнявъ несчастныхъ, удалился: тогда Бояринъ его и Давидъ Муромскій явились уличать дѣйствительныхъ или мнимыхъ измѣнниковъ, которые тщетно именемъ Бога клялися въ своей невинности: двое изъ Князей же Рязанскихъ, Олегъ и Глѣбъ Владиміровичи, пристали къ обвинителямъ или *клеветникамъ*, по выраженію Новогородскаго Лѣтописца, и Всеволодъ осудилъ Романа Глѣбовича, Святослава (брата его) съ двумя сыновьями и племянниками (дѣтьми Игоря), также нѣкоторыхъ Бояръ; велѣлъ отвезти ихъ въ Владиміръ, окованныхъ тяжкими цѣпями, и вступилъ съ войскомъ въ область Рязанскую. Жители Пронска, усердные къ своимъ Государямъ, отвергнули мирныя его предложенія. Юный Князь ихъ, Михаилъ, бѣжалъ къ тестю, Всеволоду Чермному[102]; но граждане, призвавъ къ себѣ другаго Князя Рязанскаго, Изяслава Владиміровича, брата Олегова и Глѣбова, оборонялись мужественно. Непріятель стоялъ на берегу рѣки: не имѣя колодезей, изнемогая отъ жажды, они ночью выходили изъ города и въ тишинѣ наполняли сосуды водою: узнавъ о томъ, Великій Князь поставилъ стражу предъ городскими воро-

тами. Кровь лилася ежедневно въ течение трехъ недѣль. Остервененіе гражданъ уступило наконецъ крайности, ибо многіе люди умирали отъ жажды. Пронскъ сдался: Всеволодъ наградилъ имъ Олега Владиміровича, можетъ быть за гнусную клевету его; взялъ множество добычи, и плѣнилъ жену Михаилову. Во время сей осады Рязанцы нападали на суда Всеволодовы, подвозившія Окою съѣстные припасы войску; но бывъ отражены, изъявили покорность. Епископъ ихъ, Арсеній[103], встрѣтилъ Великаго Князя съ моленіемъ. »Государь!« сказалъ онъ: »удержи »руку мести; пощади храмы Всевышняго, »гдѣ народъ приноситъ жертву Небу, и »гдѣ мы за тебя молимся. Верховная воля »твоя будетъ намъ закономъ.« Не имѣя надежды съ успѣхомъ противиться Всеволоду, народъ Рязанскій прислалъ къ нему остальныхъ Князей своихъ, съ ихъ дѣтьми и женами, въ Владиміръ, куда сей Государь возвратился, свѣдавъ, что Рюрикъ опять выгналъ Чермнаго изъ Кіева.

Всеволодъ Георгіевичь уже не хотѣлъ разстаться съ Константиномъ; довольный Новогородцами, милостиво одарилъ ихъ въ Коломнѣ, и велѣлъ имъ итти съ Хитрость Всеволода.

миромъ въ свою отчизну, сказавъ торжественно: »Исполняю желаніе народа до»браго; возвращаю вамъ всѣ права людей »свободныхъ, всѣ уставы Князей древ»нихъ. Отнынѣ управляйте сами собою: »любите своихъ благодѣтелей и казните »злодѣевъ!« Сія удивительная рѣчь Князя властолюбиваго была хитростію: онъ зналъ неудовольствіе гражданъ которые жаловались на отяготительныя подати и разныя дѣйствія Княжескаго самовластія. Современный Лѣтописецъ сказываетъ одно изъ оныхъ: Всеволодъ, обманутый ложнымъ доносомъ, за нѣсколько времени до Рязанскаго похода прислалъ въ Новгородъ Боярина своего и велѣлъ, безъ всякаго изслѣдованія, умертвить знатнаго гражданина, Алексѣя Сбыславича, торжественно, на Вѣчѣ Двора Ярославова. Сіе насиліе произвело всеобщее негодованіе: сожалѣли о невинной жертвѣ; видѣли, что Константинъ есть только орудіе самовластнаго отца, и что истинный Государь Новагорода живетъ въ Владимірѣ. Опасаясь слѣдствій такого впечатлѣнія, Великій Князь хотѣлъ польстить народу мнимымъ возстановленіемъ прежней свободы; хотѣлъ казаться единственно великодушнымъ его покро-

вишелемъ, а въ самомъ дѣлѣ остаться Государемъ Новогородцевъ; отпустилъ ихъ войско, но удержалъ въ Владимірѣ Посадника Дмитрія раненнаго въ битвѣ) и семь знаменитѣйшихъ гражданъ въ залогъ вѣрности. Между тѣмъ народъ спѣшилъ воспользоваться древнею вольностію, ему объявленною, и на шумномъ Вѣчѣ осудилъ Димитрія, доказывая, что онъ и братья его были виновниками многихъ беззаконныхъ налоговъ. Судьи обратились въ мятежниковъ: разграбили, сожгли домы обвиняемыхъ; продали ихъ рабовъ, села; раздѣлили деньги: каждому гражданину пришлось по нѣскольку гривенъ[104]; а Князю оставили право взыскивать платежъ съ должниковъ Димитрія по счетамъ и письменнымъ обязательствамъ. Многіе чиновники разбогатѣли, тайно присвоивъ себѣ большую часть взятаго имѣнія. Еще волненіе не утихло, когда привезли изъ Владиміра въ Новгородъ тѣло умершаго Димитрія Посадника: озлобленный народъ хотѣлъ бросить его съ моста; но Архіепископъ Митрофанъ удержалъ неистовыхъ, и велѣлъ предать оное землѣ въ Георгіевскомъ монастырѣ, подлѣ могилы отца Димитріева. Сынъ Великаго Князя, Святославъ, вторично

Г. 1208. пріѣхалъ управлять Новгородскою областію; взялъ оставленную ему часть изъ имѣнія осужденныхъ, и согласился довершить народную месть ссылкою ихъ дѣтей и родственниковъ въ Суздаль[105]. Не достигнувъ еще и юношескаго возраста, онъ повелѣвалъ только именемъ, и не могъ предводительствовать войскомъ, которое сражалось тогда съ Литвою подъ начальствомъ Владиміра Мстиславича: сей юный Князь, сынъ Мстислава *Храбраго*, господствовалъ во Псковѣ съ согласія Новгородцевъ или Князя ихъ.

Поручивъ область Рязанскую Намѣстникамъ и Тіунамъ, Всеволодъ скоро отправилъ туда княжить сына своего, Ярослава - Ѳеодора. Народъ повиновался ему неохотно, жалѣя о собственныхъ Князьяхъ, заключенныхъ въ Владимірѣ Лѣтописецъ Суздальскій обвиняетъ Рязанцевъ даже въ явномъ бунтѣ, сказывая, что они уморили въ темницѣ многихъ Бояръ Владимірскихъ: сею ли дерзостію или чѣмъ другимъ оскорбленный, Всеволодъ пришелъ съ войскомъ къ Рязани. Ярославъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу вмѣстѣ съ Послами, которые именемъ народа предложили свои оправданія или требованія, но столь нескромно, что Великій Князь, еще болѣе

разгнѣванный, явилъ примѣръ излишней строгости: велѣлъ жителямъ выйти съ дѣтьми изъ города и зажечь его. Напрасно хотѣли они моленіемъ смягчить грознаго судію: сія столица Удѣла знаменитаго обратилась въ кучу пепла, и бѣдные граждане, лишенные отечества, были разселены по отдаленнымъ мѣстамъ Суздальскаго Княженія. Ту же участь имѣлъ и Бѣлгородъ Рязанскій[106]. Самый Епископъ Арсеній какъ плѣнникъ былъ привезенъ въ Владиміръ. — Князь Изяславъ Владиміровичь, который спасся отъ неволи, и Михаилъ, зять Чермнаго, мстили Всеволоду опустошеніемъ Московскихъ окрестностей; но сынъ Великаго Князя, Георгій, разбилъ ихъ на голову.

Жестокость Великаго Князя.

Г. 1209.

Въ сіе время дерзнулъ Владѣтель ничтожнаго Удѣла объявить себя врагомъ Государя страшнаго для иныхъ, сильнѣйшихъ Князей. Мстиславъ, старшій сынъ Мстислава *Храбраго*, племянникъ Рюрика, служилъ ему усердно, прославилъ себя мужественною, упорною защитою Торческа[107], и принужденный выѣхать оттуда, получилъ отъ Смоленскаго Князя Удѣлъ Торопецкій. Зная, сколь память отца его любезна Новугороду; зная, что многіе чиновники и самый народъ не любятъ

Смѣлость Мстислава.

тамъ опеки Всеволодовой, онъ смѣло предпринялъ воспользоваться ихъ тайнымъ расположенiемъ; вступилъ съ дружиною въ Торжекъ, плѣнилъ Дворянъ Святославовыхъ, оковалъ цѣпями Намѣстника его, взялъ ихъ имѣнiе. Посолъ Мстиславовъ явился въ Новѣгородѣ, и сказалъ народу слѣдующiя слова отъ имени Князя: »Кланяю»ся Святой Софiи, гробу отца моего и »всѣмъ добрымъ гражданамъ. Я свѣдалъ, что »Князья угнетаютъ васъ и что насилiе ихъ »заступило мѣсто прежней вольности. Нов»городъ есть моя отчина: я пришелъ воз»становить древнiя права любезнаго мнѣ »народа.« Сiя рѣчь плѣнила Новогородцевъ: они прославили великодушiе Мстислава, единогласно объявили его своимъ Княземъ и заключили Святослава съ Боярами Владимiрскими въ домѣ Архiерейскомъ. Мстиславъ, встрѣченный съ громкими восклицанiями радости, немедленно собралъ войско, желая предупредить Великаго Князя; но сей Государь, или опасаясь, чтобы Новогородцы въ озлобленiи не умертвили Святослава, или зная ихъ легкомыслiе и надѣясь управиться съ ними безъ кровопролитiя, не хотѣлъ битвы; предложилъ миръ, назвался отцемъ Мстислава, и довольный освобожденiемъ сына, отпустилъ

всѣхъ купцевъ Новогородскихъ, задержанныхъ въ Суздальской области. Обѣ рати возвратились, не обнаживъ меча, и Константинъ, начальникъ полковъ Владимірскихъ, привезъ Святослава къ родителю.

Великій Князь, завоевавъ берега Пры, гдѣ еще держались Изяславъ и Михаилъ Рязанскіе, доказалъ любовь свою къ общему спокойствію миромъ съ Ольговичами. Глава Духовенства, Митрополитъ Матѳей, былъ посредникомъ, и самъ пріѣхалъ въ Владиміръ, къ удовольствію народа; угощенный, обласканный всѣмъ Княжескимъ Домомъ, склонилъ Всеволода предать забвенію наглое, обидное изгнаніе сына его изъ Переяславля. Новыя клятвы утвердили союзъ. Всеволодъ Чермный столь любилъ Кіевъ, что согласился отдать за него древнюю столицу своей наслѣдственной области: Рюрикъ взялъ Черниговъ, а южный Переяславль, гдѣ злодѣйствовали тогда Половцы, остался Удѣломъ Великаго Княженія. Митрополитъ исходатайствовалъ свободу Княгинямъ Рязанскимъ, но не могъ избавить Князей отъ неволи. Всѣ были довольны, и Чермный въ залогъ вѣрности прислалъ въ Владиміръ дочь свою, которая совокупилась бракомъ съ Георгіемъ, вторымъ сыномъ Великаго Князя.

Г. 1210. Миръ съ Ольговичами.

Г. 1211, Апрѣля 10.

Мятежи въ Галичѣ.

Въ сіи дни общаго мира земля Галицкая была позорищемъ неустройства, жертвою коварныхъ иноплеменниковъ и собственныхъ враговъ спокойствія. Не смотря на внѣшнія и внутреннія опасности, на угрозы Венгровъ и Ляховъ, на строптивость народа и мятежный духъ Бояръ, безразсудные Игоревичи искали непріятелей другъ въ другѣ. Романъ Звенигородскій, озлобленный старшимъ братомъ, ушелъ въ Венгрію, и съ помощію Короля Андрея изгнавъ Владиміра Игоревича, сѣлъ на престолѣ Галицкомъ, къ изумленію Даніиловой матери, которая надѣялась, что Андрей отдастъ сіе Княженіе сыну ея. Другой покровитель Даніиловъ также измѣнилъ своему обѣту. Видя междоусобіе Игоревичей, Лешко Бѣлый соединился съ Александромъ Бельзскимъ, сыномъ умершаго Всеволода Мстиславича, и приступилъ къ городу Владиміру. Жители не хотѣли обороняться, отворили ворота и сказали »Полякамъ: вы друзья наши; съ вами пле»мянникъ Великаго Романа.« Сіи мнимые друзья ограбили домы, церкви; плѣнили Святослава Игоревича; отдали Владиміръ Александру. Лешко женился на его дочери, Гремиславѣ; и чтобы не оставить сыновей Романовыхъ совершенно безъ Удѣла,

отпустилъ малолѣтнаго Василька княжить въ Брестъ, исполняя требованіе тамошнихъ гражданъ: Александръ уступилъ ему послѣ и Бельзъ.

Такимъ образомъ ясно обнаружилось намѣреніе Венгровъ и Ляховъ: они имѣли случай и не захотѣли возстановить сильнаго Дому Романова, опасаясь его могущества; раздѣленіе областей Галицкой и Владимірской (въ самое сіе время опустошаемой Ятвягами и Литвою) казалось благопріятнымъ для Политики Андрея и Лешка. Вѣроятно также, что слабый Романъ Игоревичь и не менѣе слабый Александръ, обязанные милостію сихъ Монарховъ, долженствовали господствовать только въ качествѣ ихъ данниковъ или *подручниковъ*. Первый не сдержалъ, кажется, слова: для того Андрей прислалъ войско въ Галичь съ Вельможею Бенедиктомъ, который, схвативъ Романа (безпечно мывшагося въ банѣ), отправилъ въ Венгрію, а самъ началъ свирѣпствовать какъ *Антихристъ*, по выраженію Лѣтописца, удовлетворяя гнуснѣйшимъ вожделѣніямъ своего развратнаго сердца, тѣсня чиновниковъ и гражданъ. Кто имѣлъ богатство или прекрасную жену, не могъ быть спокоенъ; кто обличалъ

тиранство, подвергался казни или заточенію. Въ числѣ смѣлыхъ Бояръ находился Тимоѳей Книжникъ, родомъ Кіевлянинъ: онъ дерзнулъ укорить злаго Властелина и едва могъ спастися бѣгствомъ. Такъ и во время Андреева правленія въ Галичѣ насильствовали Венгры: по крайней мѣрѣ Андрей имѣлъ право Государя, сей же Бенедиктъ не имѣлъ никакого законнаго. Народъ и Вельможи искали способа избавиться отъ иноплеменнаго злодѣя. Первый опытъ былъ неудаченъ. Мстиславъ, прозваніемъ *Нѣмый*, сынъ Ярослава Луцкаго, господствуя въ Пересопницѣ, взялъ на себя изгнать Бенедикта: онъ пріѣхалъ съ дружиною къ Галичу; но Венгры остереглися: стражи ихъ стояли у воротъ; тишина царствовала въ городѣ, и Мстиславъ, боясь участи Берладникова сына, удалился. Здѣсь Лѣтописецъ прибавляетъ, что близъ Днѣстра находилась древняя могила, именуемая *Галичиною*, отъ коей произошло имя *Галиціи;* что одинъ Бояринъ, смѣясь Мстиславу, возвелъ его на сію могилу, и сказалъ: »Князь! теперь »безъ стыда можешь ѣхать назадъ: ты »былъ на *Галичинѣ*!«

Въ сіе время Романъ Игоревичъ бѣжалъ изъ Венгріи и примирился съ братомъ

Владиміромъ: къ нимъ обратился несчастный народъ Галицкій, обвиняя себя въ томъ, что не умѣлъ прежде цѣнить благословеннаго ихъ княженія. Они собрали войско и заставили Бенедикта уйти въ Карпатскія горы. Спокойствіе возстановилось. Романъ удовольствовался Звенигородомъ; Святославъ Игоревичь, освобожденный Поляками, взялъ себѣ Перемышль; Владиміръ, какъ старшій, остался княжить въ столицѣ, отдавъ сыну Теребовль, а другаго сына пославъ съ дарами къ Королю Венгерскому, чтобы обезоружить его и властвовать безопасно.

Говорятъ, что бѣдствіе есть учитель: оно имѣетъ сію выгоду только для умовъ основательныхъ; другіе, испытавъ несчастіе, хотятъ руководствоваться въ дѣлахъ новыми правилами, и впадаютъ въ новыя заблужденія. Желая утвердиться на шаткомъ тронѣ Галицкомъ; обвиняя прежнюю слабость свою въ излишнемъ самовольствѣ тамошнихъ Вельможъ, и приписывая блестящее государствованіе Романа Мстиславича одной его строгости, Игоревичи вздумали казнію первостепенныхъ Бояръ обуздать народъ, и погубили себя невозвратно: безъ явной, особенной вины, безъ улики, безъ

*

суда, исполнители Княжеской воли хватали знатнѣйшихъ людей, убивали, и произвели всеобщій ужасъ. Но многіе изъ обреченныхъ на смерть имѣли время спастися, и въ томъ числѣ Бояринъ Владиславъ, которому Игоревичи обязаны были престоломъ Галицкимъ. Сей Вельможа, вмѣстѣ съ другими бѣжавъ въ Венгрію, молилъ Андрея, чтобы онъ далъ имъ отрока Даніила и войско для изгнанія жестокихъ Игоревичей, неблагодарныхъ, забывшихъ милость Королевскую. Непрестанно лаская Даніила — обѣщая то усыновить, то женить его на своей дочери—Андрей до сего времени благодѣтельствовалъ ему одними словами. Тогда еще не имѣя сыновей, по крайней мѣрѣ взрослыхъ; разсудивъ, что гораздо надежнѣе управлять Галиціею именемъ ея законнаго Князя, нежели собственнымъ, чрезъ Венгерскихъ Бароновъ, ненавистныхъ Россіянамъ; думая, что юный Даніилъ, отчасти имъ воспитанный, охотнѣе Игоревичей можетъ быть его подручникомъ: Андрей исполнилъ требованіе Галицкихъ Бояръ, и Владиславъ, окруженный полками Венгровъ, вступилъ съ Княземъ отрокомъ въ предѣлы отечества. Города сдавались. »За кого вамъ

»сражаться?« говорилъ одушевленный местію Владиславъ: »за убійцъ ли, которые злодѣйски умертвили вашихъ отцевъ и братьевъ, похитили ихъ имѣніе, »женили рабовъ на дочеряхъ Боярскихъ?« Граждане Перемышля выдали ему Святослава Игоревича[108]. Романъ въ Звенигородѣ оборонялся, призвавъ Половцевъ. Но всѣ сосѣдственные Князья возстали на Игоревичей: Александръ Владимірскій, Ярославичи, Ингварь Луцкій и Мстиславъ Нѣмый; малолѣтный Василько прислалъ изъ Бельза къ брату Даніилу свою дружину; самые Ляхи соединились съ Венграми, чтобы участвовать въ выгодахъ сего ополченія. Романа Звенигородскаго плѣнили въ бѣгствѣ: Владиміръ ушелъ. Юному Даніилу вручили державу Княжескую. Родительница спѣшила обнять его: онъ не узналъ матери, бывъ долго въ разлукѣ съ нею; но тѣмъ болѣе изъявилъ чувствительности, услышавъ отъ нее имя сына, и видя ея радостныя слезы. Среди Вельможъ и народа сей величественный отрокъ уже казался повелителемъ, благородною наружностію предвѣщая свою будущую знаменитость.

Но еще не могъ онъ властвовать дѣйствительно: Венгры, Ляхи, Князья

сосѣдственные и гордые Бояре надѣялись пользоваться его малолѣтствомъ. Ему отдали Галичь, но Владиміръ остался за Александромъ, Червенъ за Всеволодомъ, Александровымъ братомъ. Въ самомъ Галичѣ Даніилъ находился подъ опекою своевольныхъ, недостойныхъ Вельможъ, и не могъ спасти Русскаго имени отъ поношенія, будучи свидѣтелемъ гнуснѣйшаго злодѣянія. Воеводы Андреевы, Великій Дворецкій, именемъ Потъ, и другіе, плѣнивъ Игоревичей, хотѣли отвезти ихъ къ Королю; но Бояре Галицкіе, движимые злобою, требовали сихъ несчастныхъ для торжественной казни. Венгры колебались: наконецъ, убѣжденные дарами, выдали имъ жертвы, и Галичане рѣдкимъ неистовствомъ заслужили въ древней Россіи имя *безбожныхъ*, данное имъ въ современной лѣтописи: били, терзали и повѣсили своихъ бывшихъ Князей [109]. Сіе государственное преступленіе долженствовало бы вооружить всѣхъ потомковъ Св. Владиміра: къ сожалѣнію, кончина Великаго Князя и новыя междоусобія отвлекли ихъ вниманіе отъ мятежной земли Галицкой.

Всеволодъ, призвавъ къ себѣ Константина изъ Новагорода, назначилъ ему

въ Удѣлъ Ростовъ съ пятью городами, за нѣсколько же времени до смерти назвалъ его преемникомъ Великокняжескаго

Г. 1212.

достоинства, съ тѣмъ, чтобы онъ уступилъ Ростовскую область брату Георгію. Константинъ не хотѣлъ выѣхать изъ своего Удѣла, желая наслѣдовать цѣлое Великое Княженіе Суздальское[110].

Неповиновеніе Константина.

Раздраженный столь явнымъ неповиновеніемъ, отецъ созвалъ Бояръ изъ всѣхъ городовъ, Епископа Іоанна, Игуменовъ, Священниковъ, купцевъ, Дворянъ, и въ ихъ многочисленномъ собраніи объявилъ, что наслѣдникомъ его долженъ быть вторый сынъ Георгій; что онъ ему поручаетъ и Великую Княгиню и меньшихъ братьевъ. Константина любили, уважали; но безмолвствовали предъ священною властію отца: сынъ ослушный казался преступникомъ, и всѣ, исполняя волю Великаго Князя, присягнули избранному наслѣднику. Константинъ оскорбился, негодовалъ и, какъ говорятъ Лѣтописцы, со *гнѣвомъ воздвигъ брови свои на Георгія*. Добрые сыны отечества съ горестію угадывали слѣдствія.

Апрѣля 15. Кончина

Всеволодъ Георгіевичь, княживъ 37 лѣтъ, спокойно и тихо преставился на пятьдесятъ-осьмомъ году жизни, оплаки-

и характеръ Всеволода Великаго.

ваемый не только супругою, дѣтьми, Боярами, но и всѣмъ народомъ[111]: ибо сей Государь, называемый въ лѣтописяхъ *Великимъ*, княжилъ счастливо, благоразумно отъ самой юности, и строго наблюдалъ правосудіе. Не бѣдные, не слабые трепетали его, а Вельможи корыстолюбивые. Не *обинуяся лица сильныхъ*, по словамъ Лѣтописца, *и не туне нося мечь, ему Богомъ данный*, онъ казнилъ злыхъ, миловалъ добрыхъ. Воспитанный въ Греціи, Всеволодъ могъ научиться тамъ хитрости, а не человѣколюбію: иногда мстилъ жестоко, но хотѣлъ всегда казаться справедливымъ, уважая древнія обыкновенія; требовалъ покорности отъ Князей, но безъ вины не отнималъ у нихъ престоловъ, и желалъ властвовать безъ насилія; повелѣвая Новогородцами, льстилъ ихъ любви къ свободѣ; мужественный въ битвахъ, и въ каждой побѣдитель, не любилъ кровопролитія безполезнаго. Однимъ словомъ, онъ былъ рожденъ царствовать (хвала не всегда заслуживаемая Царями!), и хотя не могъ назваться Самодержавнымъ Государемъ Россіи, однакожь, подобно Андрею Боголюбскому, напомнилъ ей счастливые дни Единовластія. Новѣй-

шіе Лѣтописцы, славя добродѣтели сего Князя, говорятъ, что онъ довершилъ месть начатую Михаиломъ: казнилъ всѣхъ убійцъ Андреевыхъ, которые еще были живы; а главныхъ злодѣевъ, Кучковичей, велѣлъ зашить въ коробъ и бросить въ воду. Сіе извѣстіе согласно отчасти съ древнимъ преданіемъ: близъ города Владиміра есть озеро, называемое Пловучимъ; разсказываютъ, что въ немъ утоплены Кучковичи, и суевѣріе прибавляетъ, что тѣла ихъ *донынѣ* плаваютъ тамъ въ коробѣ[112]!

Доказавъ свою набожность, по тогдашнему обычаю, сооруженіемъ храмовъ, Всеволодъ оставилъ и другіе памятники своего княженія: кромѣ города Остера, имъ возобновленнаго, онъ построилъ крѣпости въ Владимірѣ, Переяславлѣ Залѣсскомъ и Суздалѣ[113].

Всеволодъ въ 1209 году сочетался вторымъ бракомъ съ дочерью Витебскаго Князя, Василька Брячиславича[114]. Первою его супругою была Марія, родомъ Ясыня, славная благочестіемъ и мудростію. Въ послѣднія семь лѣтъ жизни страдая тяжкимъ недугомъ, она изъявляла удивительное терпѣніе, часто сравнивала себя съ Іовомъ[115], и за 18 дней до кончи-

Мудрость Великой Княгини.

ны постриглась; готовясь умереть, призвала сыновей и заклинала ихъ жить въ любви, напомнивъ имъ мудрыя слова Великаго Ярослава, что междоусобіе губитъ Князей и отечество, возвеличенное трудами предковъ; совѣтовала дѣтямъ быть набожными, трезвыми, вообще привѣтливыми и въ особенности уважать старцевъ, по изрѣченію Библіи: *во множѣмъ времени премудрость, во мнозѣ житіи вѣдѣніе*. Лѣтописцы хвалятъ ее также за украшеніе церквей серебряными и *золотыми* сосудами; называютъ Россійскою Еленою, Ѳеодорою, второю Ольгою. Она была матерію осьми сыновей, изъ коихъ двое умерли во младенчествѣ. Лѣтописецъ Суздальскій, упоминая о рожденіи каждаго, сказываетъ, что ихъ на четвертомъ или пятомъ году жизни торжественно *постригали и сажали на коней* въ присутствіи Епископа, Бояръ, гражданъ; что Всеволодъ давалъ тогда пиры роскошные, угощалъ Князей союзныхъ, дарилъ ихъ золотомъ, серебромъ, конями, одеждами, а Бояръ тканями и мѣхами. Сей достопамятный обрядъ такъ называемыхъ *Постригъ*, или перваго обрѣзанія волосовъ у дѣтей мужескаго полу, кажется остаткомъ язы-

Постриги.

чества: знаменовалъ вступленіе ихъ въ бытіе гражданское, въ чинъ благородныхъ всадниковъ[216], и соблюдался не только въ Россіи, но и въ другихъ земляхъ Славянскихъ: на примѣръ, у Ляховъ, коихъ древнѣйшій Историкъ пишетъ, что два странника, богато угощенные Піастомъ, *остригли волосы* его сыну-младенцу и *дали имя* Семовита[217].

Князь Россійскій въ Грузіи.

Въ Исторію сего времени входитъ слѣдующее любопытное извѣстіе, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ достовѣрное. Послѣ 1175 года не упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ о сынѣ Андрея Боголюбскаго, Георгіи; но онъ *является* важнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ Исторіи Грузинской. »Въ 1171 году юная »Тамаръ, дочь Царя, Георгія III, наслѣ»довала престолъ родителя. Духовенство »и Бояре искали ей жениха: тогда одинъ »Вельможа Тифлисскій, именемъ Абула»санъ, предложилъ собранію, что сынъ »Великаго Князя Россійскаго, Андрея, дя»дею Всеволодомъ изгнанный и заточен»ный въ *Савалту*, ушелъ оттуда въ »*Свинчъ* къ Хану Кипчакскому (или По»ловецкому), и что сей юноша, знаме»нитый родомъ, умомъ, храбростію, до»стоинъ быть супругомъ ихъ Царицы.

»Одобрили мысль Абуласанову; послали »за Княземъ, и Тамарь сочеталась съ »нимъ бракомъ. Нѣсколько времени бывъ »счастіемъ супруги и славою Государ»ства, онъ перемѣнился въ дѣлахъ и нра»вѣ: Тамарь, исполняя волю Совѣта, дол»женствовала изгнать его, но щедро на»градила богатствомъ. Князь удалился »въ Черноморскія области, въ Грецію; »велъ жизнь странника, скучалъ, возвра»тился опять въ Грузію, преклонилъ къ »себѣ многихъ жителей и хотѣлъ взять »Тифлисъ; но, побѣжденный Тамарію, съ »ея дозволенія, безопасно и съ честію »выѣхалъ, неизвѣстно куда.« Сія Тамарь славилась побѣдами, одержанными ею надъ Персіянами и Турками; завоевала разные города и земли; любила Науки, Исторію, Стихотворство, и время ея считалось златымъ вѣкомъ Грузинской Словесности. Сынъ Тамаринъ, Георгій Лашъ, по кончинѣ матери царствовалъ отъ 1198 до 1211 года[118].

Замѣтимъ нѣкоторые бѣдственные случаи долговременнаго княженія Всеволодова. Два раза горѣлъ при немъ Владиміръ: въ 1185 году огонь разрушилъ тамъ 32 церкви каменныя и Соборную, богато украшенную Андреемъ; ея сере-

бряныя паникадила, златые сосуды, одежды служебныя, вышитыя жемчугомъ, драгоцѣнныя иконы, парчи, куны или деньги, хранимыя въ теремѣ, и всѣ книги были жертвою пламени. Чрезъ пять лѣтъ случилось такое же несчастіе для цѣлой половины Владиміра: едва могли отстоять дворецъ Княжескій; а въ Новѣгородѣ многіе люди, устрашенные безпрестанными пожарами, оставили домы и жили въ полѣ: въ одинъ день сгорѣло тамъ 4300 домовъ. Многіе другіе города: Руса, Ладога, Ростовъ, обратились въ пепелъ. Въ 1187 году свирѣпствовала какая-то общая болѣзнь въ городахъ и селахъ: Лѣтописцы говорятъ, что ни одинъ домъ не избѣжалъ заразы, и во многихъ не кому было принести воды. Въ 1196 году вся область Кіевская чувствовала землетрясеніе: домы, церкви колебались, и жители, не пріученные къ сему обыкновенному въ жаркихъ климатахъ явленію, *трепетали и падали ницъ отъ страха.* Разныя бѣдствія.

Въ княженіе Всеволода былъ завоеванъ Крестоносцами Царьградъ: происшествіе важное и горестное для тогдашнихъ Россіянъ, тѣсно связанныхъ съ Греками по Вѣрѣ и торговлѣ! Взятіе Взятіе Царяграда.

Царяграда и Кіева случилось въ одинъ годъ (1204): суевѣрные Лѣтописцы наши говорятъ, что многія страшныя явленія въ ту зиму предвѣщали бѣдствіе; что небо казалось въ огнѣ, метеоры сверкали въ воздухѣ и снѣгъ имѣлъ цвѣтъ крови. Французы, Венеціане, ограбивъ богатые храмы, похитивъ драгоцѣнности искусства и мощи Святыхъ, избрали не только собственнаго Императора, но и Патріарха Латинскаго: Греческій, оставивъ имъ въ добычу казну Софійскую, въ одномъ бѣдномъ хитонѣ уѣхалъ на ослѣ во Ѳракію. Папа Иннокентій III, желая воспользоваться симъ случаемъ, писалъ къ Духовенству нашему, что Вѣра истинная торжествуетъ; что вся Греческая Имперія уже ему повинуется; что одни ли Россіяне захотятъ быть отверженными отъ паствы Христовой; что Церковь Римская есть ковчегъ спасенія, и что внѣ онаго все должно погибнуть; что Кардиналъ Г., мужъ ученый, благородный, Посолъ Намѣстника Апостольскаго, уполномоченъ отъ него быть просвѣтителемъ Россіи, истребителемъ ея заблужденій, [119] и проч. Сіе Пастырское увѣщаніе не имѣло ни какого слѣдствія, и Митрополиты наши были

отполѣ поставляемы въ Никеѣ, новой столицѣ Греческихъ Константинопольскихъ Патріарховъ, до самаго изгнанія Крестоносцевъ изъ Царяграда.

Тогда же другіе *Крестоносцы* сдѣлались опасны для сѣверо-западной Россіи. Мы упоминали о Меингардѣ, проповѣдникѣ Латинской Вѣры въ Ливоніи: преемники его, утверждаемые Главою Бременской Церкви въ санѣ Епископовъ, для вѣрнѣйшаго успѣха въ дѣлѣ своемъ прибѣгнули къ оружію, и Папа отпускалъ грѣхи всякому, кто подъ знаменіемъ креста лилъ кровь упрямыхъ язычниковъ на берегахъ Двины. Ежегодно изъ Нѣмецкой земли толпами отправлялись туда странствующіе богомольцы, но не съ посохомъ, а съ мечемъ, искать спасенія души въ убійствѣ людей. Третій Епископъ Ливонскій, Альбертъ, избравъ мѣсто удобное для пристани, въ 1200 году основалъ городъ Ригу, а въ 1201 *Орденъ Христовыхъ воиновъ* или *Меченосцевъ*, которымъ Папа, Иннокентій III, далъ уставъ славныхъ *Рыцарей Храма*, подчинивъ ихъ Епископу Рижскому: *крестъ* и *мечъ* были символомъ сего новаго братства. Россіяне назывались господами Ливоніи, имѣли даже крѣпость на Двинѣ, Коке-

Нѣмцы въ Ливоніи.

Основаніе Риги.

Орденъ Меченосцевъ.

нойсъ (нынѣ Кокенхузенъ); однакожъ, собирая дань съ жителей, не препятствовали Альберту волею и неволею крестить идолопоклонниковъ. Сей хитрый Епископъ отъ времени до времени дарилъ Князя Полоцкаго, Владиміра, увѣряя его, что Нѣмцы думаютъ единственно о распространеніи истинной Вѣры. Но Альбертъ говорилъ какъ Христіанинъ, а дѣйствовалъ какъ Политикъ: умножалъ число воиновъ, строилъ крѣпости, хотѣлъ и духовнаго и мірскаго господства. Бѣдные жители не знали, кому повиноваться, Россіянамъ или Нѣмцамъ: единоплеменники Финновъ, Ливь, желали, чтобы первые освободили ихъ отъ тиранства Рыцарей, а Латыши изъявляли усердіе къ послѣднимъ. Наконецъ Князь Владиміръ объявилъ войну опаснымъ пришельцамъ: осаждалъ Икскулъ, и не могъ въ 1200 году взять Кирхгольма, ибо Россіяне, искусные стрѣлки, по сказанію Ливонскаго древняго Лѣтописца, не умѣли дѣйствовать пращею; хотя и переняли сіе орудіе у Нѣмцевъ, но худо бросая камни, били ими своихъ. Владиміръ снялъ осаду — услышавъ, что многіе чужеземные корабли приближаются къ берегамъ Ливоніи — и Двиною

возвратился въ Полоцкъ. Флотъ, испугавшій Россіянъ, былъ Датскій: Король Вольдемаръ въ угодность Папѣ шелъ оборонить новую Церковь Ливонскую; присталъ къ Эзелю, хотѣлъ основать тамъ крѣпость, но вдругъ, перемѣнивъ мысли, удалился, отправивъ въ Ригу Лунденскаго Архіепископа, знаменитаго ученостію Андрея, который въ санѣ Римскаго Посла долженъ былъ способствовать успѣхамъ Католической Вѣры въ сихъ предѣлахъ. Скоро большая часть жителей крестилась: ибо они видѣли, что ихъ ничтожные идолы, разрушаемые сѣкирами Христіанъ, не могли защитить себя. Современный Лѣтописецъ разсказываетъ случай любопытный: Латыши бросили жеребей, какую Вѣру принять имъ, Нѣмецкую или Русскую, и согласно съ волею Судьбы избрали первую. Впрочемъ они долго еще съ нѣкоторою благодарностію хранили въ памяти имена ложныхъ боговъ: Перкуна или громовержца, Земинника или дарователя земныхъ плодовъ, Тора или сѣвернаго Марса, и проч. Ливь и Чудь назвали самаго Творца вселенныя именемъ главнаго ихъ идола, Юммала: были уже Христіанами, но ходили еще молиться въ лѣса священные,

приносили жертвы древамъ, ежегодно торжествовали праздникъ усопшихъ съ обрядами язычества, и клали въ могилу оружіе, пищу, деньги, говоря мертвому: »иди, несчастный, въ міръ лучшій, гдѣ »Нѣмцы уже не могутъ господствовать »надъ тобою, а будутъ твоими рабами[120]!« Сей бѣдный народъ въ теченіе вѣковъ не забывалъ насилія своихъ жестокихъ просвѣтителей!—Довольный услугами Рыцарей, Епископъ Альбертъ уступилъ имъ третію часть покоренной Ливоніи; старался болѣе и болѣе утверждать тамъ свое владычество; выгналъ Россіянъ изъ укрѣпленнаго замка Кукенойса, принудивъ Удѣльнаго Князя Двинскаго, именемъ Всеволода, быть данникомъ Рижской Церкви. Сей Князь, женатый на дочери одного знатнаго Литовца, господствовалъ въ Герсикѣ (нынѣшнемъ Крейцбургѣ): онъ дѣлалъ много зла не только Нѣмцамъ, но и Россіянамъ, свободно пропуская Литовскихъ грабителей чрезъ Двину и доставляя имъ съѣстные припасы. Епископъ Альбертъ сжегъ столицу Всеволода, плѣнилъ его Княгиню, многихъ жителей, и съ тѣмъ условіемъ возвратилъ имъ свободу, чтобы сей Князь отказался отъ союза съ Литовцами и навсегда подарилъ

свою область Богородицѣ, то есть, Епископу. Всеволодъ подъ тремя знаменами клялся вѣрно служить Матери Божіей; торжественно назвалъ Альберта отцемъ: призналъ себя его Намѣстникомъ въ Герсикѣ[121]! Но сѣверная часть Ливоніи оставалась еще независимою отъ Нѣмцевъ: тамъ хотѣлъ господствовать храбрый Мстиславъ Новогородскій. Взявъ мѣры для безопасности границъ своихъ, укрѣпивъ южныя новыми городами и поручивъ охранять Великія Луки брату, Князю Владиміру Псковскому, онъ ходилъ съ войскомъ (въ 1212 году) на западные берега Чудскаго озера, собирать дань и смирять непокорныхъ; осаждалъ крѣпость *Медвѣжью Голову* или Оденпе, и взялъ съ жителей 400 гривенъ *ногатами* или *кунами*. Нѣмецкій Лѣтописецъ прибавляетъ, что Князь Новогородскій, крестивъ тогда нѣкоторыхъ язычниковъ, обѣщалъ прислать къ нимъ своихъ Поповъ, но что Альбертовы Миссіонаріи предупредили Россіянъ, и скоро ввели тамъ Вѣру Латинскую.

Заключая описаніе достопамятныхъ временъ Всеволода III, упомянемъ о случаѣ принадлежащемъ вмѣстѣ и къ церковной и къ свѣтской Исторіи нашего отечества. Въ 1212 году Новогородцы, недовольные

Духовная власть въ Новѣгородѣ.

Святителемъ Митрофаномъ, безъ всякаго сношенія съ Главою Духовенства, Митрополитомъ Кіевскимъ, изгнали своего Архіепископа и выбрали на его мѣсто бывшаго знаменитаго гражданина, Добрыню Ядренковича, который не задолго до того времени ѣздилъ въ Царьградъ и постригся въ монастырѣ Хутынскомъ, основанномъ въ концѣ XII вѣка Св. Варлаамомъ, близъ Волхова. Такъ Новогородцы судили и Князей и Святителей, думая, что власть мірская и духовная происходитъ отъ народа[122].

ГЛАВА IV.

Георгій Князь Владимірскій, Константинъ Ростовскій.

Г. 1212 — 1216.

Междоусобіе. Изгнаніе Мономахова Дому изъ южной Россіи. Благоразуміе Россіянъ въ дѣлахъ Вѣры. Подвиги Мстислава. Строгость Ярославова. Голодъ въ Новѣгородѣ. Славная битва Липецкая. Великодушіе Мстислава. Епископъ Симонъ.

Совершивъ погребеніе отца, Георгій, съ одобренія Вельможъ, возвратилъ сво-

боду Князьямъ Рязанскимъ, всѣмъ ихъ подданнымъ и Епископу Арсенію. Великое Княженіе Суздальское раздѣлилось тогда на двѣ области: Георгій господствовалъ въ Владимірѣ и Суздалѣ, Константинъ въ Ростовѣ и Ярославлѣ; оба желали единовластія и считали другъ друга хищниками. Братья ихъ также раздѣлились: Ярославъ-Ѳеодоръ, начальствуя въ Переславлѣ Залѣсскомъ, взялъ сторону Георгія, равно какъ и Святославъ, получивъ въ Удѣлъ Юрьевъ Польскій; Димитрій-Владиміръ остался вѣрнымъ Константину. Ростовскій Князь обратилъ въ пепелъ Кострому, плѣнилъ жителей[125]; Георгій два раза приступалъ къ Ростову, и заключивъ весьма неискренній миръ съ Константиномъ, выслалъ Димитрія изъ Москвы. »Даю тебѣ« (сказалъ онъ) »южный Переяславль, »нашу отчину; господствуй въ немъ и »блюди землю Русскую.« Димитрій, какъ бы предчувствуя бѣдствіе, неохотно поѣхалъ въ сей Удѣлъ, нѣкогда знаменитый и столь любезный для его дѣда; женился тамъ на племянницѣ Всеволода Чермнаго, и едва отпраздновавъ свадьбу, долженствовалъ сразиться съ Половцами; не могъ одолѣть варваровъ, и плѣненный ими, былъ отведенъ въ вежи. Онъ года чрезъ

Г. 1212 — 15. Междоусобіе.

три освободился и княжилъ послѣ въ Стародубѣ на Клязмѣ[124].

Рюрикъ скончался[125]: Князь трезвый, набожный, усердный строитель церквей, впрочемъ не имѣвшій доброй славы братьевъ своихъ: ни кротости Романовой, ни твердости Давида, ни воинской доблести Мстислава Храбраго. Всеволодъ Чермный, желая одинъ начальствовать въ южной Россіи и не боясь уже никого по смерти Великаго Князя, изгналъ сыновей и племянниковъ Рюриковыхъ изъ Удѣловъ Кіевской области. Къ сему насилію онъ прибавилъ клевету: »Вы« (говорилъ Всеволодъ) »хотѣли овладѣть Галичемъ, возмутили »тамъ народъ, повѣсили моихъ братьевъ »какъ разбойниковъ; вы гнуснымъ злодѣя»ніемъ посрамили имя отечества!« Изгнанники, удалясь въ область Смоленскую, требовали защиты отъ Мстислава Новогородскаго. Сей мужественный Князь былъ тогда стражемъ сѣверо-западной Россіи: съ одной стороны тревожили оную Литовцы, съ другой властолюбіе Нѣмцевъ угрожало ей великими опасностями. Первые дерзнули ворваться въ самый Псковъ, котораго жители — изгнавъ Князя своего, Владиміра Мстиславича, за его дружескую связь съ Рижскимъ Епископомъ — ходили

Изгнаніе Мономахова Дому изъ южной Россіи.

тогда въ Чудскую землю для собранія дани[126]. Литовцы не могли завладѣть городомъ, но выжгли его и разорили окрестности. Мстиславъ Новогородскій далъ Псковитянамъ инаго Князя, своего племянника двоюроднаго, Всеволода Борисовича, а Владиміръ удалился въ Ригу, будучи вѣрнымъ союзникомъ Ордена и тестемъ Епископова брата, Дитриха. Принятый имъ какъ другъ и свойственникъ, онъ имѣлъ случай оказать Нѣмцамъ важную услугу. Современный Лѣтописецъ Ливонскій разсказываетъ, что Князь Полоцкій, Владиміръ, желая объясниться съ Епископомъ, Альбертомъ, назначилъ ему свиданіе на берегу Двины, близъ нынѣшняго Крейцбурга Альбертъ пріѣхалъ туда съ Рыцарями, старѣйшинами Ливонскими, купцами Нѣмецкими и съ Владиміромъ Мстиславичемъ. Князь Полоцкій говорилъ Альберту, чтобы онъ не тревожилъ язычниковъ и не принуждалъ ихъ креститься; что Нѣмцы должны слѣдовать примѣру Россіянъ, которые довольствуются подданствомъ народовъ, оставляя имъ на волю вѣрить Спасителю или не вѣрить. »Нѣтъ!« отвѣтствовалъ съ жаромъ Епископъ: »совѣсть обязываетъ меня крес- »тить идолопоклонниковъ: такъ угодно

Благоразуміе Россіянъ въ дѣлахъ Вѣры.

»Богу и Папѣ!« Князь грозился обратить въ пепелъ Ригу, и въ гнѣвѣ обнажилъ мечь: Рыцари также изготовились къ битвѣ; но Владимiръ Мстиславичь сталъ между ими, молилъ, убѣждалъ, и сдѣлалъ наконецъ то, что Князь Полоцкiй, отдавая справедливость неустрашимости Рыцарей, совершенно уступилъ имъ всю южную Ливонiю. Сей Князь чрезъ нѣсколько лѣтъ думалъ поправить свою ошибку и выгнать Нѣмцевъ; но упалъ мертвый въ самую ту минуту, какъ хотѣлъ сѣсть на ладiю и плыть къ устью Двины, чтобы осадить Ригу[127]. Господствуя въ южной Ливонiи, Рыцари желали покорить и сѣверную, вмѣстѣ съ Эстонiею: узнавъ, что отряды ихъ грабятъ тамошнихъ жителей, Мстиславъ Новогородскiй собралъ 15,000 воиновъ; вмѣстѣ съ Княземъ Псковскимъ и Давидомъ Торопецкимъ, братомъ своимъ, выступилъ въ поле; доходилъ до самаго моря. Не встрѣтивъ нигдѣ Нѣмцевъ, которые заблаговременно ушли назадъ въ Ригу, онъ требовалъ дани съ Чуди, осаждалъ Воробьинъ или Верпель, взялъ съ гражданъ 700 гривенъ *ногатами* и разорилъ многiя окрестныя селенiя[128]. Сiя западная часть нынѣшней Эстляндской Губернiи находилась тогда въ цвѣтущемъ состоянiи; земледѣльцы

Подвиги Мстислава.

жили въ изобиліи, и деревни были хорошо выстроены: къ несчастію, Альбертовы Рыцари скоро огнемъ и мечемъ опустошили всю Эстонію.

Мстиславъ, отдавъ двѣ части взятой дани Новогородцамъ, а третью своимъ Дворянамъ или дружинѣ, спѣшилъ отъ береговъ Бальтійскаго моря къ Днѣпру; прибывъ въ Новгородъ, собралъ Вѣче на *Дворъ Ярослава* и предложилъ народу отмстить Всеволоду Чермному за обиду Князей Мономахова племени. Граждане любили Мстислава (ибо онъ старался имъ угождать) и единодушно отвѣтствовали: »Князь! куда обратишь »свои очи, тамъ будутъ наши головы«! Сіе усердіе вдругъ охладѣло на пути. Новогородскіе воины поссорились съ Смоленскими, убили одного человѣка въ дракѣ и торжественно объявили, что не хотятъ итти далѣе. Напрасно Князь звалъ ихъ на Вѣче; напрасно думалъ усовѣстить неблагодарныхъ: никто не слушалъ его повелѣнія. »И такъ мы должны »разстаться,« сказалъ Мстиславъ безъ всякой укоризны; дружески простился съ ними, и вышелъ съ братьями изъ Смоленска. Новогородцы изумились: тогда Посадникъ Твердиславъ напомнилъ имъ,

что предки ихъ гордились усердіемъ къ добрымъ Князьямъ, охотно умирали за Ярослава Великаго, и служили примѣромъ для другихъ Россіянъ. Сія рѣчь тронула Новогородцевъ, легкомысленныхъ, однакожь чувствительныхъ къ народной чести, ко славѣ великодушныхъ подвиговъ. Они догнали Князя, и пылая ревностію, нетерпѣливо желали битвы. Скоро война кончилась. Города отворяли ворота; два Князя отдалися въ плѣнъ. Всеволодъ Святославичь бѣжалъ изъ Кіева, заключился въ Черниговѣ и съ горести умеръ; а братъ его, Глѣбъ, видя опустошеніе земли своей, покорностію и дарами купилъ миръ. Побѣдители отдали Кіевъ Ингварю Ярославичу Луцкому, который добровольно уступилъ его Князю Смоленскому[129].

г. 1215. Храбрый Мстиславъ, учредивъ порядокъ въ завоеванной Днѣпровской области, возвратился въ Новгородъ, но скоро объявилъ жителямъ на Вѣчѣ, что дѣла отзываютъ его въ южную Россію; что онъ будетъ всегда защитникомъ Новогородцевъ, однакожь даетъ имъ волю избрать себѣ инаго Князя. Народъ сожалѣлъ объ немъ; долго разсуждалъ, кѣмъ замѣнить Князя столь великодушнаго;

наконецъ отправилъ Посадника, Тысячскаго и десять старѣйшихъ купцевъ звать Θеодора Всеволодовича, Мстиславова зятя[130]. Ярославъ-Θеодоръ началъ свое правленіе строгостію и наказаніями, сославъ въ Тверь нѣкоторыхъ окованныхъ цѣпями чиновниковъ, велѣвъ разграбить дворъ Тысячскаго, оклеветаннаго врагами, взявъ подъ стражу сына и жену его. Возбужденный самимъ Княземъ къ дѣйствіямъ своевольнымъ, народъ искалъ жертвъ, новыхъ преступниковъ: умертвилъ самъ собою двухъ знаменитыхъ гражданъ; а Князь съ досады на сихъ мятежниковъ уѣхалъ въ Торжекъ. Между тѣмъ въ окрестностяхъ Новагорода сдѣлался неурожай: Ярославъ, ослѣпленный злобою, захватилъ весь хлѣбъ въ изобильныхъ мѣстахъ и не пустилъ ни воза въ столицу. Тщетно Послы убѣждали Князя возвратиться: онъ задерживалъ ихъ въ Торжкѣ, призвавъ къ себѣ жену изъ Новагорода, гдѣ уже свирѣпствовалъ голодъ. Четверть ржи стоила около трехъ рублей шестидесяти копеекъ нынѣшними серебряными деньгами, овса рубль 7 копеекъ, возъ рѣпы два рубли 86 копеекъ. Бѣдные ѣли сосновую кору, липовый листъ и мохъ; отдавали дѣтей всякому, кто хотѣлъ

Строгость Ярослава.

Голодъ въ Новѣгородѣ.

ихъ взять, — томились, умирали. Трупы лежали на улицахъ, оставленные на снѣденіе псамъ, и люди толпами бѣжали въ сосѣдственныя земли, чтобы избавиться отъ ужасной смерти. Въ послѣдній разъ Новогородцы молили Ярослава утѣшить ихъ своимъ присутствіемъ. »Иди къ Св. »Софіи,« говорили они: »или скажи, что »не хочешь быть нашимъ Княземъ.« Онъ задержалъ и сихъ Пословъ, вмѣстѣ съ купцами Новогородскими. Чиновники скорбѣли; граждане воплемъ изъявляли отчаяніе; а Намѣстникъ Ярославовъ и Дворяне его были равнодушными зрителями
г. народнаго бѣдствія. Въ то время явился
1216, утѣшитель: Мстиславъ великодушный
Февр. 11. Новогородцы съ восторгомъ увидѣли его на *Дворѣ Ярославѣ*. Сей Князь говорилъ, что онъ помнитъ свое обѣщаніе быть всегда ихъ другомъ; что освободитъ невинныхъ гражданъ, заключенныхъ въ Торжкѣ, возстановитъ благоденствіе Новагорода, или положитъ свою голову. Народъ клялся жить и умереть съ добрымъ Мстиславомъ, который, взявъ подъ стражу Бояръ Ярославовыхъ, чрезъ одного умнаго Священника объявилъ зятю, чтобы онъ, если желаетъ остаться ему сыномъ, выѣхалъ изъ Торжка и немедленно

возвратилъ свободу всѣмъ Боярамъ и купцамъ Новогородскимъ. Съ гордостію отвергнувъ мирное предложеніе, Ярославъ изготовился къ войнѣ; сдѣлалъ на пути засѣки, укрѣпленія, и прислалъ сто знаменитыхъ Новогородцевъ въ отчизну ихъ, съ приказаніемъ выпроводить оттуда его тестя. Но сіи люди, видя единодушіе согражданъ, пристали къ нимъ съ радостію. Тогда озлобленный Ярославъ собралъ на полѣ всѣхъ бывшихъ у него Новогородцевъ, числомъ болѣе двухъ тысячъ; оковалъ цѣпями и послалъ въ свой городъ, Переславль Залѣсскій, отнявъ у нихъ коней, деньги, все имѣніе. Въ надеждѣ на могущество брата, Георгія Владимірскаго, онъ грозился наказать тестя, и смѣло поднялъ руку на кровопролитіе междоусобное. Состояніе Новагорода было достойно жалости: голодъ, болѣзни истребили не малую часть его жителей; другіе скитались по землямъ чуждымъ; знатнѣйшіе люди стенали въ темницахъ Суздальской области; домы и цѣлыя улицы опустѣли. Мстиславъ, собравъ Вѣче, ободрялъ гражданъ своимъ мужествомъ. »Оставимъ ли братьевъ въ заключеніи и »постыдной неволѣ?« говорилъ онъ народу: «Да воскреснетъ величіе столицы! да не

»будетъ она презрительнымъ Торжкомъ, »ни Торжекъ ею! Новгородъ тамъ, гдѣ »Святая Софія Рать наша малочи- »сленна; но Богъ заступникъ правыхъ, и »сильнаго и слабаго!« Всѣ казались едино- душными; однакожь нѣкоторые, тайно доброжелательствуя Ярославу, бѣжали къ нему въ Торжекъ. Мстиславъ выступилъ съ остальными и съ братомъ, Княземъ

Марта 1. Владиміромъ Псковскимъ (который, бывъ нѣсколько времени начальникомъ маленькой области въ Нѣмецкой Ливоніи, снова господствовалъ тогда во Псковѣ[131]).

Сія война имѣла важное слѣдствіе: Князь Новогородскій, хотѣвъ прежде дружелюбно раздѣлаться съ Ярославомъ, но принужденный искать управы мечемъ, взялъ свои мѣры какъ искусный Военачальникъ и Политикъ. Предвидя, что Георгій Всеволодовичь будетъ всѣми силами помогать меньшему брату, Мстиславъ заключилъ тайный союзъ съ Константиномъ и далъ ему слово возвести его на престолъ Владимірскій. Непріятельскія дѣйствія начались въ Торопецкой области. Святославъ Всеволодовичь, присланный Георгіемъ къ Ярославу, съ десятью тысячами осадилъ Ржевку, гдѣ находилось только 100 воиновъ; но Князь

Новогородскій подоспѣлъ съ 500 всадниками, заставилъ осаждающихъ удалиться, и взялъ укрѣпленный Зубцовъ. Дружина Мстиславова хотѣла прямо итти къ Торжку; но Князь, призвавъ Владиміра Рюриковича изъ Смоленска, вдругъ обратился къ Переславлю Залѣсскому, чтобы удалить ѳеатръ войны отъ Новогородской области. Наконецъ обѣ рати сошлися близъ Юрьева. Константинъ съ полками своими находился въ станѣ Новогородскомъ: Георгій, Ярославъ и Князья Муромскіе, дѣйствуя за-одно, вооружили самыхъ поселянъ, и въ необозримыхъ рядахъ стали на берегу Кзы. Лѣтописцы сказываютъ, что Князь Владимірскій и меньшій братъ его имѣли 30 знаменъ или полковъ, 140 трубъ и бубновъ[132]. Благоразумный Мстиславъ еще надѣялся отвратить кровопролитіе. Послы Новогородскіе говорили Георгію, что они не признаютъ его врагомъ своимъ, будучи готовы заключить миръ и съ Ярославомъ, если онъ добровольно отпуститъ къ нимъ всѣхъ ихъ согражданъ и возвратитъ Торжекъ съ Волокомъ Ламскимъ. Но Георгій отвѣтствовалъ, что враги его брата суть его собственные; а Ярославъ, надменный и мстительный, не

хотѣлъ слушать никакихъ предложенiй. »Не время думать о мирѣ,« говорилъ онъ Посламъ: »вы теперь какъ рыба на пескѣ; »зашли далеко и видите бѣду неминуе- »мую.« Мстиславъ вторично представлялъ Георгiю и Ярославу, что война междоусобная есть величайшее зло для Государства; что онъ желаетъ примирить ихъ съ большимъ братомъ, который уступитъ имъ всю область Суздальскую, буде Георгiй отдастъ ему, какъ старшему, городъ Владимiръ. »Ежели самъ отецъ »нашъ (сказалъ Георгiй) не могъ разсудить »меня съ Константиномъ, то Мстиславу »ли быть нашимъ судiею? Пусть Кон- »стантинъ одолѣетъ въ битвѣ: тогда »все его « Послы съ горестiю удалились, и Князь Владимiрскiй, пируя въ шатрѣ съ Вельможами, желалъ знать ихъ мнѣнiе. Одинъ Бояринъ совѣтовалъ не отвергать мира и признать Константина старѣйшимъ Государемъ земли Суздальской, представляя, что Князья Ростиславова племени мудры и храбры, а воины Новогородскiе и Смоленскiе *дерзки* въ битвахъ; что Мстиславъ въ дѣлѣ ратномъ не имѣетъ совмѣстника, и что превосходныя силы уступаютъ иногда превосходному искусству. Князья слу-

шали Боярина съ неудовольствіемъ. Другіе Вельможи, льстя ихъ самолюбію, говорили, что никогда еще враги не выходили цѣлы изъ сильной земли Суздальской; что жители ея могли бы съ успѣхомъ противоборствовать соединенному войску всѣхъ Россіянъ, и *сѣдлами закидаютъ* Новогородцевъ. Одобривъ сію безразсудную надменность и собравъ Военачальниковъ, Князья дали имъ приказъ не щадить никого въ битвѣ: убивать даже и тѣхъ, на коихъ увидятъ шитое золотомъ оплечье[133]. »Вамъ брони, одежда и »кони мертвыхъ,« сказали они: »въ плѣнъ »возмемъ однихъ Князей, и рѣшимъ послѣ »судьбу ихъ.« Отпустивъ Воеводъ, Георгій съ меньшими братьями заперся въ шатрѣ и вздумалъ уже дѣлить всю Россію; назначилъ Ростовъ для себя, Новгородъ для Ярослава, Смоленскъ для третьяго брата[134], а Кіевъ для Ольговичей, оставляя Галичь на свое дальнѣйшее расгоряженіе. Написавъ договорную грамоту и взаимною клятвою утвердивъ оную, сіи Князья послали сказать непріятелямъ, что желаютъ биться съ ними на обширномъ Липецкомъ полѣ. Мстиславъ принялъ вызовъ: долго совѣтовался съ Константиномъ, обязалъ его торжествен-

ными обѣтами вѣрности, и ночью выступилъ изъ стана къ назначенному для битвы мѣсту, съ трубнымъ звукомъ, съ грознымъ кликомъ воинскимъ. Встревоженные полки Георгіевы *стояли* всю ночь *за щитами*, то есть, вооруженные и въ боевомъ порядкѣ, ожидая нападенія, и едва было не обратились въ бѣгство.

Славная битва Липецкая.

На разсвѣтѣ Мстиславъ и Константинъ приближились къ непріятелю, который зашелъ за дебрь и расположился на горѣ, окруженной плетнемъ. Напрасно Мстиславъ предлагалъ Георгію или миръ или битву на равнинѣ. Сей Князь отвѣтствовалъ: »не хочу ни того, ни другаго; »и когда вы уже не боялись дальняго пу»ти, то можете перейти и за дебрь, »гдѣ мы васъ ожидаемъ.« Мстиславъ сталъ на другой горѣ, велѣвъ отборнымъ молодымъ людямъ ударить на полки Ярославовы. Бились съ утра до вечера, слабо, неохотно: ибо время было весьма холодно и ненастливо. На другой день Мстиславъ думалъ итти прямо къ Владиміру, но Константинъ не совѣтовалъ оставлять непріятеля назади, и боялся, чтобы миролюбивые Ростовцы, пользуясь случаемъ, не разбѣжались по городамъ. Между тѣмъ Георгіевы полки, видя дви-

женіе въ станѣ Новогородцевъ и Смолянъ, вообразили, что Мстиславъ хочетъ отступить, и бросились съ горы, въ намѣреніи гнаться за нимъ; но Георгій и Ярославъ удержали ихъ. Тогда Князь Новогородскій, сказавъ: »гора не защититъ »и не побѣдитъ насъ; пойдемъ съ Богомъ »и съ чистою совѣстію,« велѣлъ своимъ готовиться къ битвѣ. На одномъ крылѣ стоялъ Владиміръ Рюриковичь Смоленскій, на другомъ Константинъ, въ срединѣ Мстиславъ съ Новогородцами и Князь Псковскій. Учредивъ строй, обозрѣвъ всѣ ряды, Мстиславъ ободрилъ воиновъ краткою рѣчью. »Друзья и братья« говорилъ онъ: »мы вошли въ землю сильную: станемъ крѣпко, призвавъ Бога помощника. »Да никто не озирается вспять: бѣгство »не спасеніе. Кому не умереть, тотъ будетъ живъ. Забудемъ на время женъ и «дѣтей своихъ. Сражайтесь, какъ хотите: »пѣшіе или на коняхъ.« Новогородцы отвѣтствовали: »сразимся пѣшіе, какъ отцы наши подъ Суздалемъ.« Оставивъ коней, они сбросили съ себя одежду, даже сняли сапоги, и съ громкимъ кликомъ Апрѣля 21.
устремились впередъ; за ними Мстиславъ и дружина конная. Ни крутизна, ни ограда не могли удержать ихъ стремленія. Смо-

ляне также пѣшіе вступили въ бой, не хотѣвъ ждать Воеводы своего, который упалъ съ коня въ дебри. Князь Новогородскій, видя кровопролитіе, сказалъ Владиміру Псковскому: »не выдадимъ добрыхъ »людей!« и мгновенно опередилъ всѣхъ; имѣя въ рукѣ топоръ, три раза съ дружиною проѣхалъ сквозь полки непріятельскіе, сѣкъ головы, оставлялъ за собою кучи труповъ. Лѣтописцы живо представляютъ ужасъ сей битвы говоря, что сынъ шелъ на отца, братъ на брата, слуга на господина: ибо многіе Новогородцы сражались за Ярослава; многіе единокровные стояли другъ противъ друга подъ знаменами Георгія и Константина. Побѣда не была сомнительною. Новогородцы, Смоляне дружнымъ усиліемъ разстроили, смяли враговъ, и торжествуя показывали въ рукахъ своихъ хоругви Ярославовы. Еще Георгій стоялъ противъ Константина, но скоро обратился въ бѣгство за Ярославомъ. »Друзья!« сказалъ Князь Новогородскій своимъ храбрымъ воинамъ: »не время думать о ко»рысти; надобно довершить побѣду«— и Новогородцы, ему послушные, не хотѣли прикоснуться къ добычѣ, съ жаромъ гнали Суздальцевъ, топили ихъ въ рѣкахъ,

осуждая Смолянъ, которые обдирали мертвыхъ и грабили обозы непріятеля.

Уронъ былъ великъ только со стороны побѣжденныхъ: ихъ легло на мѣстѣ 9233 человѣка. Въ остервененіи своемъ не давая никому пощады, воины Мстиславовы взяли не болѣе 60 плѣнниковъ; а Смоляне нашли въ Георгіевомь станѣ и договорную грамоту сего Князя, по коей онъ хотѣлъ дѣлить всю Россію съ братьями. Ярославъ, главный виновникъ кровопролитія, ушелъ въ Переславль, и пылая гнѣвомъ, задушилъ тамъ многихъ Новогородскихъ купцевъ въ темницѣ [135]; а Георгій, утомивъ трехъ коней подъ собою, на четвертомъ прискакалъ въ Владиміръ, гдѣ оставались большею частію одни старцы и дѣти, жены и люди духовнаго сана. Видя вдали скачущаго всадника, они думали, что Князь ихъ одержалъ побѣду и шлетъ къ нимъ гонца; но сей мнимый радостный вѣстникъ былъ самъ Георгій: въ бѣгствѣ своемъ онъ сбросилъ себя одежду Княжескую и явился въ рубашкѣ предъ вратами столицы; ѣздилъ вокругъ стѣны и кричалъ, что надобно укрѣплять городъ. Жители ужаснулись. Ночью пришли въ Владиміръ многіе раненые; а на другой день Геор-

гій, созвавъ гражданъ, молилъ ихъ доказать ему свое усердіе мужественною защитою столицы. »Государь! усердіемъ не »спасемся,« отвѣтствовали граждане: »братья наши легли на мѣстѣ битвы; »другіе пришли, но безъ оружія: съ кѣмъ »отразить врага?« Князь упросилъ ихъ не сдаваться хотя нѣсколько дней, чтобы онъ могъ вступить въ переговоры.

Великодушіе Мстислава.

Великодушный Мстиславъ не велѣлъ гнаться за Георгіемъ и Ярославомъ, долго стоялъ на мѣстѣ битвы, и шелъ медленно ко Владиміру[136]. Чрезъ два дни окруживъ городъ, сей Князь въ первую ночь увидѣлъ тамъ сильный пожаръ: воины хотѣли итти на приступъ, чтобы воспользоваться симъ случаемъ; но человѣколюбивый Мстиславъ удержалъ ихъ. Георгій уже не думалъ обороняться, и на третій день пріѣхавъ въ станъ къ Новогородскому Князю, съ двумя юными сыновьями, сказалъ ему и Владиміру Смоленскому: »Вы побѣдители: располагайте моею жизнію и достояніемъ. Братъ мой »Константинъ въ вашей волѣ.« Мстиславъ и Владиміръ, взявъ отъ него дары, были посредниками между имъ и Константиномъ. Принужденный выѣхать изъ столицы, Георгій омочилъ слезами гробъро

дителя, въ душевной горести жаловался на Ярослава, виновника столь несчастной войны; сѣлъ въ ладію съ женою, и поѣхалъ въ Городецъ Волжскій или Радиловъ. Въ числѣ немногихъ друзей отправился съ нимъ Епископъ Симонъ, знаменитый не только описаніемъ жизни святыхъ Иноковъ Кіевскихъ, но и собственными добродѣтелями; обязанный Георгію саномъ Святителя, онъ не измѣнилъ благотворителю своему въ злополучіи. Сей Князь въ 1215 году учредилъ особенную Епархію для Владимірской и Суздальской области, не хотѣвъ, чтобы онѣ зависѣли отъ Ростова[137]. Епископъ Симонъ.

ГЛАВА V.

Константинъ, Великій Князь Владимірскій и Суздальскій.

Г. 1216 — 1219.

Добросердечіе Константина. Дѣла Ливонскія. Важное предпріятіе Мстислава. Пылкость юнаго Даніила. Тиранство Венгровъ въ Галичѣ. Убійства въ Рязани. Смерть Константина.

Мстиславъ возвелъ Константина на престолъ Великаго Княженія Владимірска-

го, и шелъ смирить своего зятя, который, оставивъ гордость, прибѣгнулъ къ великодушію старшаго брата. »Будь моимъ отцемъ,« говорилъ онъ Константину: »я въ твоихъ рукахъ, и прошу у тебя хлѣба: не уже ли выдашь меня Князьямъ Новогородскому и Смоленскому?« Мстиславъ въ угодность Константину согласился на миръ и принялъ дары отъ Ярослава; но не хотѣлъ, чтобы дочь его жила съ Княземъ столь жестокосердымъ: взялъ ее къ себѣ и возвратился съ честію въ Новгородъ, освободивъ всѣхъ жителей онаго, бывшихъ въ Переславлѣ[138].

г. 1217. Добросердечіе Константина.

Достигнувъ цѣли своей, Константинъ захотѣлъ утѣшить изгнаннаго Георгія, призвалъ его къ себѣ, объявилъ наслѣдникомъ Великаго Княженія и далъ ему Суздаль. Съ искреннею дружбою обнявъ брата, Георгій клялся забыть прошедшее. Константинъ чувствовалъ слабость здоровья своего и желалъ въ случаѣ смерти оставить юнымъ сыновьямъ втораго отца въ ихъ старшемъ дядѣ.

г. 1217 — 18.

Мстиславъ, Герой сего времени, совершивъ одно дѣло, и ревнуя ознаменовать свое мужество новымъ, еще важнѣй-

шимъ подвигомъ, удалился въ южную Россію. Пользуясь его отсутствіемъ, Литовцы разорили нѣсколько селеній въ области Шелонской; а Рыцари Нѣмецкіе, занявъ Оденпе, старались укрѣпить сіе мѣсто. Владиміръ Псковскій находился тогда въ Новѣгородѣ, и принявъ начальство надъ войскомъ, осадилъ прежнихъ друзей своихъ, Нѣмцевъ, въ Оденпскомъ замкѣ. Въ то время, какъ жители города коварно предлагали миръ Россіянамъ, отшедшимъ далеко отъ стана, Нѣмцы напали на обозы Новогородцевъ: однакожь, потерявъ многихъ людей и въ томъ числѣ двухъ Воеводъ, должны были спасаться бѣгствомъ въ замокъ[139]. Самъ Великій Магистръ Ордена, Вольквинъ, едва ушелъ съ Дитрихомъ, братомъ Епископа Рижскаго, Альберта, и зятемъ Владиміра Псковскаго. Тѣснимые осаждающими, терпя голодъ, не смѣя вторично вступить въ бой, они требовали мира. Дитрихъ, въ залогъ вѣрности, остался въ рукахъ у Новогородцевъ, которые дали Рыцарямъ свободный пропускъ, взявъ въ добычу 700 коней Нѣмецкихъ.— Мстиславъ, возвратясь изъ Кіева, объѣхалъ Новогородскую область, наказалъ нѣкоторыхъ ослушныхъ или нерадивыхъ чиновниковъ,

Дѣла Ливонскія.

созвалъ гражданъ столицы на *Дворъ Ярослава* и сказалъ имъ: »Кланяюся Святой Софіи, гробу отца моего и вамъ, »добрые Новогородцы. Иноплеменники го»сподствуютъ въ знаменитомъ Княженіи »Галицкомъ: я намѣренъ изгнать ихъ. Но »васъ не забуду, и желаю, чтобы кости »мои лежали у Святой Софіи, тамъ же, »гдѣ покоится мой родитель.« Тщетно граждане, искренно огорченные, молили Князя великодушнаго, любимаго, не оставлять ихъ. Онъ дружески простился съ народомъ и спѣшилъ въ Кіевъ къ своимъ братьямъ, пылая нетерпѣніемъ собрать войско въ южной Россіи и вести оное къ берегамъ Днѣстра.

Важное предпріятіе Мстислава.

Честь и Вѣра предписывали Мстиславу сей подвигъ. Мы оставили юнаго Даніила на престолѣ Галицкомъ съ однимъ именемъ Князя: Бояре всѣмъ управляли, и находя вдовствующую супругу Романову опасною для ихъ своевольства, принудили ее выѣхать въ Бельзъ. Даніилъ проливалъ слезы, не хотѣлъ разлучиться съ нею, и въ гнѣвѣ ударилъ мечемъ одного изъ Вельможъ, взявшаго за узду коня его; однакожь Княгиня умолила сына остаться. Оскорбленный сею дерзостію Бояръ, Андрей, Король Венгерскій, при-

Пылкость юнаго Даніила.

шелъ самъ съ войскомъ, смирилъ мятежниковъ, и виновнѣйшаго изъ нихъ, Владислава, оковалъ цѣпями. Но скоро бѣдствія Романова семейства возобновились. Тайно призванный Галичанами, Мстиславъ Нѣмый заставилъ Даніила бѣжать въ Венгрію; а Лешко Бѣлый отнялъ у Василька Бельзъ для своего тестя, Александра Владимірскаго (Василько, провождаемый многими Боярами, удалился въ Каменецъ). Уже Андрей вторично шелъ защитить Даніила; уже Мстиславъ Нѣмый, слабый, хотя и властолюбивый, бѣжалъ отъ страха, когда ужасный бунтъ открылся въ самой Венгріи. Свирѣпые Бароны, враги Королевы Гертруды, умертвили ее, готовивъ такую же участь и Королю. Въ сихъ обстоятельствахъ онъ могъ думать единственно о собственной безопасности: чѣмъ Бояринъ Галицкій, Владиславъ (тогда освобожденный), умѣлъ воспользоваться, представляя ему, какъ вѣроятно, что отрокъ Даніилъ, сынъ отца ненавистнаго народу, не въ состояніи мирно управлять Княженіемъ, или, возмужавъ, не захочетъ быть данникомъ Венгріи; что Андрей поступитъ весьма благоразумно, ежели дастъ Намѣстника Галиціи, не природнаго Князя и не иноплеменника, но достой-

нѣйшаго изъ тамошнихъ Бояръ, обязавъ его въ вѣрности клятвою и еще важнѣйшими узами столь великаго благодѣянія. Желаніе Владислава исполнилось: предпочтенный другимъ Боярамъ, онъ съ дружиною Венгерскою пріѣхалъ господствовать въ свое отечество, назвался Княземъ и думалъ равняться саномъ съ потомками Св. Владиміра; а Даніилъ и мать его, обманутые надеждою на покровительство Андреево, обратились къ Лешку Бѣлому. Видя съ завистію, что богатая Галиція сдѣлалась почти областію Венгріи, сей Государь усердно взялъ Даніилову сторону, одержалъ верхъ въ битвѣ съ Владиславомъ, и хотя не могъ завоевать Галича, однакожь услужилъ сыновьямъ Романовымъ, принудивъ своего тестя, Александра, уступить имъ Тихомль и Перемиль. Тамъ могли они нѣсколько времени жить спокойно, вмѣстѣ съ родительницею, печально смотря на башни Владимірскія, наслѣдственную столицу Романову. Туда съѣхались всѣ вѣрные Бояре, сподвижники ихъ храбраго отца, готовые усердно служить и сыновьямъ, которые въ нѣжномъ цвѣтѣ юности обѣщали зрѣлые плоды мужества, умъ необыкновенный, душевное благородство. Россіяне и

чужеземцы съ удивленіемъ видѣли въ ничтожномъ городкѣ Дворъ блестящій, составленный изъ витязей и Бояръ опытныхъ, особенно уважаемыхъ Государемъ Польскимъ. Воевода Сендомирскій, именемъ Пакославъ, доброжелательствуя Романову семейству, хотѣлъ согласить выгоды онаго съ выгодами Венгровъ и Ляховъ, бывшихъ тогда явными врагами за Галичь; ѣздилъ къ Андрею, и безъ труда склонилъ его къ миру. Положили, чтобы малолѣтный сынъ Андреевъ, Коломанъ, женился на малолѣтной дочери Герцога Лешка, Саломеѣ, и княжилъ въ Галичѣ; чтобы Король уступилъ Перемышль Ляхамъ, и чтобы Владиміръ отдать Даніилу съ братомъ, а Любачевъ миротворцу Пакославу. Условія были исполнены: Александра выслали изъ Владимірской области, а Владислава, какъ хищника, заточили. Такимъ образомъ (говоритъ Лѣтописецъ) сей гордый Бояринъ безразсуднымъ честолюбіемъ погубилъ себя и дѣтей, коихъ никто изъ Князей Россійскихъ, оскорбленныхъ его дерзкимъ самозванствомъ, не хотѣлъ призрѣть[140]. Можетъ быть, утомленные смятеніями и перемѣнами Галичане удовольствовались бы тогдашнимъ своимъ Тиранство Вен-

гровъ въ Галичѣ.

жребіемъ, если бы новое Правительство Венгерское наблюдало умѣренность и справедливость; но Андрей весьма неблагоразумно вздумалъ утѣснять нашу Церковь. Уже въ первый годъ Коломанова властвованія, въ 1214, онъ писалъ къ Папѣ, Иннокентію III, что народъ и Князья Галицкіе, *подданные Венгріи*, испросивъ себѣ сына его въ Государи, желаютъ присоединиться къ Римской Церкви, единственно съ тѣмъ условіемъ, чтобы Папа не отмѣнялъ ихъ древнихъ обрядовъ священныхъ и дозволилъ имъ отправлять Богослуженіе на языкѣ Славянскомъ. Когда же Архіепископъ Гранскій именемъ преемника Иннокентіева, Гонорія III, возложилъ въ Галичѣ вѣнецъ Королевскій на сына Андреева и Саломею, сей новый Государь, исполняя волю отца и Папы, изгналъ Епископа Россійскаго, Священниковъ нашихъ и хотѣлъ обратить всѣхъ жителей въ Вѣру Латинскую[141]. Народъ, униженный мятежами, преступленіями, и козлями Бояръ запутанный въ противорѣчіяхъ своей системы политической, не смѣлъ возстать на тирановъ совѣсти, довольствуясь безполезными жалобами. Къ несчастію Венгровъ, Андрей поссорился съ Герцогомъ Лешкомъ, отнялъ у него

Перемышль съ Любачевымъ, и возбудилъ въ немъ столь великую злобу, что онъ, вопреки узамъ крови, искалъ въ Россіи сильныхъ непріятелей зятю. Таковымъ представился ему Мстиславъ Новогородскій. »Ты мнѣ братъ,« писалъ Лешко къ сему храброму Князю: »иди прославиться »знаменитымъ подвигомъ мужества: Га»личь, достояніе твоихъ предковъ, сте»наетъ подъ игомъ утѣснителей.« Мстиславъ, подобно отцу *готовый всегда на дѣла великія*, не отказался отъ предложенія, столь лестнаго для его славолюбія.

Въ то время, какъ онъ занимался въ древней южной столицѣ воинскими приготовленіями, тишина царствовала въ предѣлахъ Великаго Княженія Владимірскаго. Константинъ наслаждался спокойствіемъ подданныхъ и любовію братьевъ; не слѣдовалъ примѣру дяди и родителя: не требовалъ повиновенія отъ слабѣйшихъ Князей сосѣдственныхъ, и думалъ, что каждый изъ нихъ обязанъ давать отчетъ въ дѣлахъ своихъ единому Богу. Ободренные сею излишнею кротостію, двое изъ Владѣтелей Рязанскихъ дерзнули на гнусное злодѣяніе.

Коварный Глѣбъ, при Великомъ Князѣ

Убійства въ Рязани.

Всеволодѣ хотѣвшій погубить своихъ родственниковъ доносомъ, условился съ братомъ, Констаптиномъ Владиміровичемъ, явно лишить ихъ жизни, чтобы господствовать надъ всею областію Рязанскою. Они съѣхались въ полѣ для общаго совѣта, и Глѣбъ далъ имъ роскошный пиръ въ шатрѣ своемъ. Князья, Бояре пили и веселились, не имѣвъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Хозяинъ ласкалъ, привѣтствовалъ безпечныхъ гостей; лице и голосъ злодѣя не измѣняли адской тайнѣ его сердца. Въ одно мгновеніе Глѣбъ и Константинъ Владиміровичь извлекаютъ мечи: вооруженные слуги и Половцы стремятся въ шатеръ. Начинается кровопролитіе. Ни одинъ изъ шести несчастныхъ Князей, ни одинъ изъ вѣрныхъ Бояръ ихъ не могъ спастися. Утомленные смертоубійствомъ изверги выходятъ изъ шатра и спокойно влагаютъ въ ножны мечи свои, дымящіеся кровію[142]. Въ числѣ убіенныхъ находился и родный братъ Глѣбовъ, добродушный Изяславъ.

Злодѣйство было ужасно: еще ужаснѣе то, что виновники остались безъ наказанія. Великій Князь Константинъ — изнуренный, можетъ быть, недугами —
Г. 1218. довольствовался сожалѣніемъ о несчаст-

ныхъ; строилъ церкви, раздавалъ милостыню и съ восторгомъ лобызалъ святыя мощи, привозимыя къ нему изъ Греціи. Не за-долго до кончины своей онъ послалъ старшаго сына, именемъ Василька, княжить въ Ростовъ, а другаго, Всеволода, въ Ярославль, приказавъ имъ жить согласно, быть во нравахъ подобными ему, благотворить сиротамъ, вдовицамъ, Духовенству, и чтить Георгія какъ втораго отца. Константинъ преставился на 33 году отъ рожденія, оплакиваемый Боярами, слугами, нищими, Монахами[143]. Хваля его мудрость и добродѣтель, Лѣтописецъ Суздальскій говоритъ, что сей Князь не только читалъ многія душеспасительныя книги, но и жилъ по ихъ правиламъ; былъ исполненъ Апостольской Вѣры и столь кротокъ, что старался не опечалить ни одного человѣка, любя дѣломъ и словомъ утѣшать всякаго. — Супруга Константинова немедленно постриглась надъ его гробомъ, и названная Агаѳіею, чрезъ два года кончила дни свои въ уединеніи монастырскомъ.

Смерт. Константина. Г. 1219, Февр. 2.

ГЛАВА VI.

Великій Князь Георгій II Всеволодовичъ.

Г. 1219 — 1224.

Безпокойства въ Новѣгородѣ. Великодушіе Посадника. Дѣла церковныя. Войны. Устюгъ. Новгородъ Нижній. Освобожденіе Галича Неблагоразуміе Мстислава. Происшествія въ Ливоніи. Мужественный Вячко. Набѣгъ Литвы. Слухъ о Татарахъ.

По отбытіи Мстислава Новогородцы призвали къ себѣ его двоюроднаго племянника, Святослава Мстиславича, изъ Смоленска. Сей Князь[144] не могъ обуздать своевольства чиновниковъ и народа Посадникъ Твердиславъ, мужъ отличный достоинствами, взявъ подъ стражу кого-то мятежнаго Боярина, вооружилъ противъ себя многихъ его друзей и единомышленниковъ. Началось междоусобіе: одни стояли за Твердислава, другіе за Боярина; прочіе оставались спокойными зрителями ссоры, которая обратилась въ явную войну. Цѣлую недѣлю были шумныя Вѣча при звукѣ колоколовъ; граждане, надѣвъ брони и шлемы, въ изступленіи своемъ обнажили мечи. Напрасно увѣщавали

Г. 1219. Безпокойства въ Новѣгородѣ.

старцы, напрасно плакали жены и дѣти: казалось, что Новогородцы не имѣли ни законовъ, ни Князя, ни человѣчества. Чтобы еще болѣе воспалить усердіе своихъ друзей, Твердиславъ, устремивъ глаза на храмъ Софійскій, громогласно обрекъ себя въ жертву смерти, если совѣсть его не чиста предъ Богомъ и согражданами, »Да паду въ битвѣ первый« (говорилъ онъ) »или Небо да оправдаетъ »меня побѣдою моихъ братьевъ!« Наконецъ злоба утолилась кровію десяти убитыхъ гражданъ; народъ образумился, требовалъ мира, и цѣлуя крестъ, клялся быть единодушнымъ. Тишина возстановилась; но Князь, недовольный Твердиславомъ, прислалъ своего Тысячскаго объявить на Вѣчѣ, что сей Посадникъ властію Княжескою смѣняется. Граждане хотѣли знать вину его. Святославъ гордо отвѣтствовалъ: *безъ вины!* »Я доволенъ,« сказалъ Твердиславъ: »честь моя »остается безъ пятна: а вы, братья со»граждане, вольны избирать и Посадни»ковъ и Князей.« Народъ вступился за него »Вспомни условіе,« говорили Святославу Послы Вѣча: »ты далъ намъ клят»ву не смѣнять чиновниковъ безвинно. »Когда же забываешь оную, то мы гото-

»вы съ поклономъ указать тебѣ путь; »а Твердиславъ будетъ нашимъ Посадни»комъ.« Святославъ, видя упрямство народа, не хотѣлъ спорить; но скоро уѣхалъ въ Кіевъ по волѣ отца своего, Мстислава Романовича, уступивъ престолъ Новогородскій меньшему брату, Всеволоду. Правленіе сего Князя ознаменовалось также внутренними безпокойствами. Люди, посланные Новогородцами въ Двинскую землю для собранія дани, къ удивленію народа возвратились съ дороги, сказывая, что Великій Князь Георгій и Ярославъ Всеволодовичь не хотѣли пропустить ихъ чрезъ область Бѣлозерскую, имѣя будто бы тайное сношеніе съ Новогородскимъ Посадникомъ и Тысячскимъ. Народъ взволновался и смѣнилъ главныхъ чиновниковъ; однакожъ чрезъ нѣкоторое время снова возвелъ Твердислава на степень Посадника. Всеволодъ безъ всякой основательной причины возненавидѣлъ и хотѣлъ убить сего знаменитаго человѣка, вооруживъ своихъ Дворянъ и многихъ гражданъ на *Дворъ Ярослава* Твердиславъ былъ тогда боленъ: усердные друзья вывезли его на саняхъ изъ дому и поручили великодушной защитѣ народа, который стекался къ нему

г. 1219 — 21.

толпами, готовый умереть за своего любимаго чиновника. Жители трехъ Концевъ стали въ ряды, и ждали Князя какъ непріятеля. Но Всеволодъ не дерзнулъ на кровопролитіе. Архіепископъ примирилъ враговъ; а Твердиславъ, желая спокойствія отечеству, добровольно сложилъ съ себя чинъ Посадника, тайно ушелъ въ монастырь Аркадьевскій, и навсегда отказался отъ свѣта. Великодушіе Посадника.

Самыя церковныя дѣла Всеволодова времени изъявляютъ легкомысліе Новогородцевъ: выгнавъ прежде Архіепископа Митрофана, народъ раскаялся и хотѣлъ загладить сію несправедливость; дозволилъ ему возвратиться и послалъ сказать его преемнику, Антонію, осматривавшему тогда свою Епархію, чтобы онъ ѣхалъ, куда хочетъ, и что Новгородъ имѣетъ уже инаго Святителя. Однакожъ Антоній не послушался и признавалъ себя единственнымъ законнымъ Пастыремъ. Граждане были въ крайнемъ затрудненіи, и не зная, что дѣлать съ двумя Архіепископами, отправили ихъ въ Кіевъ на судъ къ Митрополиту, который, рѣшивъ тяжбу въ пользу Митрофана, послалъ Антонія Епископомъ въ Перемышль Галицкій. Дѣла церковныя.

Воинскіе подвиги Новогородцевъ были

Войны.

удачны: хотя Всеволодъ не могъ взять Пертуева или нынѣшняго Пернау, однакожъ разбилъ Нѣмцевъ за рѣкою Эмбахомъ. Древній Лѣтописецъ Ливонскій повѣствуетъ, что Рыцари въ битвѣ съ нашимъ передовымъ отрядомъ имѣли успѣхъ, и даже отняли знамя Князя Новогородскаго; но союзники ихъ, Латыши, видя многочисленность Россіянъ, обратились въ бѣгство. Сей Лѣтописецъ къ чести единоземцевъ своихъ прибавляетъ, что ихъ было только 200, а нашихъ 16,000; что Нѣмцы, отдѣленные отъ Новогородцевъ глубокимъ ручьемъ, сражались отъ 9 часовъ утра до захожденія солнечнаго, убили около пятидесяти непріятелей, въ цѣлости отступили и шли назадъ съ веселыми пѣснями[145].

Въ Россіи восточной были также воинскія дѣйствія. Глѣбъ Владиміровичь, убійца Князей Рязанскихъ, хотѣлъ еще довершить свое гнусное злодѣяніе. Провидѣніе спасло одного изъ сихъ Князей, Ингваря, сына Игорева, который господствовалъ въ Старой Рязани, и могъ рано или поздно отмстить смерть братьевъ: нанявъ Половцевъ, Глѣбъ шелъ осадить его столицу; но Ингварь побѣдилъ варваровъ. Ненавидимый всѣми добрыми Россіянами

и самому себѣ ненавистный, (обыкновенная мука злодѣевъ!) Глѣбъ бѣжалъ въ степи, подобно древнему братоубійцѣ Святополку гонимый Небеснымъ гнѣвомъ, и тамъ въ безуміи скончалъ гнусную жизнь свою[146]. — Ингварь наслѣдовалъ всю область Рязанскую, и съ дружиною Великаго Князя вторично разбилъ Половцевъ.

Вѣроятно, что Камскіе Болгары издревле торговали съ Чудскимъ народомъ, обитавшимъ въ Вологодской и Архангельской Губерніи: съ неудовольствіемъ видя новое господство Россіянъ въ сихъ мирныхъ странахъ, они хотѣли также быть завоевателями, и — болѣе обманомъ, нежели силою — взяли Устюгъ[147], неизвѣстно когда и кѣмъ основанный. Онъ имѣлъ прежде собственныхъ Князей; стоялъ, какъ сказываютъ, на высокой горѣ, верстахъ въ четырехъ отъ нынѣшняго, и назывался, по имени ея, *Гледеномъ*; а названіе Устюжанъ произошло отъ устья рѣки Юга, сливающаго тамъ воды свои съ рѣкою Сухоною. Жители — вѣроятно смѣсь Россіянъ съ Чудью — зависѣли отъ Великаго Князя Георгія и въ особенности отъ Ростовскаго. Чтобы утвердиться въ семъ городѣ, Болгары въ тоже вре- Устюгъ.

мя старались овладѣть берегами Унжи[148]; но были отражены, и скоро увидѣли войско Россіянъ въ собственной землѣ своей. Братъ Георгіевъ, Святославъ, съ сыновьями Муромскихъ Князей и съ сильнымъ ополченіемъ приплылъ туда Волгою, вышелъ на берегъ ниже устья Камы, и для безопасности судовъ оставивъ стражу, приближился къ городу Ошелу, укрѣпленному высокимъ дубовымъ тыномъ съ двумя оплотами, между коими находился валъ. Впереди шли люди съ огнемъ и топорами; за ними стрѣлки и копейщики. Одни подсѣкли тынъ, другіе зажгли оплоты; но сильный вѣтеръ дулъ имъ прямо въ лице: задыхаясь отъ густаго дыма, воины Святославовы, ободренные рѣчью Князя, приступили съ другой стороны и зажгли городъ по вѣтру. Зрѣлище было ужасно: цѣлыя улицы пылали; огонь, раздуваемый бурею, лился быстрою рѣкою; отчаянные жители съ воплемъ бѣжали изъ города и не могли уйти отъ меча Россіянъ; только Князь Болгарскій и нѣкоторые его всадники спаслися бѣгствомъ. Другіе, не требуя пощады, убивали женъ, дѣтей своихъ и самихъ себя, или сдѣлались жертвою пламени, вмѣстѣ со многими Рос-

сіянами, искавшими добычи въ городѣ. Святославъ, видя тамъ наконецъ однѣ кучи дымящагося пепла, удалился, провождаемый толпами плѣнниковъ, большею частію женъ и младенцевъ. Напрасно Болгары хотѣли отмстить ему, стекаясь отовсюду къ берегамъ Волги: Россіяне, готовые къ битвѣ, сѣли на ладіи, распустили знамена, и при звукѣ бубновъ, трубъ, свирѣлей, плыли медленно вверхъ по Волгѣ въ стройномъ ополченіи. Болгары только смотрѣли на нихъ съ берега. Святославъ близъ устья Камы сошелся съ Ростовцами, Устюжанами и съ Воеводою Георгіевымъ, который ходилъ опустошать ея берега, и взялъ нѣсколько городковъ Болгарскихъ. Сей успѣхъ казался столь важнымъ Великому Князю, что онъ встрѣтилъ брата за нѣсколько верстъ отъ столицы, благодарилъ его, осыпалъ дарами; три дни угощалъ всѣхъ воиновъ. Зимою явились въ Владимірѣ Послы Болгарскіе, требуя мира; но Георгій отвергнулъ ихъ предложеніе и готовился къ новому походу. Испытавъ многократно превосходную силу Россіянъ, Болгары всячески старались отвратить бѣдствіе войны; наконецъ, посредствомъ богатыхъ даровъ, обезоружили Великаго Князя. По-

слы наши ѣздили къ нимъ въ землю, гдѣ народъ утвердилъ сей миръ клятвою по закону Магометанскому. Георгій, будучи тогда самъ на берегахъ Волги, имѣлъ случай снова осмотрѣть ихъ, выбралъ мѣсто и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ заложилъ Нижній Новгородъ, тамъ, гдѣ сливаются двѣ знаменитыя рѣки нашего отечества, и гдѣ скоро поселилось множество людей, привлеченныхъ выгодами торговли и судоходства[149].

Новгородъ Нижній.

Въ сіе время Князь Черниговскій, братъ Всеволода Чермнаго, разбилъ Литовцевъ, которые искали добычи въ его области. — Но важнѣйшимъ успѣхомъ Россійскаго оружія было тогда освобожденіе Галича отъ ига чужеземцевъ. Кажется, что бывшій Князь Новогородскій, Мстиславъ, занимаясь въ Кіевѣ разными приготовленіями, умѣлъ скрыть цѣль оныхъ: по крайней мѣрѣ Вельможи Андреевы, именемъ Коломана господствовавшіе на берегахъ Днѣстра, не взяли никакихъ мѣръ для обороны, и бѣжали въ Венгрію, какъ скоро Мстиславъ приближился[150]. Столь легкій успѣхъ не могъ ослѣпить сего Князя: онъ зналъ, что опасности и битвы впереди; что Андрей не уступитъ ему сыновняго Королевства мирно, и что по-

Освобожденіе Галича.

бѣда должна рѣшить судьбу онаго. Тамошніе граждане желали снова повиноваться Даніилу: вопреки имъ, Мстиславъ сѣлъ на тронѣ Галицкомъ, но въ угожденіе народу выдалъ дочь свою, Анну, за сего Романова сына и хотѣлъ быть ему отцемъ; старался также сохранить любовь Герцога Польскаго, и не мѣшалъ ему владѣть частію западной Россіи: ибо Лешко, передавъ Владиміръ сыновьямъ Романовымъ, занялъ Брестъ со многими другими наслѣдственными ихъ городами въ окрестностяхъ Буга. Напрасно Даніилъ жаловался тестю на хищность Герцога[151]. Мстиславъ отвѣтствовалъ: »Лешко мой другъ.« Но когда неуступчивый Даніилъ осмѣлился искать управы силою; когда, выѣхавъ въ поле съ собственною дружиною, отнялъ у Ляховъ всѣ области Россійскія: тогда оскорбленный Герцогъ, считая Мстислава тайнымъ наставникомъ юнаго зятя, обвиняя того и другаго въ неблагодарности, въ вѣроломствѣ, возобновилъ союзъ съ Андреемъ Венгерскимъ. »Отказываюсь отъ всякаго участія въ Галиціи,« велѣлъ онъ сказать Королю: »пусть властвуетъ въ оной »сынъ твой. Изгонимъ только Россіянъ.« Андрей не могъ желать инаго. Венгры

и Ляхи, вступивъ въ Галицкую землю, одержали побѣду надъ Димитріемъ, Воеводою Мстислава. Самъ Коломанъ предводительствовалъ ими, и съ удовольствіемъ видѣлъ головы нашихъ Бояръ, повергаемыя къ его ногамъ вмѣстѣ съ ихъ золотыми цѣпями. Оставивъ зятя въ Галичѣ, Мстиславъ удалился къ предѣламъ Кіевскимъ. Непріятели осадили Даніила: хотя сей юноша смѣлыми, счастливыми вылазками дѣлалъ имъ много вреда, однакожь, исполняя повелѣніе тестя, долженъ былъ наконецъ выйти изъ города, очистилъ себѣ путь мечемъ, и за Днѣстромъ соединился съ Мстиславомъ, который, обнявъ его какъ витязя достойнаго, въ знакъ особенной дружбы подарилъ ему любимаго своего коня, и сказалъ: »Храбрый Князь! теперь иди въ Владиміръ: »я пойду за Половцами. Мы отмстимъ »врагамъ, и стыдъ нашъ падетъ на нихъ.« Онъ сдержалъ слово.

Союзники, Венгры, Ляхи, завоевавъ Галичь, не дремали; первые усилились новыми полками своими и Богемскими, присланными Андреемъ къ Коломану съ знаменитымъ Воеводою Фильніемъ. Сей надменный Баронъ изъявлялъ величайшее презрѣніе къ Россіянамъ, и часто говорилъ

въ пословицу: »Одинъ камень избиваетъ »множество глиняныхъ сосудовъ. Острый »мечь, борзый конь, и Русь у ногъ мо»ихъ.« Ляхи непрестанными впаденіями тревожили область Владимірскую. Къ счастію, Даніилъ успѣлъ заключить миръ съ Князьями Литовскими, Жмутскими, Латышскими, и могъ наемнымъ ихъ войскомъ устрашить собственныя владѣнія Лешковы[152]. — Между тѣмъ дѣятельный Мстиславъ изготовился и двинулъ рать свою, усиленную Половцами, къ берегамъ Днѣстра. Воевода Андреевъ, гордый Фильній, не хотѣвъ подвергнуть юнаго Коломана опасностямъ битвы, оставилъ его въ укрѣпленномъ Галичѣ и ждалъ Россіянъ въ полѣ. Ляхи стояли на правомъ крылѣ: Венгры и Галичане на лѣвомъ; легкое войско ихъ находилось впереди. Россіяне показались: шли медленно и стройно; за ними Половцы. Владиміръ Рюриковичъ предводительствовалъ одною частію войска, другою Мстиславъ, который, вдругъ отдѣляся отъ полковъ, сталъ на высокомъ холмѣ и долго смотрѣлъ на движенія непріятелей, такъ, что Владиміръ, встревоженный его отсутствіемъ, велѣлъ съ неудовольствіемъ напомнить ему, сколь время дорого, и

сколь нужно дѣйствовать, не теряя онаго. »Не забывай« (говорилъ онъ), »что »ты Военачальникъ, а не зритель. Твое »бездѣйствіе можетъ погубить насъ.« Мстиславъ съѣхалъ съ холма и спѣшилъ оживить храбрость воиновъ, именемъ Св. Креста обѣщая имъ побѣду. Уже битва началася. Владиміръ не устоялъ противъ Ляховъ: они гнали Россіянъ, брали плѣнниковъ, добычу и древними пѣснями отцевъ своихъ торжествовали побѣду[153]. Венгры, Галичане также имѣли успѣхъ, и бѣдствіе нашихъ казалось совершеннымъ. Но Мстиславъ въ самое то время съ отборною дружиною и съ Половцами ударилъ въ тылъ непріятелю: изумленные, разстроенные Венгры падали мертвые цѣлыми рядами; самъ предводитель ихъ отдался въ плѣнъ, и скоро Ляхи къ отчаянію своему увидѣли, что побѣда имъ измѣнила; окруженные Россіянами, не могли спастися ни мужественною обороною, ни бѣгствомъ, и всѣ легли на мѣстѣ. Одни Половцы брали плѣнниковъ, ловили коней, обнажали мертвыхъ: Россіяне, исполняя волю Князя, старались только о совершенномъ истребленіи непріятеля. Еще многіе Ляхи оставались назади, не вѣдали о гибели своихъ, и видя издали

государственное знамя Польское, толпами стремились къ оному; но сіе знамя, съ изображеніемъ Бѣлаго орла, развѣвалось уже въ рукахъ побѣдителя: они находили тамъ смерть[154]. Кровопролитіе было ужасно; вопль, стонъ несчастныхъ жертвъ достигалъ до Галича; трупы лежали кучами на пространствѣ необозримомъ. Россіяне, торжествуя побѣду, всѣ единодушно превозносили хвалами Мстислава храбраго, называя его, по тогдашнему обыкновенію, *краснымъ солнцемъ* отечества.

Сей Князь осадилъ Галичъ. Боясь измѣны гражданъ (ибо жители всѣхъ окрестныхъ мѣстъ съ радостію принимали Мстислава), Венгры и Ляхи выгнали ихъ изъ крѣпости, чтобы обороняться до послѣдней возможности; но Россіяне, ночью сдѣлавъ подкопъ, вошли въ городъ. Тогда Коломанъ заключился въ укрѣпленномъ храмѣ Богоматери, и еще съ гордостію отвергнулъ свиданіе, предложенное ему Мстиславомъ. Чрезъ нѣсколько дней, изнуренные голодомъ и жаждою, Венгры сдалися. Князь Россійскій уже не хотѣлъ слышать о милосердіи. Ему представили несчастнаго Коломана и юную супругу его, въ слезахъ, въ глубокой го-

ресши: онъ велѣлъ за крѣпкою стражею отвезти ихъ въ Торческъ[155], а Бароновъ Венгерскихъ съ женами и дѣтьми отдалъ, какъ плѣнниковъ, своей дружинѣ и Половцамъ, въ награду за оказанное ими мужество. Только славный Архіепископъ Краковскій, Лѣтописецъ Кадлубко, и Канцлеръ Польскій Ивонъ, бывшіе въ Галичѣ, успѣли заблаговременно спастися отъ неволи бѣгствомъ[156]. Герцогъ Лешко воспрепятствовалъ Даніилу соединиться съ тестемъ до битвы: сей юноша славолюбивый успѣлъ только видѣть свѣжіе трофеи Россіянъ на ея мѣстѣ. Новѣйшіе Историки пишутъ, что гордый, счастливый Мстиславъ, торжествуя оную, принялъ на себя имя *Царя Галицкаго* и что Россійскіе Епископы вѣнчали его златымъ вѣнцемъ Коломановымъ, доставшимся ему въ руки[157].

Андрей, Король Венгерскій, былъ въ отчаяніи, и немедленно отправилъ Вельможу своего, именемъ Яроша, сказать Мстиславу, чтобы онъ прислалъ къ нему сына и всѣхъ плѣнниковъ, или скоро увидитъ въ Россіи многочисленное побѣдоносное войско Венгровъ. Мстиславъ не испугался угрозы, но хладнокровно отвѣтствовалъ, что побѣда зависитъ отъ Не-

ба; что онъ ждетъ Короля, надѣясь съ Божіею помощію смирить гордость его. Андрей, изнуренный тогда въ силахъ походомъ Іерусалимскимъ, не имѣлъ желанія воевать, и прибѣгнулъ къ доброхотствующимъ ему Боярамъ Галицкимъ. Одинъ изъ нихъ, Судиславъ, плѣненный вмѣстѣ съ Коломаномъ, умѣвъ снискать особенную довѣренность Мстислава, склонилъ его къ миру, неожидаемо выгодному для Короля. Согласились, чтобы меньшій сынъ Андреевъ, именемъ также Андрей, женился на дочери Мстислава, коей въ приданое отецъ назначилъ спорную Галицію [158]. Слѣдственно Мстиславъ освободилъ сію землю отъ иноплеменниковъ для того, чтобы добровольно уступить имъ оную, взявъ, можетъ быть, только мѣры для безопасности Церкви Греческой! Не любя тамошнихъ Бояръ мятежныхъ и нелюбимый ими, онъ хотѣлъ сначала, какъ мы сказали, возвратить Галицію Даніилу, желаемому народомъ; но хитрые Вельможи, тайные друзья Венгріи, представили ему, что Даніилъ возьметъ ее, какъ наслѣдственное достояніе Романовыхъ дѣтей, безъ всякой особенной признательности, и съ лѣтами возрастая въ силахъ, въ честолюбіи, не уважитъ благотвори-

Неблагоразуміе Мстислава

теля; а юный сынъ Андреевъ, всѣмъ обязанный милости тестя, не дерзнетъ ни въ чемъ его ослушаться, или въ противномъ случаѣ легко можетъ быть лишенъ Княженія. Мстиславъ — болѣе воинъ, нежели Политикъ — принялъ мнѣніе Бояръ, и съ радостію назвавъ Андрея сватомъ, освободилъ Коломана. Бракъ отложили за малолѣтствомъ жениха и невѣсты, съ обѣихъ сторонъ утвердивъ договоръ клятвами. Между тѣмъ совѣсть Андреева находилась въ затрудненіи: женихъ былъ прежде помолвленъ на Царевнѣ Арменской, единственной наслѣдницѣ родительскаго престола. Боясь грѣха, Король требовалъ разрѣшенія отъ Папы, Гонорія III. Вѣроятно, что Герцогъ Лешко также писалъ въ Римъ, и жаловался Папѣ на условія мира, заключеннаго Венграми съ Россіянами: ибо Гонорій (въ 1222 году) отвѣтствовалъ Андрею, что Галиція принадлежитъ Коломану, зятю Герцога Польскаго, возведенному на сей тронъ Апостольскою властію[159]; что обязательство несправедливое, вынужденное бѣдствіемъ Коломановымъ, само собою уничтожается; что малолѣтство жениха и невѣсты даетъ время отцамъ размыслить основательнѣе о выгодахъ или невыго-

дахъ такого союза; что надобно подождать, и проч. Однакожь Андрей не хотѣлъ нарушить договора, и Мстиславъ чрезъ нѣкоторое время отдалъ будущему зятю Перемышль, къ неудовольствію жителей и Герцога Лешка, который долженствовалъ, обманутый Венграми, самъ примириться съ Князьями Россійскими. Сей миръ имѣлъ несчастныя слѣдствія для Александра, Князя Бельзскаго, взявшаго сторону Венгровъ и Ляховъ во время ихъ перваго успѣха. Даніилъ и Василько, озлобленные коварствомъ Александра, омрачили добрую славу юности своей разореніемъ окрестностей Бельза, гдѣ народъ долго помнилъ оное и называлъ *злою ночью*: ибо воины сыновей Романовыхъ, свирѣпствуя тамъ отъ заката до восхожденія солнечнаго, не оставили камня на камнѣ[160]. Одно великодушіе Мстислава спасло Александра: уваживъ ходатайство тестя, Даніилъ прекратилъ жестокое дѣйствіе мщенія и возвратился къ матери, которая, видя его уже способнаго править землею, обуздывать Вельможъ, смирять непріятелей, удалилась отъ свѣта въ тишину монастырскую.

Въ сихъ происшествіяхъ юго-западной Россіи участвовали слабые тогда

Ольговичи какъ союзники Мстислава. Великій же Князь Георгій занимался единственно внутреннимъ правленіемъ собственной земли и внѣшнею безопасностію Новогородцевъ, пославъ къ нимъ осьмилѣтняго сына, Всеволода, на мѣсто Мстиславича, внука Романова, изгнаннаго народомъ. Опаснѣйшими ихъ врагами были тогда Альбертовы Рыцари: Новогородцы требовали сильной помощи отъ Георгія, и съ братомъ его, Святославомъ, вступивъ въ Ливонію, опустошили берега рѣки Аа. Лѣтописецъ Нѣмецкій говоритъ, что Россіяне своими жестокостями возбудили тогда гнѣвъ Рижской Богоматери[161]; изъявляя ненависть къ ея новымъ храмамъ, разрушали Латинскія церкви, монастыри, плѣняли женъ, дѣтей и жгли хлѣбъ на поляхъ. Сынъ Владиміра Псковскаго, Ярославъ, съ войскомъ Литовскихъ союзниковъ встрѣтилъ Святослава близъ Кеси или нынѣшняго Вендена: Россіяне осадили сей городъ. Съ утра до вечера продолжалась кровопролитная битва. Нѣмцы всего удачнѣе дѣйствовали пращами, и тяжело ранили многихъ изъ нашихъ Бояръ подъ стѣною. На другой день узнавъ, что самъ Великій Магистръ Ордена, Волквинъ, ночью вошелъ въ крѣ-

Г. 1221 — 22.

Происшествія въ Ливоніи.

постъ, и что къ осажденнымъ скоро прибудетъ новая помощь, — Святославъ отступилъ. Но военныя дѣйствія не прекратились: Латыши, послушные Нѣмцамъ, безпрестанно злодѣйствовали въ окрестностяхъ Пскова, и не могли насытиться кровію людей безоружныхъ; оставивъ домы и работы сельскія, жили въ нашихъ лѣсахъ, грабили, убивали путешественниковъ, земледѣльцевъ, уводили женщинъ, лошадей и скотъ. Дабы наказать сихъ разбойниковъ, граждане Псковскіе ходили осенью въ землю Латышей, гдѣ истребили все, что могли. — Не смотря на мирныя, весьма неискреннія предложенія съ обѣихъ сторонъ, Нѣмцы и Россіяне не давали покоя другъ другу. Первые, собравъ Ливь и Латышей, дерзнули вступить въ собственные наши предѣлы: обошли Псковъ и въ окрестностяхъ Новагорода, по сказанію Ливонскаго Лѣтописца, обратили въ пепелъ нѣсколько деревень. Латыши ограбили церковь близъ самаго предмѣстія столицы, взявъ иконы, колокола и другія вещи. Довольные сею местію, Нѣмцы спѣшили уйти безъ сраженія, и боясь Россіянъ, старались укрѣпиться въ восточной Ливоніи: строили замки, рыли въ нихъ колодези на случай осады,

запасались хлѣбомъ а всего болѣе оружіемъ и пращами. Возбуждаемыя Рыцарями, толпы Чуди два раза зимою приходили незапно изъ-за рѣки Наровы въ Ижорскую землю, издавна область Новогородскую; плѣнили множество людей, и побили весь скотъ, котораго не могли взять съ собою.

В ъ то время малолѣтный сынъ Георгіевъ, по желанію своихъ Бояръ, не находившихъ для себя ни выгодъ, ни удовольствія въ Новѣгородѣ, тайно собрался ночью и со всѣмъ Дворомъ уѣхалъ къ отцу. Народъ опечалился; сиротствуя безъ Главы, желалъ имѣть Княземъ хотя брата Георгіева; забылъ свою прежнюю, отчасти справедливую ненависть къ Ярославу-Ѳеодору, и принялъ его съ живѣйшими знаками удовольствія: ибо надѣялся, что онъ будетъ грозою внѣшнихъ непріятелей. Ярославъ, выгнавъ хищныхъ Литовцевъ изъ южныхъ предѣловъ Новогородскихъ и Торопецкой области, хотѣлъ отличить себя важнѣйшимъ подвигомъ и быть защитникомъ сѣверныхъ Ливонцевъ, утѣсненныхъ тогда новыми пришельцами.

Г. 1222.

Вальдемаръ II, мужественный Король Датскій, желая (какъ говоритъ со-

временный Лѣтописецъ) »очиститься »отъ грѣховъ своихъ и доказать усердіе »къ Рижской Богоматери,« высадилъ многочисленное войско на берега Эстоніи, заложилъ Ревель и въ кровопролитной битвѣ одержалъ надъ жителями побѣду, которая служила поводомъ къ основанію Данеброгскаго Ордена[162]: ибо разсказываютъ басню, что во время сраженія красное знамя съ бѣлымъ крестомъ упало изъ облаковъ въ руки къ Датчанамъ, и что Небо симъ чудомъ оживило ихъ мужество. Король возвратился въ Данію, но оставилъ въ Ревелѣ воиновъ и Епископовъ, чтобы утвердить тамъ Христіанскую Вѣру и власть свою, къ неудовольствію Рижскихъ Нѣмцевъ, которые считали себя господами Эстоніи. Шведы также прибыли въ сію несчастную землю, также хотѣли крестить язычниковъ. Бѣдные жители не знали, кого слушаться: ибо ихъ мнимые просвѣтители ненавидѣли другъ друга, и Датчане повѣсили одного Чудскаго старѣйшину за то, что онъ дерзнулъ принять крещеніе отъ Нѣмцевъ! Въ сей крайности народъ Эзельскій вооружился, побилъ Шведовъ, взялъ приступомъ новую крѣпость, основанную Датчанами на Эзелѣ. Скоро мя-

тежъ сдѣлался общимъ въ разныхъ областяхъ Ливонскихъ: граждане Феллина, Юрьева, Оденпе, согласно изъявляли ненависть къ Нѣмцамъ; умертвили многихъ Рыцарей, Священниковъ, купцевъ, и мечи, обагренные ихъ кровію, были посылаемы изъ мѣста въ мѣсто въ знакъ счастливаго успѣха. Уже всѣ жители сѣверной Ливоніи торжественно отреклись отъ Христіанства, вымыли свои домы, какъ будто бы оскверненные его обрядами, разрушили церкви и велѣли сказать Рижскому Епископу, что они возвратились къ древней Вѣрѣ отцевъ, и не оставятъ ее, пока живы. Въ сихъ обстоятельствахъ Старѣйшины ихъ призвали Россіянъ въ города свои, уступили имъ часть богатства отнятаго у Нѣмцевъ, и послали дары къ Новогородскому Князю, моля его о защитѣ[163].

Ярославъ, собравъ около 20,000 воиновъ, вступилъ въ Ливонію. Жители встрѣтили его съ радостію, выдавали ему всѣхъ Нѣмцевъ, заключенныхъ ими въ оковы, и приняли Россіянъ какъ друзей въ Юрьевѣ, Оденпе и другихъ мѣстахъ. Князь Новогородскій хотѣлъ итти къ Ригѣ; но убѣжденный Послами Эзельскими, обратился къ Эстоніи, чтобы

освободить сію землю отъ ига Датчанъ. Близъ Феллина онъ къ изумленію своему увидѣлъ трупы многихъ Россіянъ повѣшенныхъ: Рыцари, предупредивъ его, снова завладѣли сею крѣпостію, и безчеловѣчно умертвили бывшихъ тамъ Новогородскихъ воиновъ. Огорченный Ярославъ клялся жестокимъ образомъ отмстить за такое злодѣйство, но, вмѣсто Рыцарей, наказалъ однихъ невинныхъ жителей Феллинской области: лилъ ихъ кровь, жегъ домы; довершилъ бѣдствіе сихъ несчастныхъ, которые искали убѣжища въ дикихъ лѣсахъ, стеная отъ Нѣмцевъ, Россіянъ и болѣзней. — Удовлетворивъ своему гнѣву, Ярославъ соединился съ приморскими жителями Эстоніи, осадилъ Ревель или Колывань, и стоялъ подъ его стѣнами четыре недѣли безъ всякаго важнаго успѣха. Датчане оборонялись мужественно, столь искусно дѣйствуя пращами, что утомленный безполезными приступами Князь снялъ осаду и возвратился въ Новгородъ, хотя безъ славы, однакожъ съ плѣнниками и добычею. Въ лѣтописи именно сказано, что наши воины принесли тогда съ собою не мало *золота*.

Народъ охотно повиновался Ярославу; но сей Князь — не извѣстно, для

чего — самъ не захотѣлъ остаться въ Новѣгородѣ, и Георгій вторично прислалъ
Г. 1224. на его мѣсто юнаго сына своего, Всеволода. Надлежало обуздывать Литву, бороться съ властолюбивыми Нѣмцами въ Ливоніи, наблюдать Датчанъ: а Князь Новогородскій былъ десятилѣтній отрокъ! Его именемъ правили чиновники: чтобы удержать за Россіею Дерптъ, они уступили сей городъ одному изъ Владѣтелей Кривскихъ, мужественному Вячку, который начальствовалъ прежде въ Двинскомъ замкѣ Кукенойсѣ. Имѣя у себя не болѣе двухъ сотъ воиновъ, онъ утвердилъ свое господство въ сѣверной Ливоніи: бралъ дань съ жителей, строго наказывалъ ослушниковъ, безпрестанно тревожилъ Нѣмцевъ и счастливо отразилъ приступъ ихъ къ Юрьеву[164]. Тогда Епископъ Альбертъ созвалъ всѣхъ Рыцарей, странствующихъ богомольцевъ, купцевъ, Латышей, и самъ выступилъ изъ Риги, окруженный Монахами, Священниками. Сіе войско расположилось въ шатрахъ около Юрьева, и Вячко равнодушно смотрѣлъ на всѣ приготовленія Нѣмцевъ. Они сдѣлали огромную деревянную башню, равную въ вышинѣ съ городскими стѣнами, и придвинули оную къ самому

Мужественный Вячко.

замку, подкопавъ часть вала; но Князь Россійскій еще не терялъ бодрости. Напрасно Альбертъ предлагалъ ему миръ и свободу выйти изъ крѣпости со всѣми людьми, съ ихъ имуществомъ и съ конями: Вячко не хотѣлъ о томъ слышать, надѣясь, что Новогородцы не оставятъ его безъ помощи. Стрѣлы и камни летали съ утра до вечера изъ города и въ городъ: Нѣмцы бросали туда и раскаленное желѣзо, чтобы зажечь деревянныя зданія. Осажденные не имѣли покоя ни въ самую глубокую ночь, стараясь препятствовать работѣ осаждающихъ, которые, разводя большіе огни, копали землю съ пѣснями и музыкою: Латыши гремѣли щитами Нѣмцы били въ литавры; а Россіяне также играли на трубахъ, стоя безпрестанно на стѣнѣ. Утомленные трудами, ежедневными битвами, Нѣмцы собрались на общій совѣтъ. »Не будемъ »терять времени« (сказалъ одинъ изъ нихъ) »и возмемъ городъ приступомъ. До»селѣ мы излишно щадили враговъ сво»ихъ: нынѣ да погибнутъ всѣ безъ »остатка! Кто первый изъ насъ войдетъ »въ крѣпость, тому честь и слава; тому »лучшій конь и знаменитѣйшій плѣнникъ. »Но опасный Князь Россійскій долженъ

»быть повѣшенъ на деревѣ« Одобривъ сіе предложеніе, Рыцари устремились на приступъ. Хотя жители и Россіяне бились мужественно; хотя пылающими колесами зажгли башню осаждающихъ, и нѣсколько часовъ отражали Нѣмцевъ: однакожь принуждены были уступить превосходному числу враговъ. Въ слѣдъ за Рыцарями ворвались въ крѣпость и Латыши, убивая своихъ единоземцевъ, женъ, дѣтей безъ разбора. Долѣе всѣхъ оборонялись Россіяне. Никто изъ нихъ не могъ спастися отъ меча побѣдителей, кромѣ одного Суздальскаго Боярина: плѣнивъ его, Нѣмцы дали ему коня и велѣли ѣхать въ Новгородъ, чтобы объявить тамъ о бѣдствіи Россіянъ. Храбрый Вячко находился въ числѣ убитыхъ[165].

Новогородцы шли къ Юрьеву и стояли близъ Пскова: Рыцари не хотѣли ждать ихъ; надъ кучами мертвыхъ тѣлъ съ веселою музыкою отпѣли благодарный молебенъ, сожгли крѣпость и спѣшили удалиться. Ливонскій Лѣтописецъ прибавляетъ, что Россіяне, не имѣя тогда надежды воевать счастливо, предложили миръ Епископу Рижскому; что Альбертъ заключилъ оный съ ихъ Послами, и выдалъ имъ изъ казны своей часть дани,

которую они прежде собирали въ землѣ Латышей[166]: ибо сей хитрый Епископъ иногда еще признавалъ Россіянъ господами Ливоніи, чтобы, обманывая ихъ, тѣмъ спокойнѣе властвовать надъ оною.

Набѣгъ Литвы.

Новогородцы, примирясь съ Рижскимъ Орденомъ, должны были вооружиться для защиты южныхъ границъ своихъ. Посадникъ города Русы вышелъ съ войскомъ противъ Литовцевъ и не могъ устоять въ битвѣ съ ними: сіи мужественные разбойники одержали побѣду, взяли въ добычу множество коней и бѣжали назадъ въ свою землю: ибо никогда не думали о завоеваніяхъ, желая только вредить Россіянамъ и грабить селенія[167]

Доселѣ, въ теченіе двухъ столѣтій и болѣе, мы видѣли древнее отечество наше безпрестанно терзаемое войнами междоусобными и нерѣдко хищными иноплеменниками; но сіи времена — столь, кажется, несчастныя — были златымъ вѣкомъ въ сравненіи съ послѣдующими. Настало время бѣдствія общаго, гораздо ужаснѣйшаго, которое, изнуривъ Государство, поглотивъ гражданское благосостояніе онаго, унизило самое человѣчество въ нашихъ предкахъ, и на нѣсколько вѣковъ оставило глубокіе, незагла-

димые слѣды, орошенные кровію и слезами многихъ поколѣній. *Россія* въ 1224 году *услышала о Татарахъ*

Слухъ о Татарахъ.

Готовясь описывать рѣдкое народное несчастіе, гибель воинствъ и Княжсній Россійскихъ, порабощеніе Государства, утрату лучшихъ областей его, считаемъ за нужное обозрѣть тогдашнее состояніе Россіи, отъ временъ Ярослава Великаго до нашествія сихъ грозныхъ иноплеменниковъ.

ГЛАВА VII.

Состояніе Россіи съ XI до XIII вѣка.

Права Великихъ Князей. Удѣлы. Княжескіе съѣзды. Право наслѣдственное. Враги внѣшніе. Правленіе. Обряды и чины Двора. Войско. Торговля. Ганза. Договоръ съ Нѣмцами. Деньги. Художества. Науки. Поэзія. Нравы. Древнѣйшее путешествіе въ Россію.

Ярославъ, могущественный и самодержавный подобно Св. Владиміру, раздѣливъ Россію на Княженія, хотѣлъ, чтобы старшій сынъ его, называясь Вели-

кимъ Княземъ, былъ Главою отечества и меньшихъ братьевъ, и чтобы Удѣльные Князья, оставляя право наслѣдства дѣтямъ, всегда зависѣли отъ Кіевскаго, какъ присяжники и знаменитые слуги его [168]. Отдавъ ему многолюдную столицу, всю юго-западную Россію и Новгородъ, онъ думалъ, что Изяславъ и наслѣдники его, сильнѣйшіе другихъ Князей, могутъ удерживать ихъ въ границахъ нужнаго повиновенія и наказывать ослушниковъ. Ярославъ не предвидѣлъ, что самое Великое Княженіе раздробится, ослабѣетъ, и что Удѣльные Владѣтели, чрезъ союзы между собою или съ иными народами, будутъ иногда предписывать законы мнимому своему Государю. Уже Всеволодъ I долженствовалъ воевать съ частнымъ Княземъ его собственной области, а Святополкъ II отвѣтствовать какъ подсудимый на запросы Князей Удѣльныхъ[169]. Одаренные мужествомъ и благоразуміемъ, Мономахъ и Мстиславъ I еще умѣли повелѣвать Россіею; но преемники ихъ лишились сей власти, основанной на личномъ уваженіи, и Кіевъ зависѣлъ наконецъ отъ Суздаля. Если бы Всеволодъ III, слѣдуя правилу Андрея Боголюбскаго, отмѣнилъ Систему Удѣловъ въ своихъ областяхъ; если бы

Права Великихъ Князей.

Константинъ и Георгій II имѣли государственныя добродѣтели отца и дяди: то они могли бы возстановить Единовластіе. Но Россія, по кончинѣ Всеволода Георгіевича, осиротѣла безъ Главы, и сыновья его совсѣмъ не думали быть Монархами.

Удѣлы. Ярославъ раздѣлилъ Государство на четыре области, кромѣ Полоцкой, оставленной имъ въ наслѣдіе роду старшаго брата его: въ теченіе времени каждая изъ оныхъ раздѣлилась еще на особенные Удѣлы—и Князья первыхъ стали послѣ называться *Великими* въ отношеніи къ частнымъ или *Удѣльнымъ*, отъ нихъ зависѣвшимъ[170]. Волынія, Галиція, земля Дреговичей, отошли отъ Кіева. Княженіе Переяславское, весьма знаменитое при Всеволодѣ I и Мономахѣ, утратило Суздаль, Ростовъ, Курскъ; а Черниговское Рязань и Муромъ (кромѣ Тмутороканя, завоеваннаго Половцами); Новгородъ Сѣверскій, Стародубъ, иногда земля Вятичей въ XII вѣкѣ принадлежали разнымъ Владѣтелямъ, не рѣдко обнажавшимъ мечь другъ на друга. Смоленское также имѣло частные Удѣлы: Торопецкій и Красенскій [171]. Самый Новгородъ, древнее достояніе Государей Кіевскихъ, славный храбростію

и богатствомъ жителей, присвоивъ себѣ власть избирать Князей, не могъ сохранить цѣлости владѣній своихъ. Псковитяне дѣйствовали иногда какъ независимые отъ него и свободные граждане.

Мономахъ, еще не будучи Великимъ Княземъ, видя съ горестію безначаліе и неустройство въ Россіи, хотѣлъ уменьшить сіе великое зло учрежденіемъ общихъ Княжескихъ Совѣтовъ или Съѣздовъ, которые иногда воспаляли въ сердцахъ любовь къ отечеству, но только на малое время, и не могли прекратить вреднаго междоусобія. Въ слѣдствіе такого Съѣзда несчастный Василько былъ ослѣпленъ, а Глѣбъ Рязанскій обагрилъ руки свои кровію братьевъ[172]. Княжескіе съѣзды.

Обыкновенною причиною вражды было спорное право наслѣдства. Мы уже замѣтили выше, что по древнему обычаю не сынъ, но братъ умершаго Государя или старшій въ родѣ долженствовалъ быть его преемникомъ[173]. Мономахъ, убѣжденный народомъ властвовать въ столицѣ по кончинѣ Святополка-Михаила, нарушилъ сей обычай; а какъ родоначальникъ Владѣтелей Черниговскихъ былъ старѣе Всеволода I, то они въ сыновьяхъ и внукахъ Мономаховыхъ ненавидѣли по- Право наслѣдственное.

хитителей Великокняжескаго достоинства и воевали съ ними. Но истинными наслѣдниками Кіевскаго престола, согласно съ тогдашнимъ обыкновеніемъ, были потомки Изяслава I, которые не искали сей чести, мирно господствуя въ Удѣлахъ Туровскомъ и Пинскомъ[174].

Враги внѣшніе.

Государство, раздираемое внутренними врагами, могло ли не быть жертвою внѣшнихъ? Одному особенному счастію надлежитъ приписать то, что Россія въ теченіе двухъ вѣковъ не утратила своей народной независимости, отъ времени до времени имѣя Князей мужественныхъ, благоразумныхъ. Какъ Ярославъ Великій рѣшительнымъ ударомъ навсегда избавилъ отечество отъ свирѣпости Печенѣговъ, такъ Мономахъ блестящими побѣдами, въ княженіе Святополка II, ослабилъ силу жестокихъ Половцевъ: они все еще тревожили Днѣпровскую область набѣгами, но уже не столь гибельными, какъ прежде; въ отношеніи къ своимъ дикимъ нравамъ чувствовали превосходство Россіянъ, любили называться Славянскими именами, и даже охотно крестились[175]. Два раза Поляки были господами нашей древней столицы; но испытавъ ужасную месть Россіянъ и стеная отъ

собственныхъ бѣдствій внутри Государства, волнуемаго мятежами, оставляли насъ въ покоѣ. Мужественные Князья Галицкіе—Владимірко, Ярославъ, Романъ— служили для Россіи щитомъ на Юго-Западѣ и держали Венгровъ въ страхѣ. Дунайскіе Болгары, съ 1185 году свободные отъ ига Грековъ, были тогда сильнымъ народомъ; въ 1205 году разбили Латинскаго Императора Балдвина, взяли его въ плѣнъ и доходили до вратъ Константинополя; но жили мирно съ нами. Сынъ ихъ Героя Асана, именемъ Іоаннъ, принужденный выѣхать изъ отечества, искалъ защиты Россіянъ, и съ помощію сихъ вѣрныхъ друзей — вѣроятно, знаменитаго Мстислава Галицкаго — въ 1222 году восшелъ на престолъ своего дяди[176]. — Болгары Камскіе не имѣли духа воинскаго. Рыцари Нѣмецкіе вытѣснили Новогородцевъ и Кривичей изъ Ливоніи, но далѣе не могли распространить своихъ завоеваній; а Литовцы были не что иное, какъ смѣлые грабители. Другихъ, опаснѣйшихъ враговъ отечество наше тогда не знало, и не смотря на развлеченіе внутреннихъ силъ его, еще славилось могуществомъ въ отношеніи къ сосѣдамъ, наблюдая законы предковъ въ своемъ правленіи, успѣ-

вая въ дѣлахъ воинскихъ, въ торговлѣ, въ гражданскомъ образованіи.

Правленіе.

Что касается собственно до правленія, то оно въ сіи времена соединяло въ себѣ выгоды и злоупотребленія двухъ, одинъ другому противныхъ, государственныхъ уставовъ: самовластія и вольности. Когда Олегъ, Святославъ, Владиміръ, окруженные славою побѣдъ, величіемъ завоевателей, силою единодержавія въ цѣлой Россіи, повелѣвали народу: народъ смиренно и безмолвно исполнялъ ихъ волю. Но когда Государство раздѣлилось; когда лучи славы угасли надъ престоломъ Св. Владиміра, и вмѣсто одного явились многіе Государи въ Россіи: тогда народъ, видя ихъ слабость, захотѣлъ быть сильнымъ, стѣснялъ предѣлы Княжеской власти или противился ея дѣйствію. Самовластіе Государя утверждается только могуществомъ Государства, и въ малыхъ областяхъ рѣдко находимъ Монарховъ неограниченныхъ. Между тѣмъ древній уставъ Рюриковыхъ временъ не былъ отмѣненъ: вездѣ, и въ самомъ Новѣгородѣ, Князь судилъ, наказывалъ и сообщалъ власть свою Тіунамъ; объявлялъ войну, заключалъ миръ, налагалъ дани[177]. Но граждане столицы, пользуясь свободою Вѣча, не рѣдко останав-

ливали Государя въ дѣлахъ важнѣйшихъ: предлагали ему совѣты, требованія; иногда рѣшили собственную судьбу его, какъ вышніе законодатели. Жители другихъ городовъ, подвѣдомыхъ областному и называемыхъ обыкновенно *пригородами*, не имѣли сего права[178]. Вѣроятно, что и въ столицахъ не всѣ граждане могли судить на Вѣчахъ, а только старѣйшіе или нарочитые, Бояре, воины, купцы. Знаменитое Духовенство также участвовало въ дѣлахъ правленія. Святополкъ-Михаилъ и Мономахъ звали Олега на совѣтъ съ Боярами, градскими людьми, Епископами, Игуменами. Митрополитъ Кіевскій присутствовалъ на Вѣчѣ Софійскомъ. Архіепископъ Новогородскій ѣздилъ съ судными дѣлами къ Андрею Боголюбскому[179]. Подобно Князьямъ, Вельможамъ, богатымъ купцамъ, владѣя селами, Епископы пользовались въ оныхъ исключительнымъ правомъ судебнымъ безъ сношенія съ гражданскою властію; подъ главнымъ вѣдомствомъ Митрополита судили Іереевъ, Монаховъ и всѣ церковныя преступленія, наказывая виновныхъ эпитиміями[180]. Россіяне въ XIII вѣкѣ уже имѣли переводъ Греческаго Номоканона или Кормчей Книги: она хранилась въ Новогородскомъ Со-

борѣ и служила правиломъ для разбирательства случаевъ, относящихся къ совѣсти Христіанъ[181]. — Духовнымъ же особамъ были обыкновенно поручаемы государственные мирные переговоры: убѣжденія разсудка, подкрѣпляемыя гласомъ Вѣры, тѣмъ сильнѣе дѣйствовали на сердца людей. — Но Епископы, избираемые Княземъ и народомъ, въ случаѣ неудовольствія могли ими быть изгнаны[182]. Въ отношеніяхъ гражданскихъ Святитель совершенно зависѣлъ отъ суда Княжескаго: такъ Ярославъ-Ѳеодоръ (въ 1229 году) судилъ какую-то важную тяжбу Епископа Ростовскаго, Кирилла, обвинилъ его и лишилъ почти всего имѣнія. (Къ чести сего Кирилла, славнаго необыкновеннымъ богатствомъ, скажемъ, что онъ, вмѣсто жалобъ, принесъ благодарность Небу; роздалъ остатокъ своего достоянія друзьямъ, нищимъ, и подобно Іову страдая тогда отъ недуга тѣлеснаго, постригся въ Схиму).

Обряды и чины Двора.

Восшествіе Государя на тронъ соединено было съ обрядами священными: Митрополитъ торжественно благословилъ Долгорукаго властвовать надъ южною Россіею; Кіевляне, Новогородцы сажали Князей на престолъ въ Софійскомъ

храмѣ[183]. Князь въ самой церкви, во время Литургіи, стоялъ съ покровенною главою, въ шапкѣ[184] или клобукѣ (можетъ быть, въ вѣнцѣ); украшалъ Вельможъ своихъ златыми цѣпями, крестами, гривнами; жаловалъ придворныхъ въ Казначеи, Ключники, Постельники, Конюшіе и проч. Что прежде называлось *Дружиною* Государей, то со временъ Андрея Боголюбскаго уже именуется въ лѣтописяхъ *Дворомъ:* Бояре, Отроки и Мечники Княжескіе составляли оный.

Сіи *Дворяне*, первые въ Россіи, были лучшею частію войска[185]. Каждый городъ имѣлъ особенныхъ ратныхъ людей, *Пасынковъ* или Отроковъ Боярскихъ (названныхъ такъ для отличія отъ Княжескихъ) и Гридней или простыхъ Мечниковъ, означаемыхъ иногда общимъ именемъ воинской дружины[186]. Только въ чрезвычайныхъ случаяхъ вооружались простые граждане или сельскіе жители[187]; но послѣдніе обязаны были давать лошадей для конницы. Совершивъ походъ — большею частію въ концѣ зимы — Князь обиралъ у воиновъ оружіе, чтобы хранить его до новаго предпріятія[188]. Войско раздѣлялось на полки, конные и пѣхотные, на копейщиковъ и стрѣлковъ; послѣдніе обык- Войско.

новенно начинали дѣло. Главный Воевода именовался Тысячскимъ: Князья имѣли своихъ Тысячскихъ, города также[189]. Если сказанія Нестора о числѣ Олеговыхъ и Игоревыхъ воиновъ справедливы, то древнѣйшія ополченія Россійскія были многолюднѣе, нежели въ XI, XII и XIII столѣтіи: ибо сильнѣйшее *извѣстное* намъ войско въ теченіе сихъ вѣковъ состояло только изъ 50,000 ратниковъ[190]. Воины надѣвали латы единственно въ то время, когда уже готовились къ битвѣ; самое оружіе, для облегченія людей, возили на телегахъ: отъ чего непріятель, пользуясь нечаянностію, иногда нападалъ на безоружныхъ. Войско робкое или малочисленное ограждало себя въ полѣ кольями и плетнемъ; такія же ограды деревянныя или *остроги* служили внѣшнею защитою для крѣпостей, замковъ или *дѣтинцевъ*. Нѣмецкій Лѣтописецъ, хваля мѣткость нашихъ стрѣлковъ, говоритъ, что Россіяне могли учиться у Ливонскихъ Рыцарей искусству оборонять города; но стѣнобитныя орудія или *пороки* уже давно были у насъ извѣстны[191].

Торговля. Ни внутренніе раздоры, ни внѣшнія частыя войны не препятствовали въ Россіи мирнымъ успѣхамъ торговли, бла-

годѣтельнымъ для гражданскаго образованія народовъ. Въ сіе время она была весьма обширна и знаменита. Ежегодно приходили въ Кіевъ купеческіе флоты изъ Константинополя, столь богатые и столь важные для общей государственной пользы, что Князья, ожидая ихъ, изъ самыхъ дальнихъ мѣстъ присылали войско къ Каневу для обороны судовъ отъ хищныхъ Половцевъ[192]. Днѣпръ въ теченіи своемъ отъ Кіева къ морю назывался обыкновенно *путемъ Греческимъ*. Мы уже говорили о предметахъ сей торговли. Россіяне, покупая соль въ Тавридѣ, привозили въ Сурожъ или Судакъ, богатый и цвѣтущій, горностаевые и другіе мѣха драгоцѣнные, чтобы обмѣнивать ихъ у купцевъ восточныхъ на бумажныя, шелковыя ткани и пряные коренья[193]. Половцы, овладѣвъ Тмутороканемъ и едва не всѣмъ Крымомъ, для собственныхъ выгодъ не мѣшали торговлѣ, и первые, кажется, впустили Генуэзцевъ въ южную часть Тавриды[194]. По крайней мѣрѣ сіи корыстолюбивые, хитрые Италіянцы еще за нѣсколько лѣтъ до нашествія Татаръ имѣли торговыя заведенія въ Арменіи, слѣдственно уже господствовали на Черномъ морѣ[195]. Въ самое то

время, когда войско Россійское сражалось съ Половцами въ землѣ ихъ, купцы мирно тамъ путешествовали: ибо самые варвары, находя пользу въ торговлѣ, для ея безопасности наблюдаютъ законы просвѣщенныхъ народовъ[196]. Греки, Армяне, Евреи, Нѣмцы, Моравы, Венеціяне жили въ Кіевѣ, привлекаемые выгодною мѣною товаровъ и гостепріимствомъ Россіянъ, которые дозволяли Христіанамъ Латинской Церкви свободно и торжественно отправлять свое богослуженіе, но запрещали имъ спорить о Вѣрѣ: такъ Владиміръ Рюриковичь Кіевскій выгналъ (въ 1233 году) какого-то Мартина, Пріора Латинскаго храма Св. Маріи въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ другими Монахами Католическими, *боясь* — какъ говоритъ Польскій Историкъ — *чтобы сіи проповѣдники не доказали, сколь Вѣра Греческая далека отъ истины*[197]*!*

Подобно Черному морю и Днѣпру, Каспійское и Волга служили другимъ важнымъ путемъ для торговли. Болгары, въ случаѣ неурожая питая хлѣбомъ Суздальское Великое Княженіе, могли доставлять намъ и ремесленныя произведенія образованнаго Востока. Въ развалинахъ города Болгарскаго, въ 90 верстахъ отъ

Казани и въ 9 отъ Волги, нашлися Армянскія надписи XII вѣка[198]: вѣроятно, что Армяне, издавна славные купечествомъ, вымѣнивали тамъ Русскіе мѣха и *кожи* на товары Персидскіе и другіе. Донынѣ подъ именемъ *Болгаръ* разумѣются въ Турціи восточные сафьяны, а въ Бухаріи юфть[199]: изъ чего заключаютъ, что Азія получала нѣкогда сей товаръ отъ Болгаровъ. Достойно примѣчанія, что въ древнемъ ихъ отечествѣ, въ Казани, и нынѣ дѣлаются лучшіе изъ Русскихъ сафьяновъ. Въ упомянутыхъ развалинахъ найдены также Арабскія надписи отъ 1222 до 1341 года по Христіанскому лѣтосчисленію, вырѣзанныя отчасти надъ могилами *Ширванскихъ* и *Шамахансkихъ* уроженцевъ[200].—Земледѣльцы находятъ иногда въ окрестностяхъ сего мѣста золотыя мелочи, женскія украшенія, серебряныя Арабскія монеты и другія безъ всякой надписи, ознаменованныя единственно произвольными изображеніями, точками, звѣздочками, и безъ сомнѣнія принадлежавшія народу безграмотному (можетъ быть, Чудскому). Такіе любопытные памятники свидѣтельствуютъ о древнемъ цвѣтущемъ состояніи Россійской Болгаріи.

Новгородъ, серебромъ и мѣхами собирая дань въ Югрѣ[201], посылалъ корабли въ Данію и въ Любекъ. Въ 1157 году, при осадѣ Шлезвига, Король Датскій, Свендъ IV, захватилъ многія суда Россійскія, и товары ихъ роздалъ, вмѣсто жалованья, воинамъ. Купцы Новогородскіе имѣли свою церковь на островѣ Готландіи, гдѣ цвѣлъ богатый городъ Визби, заступивъ мѣсто Виннеты[202], и гдѣ до XVII вѣка хранилось преданіе, что нѣкогда товары Индѣйскіе, Персидскіе, Арабскіе шли чрезъ Волгу и другія наши рѣки въ пристани Бальтійскаго моря. Извѣстіе вѣроятное: оно изъясняетъ, какимъ образомъ могли зайти на берега сего моря древнія монеты Арабскія, находимыя тамъ въ большемъ количествѣ. — Готландцы, Нѣмцы издавна живали въ Новѣгородѣ. Они раздѣлялись на два общества: *зимнихъ* и *лѣтнихъ гостей*[203]. Правительство обязывалось за уставленную плату высылать къ Ижерѣ, на встрѣчу имъ, лодошниковъ: ибо сіи купцы, боясь пороговъ Невскихъ и Волховскихъ, обыкновенно перегружали товары въ легкія лодки, внося въ Казну съ каждаго судна гривну кунъ, а съ нагруженнаго хлѣбомъ полгривны. Въ Новѣгородѣ

отведены были особенные дворы Нѣмецкимъ и Готландскимъ купцамъ, гдѣ они пользовались совершенною независимостію и вѣдались собственнымъ судомъ, избирая для того Старѣйшинъ; одинъ Посолъ Княжескій могъ входить къ нимъ. Обиженный Россіяниномъ гость жаловался Князю и Тіуну Новогородскому; обиженный гостемъ Россіянинъ Старѣйшинѣ иноземцевъ. Сіи тяжбы рѣшились на дворѣ Св. Іоанна. Готландцы имѣли въ Новѣгородѣ божницу Св. Олава, Нѣмцы храмъ Св. Петра, а въ Ладогѣ Св. Николая, съ кладбищами и лугами.—Когда же, въ теченіе XIII столѣтія, вольные города Германскіе, Любекъ, Бременъ и другіе, числомъ наконецъ до семидесяти, вступили въ общій, тѣсный союзъ, славный въ Исторіи подъ именемъ Ганзы, Ганза утвержденный на правилахъ взаимнаго дружества и вспоможенія, нужный для ихъ безопасности и свободы, для успѣховъ торговли и промышлености—союзъ столь счастливый, что онъ, господствуя на двухъ моряхъ, могъ давать законы народамъ и Вѣнценосцамъ—когда Рига и Готландія присоединились къ сему братству: тогда Новгородъ сдѣлался еще важнѣе въ купеческой системѣ Европы Сѣ-

верной: Ганза учредила въ немъ главную Контору, называла ее *матерію* всѣхъ иныхъ, старалась угождать Россіянамъ, пресѣкая злоупотребленія, служившія поводомъ къ раздорамъ; строго подтверждала купцамъ своимъ, чтобы товары ихъ имѣли опредѣленную доброту, и чтобы купля въ Новѣгородѣ производилась всегда мѣною вещей безъ всякихъ долговыхъ обязательствъ, изъ коихъ выходили споры. Нѣмцы привозили тонкія сукна, въ особенности Фламанскія, соль, сельди и хлѣбъ въ случаѣ неурожая, покупая у насъ мѣха, воскъ, медъ, кожи, пеньку, ленъ. Ганза торжественно запрещала ввозить въ Россію серебро и золото; но купцы не слушались устава противнаго ихъ личнымъ выгодамъ, и доставляли Новугороду не мало драгоцѣнныхъ металловъ, привлекаемые туда славою его изобилія и разсказами, почти баснословными, о пышности Двора Княжескаго, Вельможъ, богатыхъ гражданъ. — Псковъ участвовалъ въ сей знаменитой торговлѣ, и Правительство обоихъ городовъ, способствуя успѣхамъ ея, довольствовалось столь умѣренною пошлиною, что Ганза не могла нахвалиться его мудрымъ безкорыстіемъ[204].

Древняя Біармія, уже давно область Новогородская, все еще славилась торговлею, и корабли Шведскіе, Норвежскіе не преставали до самаго XIII вѣка ходить къ устью Сѣверной Двины[205]. Лѣтописцы Скандинавскіе повѣствуютъ, что въ 1216 году знаменитый купецъ ихъ, Гелге Богрансонъ, имѣвъ несчастную ссору съ Біармскимъ начальникомъ, былъ тамъ умерщвленъ вмѣстѣ со всѣми товарищами, кромѣ одного, именемъ Огмунда, ушедшаго въ Новгородъ. Сей Огмундъ ѣздилъ изъ Россіи въ Іерусалимъ, и возвратясь въ отечество, разсказалъ о жалостной кончинѣ Богрансона. Норвежцы хотѣли мстить за то Біармскимъ жителямъ, и въ 1222 году прибывъ къ нимъ на четырехъ корабляхъ, ограбили ихъ землю, взяли въ добычу множество *клейменаго* серебра, мѣховъ *бѣлыхъ*[206], и проч.

Смоленскъ имѣлъ также знатную торговлю съ Ригою, съ Готландіею и съ Нѣмецкими городами: чему доказательствомъ служитъ договоръ, заключенный съ ними Смоленскимъ Княземъ Мстиславомъ Давидовичемъ въ 1228 году[207]. Предлагаемъ здѣсь главныя статьи онаго, любопытныя въ отношеніи къ самымъ нравамъ и законодательству древней Россіи. Договоръ съ Нѣмцами.

1. »Миръ и дружба да будутъ отны-»нѣ между Смоленскою областію, Ригою, »*Готскимъ* берегомъ (Готландіею) и всѣ-»ми Нѣмцами, ходящими по *Восточному* »*морю*, ко взаимному удовольствію той »и другой стороны. А если — чего Боже »избави — сдѣлается въ ссорѣ убійство, »то за жизнь вольнаго человѣка платить »десять гривенъ серебра, *пѣнязями* (день-»гами) или кунами, считая оныхъ (кунъ) »4 гривны на одну гривну серебра. Кто »ударитъ холопа, платитъ гривну кунъ; »за поврежденіе глаза, отсѣченіе руки, но-»ги и всякое увѣчье 5 гривенъ серебра; »за вышибенный зубъ 3 гривны (серебра »же); за окровавленіе человѣка посред-»ствомъ дерева $1\frac{1}{2}$ гривны, за рану безъ »увѣчья тоже; кто ударитъ палицею »батогомъ, или схватитъ человѣка за »волосы, даетъ $\frac{3}{4}$ гривны. Если Россія-»нинъ застанетъ Нѣмца или Нѣмецъ Рос-»сіянина у своей жены; также если Нѣ-»мецъ или Россіянинъ обезчеститъ дѣви-»цу или вдову хорошаго поведенія, то »взыскать съ виновнаго 10 гривенъ се-»ребра. Пеня за обиду Посла и Священ-»ника должна быть двойная. Если винов-»ный найдетъ поруку, то не заключать »его въ оковы и не сажать въ темницу;

»не приставлять къ нему и стражи, по-
»ка истецъ не далъ знать о своей жало-
»бѣ старѣйшему изъ единоземцевъ обид-
»чика, предполагаемому миротворцу. —
»Съ воромъ, пойманнымъ въ домѣ или у
»товара, хозяинъ воленъ поступить, какъ
»ему угодно.

2. »Заимодавецъ чужестранный удовле-
»творяется прежде иныхъ; онъ беретъ
»свои деньги и въ такомъ случаѣ, когда
»должникъ осужденъ за уголовное пре-
»ступленіе лишиться собственности. Ес-
»ли холопъ Княжескій или Боярскій
»умретъ, занявъ деньги у Нѣмца, то на-
»слѣдникъ перваго — или кто взялъ его
»имѣніе — платитъ долгъ.

3. »И Нѣмецъ и Россіянинъ обязаны
»въ тяжбахъ представлять болѣе двухъ
»свидѣтелей изъ своихъ единоземцевъ. Ис-
»пытаніе невинности посредствомъ рас-
»каленнаго желѣза дозволяется только въ
»случаѣ обоюднаго на то согласія[208];
»принужденія нѣтъ. Поединки не должны
»быть терпимы[209]; но всякое дѣло раз-
»бирается судомъ по законамъ той зем-
»ли, гдѣ случилось преступленіе Одинъ
»Князь судитъ Нѣмцевъ въ Смоленскѣ;
»когда же они сами захотятъ идти на
»*судъ общій*, то ихъ воля. Сею же выго-

»дою пользуются и Россіяне въ землѣ »Нѣмецкой. Тѣ и другіе увольняются отъ »судныхъ пошлинъ: развѣ люди добрые и »нарочитые присовѣтуютъ имъ что ни- »будь заплатить судьѣ.

4. »Пограничный Тіунъ, свѣдавъ о »прибытіи гостей Нѣмецкихъ на Волокъ[210], »немедленно даетъ знать тамошнимъ »жителямъ, чтобы они везли на возахъ »товары сихъ гостей и пеклись о личной »ихъ безопасности. Жители платятъ за »товаръ Нѣмецкій или Смоленекій, ими »утраченный. Нѣмцы на пути изъ Риги »въ Смоленскъ и на возвратномъ уволь- »няются отъ пошлины: также и Россія- »не въ землѣ Нѣмецкой. Нѣмцы должны »бросить жеребей, кому ѣхать напередъ; »если же будетъ съ ними купецъ Русской, »то ему оставаться позади. — Въѣхавъ въ »городъ, гость Нѣмецкій даритъ Княги- »нѣ кусокъ полотна, а Тіуну Волокско- »му перчатки Готскія; можетъ купить, »продать товаръ или ѣхать съ онымъ »изъ Смоленска въ иные города. Купцы »Русскіе пользуются такою же свободою »на *Готскомъ берегѣ* и вольны ѣздить »оттуда въ Любекъ и другіе города Нѣ- »мецкіе. — Товаръ, купленный и вынесен- »ный изъ дому, уже не возвращается хо-

»зяпну, и купецъ не должень требовать »назадъ своихъ денегъ. — Нѣмецъ даетъ »вѣсовщику за двѣ *капи*[211], или 24 пуда, »куну *Смоленскую*, за гривну *купленнаго* »золота ногату, за гривну серебра 2 век- »ши, за серебряный сосудъ отъ гривны »куну; въ случаѣ *продажи металловъ* ни- »чего не платитъ; когда же покупаетъ »вещи па серебро, то съ гривны вно- »ситъ куну Смоленскую. — Для повѣрки »вѣсовъ хранится одна *капь* въ церкви »Богоматери на горѣ, а другая въ Нѣмец- »кой божницѣ« (слѣдственно и въ Смолен- скѣ была Католическая церковь): »съ симъ »вѣсомъ должны и Волочане свѣрять пудъ, »данный имъ отъ Нѣмцевъ

5. »Когда Смоленскій Князь идетъ на »войну, то ему не брать Нѣмцевъ съ со- »бою: развѣ они сами захотятъ участ- »вовать въ походѣ. И Россіянъ не принуж- »дать къ военной службѣ въ землѣ Нѣ- »мецкой.

6. »Епископъ Рижскій, Мастеръ Фол- »кунъ (Volquin) и всѣ другіе Рижскіе »Властители признаютъ Двину вольною, »отъ устья до вершинъ ея, для судоход- »ства Россіянъ и Нѣмцевъ. Если — чего »Боже избави — ладія Русская или Нѣмец- »кая повредится, то гость можетъ вез-

*

»дѣ присташь къ берегу, выгрузить то-
»варъ и нанять людей для вспоможенія;
»но имъ болѣе договорной цѣны съ него
»не требовать.

»Сія грамота имѣетъ для Полоцка и
»Витебска то же дѣйствіе, что и для
»Смоленска. Она писана при Священникѣ
»Іоаннѣ, Мастерѣ Фолькунѣ и многихъ
»купцахъ Рижскаго *царства*, приложив-
»шихъ къ ней свои печати; а свидѣте-
»ми подписались«... Слѣдуютъ имена
нѣкоторыхъ жителей Готландіи, Любека,
Минстера, Бремена, Риги; а внизу сказа-
но: »кто изъ Россіянъ или Нѣмцевъ на-
»рушитъ нашъ уставъ, будетъ проти-
»венъ Богу.«

О семъ договорѣ упоминается и въ Нѣмецкой лѣтописи, гдѣ онъ названъ весьма благопріятнымъ для купцевъ Ливонскихъ[212]; но предки наши, давая имъ свободу и права въ Россіи, не забывали собственныхъ выгодъ: такимъ образомъ, увольняя чужеземныхъ гостей, *продавцевъ* серебра и золота, отъ всякой пошлины, хотѣли чрезъ то умножить количество ввозимыхъ къ намъ металловъ драгоцѣнныхъ. Въ разсужденіи цѣны серебра за-
Деньги. мѣтимъ, что она со временъ Ярослава до XIII вѣка, кажется, не возвысилась

относительно къ *Смоленской* ходячей или кожаной монетѣ: Ярославъ назначаетъ въ *Правдѣ* 40 гривенъ пени кунами за убійство, а Мстиславъ Давидовичь въ уставѣ своемъ 10 гривенъ серебромъ, полагая 4 гривны кунъ на одну гривну серебра, — слѣдственно ту же самую пеню[213]: напротивъ чего Новогородскія куны унизились.

Не только купцевъ, но и другихъ чужеземцевъ, полезныхъ знаніями и ремесломъ, Россіяне старались привлекать въ свою землю: строителей, живописцевъ, лекарей. Отъ Ярослава Великаго до временъ Андрея Боголюбскаго знаменитѣйшія церкви наши были созидаемы и расписываемы иностранцами[214]; но въ 1194 году Владимірскій Епископъ Іоаннъ, для возобновленія древняго Суздальскаго храма Богоматери, нашелъ между собственными церковниками искусныхъ мастеровъ и литейщиковъ, которые весьма красиво отдѣлали сію церковь снаружи и покрыли оловомъ, не взявъ къ себѣ товарищи ни одного *Нѣмецкаго* художника. Тогда же славился въ Кіевѣ зодчій, именемъ Милонѣгъ-Петръ, строитель каменной стѣны на берегу Днѣпра подъ монастыремъ Выдубецкимъ, столь удивительной для современниковъ, что они говорили объ ней какъ о великомъ чудѣ[215]. Грече-

Художества.

скіе живописцы, украсивъ образами Кіевскую Лавру, выучили своему художеству добродѣтельнаго Монаха Печерскаго, Св. Алимпія, безкорыстнаго и трудолюбиваго: не требуя никакой мзды, онъ писалъ иконы для всѣхъ церквей, и занимая деньги на покупку красокъ, платилъ долги своею работою[216]. Сей Алимпій есть древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ живописцевъ Россійскихъ. Кромѣ иконъ церковныхъ, они изображали на хартіяхъ въ священныхъ книгахъ разныя лица, безъ особеннаго искусства въ рисункѣ, но красками столь хорошо составленными, что въ шесть или семь вѣковъ свѣжесть оныхъ и блескъ золота ни мало не помрачились[217]. — Замѣтимъ также, касательно рукодѣлій, что древніе Бояре Княжескіе обыкновенно носили у насъ *шитыя золотомъ оплечья*: и такъ искусство золотошвеевъ — сообщенное намъ, какъ вѣроятно, отъ Грековъ — было извѣстно въ Россіи прежде, нежели въ многихъ другихъ земляхъ Европейскихъ[218].

Мы упомянули о лекаряхъ: ибо врачеваніе принадлежитъ къ самымъ первымъ и необходимѣйшимъ наукамъ людей.
Науки Во времена Мономаховы славились въ Кіевѣ Армянскіе врачи: одинъ изъ нихъ (какъ

питутъ), взглянувъ на больнаго, всегда угадывалъ, можно ли ему жить, и въ противномъ случаѣ обыкновенно предсказывалъ день его смерти. Врачь Николы Святоши былъ Сиріанинъ. Многія лекарства составлялись въ Россіи: лучшія и драгоцѣннѣйшія привозились чрезъ Константинополь изъ Александріи. Желая всѣми способами благодѣтельствовать человѣчеству, нѣкоторые изъ нашихъ добрыхъ Монаховъ старались узнавать силу цѣлебныхъ травъ для облегченія недужныхъ, и часто успѣхами своими возбуждали зависть въ лекаряхъ чужеземныхъ. Печерскій Инокъ Агапитъ самымъ простымъ зеліемъ и молитвою исцѣлилъ Владиміра II, осужденнаго на смерть искуснымъ врачемъ Арменскимъ[219].

Такимъ образомъ художества и Науки, бывъ спутниками Христіанства на Сѣверѣ, водворялись у насъ въ мирныхъ обителяхъ уединенія и молитвы. Тѣ же благочестивые Иноки были въ Россіи первыми наблюдателями тверди небесной, замѣчая съ великою точностію явленія Кометъ, солнечныя и лунныя затмѣнія; путешествовали, чтобы видѣть въ отдаленныхъ странахъ знаменитыя святостію мѣста, и пріобрѣтая географиче-

скія свѣдѣнія, сообщали оныя любопытнымъ единоземцамъ; наконецъ, подражая Грекамъ, безсмертными своими лѣтописями спасли отъ забвенія память нашихъ древнѣйшихъ Героевъ, ко славѣ отечества и вѣка. Митрополиты, Епископы, ревностные проповѣдники Христіанскихъ добродѣтелей, сочиняли наставленія для мірянъ и Духовныхъ. Суздальскій Святитель, блаженный Симонъ, и другъ его, Поликарпъ, Монахъ Лавры Кіевской, описали ея достопамятности и житія первыхъ Угодниковъ, слогомъ уже весьма яснымъ и довольно чистымъ. Вообще Духовенство наше было гораздо просвѣщеннѣе мірянъ; однакожъ и знатные свѣтскіе люди учились. Ярославъ I, Константинъ отмѣнно любили чтеніе книгъ. Мономахъ писалъ не только умно, но и краснорѣчиво. Дочь Князя Полоцкаго, Святая Евфросинія, день и ночь трудилась въ списываніи книгъ церковныхъ[220]. Верхуслава, невѣстка Рюрикова, ревностно покровительствовала ученыхъ мужей своего времени, Симона и Поликарпа. — *Слово о полку Игоревѣ* сочинено въ XII вѣкѣ[221], и безъ сомнѣнія міряниномъ:
Поэзія ибо Монахъ не дозволилъ бы себѣ говорить о богахъ языческихъ, и приписы-

вать имъ дѣйствія естественныя. Вѣроятно, что оно въ разсужденіи слога, оборотовъ, сравненій, есть подражаніе древнѣйшимъ Русскимъ сказкамъ о дѣлахъ Князей и богатырей: такъ сочинитель хвалитъ *соловья* стараго времени, Стихотворца Бояна, котораго *вѣщіе персты*, летая по *живымъ струнамъ*, *рокотали* или гласили *славу* нашихъ Витязей. Къ несчастію, пѣсни Бояновы и конечно многихъ иныхъ Стихотворцевъ исчезли въ пространствѣ семи или осьми вѣковъ, большею частію памятныхъ бѣдствіями Россіи: мечь истреблялъ людей, огонь зданія и хартіи. Тѣмъ достойнѣе вниманія *Слово о полку Игоревѣ*, будучи въ своемъ родѣ единственнымъ для насъ твореніемъ: предложимъ содержаніе онаго и мѣста значительнѣйшія, которыя даютъ понятіе о вкусѣ и піитическомъ языкѣ нашихъ предковъ.

Игорь, Князь Сѣверскій, желая воинской славы, убѣждаетъ дружину итти на Половцевъ и говоритъ[222]: »Хочу преломить копіе свое на ихъ дальнѣйтихъ »степяхъ, положить тамъ свою голову »или *шлемомъ испить Дону!*« Многочисленная рать собирается: »Кони ржутъ »за Сулою, гремитъ слава въ Кіевѣ, трубы

»трубятъ въ Новѣгородѣ, знамена развѣ-
»ваются въ Путивлѣ: Игорь ждетъ милаго
»брата, Всеволода.« Всеволодъ изображаетъ своихъ мужественныхъ витязей: »Они »подъ звукомъ трубъ повиты, концемъ »копья вскормлены; пути имъ свѣдомы, »овраги знаемы; луки у нихъ натянуты, »колчаны отворены, сабли наточены; »носятся въ полѣ какъ волки сѣрые; »ищутъ чести самимъ себѣ, а Князю сла- »вы.« Игорь, *вступивъ въ златое стремя*, видитъ глубокую тьму предъ собою; небо ужасаетъ его грозою, звѣри ревутъ въ пустыняхъ, хищныя птицы станицами парятъ надъ воинствомъ, орлы *клектомъ* своимъ предвѣщаютъ ему гибель, и лисицы лаютъ на багряные щиты Россіянъ. Битва начинается; полки варваровъ сломлены; ихъ дѣвицы красныя взяты въ плѣнъ, злато и ткани въ добычу; одежды и наряды Половецкіе лежатъ на болотахъ, вмѣсто мостовъ для Россіянъ[223]. Князь Игорь беретъ себѣ одно багряное знамя непріятельское съ древкомъ сребрянымъ. Но идутъ съ Юга черныя тучи или новые полки варваровъ: »Вѣтры, Стрибоговы внуки, вѣютъ отъ »моря стрѣлами на воиновъ Игоревыхъ.« Всеволодъ впереди съ своею дружиною:

»сыплетъ на враговъ стрѣлы, гремитъ »о шлемы ихъ мечами булатными. Гдѣ »сверкнетъ златый шишакъ его, тамъ »лежатъ головы Половецкія.« Игорь спѣшитъ на помощь къ брату. Уже два дни пылаетъ битва, неслыханная, страшная: »земля облита кровію, усѣяна костями. »Въ третій день пали наши знамена: »*кроваваго вина* не достало; кончили пиръ »свой храбрые Россіяне, напоили гостей »и легли за отечество.« Кіевъ, Черниговъ въ ужасѣ: Половцы, торжествуя, ведутъ Игоря въ плѣнъ, и дѣвицы ихъ[224] »поютъ веселыя пѣсни на берегу синяго »моря, звеня Русскимъ золотомъ.« Сочинитель молитъ всѣхъ Князей соединиться для наказанія Половцевъ, и говоритъ Всеволоду III: »ты можешь Волгу *раскро- »пить* веслами, а Донъ вычерпать шле- »мами« — Рюрику и Давиду: »ваши шлемы »позлащенные издавна обагряются кро- »вію; ваши мужественные витязи ярят- »ся какъ дикіе волы, уязвленные саблями »калеными« — Роману и Мстиславу Волынскимъ[225]: »Литва, Ятвяги и Половцы, »бросая на землю свои копья, склоняютъ »головы подъ ваши мечи булатные« — сыновьямъ Ярослава Луцкаго, Ингварю, Всеволоду и третьему ихъ брату: »о вы,

»славнаго гнѣзда *шестокрильцы!* заградите поле врагу стрѣлами острыми.« Онъ называетъ Ярослава Галицкаго *Осмомысломъ*[226], прибавляя: »сидя высоко на престолѣ златокованномъ, ты *подпираешь* »горы Карпатскія *желѣзными* своими полками, затворяешь врата Дуная, отверзаешь путь къ Кіеву, пускаешь стрѣлы »въ земли отдаленныя« Въ тожь время Сочинитель оплакиваетъ гибель одного Кривскаго Князя, убитаго Литовцами: »дружину твою, Князь, птицы хищныя »пріодѣли крыльями, а звѣри кровь ея »полизали. Ты самъ выронилъ *жемчужную* »душу свою изъ мощнаго тѣла чрезъ златое ожерелье.« Въ описаніе несчастнаго междоусобія Владѣтелей Россійскихъ и битвы Изяслава I съ Княземъ Полоцкимъ сказано: »на берегахъ Нѣмена[227] стелютъ »они снопы головами, молотятъ цѣпами »булатными, вѣютъ душу отъ тѣла . . . »О времена бѣдственныя! Для чего нельзя »было *пригвоздить* стараго Владиміра »къ горамъ Кіевскимъ« (или сдѣлать безсмертнымъ!) . . . Между тѣмъ супруга плѣненнаго Игоря льетъ слезы въ Путивлѣ, съ городской стѣны смотря въ чистое поле: »Для чего, о вѣтръ сильный! »легкими крылами своими навѣялъ ты

»стрѣлы Ханскія на воиновъ моего друга?
»Развѣ мало тебѣ волновать синее море
»*и лелѣять* корабли на зыбяхъ его ? . . О
»Днѣпръ славный! ты пробилъ горы камен-
»ныя, стремяся въ землю Половецкую; ты
»несъ на себѣ ладіи Святославовы до стана
»Кобякова[228] : принеси же и ко мнѣ друга
»милаго, да не шлю къ нему утреннихъ
»слезъ моихъ въ синее море! . . О солнце
»свѣтлое! ты для всѣхъ тепло и красно:
»почто же знойными лучами своими из-
»нурило ты воиновъ моего друга въ пу-
»стынѣ безводной ? . . .« Но Игорь уже
свободенъ : обманувъ стражу, онъ летитъ
на борзомъ конѣ къ предѣламъ отече-
ства, стрѣляя гусей и лебедей для своей
пищи. Утомивъ коня, садится на ладію
и плыветъ Донцемъ въ Россію. Сочини-
тель, мысленно одушевляя сію рѣку, за-
ставляетъ оную привѣтствовать Князя:
»Не мало тебѣ, Игорь, величія, Хану Кон-
»чаку досады[229] , а Русской землѣ веселія.«
Князь отвѣтствуетъ: »Не мало тебѣ,
»Донецъ, величія, когда ты лелѣешь Иго-
»ря на волнахъ своихъ, стелешь мнѣ тра-
»ву мягкую на берегахъ *сребряныхъ*,
»одѣваешь меня теплыми мглами подъ
»сѣнію древа зеленаго, охраняешь гоголя-
»ми на водѣ, чайками на струяхъ, чер-

»нетьми на вѣтрахъ.« Игорь, прибывъ въ Кіевъ, ѣдетъ благодарить Всевышняго въ храмъ Пирогощей Богоматери[230], и Сочинитель, повторивъ слова Бояновы: »худо головѣ безъ плечъ, худо плечамъ »безъ головы,« восклицаетъ: »счастлива »земля и веселъ народъ, торжествуя спа- »сеніе Игорево. Слава Князьямъ и дру- »жинѣ!« Читатель видитъ, что сіе произведеніе древности ознаменовано силою выраженія, красотами языка живописнаго и смѣлыми уподобленіями, свойственными Стихотворству юныхъ народовъ.

Нравы. Со временъ Владиміра Святаго нравы долженствовали измѣниться въ древней Россіи, отъ дальнѣйшихъ успѣховъ Христіанства, гражданскаго общежитія и торговли. Набожность распространялась: Князья, Вельможи, купцы строили церкви, заводили монастыри, и не рѣдко сами укрывались въ нихъ отъ суетъ міра. Достойные Святители и Пастыри Церкви учили Государей стыдиться злодѣяній, внушаемыхъ дикими, необузданными страстями; были ходатаями человѣчества и вступались за утѣсненныхъ[231]. Россіяне, по старинному обыкновенію, любили веселья, игрища, музыку, пляску; любили также вино, но хвалили трез-

вость какъ добродѣтель; явно имѣли наложницъ, но оскорбитель цѣломудренной жены наказывался какъ убійца[232] . . . Торговля питала роскошь, а роскошь требовала богатства: народъ жаловался на корыстолюбіе Тіуновъ и Князей[233]. Лѣтописцы XIII вѣка съ отмѣннымъ жаромъ хвалятъ умѣренность древнихъ Владѣтелей Россійскихъ[234]: »Прошли тѣ бла»гословенныя времена (говорятъ они), ко»гда Государи наши не собирали имѣнія, а »только воевали за отечество, покоряя »чуждыя земли; не угнетали людей нало»гами, и довольствовались однѣми спра»ведливыми Вирами, отдавая и тѣ сво»имъ воинамъ на оружіе. Бояринъ не твер»дилъ Государю: *Мнѣ мало двухъ сотъ »гривенъ*; а кормился жалованьемъ, и гово»рилъ товарищамъ: *»станемъ за Князя, »станемъ за Русскую землю!* Тогда жены »Боярскія носили не златыя, а просто *»серебряныя* кольцы. Нынѣ другія време»на!« — Однакожь ни миролюбивыя правила Христіанства, ни торговля, ни роскошь не усыпляли ратнаго духа нашихъ предковъ; даже самые уставы церковные питали оный: такъ воинъ на канунѣ похода освобождался отъ всякой Эпитиміи [235]. Сыновья Княжескіе возрастали въ по-

лѣ и въ станахъ воинскихъ; еще не достигнувъ лѣтъ юношества, уже садились на коней и мечемъ грозили врагу[236]. Къ сожалѣнію, сей духъ воинственный не былъ управляемъ благоразуміемъ человѣколюбія въ междоусобіяхъ Князей: злобствуя другъ на друга, они безъ стыда разоряли отечество, жгли селенія беззащитныя, плѣняли людей безоружныхъ.

Наконецъ скажемъ, что если бы Россія была единодержавнымъ Государствомъ (отъ предѣловъ Днѣстра до Ливоніи, Бѣлаго моря, Камы, Дона, Сулы), то она не уступила бы въ могуществѣ никакой Державѣ сего времени; спаслась бы, какъ вѣроятно, отъ ига Татарскаго, и находясь въ тѣсныхъ связяхъ съ Греціею, заимствуя художества ея, просвѣщеніе, не отстала бы отъ иныхъ земель Европейскихъ въ гражданскомъ образованіи. Торговля внѣшняя, столь обширная, дѣятельная, и брачные союзы Рюрикова потомства съ Домами многихъ знаменитѣйшихъ Государей Христіанскихъ — Императоровъ, Королей, Принцевъ Германіи — дѣлали наше отечество извѣстнымъ въ отдаленныхъ предѣлахъ Востока, Юга и Запада. Къ дошедшимъ до насъ чужестраннымъ извѣстіямъ о тогдашней

Россіи принадлежитъ сказаніе Испанскаго Еврея, Веніамина, сына Іоны, о многихъ Азіатскихъ и Европейскихъ земляхъ, имъ видѣнныхъ. Въ 1173 году выѣхавъ изъ Сарагоссы, онъ долго путешествовалъ, и записывалъ свои примѣчанія, иногда съ довольною подробностію; но упомянувъ о Россіи, говоритъ только, что она весьма пространна; что въ ней много лѣсовъ и горъ; что жители отъ чрезмѣрнаго холода зимою не выходятъ изъ домовъ, ловятъ соболей и торгуютъ людьми[237].

Древнѣйшее путешествіе въ Россію.

Такимъ образомъ предложивъ Читателю извѣстія и нѣкоторыя мысли, служащія къ объясненію нашихъ древностей, обратимся къ описанію важныхъ происшествій.

ГЛАВА VIII.

Великій Князь Георгій Всеволодовичъ.

Г. 1224 — 1238.

Происхожденіе Татаръ. Чингисханъ. Его завоеванія. Половцы бѣгутъ въ Россію. Мнѣнія о Татарахъ. Совѣтъ Князей. Избіеніе Пословъ Татарскихъ. Битва на Калкѣ. Правило Татаръ. Побѣдители скрываются. Удивленіе Россіянъ. Ужасныя предзнаменованія. Новыя междоусобія. Набѣги Литовскіе. Походъ въ Финляндію. Христіанство въ землѣ Корельской. Новогородцы жгутъ волшебниковъ. Нелюбовь къ Ярославу. Сношенія съ Папою. Бѣдствія Новогородцевъ. Происшествія въ южной Россіи. Льготныя грамоты Вел. Ярослава. Землетрясеніе. Затмѣніе солнца. Мятежъ въ Новѣгородѣ. Голодъ и моръ. Услуга Нѣмцевъ. Кривodушіе Михаила. Святая Евпраксія. Война съ Нѣмцами и съ Литвою. Бѣдствіе Смоленска. Подвиги Даниловы. Война съ Мордвою. Миръ съ Болгарами. Мученикъ Аврамій. Смерть Чингисхана. Его завѣщаніе. Новое нашествіе Татаръ или Моголовъ. Отвѣтъ Князей. Заразъ. Взятіе Рязани. Мужество Евпатія. Коломенская битва. Сожженіе Москвы. Взятіе Владиміра. Опустошеніе многихъ городовъ. Битва на Сити. Герой Василько. Спасеніе Новагорода. Осада Козельска. Отшествіе Батыево.

Въ нынѣшней Татаріи Китайской
Г. 1224. на Югѣ отъ Иркутской Губерніи, въ

степяхъ неизвѣстныхъ ни Грекамъ, ни Римлянамъ, скитались Орды Моголовъ, единоплеменныхъ съ Восточными Турками[238]. Сей народъ дикій, разсѣянный, питаясь ловлею звѣрей, скотоводствомъ и грабежемъ, зависѣлъ отъ Татаръ *Ніучей*, господствовавшихъ въ сѣверной части Китая; но около половины XII вѣка усилился, и началъ славиться побѣдами. Ханъ его, именемъ Езукай Багадуръ, завоевалъ нѣкоторыя области сосѣдственныя, и скончавъ дни свои въ цвѣтущихъ лѣтахъ, оставилъ въ наслѣдіе тринадцатилѣтнему сыну, Темучину, 40,000 подвластныхъ ему семействъ или данниковъ. Сей отрокъ, воспитанный матерію въ простотѣ жизни пастырской, долженствовалъ удивить міръ геройствомъ и счастіемъ, покорить милліоны людей и сокрушить Государства знаменитыя сильными воинствами, цвѣтущими Искусствами, Науками и мудростію своихъ древнихъ Законодателей. Происхожденіе Татаръ.

По кончинѣ Багадура многіе изъ данниковъ отложились отъ его сына. Темучинъ собралъ 30,000 воиновъ, разбилъ мятежниковъ, и въ семидесяти котлахъ, наполненныхъ кипящею водою, сварилъ главныхъ виновниковъ бунта. Юный Ханъ

все еще признавалъ надъ собою власть Монарха Татарскаго и служилъ ему съ честію въ разныхъ воинскихъ предпріятіяхъ; но скоро, надменный блестящими успѣхами своего побѣдоноснаго оружія захотѣлъ независимости и первенства. Ужасать враговъ местію, питать усердіе друзей щедрыми наградами, казаться народу человѣкомъ сверхъестественнымъ, было его правиломъ. Всѣ особенные начальники Могольскихъ и Татарскихъ Ордъ добровольно или отъ страха покорились ему: онъ собралъ ихъ на берегу одной быстрой рѣки, съ торжественнымъ обрядомъ пилъ ея воду, и кляся дѣлить съ ними все *горькое* и *сладкое* въ жизни. Но Ханъ Кераитскій, дерзнувъ обнажить мечь на сего втораго Аттилу, лишился головы, черепъ его, окованный серебромъ, былъ въ Татаріи памятникомъ *Темучинова гнѣва*[239]. Въ то время, какъ многочисленное войско Могольское, расположенное въ девяти станахъ близъ источниковъ рѣки Амура, подъ шатрами разноцвѣтными, съ благоговѣніемъ взирало на сего юнаго Монарха, ожидая новыхъ его повелѣній, явился тамъ какой-то святый пустынникъ, или мнимый пророкъ, и возвѣстилъ собранію, что Богъ отда-

етъ Темучину всю землю, и что сей Владѣтель міра долженъ впредь именоваться *Чингисханомъ* или Великимъ Ханомъ. Воины, чиновники единодушно изъявили ревность быть орудіями воли Небесной: народы слѣдовали ихъ примѣру. Киргизы[240] южной Сибири и славные просвѣщеніемъ Игуры или Уйгуры, обитавшіе на границахъ Малой Бухаріи, назвалися подданными Чингисхана. Сіи Уйгуры, обожая идоловъ, терпѣли у себя Магометанъ и Христіанъ Несторіанскихъ; любили Науки, художества, и сообщили грамоту всѣмъ другимъ народамъ Татарскимъ[241]. Царь Тибета также призналъ Чингисхана своимъ повелителемъ. Чингисханъ.

Достигнувъ столь знаменитой степени величія, сей гордый Ханъ торжественно отрекся платить дань Монарху Ніучей и сѣверныхъ областей Китая, велѣвъ сказать ему въ насмѣшку[242]: »Китайцы издревле называютъ своихъ Государей *сынами Неба;* а ты *человѣкъ* — »и смертный!« Большая каменная стѣна, служащая оградою для Китая, не остановила храбрыхъ Моголовъ: они взяли тамъ 90 городовъ, разбили безчисленное войско непріятельское, умертвили множество плѣнныхъ старцевъ, какъ людей безполез- Его завоеванія.

ныхъ. Монархъ Ніучей обезоружилъ своего жестокаго врага, давъ ему 500 юношей и столько же дѣвицъ прекрасныхъ, 3000 коней, великое количество шелка и золота; но Чингисханъ, вторично вступивъ въ Китай, осадилъ столицу его, или нынѣшній Пекинъ. Отчаянное сопротивленіе жителей не могло спасти города: Моголы овладѣли имъ (въ 1215 году) и зажгли дворецъ, который горѣлъ около мѣсяца. Свирѣпые побѣдители нашли въ Пекинѣ богатую добычу и мудреца, именемъ Иличуцая, родственника послѣднихъ Императоровъ Китайскихъ, славнаго въ Исторіи благодѣтеля людей: ибо онъ, заслуживъ любовь и довѣренность Чингисхана, спасъ милліоны несчастныхъ отъ погибели, умѣрялъ его жестокость и давалъ ему мудрые совѣты для образованія дикихъ Моголовъ.

Еще Татары - Ніучи противоборствовали Чингисхану: оставивъ сильную рать въ Китаѣ, подъ начальствомъ мужественнаго предводителя, онъ устремился къ странамъ западнымъ, и сіе движеніе войска его сдѣлалось причиною бѣдствій для Россіи. Мы говорили о Туркахъ Алтайскихъ[243]: хотя они, утѣсненные съ одной стороны Китайцами, а съ другой

Аравитянами (во XII вѣкѣ завладѣвшими Персіею), утратили силу и независимость свою; но единоплеменники ихъ, служивъ долгое время Калифамъ, освободились наконецъ отъ ига и были основателями разныхъ Государствъ могущественныхъ. Такъ въ исходѣ XI вѣка Монархъ Турковъ-Сельчуковъ[244], именемъ Челаддинъ, господствовалъ отъ моря Каспійскаго и Малой Бухаріи до рѣки Гангеса, Іерусалима, Никеи, и давалъ повелѣнія Багдадскому Калифу, Папѣ Магометанъ. Сіе Государство исчезло, ослабленное распрями частныхъ его Владѣтелей и завоеваніями Крестоносцевъ въ Азіи: на развалинахъ его, въ концѣ XII столѣтія, возвеличилась новая Турецкая Династія Монарховъ Харазскихъ или Хивинскихъ[245], которые завладѣли большею частію Персіи и Бухаріею. Въ сіе время тамъ царствовалъ Магометъ II, гордо называясь вторымъ Александромъ Великимъ: Чингисханъ имѣлъ къ нему уваженіе, искалъ его дружбы, хотѣлъ заключить съ нимъ выгодный для обоихъ союзъ; но Магометъ велѣлъ умертвить Пословъ Могольскихъ . . . Тогда Чингисханъ прибѣгнулъ къ суду Неба и меча своего; три ночи молился на горѣ и торжественно объявилъ, что Богъ во сно-

видѣніи обѣщалъ ему побѣду устами Епископа Христіанскаго, жившаго въ землѣ Игуровъ. Сіе обстоятельство, вымышленное для ободренія суевѣрныхъ, было весьма счастливо для Христіанъ: ибо они съ того времени пользовались особеннымъ благоволеніемъ Хана Могольскаго. Началась война, ужасная остервенѣніемъ варварства и гибельная для Магомета, который, имѣя рать безчисленную, но видя мужество непріятелей, боялся сразиться съ ними въ полѣ и думалъ единственно о защитѣ городовъ. Сія часть Верхней Азіи, именуемая Великою Бухаріею (а прежде Согдіаною и Бактріею), издревле славилась не только плодоносными своими долинами, богатыми рудами, красотою лѣсовъ и водъ[246], но и просвѣщеніемъ народнымъ, художествами, торговлею, многолюдными городами и цвѣтущею столицею, донынѣ извѣстною подъ именемъ Бохары, гдѣ находилось знаменитое училище для юношей Магометанской Вѣры. Бохара не могла сопротивляться: Чингисханъ, принявъ городскіе ключи изъ рукъ старѣйшинъ, въѣхалъ на конѣ въ главную мечеть, и видя тамъ лежащій Алкоранъ, съ презрѣніемъ бросилъ его на землю. Столица была обращена въ пе-

пелъ. Самаркандъ, укрѣпленный искусствомъ, заключалъ въ стѣнахъ своихъ около ста тысячь ратниковъ и множество слоновъ, главную опору древнихъ воинствъ Азіи: не смотря на то, граждане прибѣгнули къ великодушію Моголовъ, которые, взявъ съ нихъ 200,000 золотыхъ монетъ, еще не были довольны[247]: умертвили 30,000 плѣнниковъ и такое же число оковали цѣпями вѣчнаго рабства. Хива, Терместъ, Балхъ (гдѣ находилось 1200 мечетей и 200 бань для странниковъ) испытали подобную же участь, вмѣстѣ со многими иными городами, и свирѣпые воины Чингисхановы въ два или три года опустошили всю землю отъ моря Аральскаго до Инда, такъ, что она въ теченіе шести слѣдующихъ вѣковъ уже не могла вновь достигнуть до своего прежняго цвѣтущаго состоянія. Магометъ, гонимый изъ мѣста въ мѣсто жестокимъ, неумолимымъ врагомъ, уѣхалъ на одинъ островъ Каспійскаго моря, и тамъ въ отчаяніи кончилъ жизнь свою.

Въ сіе время — около 1223 года — желая овладѣть западными берегами моря Каспійскаго, Чингисханъ отрядилъ двухъ знаменитыхъ Военачальниковъ, Судая Баядура и Чепновіана, съ повелѣніемъ

взять Шамаху и Дербентъ. Первый городъ сдался, и Моголы хотѣли итти самымъ кратчайшимъ путемъ къ Дербенту, построенному, вмѣстѣ съ Каспійскою стѣною, въ VI вѣкѣ славнымъ Царемъ Персидскимъ Хозроемъ I, или Нуширваномъ, для защиты Государства его отъ Козаровъ[248]. Но обманутые путеводителями Моголы зашли въ тѣсныя ущелія, и были со всѣхъ сторонъ окружены Аланами — Ясами, жителями Дагестана[249] — и Половцами, готовыми къ жестокому бою съ ними. Видя опасность, Военачальникъ Чингисхановъ прибѣгнулъ къ хитрости, отправилъ дары къ Половцамъ и велѣлъ сказать имъ, что они, будучи *единоплеменниками* Моголовъ, не должны возставать на своихъ братьевъ и дружиться съ Аланами, которые совсѣмъ инаго рода. Половцы, обольщенные ласковымъ привѣтствіемъ или дарами, оставили союзниковъ; а Моголы, пользуясь симъ благопріятнымъ случаемъ, разбили Аланъ. Скоро главный Ханъ Половецкій, именемъ Юрій Кончаковичъ[250], раскаялся въ свой оплошности: узнавъ, что мнимые братья намѣрены господствовать въ его землѣ, онъ хотѣлъ бѣжать въ степи; но Моголы умертвили

его и другаго Князя, Данила Кобяковича; гнались за ихъ товарищами до Азовскаго моря, до вала Половецкаго, или до самыхъ нашихъ границъ; покорили Ясовъ, Абазинцевъ, Касоговъ или Черкесовъ и вообще семь народовъ въ окрестностяхъ Азовскихъ.

Многіе Половцы ушли въ Кіевскую область съ своими женами, скотомъ и богатствомъ. Въ числѣ бѣглецовъ находился знаменитый Котянъ тесть Мстислава Галицкаго: сей Ханъ взволновалъ Россію вѣстію о нашествіи Моголовъ; дарилъ Князей вельблюдами, конями буйволами, прекрасными невольницами, и говорилъ: »нынѣ они взяли нашу землю; »завтра возьмутъ вашу.« Россіяне ужаснулись, и въ изумленіи спрашивали другъ у друга, кто сіи пришельцы, до того времени неизвѣстные? Нѣкоторые называли ихъ Таурменами, другіе Печенѣгами, но вообще Татарами[251]. Суевѣрные разсказывали, что сей народъ, еще за 1200 лѣтъ до Рождества Христова побѣжденный Гедеономъ, и нѣкогда заключенный въ пустыняхъ Сѣверо-Востока, долженствовалъ предъ концемъ міра явиться въ Азіи, въ Европѣ, и завоевать всю землю. Храбрый Князь Галицкій, пылая ревно-

Половцы бѣгутъ въ Россію.

Мнѣнія о Татарахъ.

Совѣтъ Князей. стію отвѣдать счастія съ новымъ и столь уже славнымъ врагомъ, собралъ Князей на совѣтъ въ Кіевѣ, и представлялъ убѣдительно, что благоразуміе и государственная польза обязываютъ ихъ вооружиться; что утѣсненные Половцы, будучи оставлены ими, непремѣнно соединятся съ Татарами и наведутъ ихъ на Россію; что лучше сразиться съ опаснымъ непріятелемъ внѣ отечества, нежели впустить его въ свои границы. Мстиславъ Романовичь Кіевскій (называемый въ лѣтописяхъ Старымъ и Добрымъ) Князь Черниговскій[252] того же имени (братъ Всеволода Чермнаго) и Мстиславъ Галицкій предсѣдательствовали въ Совѣтѣ, гдѣ находились также пылкіе юноши, Даніилъ Романовичь Волынскій,— Михаилъ, сынъ Чермнаго, и бывшій Князь Новогородскій, Всеволодъ Мстиславичь. Они долго разсуждали: наконецъ единодушно положили искать непріятеля. Половцы радовались, изъявляя благодарность, и Ханъ ихъ Бастый принялъ тогда же Вѣру Христіанскую.

Уже войско наше стояло на Днѣпрѣ у Заруба и *Варяжскаго* острова: тамъ явились десять Пословъ Татарскихъ. Слы»шимъ« — говорили они Князьямъ Россій-

скимъ — »что вы, обольщенные Половцами, идете противъ насъ; но мы ничѣмъ не оскорбили Россіянъ: не входили »къ вамъ въ землю; не брали ни городовъ, ни селъ вашихъ, а хотимъ единственно наказать Половцевъ, своихъ рабовъ и *конюховъ*. Знаемъ, что они издревле враги Россіи: будьте же намъ друзьями; пользуясь случаемъ, отмстите имъ »нынѣ, истребите злодѣевъ, и возьмите »ихъ богатство.« Сіе благоразумное миролюбіе показалось нашимъ Князьямъ или робостію или коварствомъ: забывъ правила народной чести, они велѣли умертвить Пословъ; но Татары еще прислали новыхъ, которые, встрѣтивъ войско Россійское, въ семнадцатый день его похода, на берегахъ Днѣпра, близъ Олешья, сказали Князьямъ: »И такъ вы, слушаясь »Половцевъ, умертвили нашихъ Пословъ »и хотите битвы? да будетъ! Мы вамъ »не сдѣлали зла. Богъ единъ для всѣхъ народовъ: Онъ насъ разсудитъ.« Князья, какъ бы удивленные великодушіемъ Татаръ, отпустили сихъ Пословъ, и ждали остальнаго войска. Мстиславъ Романовичь, Владиміръ Рюриковичь и Князья Черниговскихъ Удѣловъ привели туда, подъ своими знаменами, жителей Кіева, Смолен-

Избіеніе Пословъ Татарскихъ.

ска, Путивля, Курска, Трубчевска. Съ ними соединились Волынцы и Галичане, которые на 1000 ладіяхъ плыли Днѣстромъ до моря, вошли въ Днѣпръ, и стали у рѣки Хортицы[253]. Половцы также стекались къ Россіянамъ толпами. Войско наше расположилось станомъ на правомъ берегу Днѣпра. Услышавъ, что отрядъ Татарскій приближается, юный Князь Даніилъ съ нѣкоторыми любопытными товарищами поскакалъ къ нему на встрѣчу. Осмотрѣвъ сіе новое для нихъ войско, они возвратились съ донесеніемъ ко Мстиславу Галицкому. Но вѣсти были не согласны: легкомысленные юноши сказывали, что Татары суть худые ратники, и не достойны уваженія; а Воевода, пришедшій изъ Галича съ ладіями, именемъ Юрій Домарѣчичь, увѣрялъ, что сіи враги кажутся опытными, знающими, и стрѣляютъ лучше Половцевъ. Молодые Князья нетерпѣливо хотѣли вступить въ бой: Мстиславъ Галицкій, съ тысячею воиновъ ударивъ на отрядъ непріятельск й, разбилъ его совершенно. Стрѣлки наши оказали въ семъ дѣлѣ искусство и мужество. Лѣтописцы говорятъ, что Татары, желая спасти начальника своего, Гемябека, скрыли его въ ямѣ, но что

Россіяне нашли, а Половцы, съ дозволенія Мстиславова, умертвили сего Могольскаго чиновника.

Надменные первымъ успѣхомъ, и взявъ въ добычу множество скота, всѣ Россіяне переправились за Днѣпръ и шли девять дней до рѣки Калки (нынѣ Калеца въ Екатеринославской Губерніи, близъ Маріуполя), гдѣ была легкая сшибка съ непріятелемъ. Мстиславъ Галицкій, поставивъ войско свое на лѣвомъ берегу Калки, велѣлъ Яруну, начальнику Половцевъ, и Даніилу съ Россійскою дружиною итти впередъ; а самъ ѣхалъ на конѣ за ними, и скоро увидѣлъ многочисленное войско Татаръ. Битва началася[254]. Пылкій Даніилъ изумилъ враговъ мужествомъ; вмѣстѣ съ Олегомъ Курскимъ тѣснилъ густыя толпы ихъ, и копіемъ въ грудь уязвленный, не думалъ о своей ранѣ. Мстиславъ *Нѣмый*, братъ Ингваря Луцкаго, спѣшилъ дать ему помощь, и крѣпкою мышцею разилъ непріятелей. Но малодушные Половцы не выдержали удара Моголовъ: смѣшались, обратили тылъ; въ безпамятствѣ ужаса устремились на Россіянъ, смяли ряды ихъ и даже отдаленный станъ, гдѣ два Мстислава, Кіевскій и Черниговскій, еще не успѣли

Маія 31. Битва на Калкѣ.

изготовиться къ битвѣ: ибо Мстиславъ Галицкій, желая одинъ воспользоваться честію побѣды, не далъ имъ никакой вѣсти о сраженіи. Сіе излишнее славолюбіе Героя столь знаменитаго погубило наше войско: Россіяне, приведенные въ безпорядокъ, не могли устоять. Юный Даніилъ вмѣстѣ съ другими искалъ спасенія въ бѣгствѣ; прискакавъ къ рѣкѣ, остановилъ коня, чтобы утолить жажду, и тогда единственно почувствовалъ свою рану. Татары гнали Россіянъ, убивъ ихъ множество, и въ томъ числѣ шесть Князей: Святослава Яновскаго, Изяслава Ингваровича, Святослава Шумскаго, Мстислава Черниговскаго съ сыномъ, Юрія Нѣсвижскаго; также отличнаго Витязя, именемъ Александра Поповича, и еще 70 славныхъ *богатырей*[255]. Земля Русская, по словамъ Лѣтописцевъ, отъ начала своего не видала подобнаго бѣдствія: войско прекрасное, бодрое, сильное, совершенно исчезло; едва десятая часть его спаслася; однихъ Кіевлянъ легло на мѣстѣ 10,000. Самые мнимые друзья наши, Половцы, виновники сей войны и сего несчастія, убивали Россіянъ, чтобы взять ихъ коней или одежду. Мстиславъ Галицкій, испытавъ въ первый разъ ужасное непостоянство судьбы, изумлен-

ный, горестный, бросился въ ладію, переѣхалъ за Днѣпръ и велѣлъ истребить всѣ суда, чтобы Татары не могли за нимъ гнаться. Онъ уѣхалъ въ Галичь; а Владиміръ Рюриковичь Смоленскій въ Кіевъ.

Между тѣмъ Мстиславъ Романовичь Кіевскій еще оставался на берегахъ Калки въ укрѣпленномъ станѣ, на горѣ каменистой; видѣлъ бѣгство Россіянъ и не хотѣлъ тронуться съ мѣста: достопамятный примѣръ великодушія и воинской гордости! Татары приступали къ сему укрѣпленію, три дни бились съ Россіянами, не могли одолѣть и предложили Мстиславу Романовичу выпустить его свободно, если онъ дастъ имъ окупъ за себя и за дружину. Князь согласился: Воевода *Бродниковъ*[256], именемъ Плоскиня, служа тогда Моголамъ, отъ имени ихъ клялся въ вѣрномъ исполненіи условій; но обманулъ Россіянъ, и связавъ несчастнаго Мстислава вмѣстѣ съ двумя его зятьями, Княземъ Андреемъ и Александромъ Дубровецкимъ, выдалъ ихъ Полководцамъ Чингисхановымъ. Остервененные жестокимъ сопротивленіемъ великодушнаго Мстислава Кіевскаго, и вспомнивъ убіеніе своихъ Пословъ въ нашемъ станѣ, Моголы изрубили всѣхъ Россіянъ, трехъ

Князей задушили подъ досками, и сѣли пировать на ихъ трупахъ! — Такимъ образомъ заключилась сія первая кровопролитная битва нашихъ предковъ съ Моголами, которые, по извѣстію Татарскаго Историка, умышленно заманили Россіянъ въ опасную степь и сражались съ ними цѣлые семь дней[257].

Полководцы Чингисхановы шли за бѣгущимъ остаткомъ Россійскаго войска до самаго Днѣпра. Жители городовъ и селъ, въ надеждѣ смягчить ихъ свирѣпость покорностію, выходили къ нимъ на встрѣчу со крестами; но Татары безжалостно убивали и гражданъ и земледѣльцевъ, слѣдуя правилу, что побѣжденные не могутъ быть друзьями побѣдителей, и что смерть первыхъ нужна для безопасности вторыхъ. Вся южная Россія трепетала: народъ, съ воплемъ и стенаніемъ ожидая гибели, молился въ храмахъ — и Богъ на сей разъ услышалъ его молитву. Татары, не находя ни малѣйшаго сопротивленія, вдругъ обратились къ Востоку, и спѣшили соединиться съ Чингисханомъ въ Великой Бухаріи, гдѣ сей дикій Герой, собравъ всѣхъ Полководцевъ и Князей, на общемъ сеймѣ давалъ законы странамъ завоеваннымъ. Онъ съ удовольствіемъ встрѣ-

Правило Татаръ.

Побѣдители скрываются.

тилъ свое побѣдоносное войско, возвратившееся отъ Днѣпра: съ любопытствомъ слушалъ донесенiе Вождей, хвалилъ ихъ и щедро наградилъ за оказанное ими мужество. Оскорбленный тогда могущественнымъ Царемъ Тангутскимъ, Чингисханъ пошелъ сокрушить его величiе[258].

Россiя отдохнула: грозная туча какъ внезапно явилась надъ ея предѣлами, такъ внезапно и сокрылась. »Кого Богъ во гнѣ-»вѣ Своемъ насылалъ на землю Русскую?« говорилъ народъ въ удивленiи: »откуда »приходили сiи ужасные иноплеменники? »куда ушли? извѣстно одному Небу и лю-»дямъ искуснымъ въ книжномъ ученiи[259].« — Селенiя, опустошенныя Татарами на восточныхъ берегахъ Днѣпра, еще дымились въ развалинахъ; отцы, матери, друзья, оплакивали убитыхъ: но легкомысленный народъ совершенно успокоился, ибо минувшее зло казалось ему послѣднимъ. Удивленiе Россiянъ.

Князья южной Россiи, готовясь итти на Моголовъ, требовали помощи отъ Великаго Князя Георгiя. Племянникъ его, Василько Константиновичь, шелъ къ нимъ съ дружиною Ростовскою, и стоялъ уже близъ Чернигова: тамъ свѣдалъ онъ о несчастiи ихъ и возвратился къ дядѣ, благодаря Небо за спасенiе жизни и воин-

ской чести своей. Не предвидя будущаго, Владимірцы утѣшались мыслію, что Богъ избавилъ ихъ отъ бѣдствія, претерпѣннаго другими Россіянами. Георгій, нѣкогда уничиженный Мстиславомъ Галицкимъ, могъ даже съ тайнымъ удовольствіемъ видѣть его въ злополучіи: долговременная слава и побѣда сего Героя возбуждали зависть. — Но скоро несчастныя для суевѣрныхъ знаменія произвели общій страхъ въ Россіи (и во всей Европѣ). Явилась Комета, звѣзда величины необыкновенной, и цѣлую недѣлю въ сумерки показывалась на Западѣ, озаряя небо лучемъ блестящимъ[260]. Въ сіе же лѣто сдѣлалась необыкновенная засуха: лѣса, болота воспламенялись; густыя облака дыма затмѣвали свѣтъ солнца; мгла тяготила воздухъ, и птицы, къ изумленію людей, падали мертвыя на землю. Вспомнили, что въ княженіе Всеволода I было такое же лѣто въ Россіи, и что отечество наше стенало тогда отъ враговъ иноплеменныхъ, голода и язвы.

Ужасныя предзнаменованія.

Провидѣніе, дѣйствительно готовое искусить Россію всѣми возможными для Государства бѣдствіями, еще на нѣсколько лѣтъ отложило ихъ; а Россіяне какъ бы спѣшили воспользоваться симъ временемъ,

чтобы свѣжую рану отечества растравить новыми междоусобіями. Юный сынъ Георгіевъ, исполняя тайное повелѣніе отца, вторично уѣхалъ изъ Новагорода со всѣмъ Дворомъ своимъ и занялъ Торжекъ, куда скоро прибылъ и самъ Георгій, братъ его Ярославъ, племянникъ Василько и шуринъ Михаилъ, Князь Черниговскій. Они привели войско съ собою, грозя Новугороду: ибо Великій Князь досадовалъ на многихъ тамошнихъ чиновниковъ за ихъ своевольство. Новогородцы отправили къ Георгію двухъ Пословъ и хотѣли, чтобы онъ выѣхалъ изъ Торжка, отпустивъ къ нимъ сына; а Великій Князь требовалъ, чтобы они выдали ему нѣкоторыхъ знаменитыхъ гражданъ, и сказалъ: »я поилъ коней своихъ Тверцею: напою и Волховомъ.« Воспоминая съ гордостію, что самъ Андрей Боголюбскій не могъ ихъ смирить оружіемъ, Новогородцы укрѣпили стѣны свои, заняли войскомъ всѣ важныя мѣста на пути къ Торжку, и чрезъ новыхъ Пословъ отвѣтствовали Георгію: »Князь! мы тебѣ кланяемся, но своихъ »братьевъ не выдадимъ. Дерзнешь ли на »кровопролитіе? у тебя мечь, у насъ головы: умремъ за Святую Софію« Георгій смягчился; вступили въ переговоры, и

Новыя междоусобія.

шуринъ его, Михаилъ Черниговскій, поѣхалъ княжить въ Новгородъ.

Правленіе сего Князя было мирно и счастливо. »Вся область наша«—говоритъ
Г. 1225. Лѣтописецъ Новогородскій — »благословляла свой жребій, не чувствуя никакой »тягости.« Георгій вышелъ изъ Торжка, захвативъ казну Новогородскую и достояніе многихъ частныхъ людей: Михаилъ, провождаемый знаменитыми чиновниками, ѣздилъ въ Владиміръ и согласилъ Георгія возвратить сію незаконную добычу. Народъ любилъ Князя; но Михаилъ считалъ себя пришельцемъ въ сѣверной Россіи. Выѣхавъ изъ Чернигова въ то время, когда Татары приближались къ Днѣпру, онъ стремился душею къ своей отчизнѣ, гдѣ снова царствовали тишина и безопасность. Напрасно усердные Новогородцы доказывали ему, что Князь, любимый народомъ, не можетъ съ покойною совѣстію оставить его: Михаилъ на *Дворѣ Ярослава* простился съ ними, сказавъ имъ, что Черниговъ и Новгородъ должны быть какъ бы единою землею, а жители братьями и друзьями; что свободная торговля и гостепріимство свяжутъ ихъ узами общихъ выгодъ и благоденствія. Нерѣдко задерживая у себя Князей ненавистныхъ,

Новогородцы давали волю добрымъ жить съ ними, или, говоря тогдашнимъ языкомъ, *поклониться Святой Софіи:* изъявили благодарность Михаилу, отпустили его съ великою честію, и послали за Ярославомъ-Ѳеодоромъ.

Въ то время Литовцы, числомъ до 7000, ворвались въ наши предѣлы; грабили область Торопецкую, Новогородскую, Смоленскую, Полоцкую; убивали купцевъ, и плѣняли земледѣльцевъ. Лѣтописцы говорятъ, что сіи разбойники никогда еще не причиняли столь великаго зла Государству Россійскому[261]. Ярославъ, предводительствуя своею дружиною Княжескою, соединился съ Давидомъ Мстиславичемъ Торопецкимъ, съ братомъ его, Владиміромъ Псковскимъ, и настигъ непріятеля близъ Усвята; положилъ на мѣстѣ 2000 Литовцевъ, взялъ въ плѣнъ ихъ Князей, освободилъ всѣхъ нашихъ плѣнниковъ. Князь Давидъ и любимый Меченосецъ Ярославовъ находились въ числѣ убитыхъ Россіянъ. Новогородцы не были въ сраженіи: доходили только до Русы и возвратились. Однакожъ Ярославъ, пріѣхавъ къ нимъ и выслушавъ ихъ оправданіе, не изъявилъ ни малѣйшаго гнѣва; а въ слѣдующій годъ ходилъ съ войскомъ въ сѣ-

Набѣги Литовскіе.

г. 1226.

г. 1227.

Походъ въ Финляндію.

верную, отдаленную часть Финляндіи, гдѣ никогда еще не бывали Россіяне; не обогатился въ сей бѣдной странѣ ни серебромъ, ни золотомъ, но отнялъ у многихъ жителей самое драгоцѣннѣйшее благо: отечество и вольность. Новогородцы взяли столько плѣнниковъ, что не могли всѣхъ увести съ собою: нѣкоторыхъ безчеловѣчно умертвили, другихъ отпустили домой[262]. — Ярославъ въ сей же годъ

Христіанство въ землѣ Корельской.

отличился дѣломъ гораздо полезнѣйшимъ для человѣчества: отправилъ Священниковъ въ Корельскую землю, и не употребивъ никакихъ мѣръ насильственныхъ, крестилъ большую часть жителей, уже давно подданныхъ Новагорода и расположенныхъ добровольно къ принятію Христіанства[263]. Представивъ дѣйствіе благоразумнаго усердія къ Вѣрѣ, не скроемъ и несчастныхъ заблужденій суевѣрія: въ то

Новогородцы жгутъ волшебниковъ.

время, какъ наши церковные учители проповѣдывали Кореламъ Бога истиннаго и человѣколюбиваго, ослѣпленные Новогородцы сожгли четырехъ мнимыхъ волшебниковъ на *Дворѣ Ярослава*. Къ чести Духовенства и тогдашняго Новогородскаго Архіепископа Антонія — который въ 1225 году возвратился изъ Перемышля Галицкаго — замѣтимъ, что въ

семъ жалостномъ безумiи дѣйствовалъ одинъ народъ, безъ всякаго внушенiя со стороны Церковныхъ Пастырей.

Россiяне думали, что грозно опустошивъ Финляндiю, они уже на долгое время будутъ съ сей стороны покойны; но месть даетъ силы. Лишенные отцевъ, братьевъ, дѣтей, и пылая справедливою злобою, Финляндцы разорили селенiя вокругъ Олонца и сразились съ Посадникомъ Ладожскимъ. Ихъ было около двухъ тысячъ. Ночь прекратила битву. Напрасно предлагавъ миръ, они умертвили всѣхъ плѣнниковъ, бросили лодки свои и бѣжали въ густые лѣса, гдѣ Ижеряне и Корелы истребили ихъ всѣхъ до одного человѣка. Между тѣмъ Ярославъ, не имѣвъ времени соединиться съ Ладожанами, праздно стоялъ на Невѣ и былъ свидѣтелемъ мятежа воиновъ Новогородскихъ, хотѣвшихъ убить какого-то чиновника, именемъ Судимира: Князь едва могъ спасти несчастнаго скрывъ его въ собственной ладiи своей. Г. 1228.

Вообще Ярославъ не пользовался любовiю народною. Желая имѣть Псковъ въ своей зависимости, онъ поѣхалъ туда съ Новогородскими чиновниками; но Псковитяне не хотѣли принять его, думая, Нелюбовь къ Ярославу.

что сей Князь везетъ къ нимъ оковы и рабство. Огорченный Ярославъ, возвратясь въ Новгородъ, собралъ жителей на дворѣ Архіепископскомъ и торжественно принесъ имъ жалобу. »Небо свидѣтель«— говорилъ онъ — »что я не хотѣлъ сдѣ»лать ни малѣйшаго зла Псковитянамъ, »и везъ для нихъ не оковы, а дары, овощи »и паволоки. Оскорбленная честь моя тре»буетъ мести.« Недовольный холодностію гражданъ Князь призвалъ войско изъ Переславля Залѣсскаго, и Новогородцы съ изумленіемъ увидѣли шатры его полковъ вокругъ дворца. Славянскій Конецъ также наполнился толпами сихъ ратниковъ, съ головы до ногъ вооруженныхъ и страшныхъ для народа своевольнаго. Ярославъ сказывалъ, что хочетъ итти противъ Нѣмецкихъ Рыцарей; но граждане не вѣрили ему и боялись его тайныхъ замысловъ. Къ тому же бѣдные жаловались на дороговизну; отъ прибытія многочисленнаго войска цѣна на хлѣбъ и на мясо возвысилась: осмина ржи стоила нынѣшними серебряными деньгами 53½ копейки, пшеницы 89½, а пшена рубль 25 копеекъ. Ярославъ требовалъ отъ Псковитянъ, чтобы они выдали ему клеветниковъ его, а сами шли съ нимъ къ Ригѣ; но Псковн-

тяне уже заключили особенный тѣсный союзъ съ Рижскимъ Орденомъ, и будучи обнадежены въ помощи Рыцарей, прислали въ Новгородъ одного Грека съ такимъ отвѣтомъ: »Князь Ярославъ! кланяемся »тебѣ и друзьямъ Новогородцамъ; а братьевъ своихъ не выдадимъ, и въ походъ »нейдемъ, ибо Нѣмцы намъ союзники. Вы »осаждали Колывань (Ревель), Кесь (Вен»денъ) и Медвѣжью Голову, но брали вездѣ »не города, а деньги; раздраживъ непріяте»лей, сами ушли домой, а мы за васъ тер»пѣли: наши сограждане положили свои »головы на берегахъ Чудскаго озера; дру»гіе были отведены въ плѣнъ Теперь воз»стаете противъ насъ: но мы готовы »ополчиться съ Святою Богородицею. »Идите, лейте кровь нашу; берите въ »плѣнъ женъ и дѣтей: вы не лучше по»ганыхъ.« Сіи укоризны относились вообще къ Новогородцамъ; однакожъ народъ взялъ сторону Псковитянъ: рѣшительно объявилъ Князю, что не хочетъ воевать ни съ ними, ни безъ нихъ съ Орденомъ Нѣмецкимъ, и требовалъ, чтобы рать Переславская удалилась. Ярославъ велѣлъ полкамъ выступить, но въ досадѣ и гнѣвѣ самъ уѣхалъ изъ Новагорода, оставивъ тамъ юныхъ сыновей, Ѳеодора

и Александра, подъ надзиранiемъ двухъ Вельможъ. Псковитяне торжествовали; отпустили Нѣмцевъ, Чудь, Латышей, уже призванныхъ ими для защиты, и выгнали изъ города друзей Ярославовыхъ, сказавъ имъ: »подите къ своему Князю; »вы намъ не братья.« Тогдашнiй союзъ Россiянъ съ Ливонскимъ Орденомъ и дружелюбныя ихъ сношенiя съ Посломъ Гонорiя III въ Ригѣ, Епископомъ Моденскимъ, столь обрадовали Папу, что онъ въ 1227 году написалъ весьма благосклонное письмо ко всѣмъ нашимъ Князьямъ, обѣщая имъ миръ и благоденствiе въ объятiяхъ Латинской Церкви, и желая видѣть ихъ Пословъ въ Римѣ. »Ваши заблужденiя въ »Вѣрѣ (говорилъ онъ) раздражаютъ Небо »и причиною всѣхъ золъ въ Россiи: бой»тесь еще ужаснѣйшихъ, если не обра»титесь къ истинѣ. Увѣщаемъ и молимъ, »чтобы вы письменно изъявили на то »добрую волю чрезъ надежныхъ Пословъ, »а между тѣмъ жили мирно съ Христiа»нами Ливонскими«[264].

Сношенiя съ Папою.

Съ сего времени Новгородъ былъ нѣсколько лѣтъ жертвою естественныхъ и гражданскихъ бѣдствiй. Отъ половины Августа до самаго Декабря мѣсяца густая тьма покрывала небо и шли дожди без-

Бѣдствiя Новогородцевъ.

престанные; сѣно, хлѣбъ гнили на лугахъ и въ полѣ; житницы стояли пустыя. Народъ, желая кого нибудь обвинить въ семъ несчастіи, возсталъ противъ новаго Владыки Новогородскаго, Арсенія (ибо Антоній, слабый здоровьемъ, лишился языка и добровольно заключился въ монастырѣ Хутынскомъ). »Богъ наказываетъ »насъ за коварство Арсенія,« говорили безразсудные: »онъ выпроводилъ Антонія »въ Хутынскую Обитель, и несправедли»во присвоилъ себѣ его санъ, подкупивъ »Князя.« Добрый, смиренный Пастырь молился денно и нощно о благѣ согражданъ; но дожди не преставали, и народъ, послѣ шумнаго Вѣча, извлекъ Архіепископа изъ дому, гналъ, толкалъ, едва не умертвилъ его какъ преступника. Арсеній искалъ убѣжища въ Софійскомъ храмѣ, наконецъ въ монастырѣ Хутынскомъ, откуда нѣмый Антоній долженъ былъ возвратиться въ домъ Святителей. Новогородцы дали ему въ помощники двухъ свѣтскихъ чиновниковъ, и еще не могли успокоиться: вооружились, разграбили домъ Тысячскаго, Стольниковъ Архіерейскаго и Софійскаго, хотѣли повѣсить одного Старосту, и кричали, что сіи люди наводятъ Князя на зло. Избравъ новаго Ты-

сячскаго, Вѣче послало сказать Ярославу, чтобы онъ немедленно ѣхалъ въ Новгородъ, снялъ налогъ церковный, запретилъ Княжескимъ судьямъ ѣздить по области, и наблюдая въ точности льготныя грамоты Великаго Ярослава, дѣйствовалъ во всемъ сообразно съ уставомъ Новогородской вольности. »Или« — говорили ему Послы Вѣча — »наши связи съ тобою на»вѣки разрываются.« Еще Князь не далъ отвѣта, когда юные сыновья его, Ѳеодоръ и Александръ, устрашенные мятежемъ Новогородскимъ, тайно уѣхали къ отцу съ своими Вельможами. »Одни ви»новные могутъ быть робкими бѣглеца»ми« (сказали Новогородцы): »не жалѣемъ »объ нихъ. Мы не сдѣлали зла ни дѣтямъ, »ни отцу, казнивъ своихъ братьевъ. Небо »отмститъ вѣроломнымъ; а мы найдемъ »себѣ Князя. Богъ по насъ: кого устра»шимся?« Они клялися другъ другу быть единодушными, и звали къ себѣ Михаила Черниговскаго; но Послы ихъ были задержаны на дорогѣ Княземъ Смоленскимъ, другомъ Ярославовымъ[265].

Льготныя грамоты Вел. Ярослава.

Доселѣ, описавъ несчастную Калкскую битву, говорили мы только о происшествіяхъ сѣверной Россіи: обратимъ взоръ на полуденную. Михаилъ, возвра-

Происшествія въ южной Россіи.

тясь (въ 1225 году) изъ Новагорода въ Черниговъ, нашелъ опаснаго непріятеля въ Олегѣ Курскомъ, и требовалъ помощи отъ Георгія, своего зятя, который самъ привелъ къ нему войско. Къ счастію, тамъ былъ Кіевскій Митрополитъ Кириллъ, родомъ Грекъ, присланный Константинопольскимъ Патріархомъ изъ Никеи. Сей мужъ ученый, благонамѣренный, отвратилъ войну и примирилъ враговъ: послѣ чего Михаилъ княжилъ спокойно, будучи союзникомъ Георгія, который, женивъ племянника, Василька, на его дочери, отдалъ южный Переяславль, какъ Удѣлъ Великаго Княженія Суздальскаго, другому племяннику, Всеволоду Константиновичу, а чрезъ годъ брату Святославу[266]. Древняя вражда Ольговичей и Мономаховыхъ потомковъ казалась усыпленною. Тѣ и другіе равно уважали знаменитаго Мстислава Галицкаго, ихъ Главу и посредника. Сей Герой, долго называемый *Удатнымъ*[267] или счастливымъ, провелъ остатокъ жизни въ безпокойствахъ и въ раскаяніи. Обманутый злобными внушеніями Александра Бельзскаго, онъ вознена-видѣлъ-было добраго зятя своего, мужественнаго Даніила, союзника Поляковъ, и хотѣлъ отнять у него владѣніе;

узнавъ же клевету Александрову, спѣшилъ примириться съ Даніиломъ, и, вопреки совѣту другихъ Князей, оставилъ клеветника безъ наказанія. Нечаянное бѣгство всѣхъ знатнѣйшихъ Бояръ Галицкихъ и ссора съ Королемъ Венгерскимъ были для него также весьма чувствительнымъ огорченіемъ. Одинъ изъ Вельможъ, именемъ Жирославъ, увѣрилъ первыхъ, что Князь намѣренъ ихъ, какъ враговъ, предать на избіеніе Хану Половецкому, Котяну: они ушли со всѣми домашними въ горы Карпатскія и едва могли быть возвращены Духовникомъ Княжескимъ, посланнымъ доказать имъ неизмѣнное праводушіе, милосердіе Государя, который велѣлъ обличенному во лжи, безстыдному Жирославу, только удалиться, не сдѣлавъ ему ни малѣйшаго зла. Столь же невиненъ былъ Мстиславъ и въ раздорѣ съ Венграми. Нареченный его зять, юный сынъ Короля Андрея, послушавъ коварныхъ наушниковъ, уѣхалъ изъ Перемышля къ отцу, съ жалобою на какую-то мнимую несправедливость своего будущаго тестя. Андрей вооружился; завоевалъ Перемышль, Звенигородъ, Теребовль, Тихомль, и послалъ войско осадить Галичь, боясь самъ итти къ оному: ибо волхвы Венгерскіе, какъ

говоритъ Лѣтописецъ, предсказали ему, что онъ не будетъ живъ, когда увидитъ сей городъ. Воевода Сендомирскій находился съ Королемъ: самъ Герцогъ Лешко хотѣлъ къ нимъ присоединиться; но Даніилъ, вѣрный тестю, убѣжденіями и хитростію удалилъ Поляковъ; а Мстиславъ разбилъ Венгровъ, и Король Андрей могъ бы совершенно погибнуть, если бы Вельможа Галицкій, Судиславъ, вопреки Даніилову мнѣнію не склонилъ побѣдителя къ миру и къ исполненію прежнихъ заключенныхъ съ Андреемъ условій, такъ, что Мстиславъ не только прекратилъ военныя дѣйствія не только выдалъ дочь свою за Королевича, но и возвелъ зятя на тронъ Галицкій, оставивъ себѣ одно *Понизье*, или юго-восточную область сего Княженія. Случай безпримѣрный въ нашей Исторіи, чтобы Князь Россійскій, имѣя наслѣдниковъ единокровныхъ, имѣя даже сыновей, добровольно уступалъ владѣніе иноплеменнику, согласно съ желаніемъ нѣкоторыхъ Бояръ, но въ противность желанію народа, не любившаго Венгровъ. Легкомысленный Мстиславъ скоро раскаялся, и внутреннее безпокойство сократило дни его. Онъ считалъ себя виновнымъ передъ Даніиломъ, тѣмъ болѣе,

что сей юный Князь изъявилъ отмѣнное къ нему уваженіе и вообще всѣ качества души благородной. »Льстецы обманули меня,« говорилъ Мстиславъ Боярамъ Даніиловымъ: »но если угодно Богу, то »мы поправимъ сію ошибку. Я соберу »Половцевъ, а сынъ мой, вашъ Князь, »свою дружину: изгоню Венгровъ, от»дамъ ему Галичь, а самъ останусь въ »Понизьѣ.« Онъ не успѣлъ сдѣлать того, занемогъ и нетерпѣливо желалъ видѣть Даніила, чтобы поручить ему свое семейство; но кознями Вельможъ лишенный и сего утѣшенія, преставился въ Торческѣ Схимникомъ, подобно отцу заслуживъ имя *Храбраго*[267], даже Великаго, впрочемъ слабый характеромъ, во многихъ случаяхъ неблагоразумный, игралище хитрыхъ Бояръ и виновникъ перваго бѣдствія, претерпѣннаго Россіею отъ Моголовъ. Смертію его воспользовался Королевичь Венгерскій, Андрей, немедленно завладѣвъ Понизьемъ, какъ Удѣломъ Галицкимъ: Князья же юго-западной Россіи, лишенные уважаемаго ими посредника, возобновили междоусобіе. Мстиславъ Нѣмый, умирая, объявилъ Даніила наслѣдникомъ городовъ своихъ: Пересопницы, Черторижска и Луцка (гдѣ прежде кня-

жилъ Ингварь, братъ Нѣмаго); но Ярославъ, сынъ Ингваревъ, насильственно заннялъ Луцкъ, а Князь Пинскій Черторижскъ. Сіе случилось еще при жизни Мстислава Храбраго. Даніилъ съ согласія тестя доставилъ себѣ управу мечемъ, имѣвъ случай показать свое великодушіе: онъ встрѣтилъ Ярослава Луцкаго на богомольѣ, почти одного и безоружнаго; далъ ему свободный путь и сказалъ дружинѣ: »плѣ»нимъ его не здѣсь, а въ столицѣ.« Осажденный имъ въ Луцкѣ, Ярославъ искалъ милости въ Даніилѣ и получилъ отъ него въ Удѣлъ Перемиль съ Межибожьемъ. Взявъ Черторижскъ, Даніилъ плѣнилъ сыновей Князя Пинскаго, Ростислава, который, будучи союзникомъ Владиміра Кіевскаго и Михаила Черниговскаго, требовалъ отъ нихъ вспоможенія, опасаясь, чтобы мужественный, бодрый Даніилъ по кончинѣ Мстислава Храбраго не присвоилъ себѣ власти надъ другими Князьями. Владиміръ Рюриковичъ вздумалъ мстить сыну за отца: извѣстно, что Романъ Галицкій силою постригъ нѣкогда Рюрика. Тщетно Митрополитъ старался прекратить сію вражду. »Та»кія дѣла не забываются,« говорилъ Владиміръ, и собралъ многочисленное войско.

Ханъ Половецкій, Котянъ, Михаилъ Черниговскій, Князья Сѣверскіе, Пинскій, Туровскій, вступивъ въ дружественную связь съ Андреемъ, Королевичемъ Венгерскимъ, осадили Каменецъ, городъ Даніиловъ; но возвратились съ однимъ стыдомъ, и долженствовали сами просить мира: ибо Даніилъ склонилъ Котяна на свою сторону, призвалъ Ляховъ, и съ Воеводою Сендомирскимъ, Пакославомъ, готовился осадить Кіевъ.

Михаилъ, по заключеніи сего общаго мира, свѣдалъ о задержаніи Пословъ Новогородскихъ въ Смоленскѣ: видя Черниговъ со всѣхъ сторонъ безопаснымъ, онъ немедленно поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ народъ принялъ его съ восклицаніями единодушной радости. Желая еще болѣе утвердить общую къ себѣ любовь, Михаилъ клялся ни въ чемъ не нарушать правъ вольности и грамотъ Великаго Ярослава; бѣдныхъ поселянъ, сбѣжавшихъ на чужую землю, освободилъ на пять лѣтъ отъ дани; а другимъ велѣлъ платить легкій оброкъ, уставленный древними Князьями. Народъ, какъ бы изъ великодушія, оставилъ друзей ненавистнаго Ярослава въ покоѣ — то есть, не грабилъ ихъ домовъ, но хотѣлъ, чтобы

г. 1229.

они на свои деньги построили новый мостъ Волховскій, ибо старый былъ разрушенъ наводненіемъ минувшей осени. Сію пеню собрали въ особенности съ жителей Городища, гдѣ находился Княжескій дворецъ, и гдѣ многіе люди держали сторону Ярослава.

Михаилъ, возстановивъ тишину, предложилъ Новогородцамъ избрать инаго Святителя на мѣсто Антонія, неспособнаго, по его недугу, управлять Епархіею. Одни хотѣли имѣть Владыкою Епископа Волынскаго, Іоасафа; другіе Монаха и Діакона Спиридона, славнаго благочестіемъ; а нѣкоторые Грека. Судьба рѣшила выборъ: положили три жеребья на олтарь Св. Софіи; младенецъ, сынъ Михаиловъ, снялъ два: третій остался Спиридоновъ. Такимъ образомъ Діаконъ сдѣлался Главою Новогородскаго Духовенства и попечителемъ Республики: ибо Архіепископъ, какъ мы уже замѣтили, имѣлъ важное участіе въ дѣлахъ ея.—Михаилъ поѣхалъ въ Черниговъ, оставивъ въ Новѣгородѣ юнаго сына, Ростислава, и взявъ съ собою нѣкоторыхъ изъ людей нарочитыхъ, для совѣта или въ залогъ народной вѣрности. «Дай Богъ« — сказалъ онъ гражданамъ — »чтобы вы съ честію возвра-

»тили мнѣ сына, и чтобы я могъ быть »для васъ посредникомъ истины и пра»восудія.« Между тѣмъ Ярославъ овладѣлъ Волокомъ Ламскимъ, и задержалъ у себя Пословъ Михаиловыхъ, которые жаловались на сію несправедливость. Отвергнувъ всѣ ихъ мирныя предложенія, Ярославъ ждалъ случая еще болѣе утѣснить Новогородцевъ. Сей Князь въ то же время поссорился и съ братомъ своимъ Георгіемъ; тайными внушеніями удалилъ отъ него племянниковъ, сыновей Константиновыхъ, и замышлялъ войну междоусобную; но Георгій старался всячески обезоружить его. Дяди и племянники съѣхались наконецъ въ Суздалѣ, гдѣ Великій Князь говорилъ столь благоразумно, столь убѣдительно, что Ярославъ склонился къ искреннему миру, обнялъ брата, и вмѣстѣ съ племянниками назвалъ его своимъ отцемъ и Государемъ[268].

Новогородцы, озабоченные набѣгомъ Литовцевъ въ окрестностяхъ Селигерскаго озера, не могли отмстить Ярославу за обиду; разбили непріятелей въ
Г. 1230. полѣ, но скоро увидѣли гораздо ужаснѣйшее зло въ стѣнахъ своихъ. Предтечею его было землетрясеніе, общее во всей России, и еще сильнѣйшее въ южной, такъ

Маія 3. Землетрясеніе.

что каменныя церкви разсѣдались. Ударъ почувствовали въ самую обѣдню, когда Владимiръ Рюриковичь Кiевскiй, Бояре и Митрополитъ праздновали въ Лаврѣ память Св. Θеодосiя; трапезница, гдѣ уже стояло кушанье для Монаховъ и гостей, поколебалась на своемъ основанiи: кирпичи падали сверху на столъ. Чрезъ десять дней необыкновенное затмѣнiе солнца и разноцвѣтныя облака на небѣ, гонимыя сильнымъ вѣтромъ, также устрашили народъ, особенно въ Кiевѣ, гдѣ суевѣрные люди ждали конца своего, стенали на улицахъ и прощались другъ съ другомъ[269]. Маiя 14. Затмѣнiе солнца.

Михаилъ, какъ бы желая ободрить Новогородцевъ, подобно другимъ изумленныхъ сими явленiями, прiѣзжалъ къ нимъ на нѣсколько дней, совершилъ обрядъ торжественныхъ *постригъ* надъ юнымъ Ростиславомъ, и возвратился въ Черниговъ[270]. Посадникомъ Новогородскимъ былъ тогда Водовикъ, человѣкъ свирѣпаго нрава, мстительный, злобный. Вражда его съ сыномъ знаменитаго Твердислава, чиновника гордаго, друга буйной вольности, а послѣ смиреннаго инока Аркадьевской Обители, произвела междоусобiе въ городѣ. Народъ волновался, шумѣлъ на Вѣ- Мятежъ въ Новѣгородѣ.

чахъ: то Посадникъ, то непріятели его одерживали верхъ; дрались, жгли домы, грабили. Свирѣпый Водовикъ собственною рукою убилъ наконецъ одного изъ главныхъ его враговъ и бросилъ въ Волховъ; другіе скрылись или бѣжали къ Ярославу. »Небо« — говоритъ Лѣтописецъ — »оскорбленное сими беззаконіями, отъ коихъ Ангелы съ печалію закрываютъ »лица свои крылами, наказало мое отечество.« Жестокій морозъ 14 Сентября побилъ всѣ озими; цѣна на хлѣбъ сдѣлалась неслыханная: за четверть ржи платили въ Новѣгородѣ пять гривенъ или около семи нынѣшнихъ рублей (серебромъ), за пшеницу и крупу вдвое; за четверть овса 4 рубли 65 копѣекъ. Хотя жители славились богатствомъ; но сія неумѣренная дороговизна истощила всѣ средства пропитанія для города. Открылись голодъ, болѣзни и моръ. Добрый Архіепископъ, какъ истинный другъ отечества, не имѣя способовъ прекратить зло, старался по крайней мѣрѣ уменьшить дѣйствіе онаго. Трупы лежали на улицахъ: онъ построилъ скудельницу, или убогій домъ, и выбралъ человѣколюбиваго мужа, именемъ Спанила, для скораго погребенія мертвыхъ,

Голодъ и моръ.

чтобы тлѣніе ихъ не заражало воздуха. Сталилъ съ утра до вечера вывозилъ трупы, и въ короткое время схоронилъ ихъ 3030. Съ нетерпѣніемъ ожидали Князя: ибо онъ далъ слово возвратиться къ нимъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ и выступить въ поле для защиты ихъ областей; но Михаилъ перемѣнилъ мысли и желалъ мира съ Ярославомъ, готовымъ объявить ему войну за Новгородъ. Митрополитъ Кириллъ, Порфирій, Епископъ Черниговскій, и Посолъ Владиміра Рюриковича Кіевскаго пріѣхали къ Великому Князю Георгію, моля его, для общей пользы Государства, быть миротворцемъ. Ярославъ упрекалъ Черниговскаго Князя *вѣроломствомъ*. »Коварныя его внушенія«— говорилъ онъ — »возбудили противъ меня »Новогородцевъ.« Однакожь Митрополитъ и Георгій успѣли въ благомъ дѣлѣ своемъ, и Послы возвратились съ мирною грамотою[271].

Узнавъ о томъ, Новогородцы велѣли сказать юному Михаилову сыну, уѣхавшему въ Торжекъ съ Посадникомъ Водовикомъ, что отецъ его измѣнилъ имъ и не достоинъ уже быть ихъ Главою; чтобы Ростиславъ удалился, и что они найдутъ себѣ инаго Князя. Народъ избралъ

новаго Посадника и Тысячскаго, разграбилъ домы и села прежнихъ чиновниковъ, умертвилъ одного славнаго корыстолюбіемъ гражданина и взялъ себѣ найденное у нихъ богатство. Водовикъ ушелъ съ друзьями своими къ Михаилу въ Черниговъ, гдѣ скоро умеръ въ бѣдности; а Новогородцы призвали Ярослава, который далъ имъ на Вѣчѣ торжественную клятву дѣйствовать во всемъ согласно съ древними обыкновеніями ихъ вольности; но чрезъ двѣ недѣли уѣхалъ въ Переславль Залѣсскій, вторично оставивъ въ Новѣгородѣ двухъ сыновей, Θеодора и Александра[272].

Голодъ и моръ.

Между тѣмъ голодъ и моръ свирѣпствовали. За четверть ржи платили уже гривну серебра или семь гривенъ кунами[273]. Бѣдные ѣли мохъ, желуди, сосну, ильмовый листъ, кору липовую, собакъ, кошекъ, и самые трупы человѣческіе; нѣкоторые даже убивали людей, чтобы питаться ихъ мясомъ: но сіи злодѣи были наказаны смертію. Другіе въ отчаяніи зажигали домы гражданъ избыточныхъ, имѣвшихъ хлѣбъ въ житницахъ, и грабили оные; а безпорядокъ и мятежъ только увеличивали бѣдствія. Скоро двѣ новыя скудельницы наполнились мертвыми, ко-

торыхъ было сочтено до 42,000; на улицахъ, на площади, на мосту гладные псы терзали множество непогребенныхъ тѣлъ и самыхъ живыхъ оставленныхъ младенцевъ; родители, чтобы не слыхать вопля дѣтей своихъ, отдавали ихъ въ рабы чужеземцамъ. »Не было жалости »въ людяхъ,« говоритъ Лѣтописецъ: »ка»залось, что ни отецъ сына, ни мать »дочери не любитъ. Сосѣдъ сосѣду не хо»тѣлъ уломить хлѣба!« Кто могъ, бѣжалъ въ иныя области; но зло было общее для всей Россіи, кромѣ Кіева: въ одномъ Смоленскѣ, тогда весьма многолюдномъ, умерло болѣе тридцати тысячь людей.

Новогородцы весною испытали еще иное бѣдствіе: весь богатый Конецъ Славянскій обратился въ пепелъ; спасаясь отъ пламени, многіе жители утонули въ Волховѣ; самая рѣка не могла служить преградою для огня. »Новгородъ уже кон»чался,« по словамъ лѣтописи [274]. . . Но великодушная дружба иноземныхъ купцевъ отвратила сію погибель. Свѣдавъ о бѣдствіи Новогородцевъ, Нѣмцы изъ заморя спѣшили къ нимъ съ хлѣбомъ, и думая болѣе о человѣколюбіи, нежели о корысти, остановили голодъ; скоро

Г. 1231.

Услуга Нѣмцевъ.

исчезли ужасные слѣды его, и народъ изъявилъ живѣйшую благодарность за такую услугу.

Кривудушіе Михаила. Михаилъ Черниговскій, не смотря на заключенный миръ въ Владимірѣ, дружелюбно принималъ Новогородскихъ бѣглецовъ, враговъ Ярославовыхъ, обѣщая имъ покровительство. Самъ Великій Князь Георгій оскорбился симъ криводушіемъ и выступилъ съ войскомъ къ сѣвернымъ предѣламъ Черниговскимъ: онъ возвратился съ дороги; но Ярославъ, предводительствуя Новогородцами, и сыновья Константиновы выжгли Серенскъ (въ нынѣшней Калужской Губерніи), осаждали Мосальскъ и сдѣлали много зла окрестнымъ жителямъ[275]. Такимъ образомъ древняя семейственная вражда возобновилась. Бѣглецы увѣряли, что Ярославъ ненавидимъ большею частію ихъ согражданъ, готовыхъ взять сторону Ольговичей: для того Князь Трубчевскій Святославъ, родственникъ Михаиловъ, отправился въ Новгородъ съ дружественными предложеніями; но свѣдалъ противное, и съ великимъ стыдомъ уѣхалъ назадъ. Послѣднею надеждою Новогородскихъ изгнанниковъ оставался Псковъ, гдѣ они дѣйствительно были приняты какъ братья. Тамъ

Г. 1232.

находился сановникъ Ярославовъ: они заключили его въ цѣпи, и пылая злобою, желали кровопролитія. Граждане стояли за нихъ усильно, однакожъ не долго. Ярославъ, самъ прибывъ въ Новгородъ, не пускалъ къ нимъ купцевъ, ни товаровъ. Нуждаясь во многихъ вещахъ — платя за берковецъ соли около 10 нынѣшнихъ рублей серебряныхъ — Псковитяне смирились. Ярославъ не хотѣлъ дать имъ въ Намѣстники сына, юнаго Князя Ѳеодора, а далъ шурина своего, Георгія[276], котораго они приняли съ радостію, выгнавъ бѣглецовъ Новогородскихъ.

Сіи мятежные изгнанники ушли въ Медвѣжью Голову или Оденпе, къ сыну бывшаго Князя Псковскаго Владиміра, именемъ Ярославу[277], и съ помощію Ливонскихъ Рыцарей взяли Изборскъ: но Псковитяне схватили ихъ и сѣхъ и выдали Князю Новогородскому. Въ числѣ плѣнниковъ находился и Ярославъ Владиміровичь: подобно отцу то врагъ, то союзникъ Нѣмцевъ, онъ считалъ Псковъ своимъ наслѣдіемъ, и хотѣвъ завоевать его съ бѣглецами Новогородскими, былъ вмѣстѣ съ ними заточенъ въ Переславль Суздальскій. Чрезъ нѣсколько лѣтъ су- Г. 1233.

пруга его, жившая въ Оденпе, приняла смерть мученицы отъ руки злобнаго пасынка, и погребенная въ монастырѣ Псковскомъ Св. Іоанна, славилась въ Россіи памятію своихъ добродѣтелей и чудесами[278].

Святая Евпраксія.

Присутствіе Ярослава Всеволодовича было нужно для Новогородцевъ; но пораженный внезапною кончиною старшаго сына, онъ уѣхалъ въ Переславль. Юный Ѳеодоръ, цвѣтущій красотою, готовился къ счастливому браку; невѣста пріѣхала; Князья и Вельможи были созваны, и вмѣсто ожидаемаго пира, вмѣсто общаго веселія, положили жениха во гробъ[279]. Народъ изъявилъ искреннее участіе въ скорби нѣжнаго отца; а Князь, едва осушивъ слезы, извлекъ мечь для защиты Новогородцевъ, и привелъ къ нимъ свои полки многочисленные.

Г. 1234. Война съ Нѣмцами и съ Литвою.

Ливонскіе Рыцари, houseприставъ къ Россійскимъ мятежникамъ и захвативъ близъ Оденпе одного чиновника Новогородскаго, дали поводъ Ярославу разорить окрестности сего города и Дерпта. Нѣмцы, требуя мира, заключили его на условіяхъ выгодныхъ для Россіянъ. Совершивъ сей походъ, Ярославъ спѣшилъ настигнуть Литовцевъ, которые едва было не взяли

Русы, опустошивъ церкви и монастыри въ окрестности: онъ разбилъ ихъ въ Торопецкомъ Княженіи; загналъ въ густые лѣса; взялъ въ добычу тристa коней, множество оружія и щитовъ. Сей народъ безпрестанными набѣгами болѣе и болѣе ужасалъ сосѣдовъ; занимался единственно земледѣліемъ и войною; презиралъ мирныя искусства гражданскія, но жадно искалъ плодовъ ихъ въ странахъ образованныхъ, и хотѣлъ пріобрѣтать оные не мѣною, не торговлею, а своею кровію. Общая польза государственная предписывала нашимъ Князьямъ истребить гнѣздо разбойниковъ и покорить ихъ землю: вмѣсто чего они только гонялись за Литовцами, которые чрезъ нѣсколько времени одержали совершенную побѣду надъ сильною ратію Ливонскихъ Рыцарей; самъ Великій Магистръ, старецъ Вольквинъ, положилъ голову въ битвѣ, вмѣстѣ со многими витязями Нѣмецкими и Псковитянами, бывшими въ ихъ войскѣ[280].

Изобразивъ бѣдствія Новагорода, опишемъ несчастія и перемѣны, бывшія въ другихъ Княженіяхъ Россійскихъ. Смоленскъ, опустошенный моромъ, по кончинѣ Князя Мстислава Давидовича (въ 1230 году) не хотѣлъ покориться двою- Бѣдствіе Смоленска.

родному его брату, Святославу Мстиславичу, внуку Романову[281]. Предводительствуя Полочанами, Святославъ взялъ Смоленскъ (въ 1232 году), и безъ жалости лилъ кровь гражданъ.

Въ Россіи юго-западной война и мятежи не преставали. Главнымъ дѣйствующимъ лицемъ былъ Даніилъ мужественный. Потерявъ союзника въ Лешкѣ Бѣломъ, злодѣйски убитомъ измѣнниками, онъ предложилъ услуги свои брату его, Конраду, и вмѣстѣ съ нимъ осаждалъ Калишъ, гдѣ господствовалъ одинъ изъ главныхъ убійцъ Лешка, Герцогъ Владиславъ, сынъ Оттоновъ[282]. Сей городъ, окруженный лѣсами и болотами, могъ долго обороняться, не смотря на усильные приступы, въ коихъ Россіяне оказывали гораздо болѣе воинской ревности, нежели Конрадовы Ляхи; но граждане хотѣли мира. Здѣсь Лѣтописецъ разсказываетъ случай довольно любопытный въ отношеніи къ характеру Даніилову. Конрадъ, увѣренный въ искренней дружбѣ сего Князя, желалъ, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ переговоровъ. Сендомирскій Воевода, Пакославъ, подъѣхалъ къ стѣнамъ крѣпости; а Даніилъ въ простой одеждѣ, и закрывъ шлемомъ лице свое, сталъ за нимъ. Город-

Подвиги Даніиловы.

скіе чиновники надѣялись ласковыми словами смягчить Посла. »Въ насъ течетъ »одна кровь,« сказали они : »нынѣ служимъ »брату Конрадову, а завтра будемъ слу»жить самому Конраду. Можетъ ли онъ »мстить намъ какъ измѣнникамъ или вра»гамъ, и видѣть спокойно Ляховъ неволь»никами Россіянъ? Какая будетъ ему честь, »если возметъ сей городъ? Жестокій ино»племенникъ, Даніилъ, присвоитъ се се»бѣ одному.« Пакославъ отвѣтствовалъ: »Мой и вашъ Государь расположенъ къ »милости; но Князь Россійскій не хочетъ »о томъ слышать. Говорите съ нимъ »сами: вотъ онъ!« Даніилъ снялъ шлемъ, и видя изумленіе городскихъ чиновниковъ, которые столь неосторожно его злословили, засмѣялся отъ добраго сердца; успокоилъ ихъ, доставилъ имъ выгодный миръ и далъ клятву, что Россіяне, участвуя въ Польскихъ междоусобіяхъ, никогда не будутъ впредь тревожить безоружныхъ земледѣльцевъ, съ условіемъ, чтобы и Ляхи такимъ же образомъ поступали въ Россіи. При семъ случаѣ сказано въ лѣтописи, что никто изъ нашихъ древнихъ Князей, кромѣ Святаго Владиміра, такъ далеко не заходилъ въ землю Польскую, какъ Даніилъ.

Возврапясь въ отечество, онъ совершилъ еще важнѣйшій подвигъ: завоевалъ Галицкую област, плѣнилъ Королевича Андрея, и помня старую дружбу его отца, дозволилъ ему ѣхать въ Венгрію вмѣстѣ съ Бояриномъ Судиславомъ, который управлялъ Понизьемъ, имѣя въ Галичѣ великолѣпный домъ съ арсеналомъ. Народъ металъ камнями въ сего мятежнаго Боярина, восклицая: »удались, зло»дѣй, навѣки!« Но Судиславъ, нечувствительный къ великодушію Даніилову, думалъ только о мести, и Король Андрей, имъ возбужденный, послалъ старшаго сына, Белу, снова завоевать Галичь. Сей походъ имѣлъ весьма горестное слѣдствіе для Венгровъ. *Хляби небесныя*, по словамъ лѣтописи, *отверзлись на нихъ* въ горахъ Карпатскихъ: отъ сильныхъ дождей ущелія наполнились водою; обозы и конница тонули. Гордый Бела, не теряя бодрости, достигъ наконецъ Галича, въ надеждѣ взять его одною угрозою: видя же твердую рѣшительность тамошняго начальника; слыша, что Ляхи и Половцы идутъ съ Даніиломъ защитить городъ; приступавъ къ оному нѣсколько разъ безъ успѣха, и страшась быть жертвою собственнаго упрямства, онъ спѣшилъ уда-

литься, гонимый Судьбою и войскомъ Даніиловымъ. Множество Венгровъ погибло въ Днѣстрѣ, который былъ отъ дождей въ разливѣ, такъ, что въ Галицкой землѣ осталась пословица: *Днѣстръ съигралъ злую игру Уграмъ.* Множество ихъ пало отъ меча Россіянъ или отдалося въ плѣнъ; другіе умирали отъ изнуренія силъ или отъ болѣзней.

Но время спокойнаго или безспорнаго владычества надъ Княженіемъ Галицкимъ было еще далеко отъ Даніила. Начались заговоры между Боярами подъ тайнымъ руководствомъ Александра Бельзскаго: они хотѣли сжечь Даніила и Василька во дворцѣ или убить ихъ на пиру. Сей ковъ уничтожился страннымъ образомъ. Юный Василько, однажды играя съ придворными, въ шутку обнажилъ мечь: заговорщики въ ужасѣ, думая, что ихъ намѣреніе открылось, бѣжали изъ дворца и города. Самъ Александръ, не успѣвъ захватить казны съ собою, ушелъ изъ Бельза въ Венгрію, къ своимъ единомышленникамъ, коимъ удалось снова вооружить Короля Андрея противъ Даніила. На сей разъ Венгры были счастливѣе. Городъ Ярославъ сдался имъ отъ невѣрности тамошняго Воеводы. Они приступили ко Владиміру,

гдѣ начальствовалъ Бояринъ, дотолѣ извѣстный мужествомъ, имѣя дружину сильную. Видя крѣпкія башни и стѣны блестящія оружіемъ многочисленныхъ воиновъ, Король, по словамъ Лѣтописца, сказалъ, что такихъ городовъ мало и въ землѣ Нѣмецкой. Венгры не могли бы взять Владиміра; но Бояринъ Даніиловъ измѣнилъ правиламъ великодушія, оробѣлъ, и безъ воли Княжеской заключивъ миръ съ Королемъ, отдалъ Бельзъ и Червенъ союзнику его, Александру. Съ другой стороны Вельможи Галицкіе, нечувствительные къ рѣдкому милосердію Даніила, простившаго имъ два заговора, бѣжали изъ его стана къ непріятелю и довершили торжество Венгровъ, которые заняли Галичь, гдѣ сынъ Андреевъ, утвержденный отцемъ на престолѣ, господствовалъ уже до самой кончины своей, не смотря на покушенія Даніиловы и Васильковы изгнать его. Двѣ кровопролитныя битвы ничего не рѣшили, оказавъ только въ послѣдствіи вѣроломство двухъ недостойныхъ Князей Россійскихъ. Изяславъ Владиміровичь, внукъ Игоря Сѣверскаго, бывъ другомъ, сдѣлался врагомъ Даніилу; союзникъ же Андреевъ, Александръ Бельзскій, оставивъ Венгровъ,

взялъ сторону своихъ братьевъ, чтобы снова измѣнить имъ. Наконецъ внезапная смерть Королевича (въ 1234 году) и единодушное желаніе народа возвратили Галичь Даніилу. Бояре не дерзнули противиться: главный изъ нихъ, извѣстный мятежникъ Судиславъ, спѣшилъ уѣхать за Карпатскія горы, а Князь Бельзскій, злобный Александръ, въ Кіевскую область. Сей послѣдній не избавился отъ заслуженнаго имъ наказанія, и схваченный на пути Даніиловыми воинами, умеръ, какъ вѣроятно, въ неволѣ.

Даніилъ могъ еще опасаться Венгровъ; но бѣдствіе встрѣтилось ему тамъ, гдѣ онъ не ожидалъ его. Вмѣстѣ съ братомъ Василькомъ смиривъ хищныхъ Ятвяговъ и Литовцевъ, которые въ особенности тревожили тогда область Пинскую, сей дѣятельный Князь вмѣшался въ ссору зятя своего, Михаила Черниговскаго, съ Владиміромъ Кіевскимъ. Послѣдній, желая быть его другомъ, уступилъ ему Торческъ: Даніилъ великодушно отдалъ сей городъ сыновьямъ Мстислава Храбраго, сказавъ: »за благодѣянія вашего отца.« Тщетно желавъ примирить враждующихъ, онъ взялъ нѣсколько городовъ Черниговскихъ, и заключивъ миръ съ двоюроднымъ

братомъ Михаиловымъ, Мстиславомъ Глѣбовичемъ, думалъ возвратиться въ свое Княженіе; но Владиміръ, слыша о нашествіи Половцевъ, ведомыхъ къ Кіеву Изяславомъ, внукомъ Игоря Сѣверскаго, умолилъ Даніила итти къ нимъ на встрѣчу. Когда жь они сошлись съ непріятелемъ близъ Торческа, Владиміръ, испуганный многочисленностію варваровъ, хотѣлъ удалиться отъ битвы. »Нѣтъ!« сказалъ Даніилъ: »ты заставилъ меня противъ »воли съ дружиною утомленною искать »враговъ въ полѣ; теперь, видя ихъ »передъ собою, могу единственно или по»бѣдить или умереть.« Хотя Даніилъ долго сражался какъ Герой, однакожь принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ; а Половцы, усиленные Черниговцами, взявъ Кіевъ, плѣнили самаго Князя Владиміра съ его супругою. Бѣдные граждане откупились деньгами отъ свирѣпости варваровъ. Князья же, Изяславъ и Михаилъ, обложили данію всѣхъ иноземцевъ, тамъ обитавшихъ[283]. Первый взялъ себѣ Кіевъ; второй спѣшилъ вступить въ область Галицкую, и занялъ ея столицу, откуда горестный Даніилъ, свѣдавъ новые опасные умыслы тамошнихъ Бояръ, долженствовалъ выѣхать.

Въ сіе время не стало Андрея, Короля Венгерскаго: Бела IV восшелъ на престолъ, и Даніилъ, поручивъ брату Васильку оберегать Владиміръ, рѣшился лично искать покровителя въ бывшемъ врагѣ своемъ. Вѣроятно, что онъ тогда, надѣясь съ помощію Андреева преемника удержать за собою Галичь, далъ ему слово быть данникомъ Венгріи: ибо, участвуя въ совершеніи торжественныхъ обрядовъ Белина коронованія[284], велъ его коня (что было тогда знакомъ подданства). Уничиженіе безполезное! Даніилъ возвратился къ брату съ одними льстивыми обѣщаніями. Политика Венгровъ не измѣнилась: Бела хотѣлъ, чтобы юго-западная Россія принадлежала разнымъ, слѣдственно безсильнымъ Владѣтелямъ, и явно поддерживалъ Михаила вмѣстѣ съ Конрадомъ, неблагодарнымъ Герцогомъ Польскимъ, забывшимъ услуги сыновей Романовыхъ. Напрасно Даніилъ зимою и лѣтомъ не сходилъ съ коня, добывая Галича: хотя иногда одолѣвалъ непріятелей, и плѣнилъ такъ называемыхъ Князей Болоховскихъ, подручниковъ Галицкаго (имѣвшихъ свой Удѣлъ на Бугѣ, не далеко отъ Бреста): однакожь не могъ изгнать Михаила, и наконецъ согласился на

миръ, взявъ отъ него область Перемышльскую.— Кромѣ сей войны междоусобной, кромѣ непрестанныхъ сшибокъ съ Ятвягами, бодрый Даніилъ ратоборствовалъ еще съ Нѣмецкимъ Орденомъ, занявшимъ какія-то изъ нашихъ древнихъ владѣній: отнялъ ихъ, и плѣнилъ Нѣмецкаго чиновника Бруно; хотѣлъ даже вести полки свои въ Германію, чтобы защитить Герцога Австрійскаго, его союзника, утѣсненнаго Императоромъ Фридерикомъ: но возвратился изъ Венгріи, уваживъ совѣтъ Короля Белы не мѣшаться въ дѣла Имперіи.

Такимъ образомъ, не будучи всегда счастливымъ, Даніилъ превосходными достоинствами сердца и неутомимыми подвигами затмѣвалъ другихъ современныхъ Князей Россійскихъ. Одинъ Ярославъ Всеволодовичь Новогородскій могъ спорить съ нимъ въ способностяхъ ума и въ душевной твердости, которая скоро обнаружится въ бѣдствіяхъ нашего отечества. Сіи два Князя, связанные дружбою и новымъ свойствомъ (ибо Василько Романовичь женился на Великой Княжнѣ, дочери Георгія Всеволодовича) сблизились тогда въ своихъ владѣніяхъ. Союзникъ и родственникъ Михаиловъ, Изяславъ, недолго

величался на тронѣ Кіевскомъ: Владиміръ Рюриковичь изгналъ его, выкупивъ себя изъ плѣна; но въ слѣдствіе переговоровъ Даніиловыхъ съ Великимъ Княземъ Георгіемъ долженствовалъ уступить Кіевъ Ярославу Всеволодовичу, который, оставивъ въ Новѣгородѣ сына своего, юнаго Александра, поѣхалъ княжить въ древней столицѣ Россійской; а Владиміръ кончилъ жизнь въ Смоленскѣ. г. 1236.

Великое Княженіе Суздальское или Владимірское наслаждалось внутреннимъ спокойствіемъ. Георгій отъ времени до времени посылалъ войско и самъ ходилъ на Мордву, жечь села и хлѣбъ, плѣнять людей и брать скотъ въ добычу. Жители обыкновенно искали убѣжища въ густыхъ лѣсахъ: но и тамъ рѣдко спасались отъ Россіянъ; иногда же заманивали нашихъ въ сѣти и не давали имъ пощады: такъ Отроки или молодые воины Ростовской и Переславской дружины были однажды жертвою ихъ мести и своей неосторожности[285]. Князь Мордовскій, именемъ Пургасъ, осмѣлился даже приступать къ Нижнему Новугороду, хотя и не имѣлъ порядочнаго войска: другіе Князья Мордовскіе были *ротниками* или присяжными данниками Георгія, и многіе Война съ Мордвою.

Россіяне селились въ ихъ землѣ, не смотря на то, что Болгары и Половцы тревожили оную.—Болгары искали дружбы Георгіевой послѣ шестилѣтняго несогласія[286]: размѣнялись плѣнниками, съ обѣихъ сторонъ дали аманатовъ, и клятвенно утвердили миръ. Лѣтописецъ сказываетъ, что ихъ *Труны*, или знатные люди, и чернь присягнули въ вѣрномъ исполненіи условій. Впрочемъ миръ не препятствовалъ симъ ревностнымъ Магометанцамъ изъявлять ненависть къ нашей Вѣрѣ: они тогда же безчеловѣчно умертвили одного Христіанина, богатаго купца, пріѣхавшаго для торговли въ ихъ такъ называемый Великій Градъ, и не хотѣвшаго поклониться Магомету. Купцы Россійскіе, бывъ свидѣтелями убійства, взяли тѣло сего Мученика, именемъ Аврамія, и съ честію отвезли въ Владиміръ, гдѣ Великій Князь, супруга его, дѣти, Епископъ, Духовенство, народъ встрѣтили оное со свѣщами и погребли въ монастырѣ Богоматери[287].

Миръ съ Болгарами.

Мученикъ Аврамій.

Послѣ несчастной Калкской битвы Россіяне лѣтъ шесть не слыхали о Татарахъ, думая, что сей страшный народъ, подобно древнимъ Обрамъ, какъ бы исчезъ въ свѣтѣ. Чингисханъ, совер-

шенно покоривъ Тангутъ, возвратился въ отчизну и скончалъ жизнь—славную для Исторіи, ужасную и ненавистную для человѣчества — въ 1227 году, объявивъ наслѣдникомъ своимъ Октая или Угадая, старшаго сына, и предписавъ ему давать миръ однимъ побѣжденнымъ народамъ[288]: важное правило, коему слѣдовали Римляне, желая повелѣвать вселенною! Довершивъ завоеваніе сѣверныхъ областей Китайскихъ и разрушивъ Имперію Ніучей, Октай жилъ во глубинѣ Татаріи, въ великолѣпномъ дворцѣ, украшенномъ Китайскими художниками[289]; но пылая славолюбіемъ и ревностію исполнить волю отца — коего прахъ, не далеко отъ сего мѣста, лежалъ подъ сѣнію высочайшаго дерева — новый Ханъ далъ 300,000 воиновъ Батыю, своему племяннику, и велѣлъ ему покорить сѣверные берега моря Каспійскаго съ дальнѣйшими странами. Сіе предпріятіе рѣшило судьбу нашего отечества.

Смерт. Чингисхана. Его завѣщаніе.

Уже въ 1229 году какіе-то *Саксины*—вѣроятно, единоплеменные съ Киргизами— Половцы и стража Болгарская, отъ береговъ Яика гонимые Татарами или Моголами, прибѣжали въ Болгарію съ извѣстіемъ о нашествіи сихъ грозныхъ за-

Новое нашествіе Татаръ или Моголовъ.

воевателей[290]. Еще Батый медлилъ; наконецъ, чрезъ три года, пришелъ зимовать въ окрестностяхъ Волги, не далеко отъ Великаго Города; въ 1237 году, осенью, обратилъ въ пепелъ сію Болгарскую столицу, и велѣлъ умертвить жителей. Рос-
Г. 1237. сіяне едва имѣли время узнать о томъ, когда Моголы, сквозь густые лѣса, вступили въ южную часть Рязанской области, пославъ къ нашимъ Князьямъ какуюто *жену чародѣйку* и двухъ чиновниковъ [291]. Владѣтели Рязанскіе — Юрій, братъ Ингворовъ, Олегъ и Романъ Ингворовичи, также Пронскій и Муромскій — сами встрѣтили ихъ на берегу Воронежа и хотѣли знать намѣреніе Батыево. Татары уже искали въ Россіи не друзей, какъ прежде, но данниковъ и рабовъ. »Если »желаете мира«—говорили Послы — »то »десятая часть всего вашего достоянія »да будетъ наша.« Князья отвѣтствова-
Отвѣтъ Князей. ли великодушно: »когда изъ насъ никого »въ живыхъ не останется, тогда все возмите,« и велѣли Посламъ удалиться. Они съ такимъ же требованіемъ поѣхали къ Георгію въ Владиміръ; а Князья Рязанскіе, давъ ему знать, что пришло время крѣпко стать за отечество и Вѣру, просили отъ него помощи. Но Великій

Князь, надменный своимъ могуществомъ, хотѣлъ одинъ управиться съ Татарами, и съ благородною гордостію отвергнувъ ихъ требованіе, предалъ имъ Рязань въ жертву. Провидѣніе, готовое наказать людей, ослѣпляетъ ихъ разумъ.

Нѣкоторые Лѣтописцы новѣйшіе разсказываютъ слѣдующія обстоятельства: »Юрій Рязанскій, оставленный Ве»ликимъ Княземъ, послалъ сына своего, »Θеодора, съ дарами къ Батыю, который, »узнавъ о красотѣ жены Θеодоровой, Ев»праксіи, хотѣлъ видѣть ее; но сей юный »Князь отвѣтствовалъ ему, что Хри»стіане не показываютъ женъ злочести»вымъ язычникамъ. Батый велѣлъ умерт»вить его; а несчастная Евпраксія, свѣ»давъ о погибели любимаго супруга, вмѣ»стѣ съ младенцемъ своимъ, Іоанномъ, »бросилась изъ высокаго терема на землю »и лишилась жизни. Съ того времени сіе »мѣсто, въ память ея, называлось *зара»зомъ* или убоемъ. Отецъ Θеодоровъ, Юрій, »имѣя войско малочисленное, отважился »на битву въ полѣ, гдѣ легли всѣ витя»зи Рязанскіе, вмѣстѣ съ Князьями Прон»скимъ, Коломенскимъ, Муромскимъ. Толь»ко одного Князя, Олега Ингворовича »*Краснаго*, привели живаго къ Батыю,

Заразъ.

»который, будучи удивленъ его красотою, »предлагалъ ему свою дружбу и Вѣру: »Олегъ съ презрѣніемъ отвергнулъ ту и »другую; исходилъ кровію отъ многихъ »ранъ, и не боялся угрозъ, ибо не стра- »шился смерти[292].«— Въ лѣтописяхъ современныхъ нѣтъ о томъ ни слова: послѣдуемъ ихъ достовѣрнѣйшимъ извѣстіямъ.

Батый двинулъ ужасную рать свою къ столицѣ Юріевой, гдѣ сей Князь затворился. Татары на пути разорили до основанія Пронскъ, Бѣлгородъ, Ижеславецъ, убивая всѣхъ людей безъ милосердія, и приступивъ къ Рязани, оградили ее тыномъ или острогомъ, чтобы тѣмъ удобнѣе биться съ осажденными. Кровь лилася пять дней: воины Батыевы перемѣнялись, а граждане, не выпуская оружія изъ рукъ, едва могли стоять на стѣнахъ отъ усталости. Въ шестый день, Декабря 21, по утру, изготовивъ лѣсницы, Татары начали дѣйствовать стѣнобитными орудіями и зажгли крѣпость;

Взятіе Рязани.

сквозь дымъ и пламя вломились въ улицы, истребляя все огнемъ и мечемъ. Князь, супруга, мать его[293], Бояре, народъ, были жертвою ихъ свирѣпости. Веселяся отчаяніемъ и муками людей, варвары

Батыевы распинали плѣнниковъ, или связавъ имъ руки, стрѣляли въ нихъ какъ въ цѣль для забавы; оскверняли святыню храмовъ насиліемъ юныхъ Монахинь, знаменитыхъ женъ и дѣвицъ въ присутствіи издыхающихъ супруговъ и матерей; жгли Іереевъ или кровію ихъ обагряли олтари. Весь городъ съ окрестными монастырями обратился въ пепелъ. Нѣсколько дней продолжались убійства. Наконецъ исчезъ вопль отчаянія: ибо уже некому было стенать и плакать[294]. На семъ ужасномъ ѳеатрѣ опустошенія и смерти ликовали побѣдители, снося со всѣхъ сторонъ богатую добычу. — »Одинъ изъ Князей Рязанскихъ, Ингорь, по сказанію новѣйшихъ Лѣтописцевъ, находился тогда въ Черниговѣ съ Бояриномъ Евпатіемъ Коловратомъ. Сей Бояринъ, свѣдавъ о нашествіи иноплеменниковъ, спѣшилъ въ свою отчизну; но Батый уже выступилъ изъ ея предѣловъ. Пылая ревностію отмстить врагамъ, Евпатій съ 1700 воиновъ устремился въ слѣдъ за ними, настигъ и быстрымъ ударомъ смялъ ихъ полки задніе Изумленные Татары думали, что мертвецы Рязанскіе возстали, и Батый спросилъ у пяти взятыхъ его войскомъ плѣнниковъ, кто

Мужество Евпатія.

они? *Слуги Князя Рязанскаго*, *полку Евпатіева*, отвѣтствовали сіи люди: *намъ велѣно съ честію проводить тебя*, *какъ Государя знаменитаго и какъ Россіяне обыкновенно провождаютъ отъ себя иноплеменниковъ: стрѣлами и копьями.* Горсть великодушныхъ не могла одолѣть рати безчисленной: Евпатій и смѣлая дружина его имѣли только славу умереть за отечество; не многіе отдалися въ плѣнъ живые, и Батый, уважая столь рѣдкое мужество, велѣлъ освободить ихъ. Между тѣмъ Ингорь возвратился въ область Рязанскую, которая представилась глазамъ его въ видѣ страшной пустыни или неизмѣримаго кладбища: тамъ, гдѣ цвѣли города и селенія, остались единственно кучи пепла и труповъ, терзаемыхъ хищными звѣрями и птицами. Убитые Князья, Воеводы, тысячи достойныхъ витязей лежали рядомъ на мерзломъ ковылѣ, занесенные снѣгомъ. Только изрѣдка показывались люди, которые успѣли скрыться въ лѣсахъ и выходили оплакивать гибель отечества. Ингорь, собравъ Іереевъ, съ горестными священными пѣснями предалъ землѣ мертвыхъ. Онъ едва могъ найти тѣло Князя Юрія, и привезъ его въ Рязань; а надъ гробами Ѳеодора Юрьевича, нѣж-

ной его супруги Евпраксіи и сына поставилъ каменные кресты, на берегу рѣки Осетра, гдѣ стоитъ нынѣ славная церковь Николая Заразскаго[295].«

Батый близъ Коломны встрѣтилъ сына Георгіева, Всеволода. Сей юный Князь соединился съ Романомъ Ингоровичемъ, племянникомъ Юрія Рязанскаго, и неустрашимо вступилъ въ битву, весьма неравную. Знаменитый Воевода его, Еремей Глѣбовичь, Князь Романъ и большая часть ихъ дружины погибли отъ мечей Татарскихъ; а Всеволодъ бѣжалъ къ отцу въ Владиміръ. Батый въ то же время сжегъ Москву[296], плѣнилъ Владиміра, втораго сына Георгіева, умертвилъ тамошняго Воеводу, Филиппа Няньку, и всѣхъ жителей. Великій Князь содрогнулся: увидѣлъ, сколь опасны сіи непріятели, и выѣхалъ изъ столицы, поручивъ ея защиту двумъ сыновьямъ, Всеволоду и Мстиславу. Георгій удалился въ область Ярославскую съ тремя племянниками, дѣтьми Константина, и съ малою дружиною; расположился станомъ на берегахъ Сити, впадающей въ Мологу; началъ собирать войско, и съ нетерпѣніемъ ждалъ прибытія своихъ братьевъ, особенно бодраго, умнаго Ярослава.

Коломенская битва.

Сожженіе Москвы.

Г. 1238. Взятіе Владиміра.

2 Февраля Татары явились подъ стѣнами Владиміра: народъ съ ужасомъ смотрѣлъ на ихъ многочисленность и быстрыя движенія. Всеволодъ, Мстиславъ и Воевода, Петръ Ослядюковичь, ободряли гражданъ. Чиновники Батыевы, съ коннымъ отрядомъ подъѣхавъ къ Злагымъ вратамъ, спрашивали, гдѣ Великій Князь, въ столицѣ или въ отсутствіи? Владимірцы, вмѣсто отвѣта, пустили нѣсколько стрѣлъ; непріятели также, но кричали нашимъ: *не стрѣляйте!* и Россіяне съ горестію увидѣли предъ стѣною юнаго Владиміра Георгіевича, плѣненнаго въ Москвѣ Батыемъ. »Узнаете ли вашего »Князя?« говорили Татары. Владиміра дѣйствительно трудно было узнать: столь онъ перемѣнился въ несчастіи, терзаемый бѣдствіемъ Россіи и собственнымъ. Братья его и граждане не могли удержаться отъ слезъ; однакожь не хотѣли показывать слабости и слушать предложеній врага надменнаго. Татары удалились; объѣхали весь городъ и поставили шатры свои противъ Златыхъ вратъ въ виду. Пылая мужествомъ, Всеволодъ и Мстиславъ желали битвы. »Умремъ« — говорили они дружинѣ — »но умремъ съ »честію и въ полѣ.« Опытный Воевода

Петръ удержалъ ихъ, надѣясь, что Георгій, собравъ войско, успѣетъ спасти отечество и столицу[297].

Батый немедленно отрядилъ часть войска къ Суздалю. Сей городъ не могъ сопротивляться: взявъ его, Татары по своему обыкновенію истребили жителей, но кромѣ молодыхъ Иноковъ, Инокинь и церковниковъ, взятыхъ ими въ плѣнъ[298]. Февраля 6 Владимірцы увидѣли, что непріятель готовитъ для приступа орудія стѣнобитныя и лѣсницы; а въ слѣдующую ночь огородилъ всю крѣпость тыномъ. Князья и Бояре ожидали гибели: еще могли бы просить мира; но зная, что Батый милуетъ только рабовъ или данниковъ, и любя честь болѣе жизни, рѣшились умереть великодушно. Открылось зрѣлище достопамятное, незабвенное: Всеволодъ, супруга его, Вельможи и многіе чиновники собрались въ храмѣ Богоматери, и требовали, чтобы Епископъ Митрофанъ облекъ ихъ въ Схиму или въ Великій Образъ Ангельскій. Священный обрядъ совершился въ тишинѣ торжественной: знаменитые Россіяне простились съ міромъ, съ жизнію, но стоя на прагѣ смерти, еще молили Небо о спасеніи Россіи, да не погибнетъ навѣки ея

любезное имя и слава! Февраля 7, въ Воскресенье Мясопустное, скоро по заутренѣ, начался приступъ: Татары вломились въ Новый Городъ у Златыхъ вратъ, Мѣдныхъ и Святыя Ирины, отъ рѣчки Лыбеди; также отъ Клязмы у вратъ Волжскихъ. Всеволодъ и Мстиславъ съ дружиною бѣжали въ Старый или такъ называемый Печерный городъ; а супруга Георгіева, Агаѳія, дочь его, снохи, внучата, множество Бояръ и народа затворились въ Соборной церкви. Непріятель зажегъ оную: тогда Епископъ, сказавъ громогласно: »Господи! простри не»видимую руку Свою и пріими въ мирѣ »души рабовъ Твоихъ,« благословилъ всѣхъ людей на смерть неизбѣжную. Одни задыхались отъ дыма; иные погибали въ пламени или отъ мечей непріятеля: ибо Татары отбили наконецъ двери и ворвались въ святый храмъ, слышавъ о великихъ его сокровищахъ. Серебро, золото, драгоцѣнные каменья, всѣ украшенія иконъ и книгъ, вмѣстѣ съ древними одеждами Княжескими, хранимыми въ сей и въ другихъ церквахъ, сдѣлались добычею иноплеменниковъ, которые, плавая въ крови жителей, немногихъ брали въ плѣнъ и сіи немногіе, будучи нагіе влекомы въ

станъ непріятельскій, умирали отъ жестокаго мороза Князья Всеволодъ и Мстиславъ, не видя уже никакой возможности отразить непріятелей, хотѣли пробиться сквозь ихъ толпы и положили свои головы внѣ города.

Опустошеніе многихъ городовъ.

Завоевавъ Владиміръ, Татары раздѣлились: одни пошли къ Волжскому Городцу и Костромскому Галичу, другіе къ Ростову и Ярославлю, уже нигдѣ не встрѣчая важнаго сопротивленія. Въ Февралѣ мѣсяцѣ они взяли, кромѣ слободъ и погостовъ, четырнадцать городовъ Великаго Княженія — Переславль, Юрьевъ, Дмитровъ — то есть, опустошили ихъ, убивая или плѣняя жителей. Еще Георгій стоялъ на Сити: узнавъ о гибели своего народа и семейства, супруги и дѣтей, онъ проливалъ горькія слезы, и будучи усерднымъ Христіаниномъ, молилъ Бога даровать ему терпѣніе Іова. Чрезвычайныя бѣдствія возвеличиваютъ душу благородную: Георгій изъявилъ достохвальную твердость въ несчастіи; забылъ свою печаль, когда надлежало дѣйствовать; поручилъ Воеводство Дружины Боярину Ярославу Михалковичу, и готовился къ рѣшительной битвѣ. Передовый отрядъ его, составленный изъ 3000

воиновъ подъ начальствомъ Дорожа, возвратился съ извѣстіемъ, что полки Батыевы уже обходятъ ихъ[299]. Георгій, братъ его Святославъ и племянники сѣли на коней, устроили войско и встрѣтили непріятеля. Россіяне бились мужественно и долго; наконецъ обратили тылъ. Георгій палъ на берегу Сити. Князь Василько остался плѣнникомъ въ рукахъ побѣдителя.

Марта 4. Битва на Сити.

Сей достойный сынъ Константиновъ гнушался постыдною жизнію невольника. Изнуренный подвигами жестокой битвы, скорбію и голодомъ, онъ не хотѣлъ принять пищи отъ руки враговъ. »Будь нашимъ другомъ и воюй подъ знаменами великаго Батыя!« говорили ему Татары. »Лютые кровопійцы, враги моего отечества и Христа, не могутъ »быть мнѣ друзьями,« отвѣтствовалъ Василько: »о темное царство! есть Богъ, »и ты погибнешь, когда исполнится мѣра твоихъ злодѣяній[300].« Варвары извлекли мечи и скрежетали зубами отъ ярости: великодушный Князь молилъ Бога о спасеніи Россіи, Церкви православной и двухъ юныхъ сыновей его, Бориса и Глѣба. — Татары умертвили Василька и бросили въ Шеренскомъ лѣсу. — Между

Герой Василько

тѣмъ Ростовскій Епископъ Кириллъ, возвращаясь изъ Бѣлаозера, и желая видѣть мѣсто несчастной для Россіянъ битвы на берегахъ Сити, въ кучѣ мертвыхъ тѣлъ искалъ Георгіева. Онъ узналъ его по Княжескому одѣянію; но туловище лежало безъ головы. Кириллъ взялъ съ благоговѣніемъ сіи печальные остатки знаменитаго Князя и положилъ въ Ростовскомъ храмѣ Богоматери. Туда же привезли и тѣло Василька, найденное въ лѣсу сыномъ одного сельскаго Священника: вдовствующая Княгиня, дочь Михаила Черниговскаго, Епископъ и народъ встрѣтили оное со слезами. Сей Князь былъ искренно любимъ гражданами. Лѣтописцы хвалятъ его красоту цвѣтущую, взоръ свѣтлый и величественный, отважность на звѣриной ловлѣ, благодѣтельность, умъ, знанія, добродушіе и кротость въ обхожденіи съ Боярами. »Кто служилъ ему,« говорятъ они: »кто ѣлъ хлѣбъ его и пилъ »съ нимъ чашу, тотъ уже не могъ быть »слугою инаго Князя.« Тѣло Василька заключили въ одной ракѣ съ Георгіевымъ, вложивъ въ нее отысканную послѣ голову Великаго Князя.

Многочисленныя толпы Батыевы стремились къ Новугороду, и взявъ Во-

локъ Ламскій, Тверь (гдѣ погибъ сынъ Ярославовъ), осадили Торжекъ. Жители двѣ недѣли оборонялись мужественно, въ надеждѣ, что Новогородцы усердною помощію спасутъ ихъ. Но въ сіе несчастное время всякой думалъ только о себѣ; ужасъ, недоумѣніе царствовали въ Россіи; народъ, Бояре говорили, что отечество гибнетъ, и не употребляли никакихъ общихъ способовъ для его спасенія. Татары взяли наконецъ Торжекъ и
5 Марта не дали никому пощады, ибо граждане дерзнули противиться[301]. Войско Батыя шло далѣе путемъ Селигерскимъ; села исчезали; головы жителей, по словамъ Лѣтописцевъ, падали на землю какъ трава скошенная. Уже Батый находился во
Спасеніе Новагорода. 100 верстахъ отъ Новагорода, гдѣ плоды цвѣтущей, долговременной торговли могли обѣщать ему богатую добычу; но вдругъ — испуганный, какъ вѣроятно, лѣсами и болотами сего края — къ радостному изумленію тамошнихъ жителей обратился назадъ къ Козельску (въ Губерніи Калужской). Сей городъ, весьма незнаменитый, имѣлъ тогда особеннаго Князя еще въ дѣтскомъ возрастѣ, именемъ Василія, отъ племени Князей Черниговскихъ[302]. Дружина его и народъ со-

вѣтовались между собою, что дѣлать. »Нашъ Князь младенецъ,« говорили они: »но мы, какъ вѣрные Россіяне, должны »за него умереть, чтобы въ мірѣ оста»вить по себѣ добрую славу, а за гро»бомъ принять вѣнецъ безсмертія.« Сказали и сдѣлали. Татары семь недѣль стояли подъ крѣпостію и не могли поколебать твердости жителей никакими угрозами; разбили стѣны и взошли на валъ: граждане рѣзались съ ними ножами, и въ единодушномъ порывѣ геройства устремились на всю рать Батыеву; изрубили многія стѣнобитныя орудія Татарскія, и положивъ 4000 непріятелей, сами легли на ихъ трупахъ. Ханъ велѣлъ умертвить въ городѣ всѣхъ людей безоружныхъ, женъ, младенцевъ, и назвалъ Козельскъ *Злымъ* городомъ: имя славное въ такомъ смыслѣ! Юный Князь Василій пропалъ безъ вѣсти: говорили, что онъ *утонулъ въ крови*. Осада Козельска.

Батый, какъ бы утомленный убійствами и разрушеніемъ, отошелъ на время въ землю Половецкую, къ Дону, и братъ Георгіевъ, Ярославъ — въ надеждѣ, что буря миновалась — спѣшилъ изъ Кіева[303] въ Владиміръ принять достоинство Великаго Князя. Отшествіе Батыево.

Конецъ III Тома.

ПРИМѢЧАНІЯ

КЪ III ТОМУ

ИСТОРІИ

ГОСУДАРСТВА РОССІЙСКАГО.

(1) См. *Кіев. Лѣт.* — Область Суздальская граничила съ Новогородскою близъ Торжка, съ Княженіемъ Смоленскимъ въ Калужской Губерніи, въ Тульской съ Вятичами и съ Рязанью, въ Нижегородской и Владимірской Губерніяхъ съ Муромскою областію.

(2) См. *Кіев. Лѣт.*

(3) См. *Новогородск. Лѣт.* стр. 37.

Со Мстиславомъ Андреевичемъ ходили къ Новугороду Романъ Смоленскій, братъ его Мстиславъ, сынъ Рязанскаго, сынъ Муромскаго и проч. Въ *Лѣт. Новогород.* прибавлено: »вся земля *Просторусьская*,« вмѣсто *Русская.* Въ *Степен.* и въ новѣйшихъ лѣтописяхъ сказано: »единыхъ бо Князей бяше тогда 72.« Татищевъ замѣчаетъ, что и во всей Россіи не было тогда семидесяти двухъ Князей; но всѣхъ ли ихъ знаемъ по лѣтописямъ? Сей же Историкъ говоритъ, что въ Новѣгородѣ былъ тогда Архіепископомъ не Іоаннъ, а Илья: его называютъ тѣмъ и другимъ именемъ; одно мірское, а другое Монашеское (см. Т. II, примѣч. 353).

(4) Сіе разсужденіе находится въ харатейныхъ лѣтописяхъ, въ *Степен.* (I, 300) и въ другихъ. Въ первыхъ сказано: »Не глаголемъ, прави суть Новгородци, »яко издавна суть свобожени Новгородци прадѣды »Князь нашихъ. Не велѣли имъ предніи Князи крестъ »преступати, или внуки или правнуки соромляти »(посрамлять). То доколѣ Боговц терпѣти?« и проч.

(5) Въ *Степен.* и въ *Никонов.* сей храбрый Якунъ названъ Андреевичемъ.

(6) См. о чудѣ въ *Степен.* I, 302, и слѣд.; также въ Архив. *Псков.* и въ *Кіев. Лѣт.* Новогородцы уставили тогда праздникъ *Знаменія Богоматери:* см. *Прологъ* 27 Ноября.

(7) См. Т. II, примѣч. 78 и 224; также Т. I, примѣч. 475. — Рюрикъ, выѣхавъ въ Новгородъ изъ

Овруча Авг. 8 (см. *Кіев. Лѣт.*), пріѣхалъ въ Новгородъ Окт. 4.

(8) Глѣбъ умеръ 20 Генв. въ 1170 или 1171 году; его погребли тамъ, гдѣ лежалъ отецъ его Георгій: у Св. Спаса въ Берестовѣ. О характерѣ Глѣба говоритъ *Кіев. Лѣт.*

(9) См. *Кіев. Лѣт.*

(10) См. тамъ же.

(11) См. тамъ же.

(12) Сей Ярополкъ, сынъ Ростислава Юрьевича, былъ прежде высланъ Андреемъ изъ Суздальской области, какъ мы упоминали. Изъ Греціи не возвратился одинъ Василько Георгіевичь.

(13) См. *Кіев. Лѣт.*

(14) См. тамъ же.

(15) См. тамъ же. Слово *подручникъ* въ древнемъ Русскомъ языкѣ знаменовало тоже, что Латинское Vassus, Vassallus, или Польское Holdownik, внесенное въ *Словарь Академіи Россійской* единственно въ угожденіе Болтину, если не ошибаюсь: ибо онъ думалъ, что мы не имѣемъ въ языкѣ нашемъ слова для выраженія сего смысла. Въ Олеговомъ договорѣ съ Греками упоминается о Князьяхъ, *иже суть подъ рукою* Великаго Князя: то есть, о *подручникахъ* его или *голдовникахъ*, если Польское, совсѣмъ неизвѣстное у насъ слово, предпочтемъ коренному Русскому.

(16) Сіи Католики были, думаю, купцы иностранные: Поляки, Венгры, Богемцы и проч.

(17) См. Т. II, стран. 250.

(18) Такъ въ *Воскресен.*, *Ростов.*, *Кіев.* и другихъ; но въ харатейныхъ нѣтъ ни слова о причинѣ злодѣйства.

Городокъ Боголюбовъ нынѣ село на берегу Клязмы. Тамъ находится монастырь, гдѣ есть церковь и кельи весьма древнія.

(19) Въ Московской Оружейной Палатѣ есть древній мечь Греческой работы, съ вырѣзанною *Греческою* надписью: »Пресвятая Богородица! помоги ра-

»бу твоему... Въ лѣто по Христѣ...« Не сей ли мечь принадлежалъ Св. Борису и Андрею? Онъ издревле хранился какъ святыня вмѣстѣ съ Мономаховою шапкою.

(20) Здѣсь въ первый разъ употреблено имя *Дворянъ* въ смыслѣ *Придворныхъ*. См. *Кiев. Лѣт.*

(21) Андрей едва ли дожилъ до 60 лѣтъ. Отецъ его женился въ 1107 году, но имѣлъ старшихъ дѣтей.

Въ *Синопсисѣ* сказано, что сей Князь, названный Боголюбскимъ за его любовь къ Богу, *до крещенiя* своего именовался *Китаемъ*. Въ древнихъ лѣтописяхъ нѣтъ того — и развѣ Андрей былъ крещенъ уже въ нѣкоторыхъ лѣтахъ? Имя *Боголюбскаго* дано ему, думаю, отъ города Боголюбова, имъ построеннаго.

(22) См. *Кiев. Лѣт.* — Въ томъ же 1160 году сгорѣла въ Ростовѣ Соборная церковь Богоматери, *дивная и великая, яко же не было и не будетъ*. О сей *дубовой* церкви въ *Воскресен. Лѣт.* Ч. I, стр. 155.

Въ 1164 году освятили въ Владимiрѣ церковь на Златыхъ вратахъ и заложили храмъ Спаса.

(23) Въ харатейныхъ и въ *Кiев. Лѣт.*

Въ числѣ противниковъ Леоновыхъ находился и Св. Кириллъ, Епископъ Туровскiй, мужъ знаменитый ученостiю по тогдашнему времени, который имѣлъ переписку съ Андреемъ Боголюбскимъ (см. *Прологъ*, Апрѣля 28) и сочинилъ нѣсколько разсужденiй богословскихъ. Мнѣ извѣстно одно изъ его творенiй, *Кюрила Епископа Туровъскаго сказанiе о Черноризъчьстѣмь чину*, найденное мною въ харатейной Кормчей Книгѣ (Синодальн. библiот. No 82). Въ примѣръ слога и мыслей выписываю слѣдующее: »Прьвое речемъ о исходящихъ »изъ мiра въ манастырь и въземающихъ искусныѣ »ризы Мнишьскаго образа; по уставу отъ обою за»кону исправлено бысть то, и лѣпо есть пьрвѣе въ »искусѣ быти. Внимай своему образу и житью, Мни»ше, и смотри своихъ ризъ облеченiя, и познай со-

»бо... Да небудеши коростав и хромъ, и слѣпъ, и »раньнъ; си бо вси повержени бываютъ, порока дѣля, »псомъ и птицамъ на снѣдь... Блюди опасно, да не »бѣсомъ покоище« (покоемъ или храминою) »здѣ бывъ »и душю свою геенькимъ повьржеши птицамъ, ко»роставъ бывъ творенiемъ грѣховъ, хромъ же при»лѣжанiемъ житiйскихъ вещiй, слѣпъ же неплодь»ствомъ жива (живя), о чревѣ токмо пекася...«

(24) См. *Воскресен.* II, 81.

(25) Извлеченiе изъ сей лѣтописи напечатано въ Казанской Исторiи Рычкова и въ журналѣ его путешествiя, Ч. II, стр. 30. Подлинная рукописная находится въ Архивѣ Иностран. Коллегiи, въ собранныхъ Миллеромъ историческихъ бумагахъ, подъ No 73.

(26) Сiе было уже въ 1181 году. — Никулицынъ есть нынѣ село Никулицкое.

(27) Сей обрядъ и нынѣ исполняется: только стрѣлы отмѣнены. Изъ села Никулицкаго приносятъ также въ Вятку образъ Св. Бориса и Глѣба, въ воспоминанiе счастливаго приступа къ городку Болванскому.

Маловажные случаи послѣднихъ лѣтъ Андреева княженiя суть слѣдующiе: Въ 1171 году родился сынъ Василiй у Мстислава Андреевича. Въ 1174, Генв. 11, скончался братъ Андреевъ, Святославъ Юрьевичь. — Въ томъ же году, Генваря 19, умеръ Князь Муромскiй, Юрiй Ярославичь, сынъ Ярослава Святославича, внука Великаго Ярослава.

(28) См. *Росс. Библiот.* стр. 261. Въ подлинникѣ сказано: *пригородовъ*.

(29) Князь Глѣбъ былъ сынъ Ростиславовъ и внукъ Ярослава Святославича, Рязанскаго и Муромскаго (см. Т. II, примѣч. 216).

(30) Отецъ сихъ послѣднихъ, сынъ Георгiевъ, былъ Князь Переяславскiй (см. Т. II, стран. 296). Ростиславъ могъ княжить въ одномъ изъ городовъ Суздальской области прежде, нежели отправился въ южную Россiю. — Мстиславъ и Ярополкъ были въ 1162 году изгнаны Андреемъ.

(31) Съ Владиміромъ Святославичемъ. См. *Кіев. Лѣт.*

(32) См. *Новогород. Лѣт.* стр. 41.

(33) См. въ *Росс. Библіот.* стр. 261, 262, и въ харатейныхъ спискахъ.

Михаила погребли въ Соборной Владим. церкви.

(34) См. *Степен. Книгу*, I, 285.

(35) См. *Кіев. Лѣт.* Маловажныя происшествія сего времени: Въ 1175 году, въ исходѣ *Генваря* мѣсяца (число показано разно) во Вторникъ Мясопустныя недѣли, Ярополкъ Ростиславичь, тогда Князь Владимірскій, сочетался бракомъ въ Соборной церкви съ дочерью Всеслава (Васильковича), Князя *Витебскаго* (и Полоцкаго), привезенною къ нему изъ Смоленска. Витебскимъ Княземъ въ 1165 году былъ Давидъ Ростиславичь (см. Т. II, стран. 350). Вѣроятно, что онъ, переѣхавъ въ Вышегородъ, уступилъ Витебскъ Всеславу.—Въ 1176 родился у Игоря Сѣверскаго сынъ Олегъ-Павелъ, а въ 1177 Святославъ-Андреянъ.

(36) См. *Рос. Библіот.* 255.

(37) Сынъ Мстислава, оставленный имъ въ Новѣгородѣ, назывался Святославомъ.—Чтобы отличить Боярскихъ Отроковъ или Дѣтскихъ отъ Княжескихъ чиновниковъ сего имени, назвали первыхъ *Пасынками*; ихъ же послѣ стали именовать *Дѣтьми Боярскими.*

(38) Сей Ярославъ, сынъ Мстислава Георгіевича, прозывался Краснымъ (см. *Новогор. Лѣт.* въ *Вивліоѳикѣ* стр. 314).

(39) Олегъ и Владиміръ Святославичи.

(40) См. *Кіев. Лѣт.* — О *Воронежѣ* упоминается здѣсь въ первый разъ.

(41) См. *Новогород. Лѣт.* — Мстиславъ, прозваніемъ *Безокій* (см. *Новог. Лѣт.* въ *Продолж. Др. Вивліоѳики*, стр. 314) умеръ въ 1178 году, Апрѣля 20, и положенъ въ притворѣ Софійскаго храма.

(42) Романъ Смоленскій послѣ *Чистой недѣли* (первой Вел. поста) пріѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ уже па-

ходился сынъ его, Борисъ или Мстиславъ (см. *Ново-Лѣт.* въ *Продолж. Древн. Вивліоѳики,* стр. 314).

(43) См. *Кіев. Лѣт.* — О прозваніи *Храбраго* см. *Лѣт. Новогород.* въ *Продолж. Рос. Древн. Вивліоѳ.* стр. 314.

Въ *Нов. Лѣт.* »На зиму (1179) иде Мстиславъ на »Чудь на Очелу.« Такъ называлось одно мѣсто въ Ливоніи (см. Арнт. Liefländ. Chr. II).

(44) Въ то время Романъ былъ въ Кіевѣ.

(45) См. *Кіев. Лѣт.*

(46) *Никонов. Лѣт.* — Здѣсь говорится о Старой Рязани, на Окѣ, противъ Спаска.— Городъ Борисовъ или *Борисовъ-Глѣбовъ* уже не существуетъ.

(47) См. *Кіев Лѣт.*

(48) См. тамъ же.

(49) См. тамъ же.

(50) Названный Иваномъ въ *Никон.* лѣтописи. Онъ и Великій Князь Всеволодъ были женаты на двухъ сестрахъ *Ясыняхъ* (см. *Рос. Библіот.* стр. 271, 272). По другому жь извѣстію, первая супруга Всеволода, Марія, была дочь Князя *Чешскаго* или Богемскаго, Шварна (см. лѣтопись въ Синодал. Библіот. No 349, л. 225 на об.) Тѣло ея лежитъ въ Владимірѣ, въ Успенскомъ Дѣвичьемъ монастырѣ, въ придѣлѣ Благовѣщенія, въ олтарѣ, и въ надписи сія Княгиня именована Мароою *Шварновною.* Имя Мароы ей дано въ Монашествѣ.

(51) См. *Кіев Лѣт.* — Со Всеволодомъ ходили Глѣбовичи Романъ, Игорь, Всеволодъ, Владиміръ, Князья Рязанскіе и Муромскій Владиміръ *Юрьевичь* (у коего былъ еще братъ Давидъ).

(52) См. *Кіев. Лѣт.* — Можетъ быть, нынѣшній Цывильскъ основанъ на развалинахъ сего города Болгарскаго.

53) Владиміра Глѣбовича, внука Юрьева.

Въ *Кіев. Лѣт.* упоминается здѣсь о Болгарахъ *Тимтюзяхъ,* и сказано, что ихъ всѣхъ собралось до пяти тысячь, а осталось живыхъ половина. Городъ *Торцскій* или *Торкъ* существовалъ по взятіи Казани,

и былъ отданъ Государемъ Андрею Ильичу Квашнину (см. *челобитную Квашнина на Лобанова* въ Архивѣ Иностр. Коллегіи, въ Миллер. собраніи бумагъ No 84).

(54) См. Хронику Стриковскаго кн. VIII, гл. 6; также Грубер. Liefländ. Chronik, I, 67, 64. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* (стр. 33) упоминается о смерти Князя Изяслава Васильковича, убитаго Литвою около сего времени. Слова: »Двина болотомъ течетъ онымъ »грознымъ Полочаномъ (а не Половчанамъ) подъ кли»комъ поганыхъ,« изображаютъ ужасъ тогдашнихъ Литовскихъ набѣговъ на Кривскую землю.

(55) Съ Мстиславомъ Романовичемъ и Изяславомъ Давидовичемъ. См. *Кіев. Лѣт.*— Еще въ 1183 году были дѣла съ Половцами.

Князь Глѣбъ, о коемъ упоминаемъ здѣсь въ Исторіи, былъ сынъ Юрія Ярославича, внука Святополкова, а Мстиславъ Всеволодковичь внукъ Мономаховъ. — Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* сказано, что иностранцы, бывшіе въ Кіевѣ, славили побѣду Святославову: »Нѣмци и Венедици, Греци и Морава.«

(56) См. *Кіев. Лѣт.*

(57) Святославъ Ольговичь Рыльскій. Всеволодъ Святославичь господствовалъ и въ Курскѣ. Съ Игоремъ былъ сынъ Владиміръ, княжившій въ Путивлѣ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ упоминается здѣсь о *двухъ* сыновьяхъ Игоревыхъ.

(58) Въ 1111 году. См. *Кіев. Лѣт.* и харатейныя. Обстоятельство, что Половцы 3 дни пускали только стрѣлы въ Россіянъ, находится въ харатейныхъ лѣтописяхъ. Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* также сказано, что Игорь *три дни* сражался: »бишася день, »бишася другый; третьяго дни къ полудню падоша »стязи Игоревы.... на брезѣ быстрой *Каялы*.... »Се бо *Готскія* красныя дѣвы вспѣша на брезѣ си»няго моря, звоня Рускымъ златомъ.« Въ Тавридѣ, завоеванной Половцами, жили *Готѳы* (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 86). *Каяла* называется нынѣ *Кагальникъ,* впадающій въ Донъ. Россіяне отступали къ

Доицу, не далеко оттуда соединяющемуся съ Дономъ.

(59) См. *Кiев. Лѣт.* — Въ *Словѣ о полку Игоревѣ* такъ описывается горесть Святославова: »Великій »Святославъ изрони злато слово, слезами смѣшено, »и рече: о моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! рано »(не во время) еста начала Половецкую землю мечи »(мечами) *цвѣлити*, а себѣ славы искати,« и проч. *Цвѣлить* то же, что *квелить*, приводить въ слезы, огорчать. На Польскомъ Kwilić się, на Богемскомъ Kwjljm, значитъ *выть* и *плакать*. Въ *Волынск. Лѣт.* (въ рукописи. стр. 727) сказано: »а̓ти inаа дѣтій не »*цвѣлитъ*,« вмѣсто: »не оскорбляетъ.«

(60) См *Кiев. Лѣт.*

(61) См. тамъ же. — Древній городъ Донецъ былъ не далеко отъ впаденія рѣки Харькова въ Уды (см. *Больш. Чертежъ*), и принадлежалъ или къ Курской или къ Переяславской области.

(62) См. *Кiев. Лѣт.*

(63) До сего времени нигдѣ не упоминалось о Пронскѣ, который названъ здѣсь въ харат. *Прынскъ*.

(64) »Брань славна луче есть міра студна.« Мы сократили описаніе войны. Всеволодъ и Святославъ Глѣбовичи, осажденные въ Пронскѣ, требовали помощи отъ Вел. Князя, который и прислалъ къ нимъ 300 человѣкъ Владимірской дружины, велѣвъ итти, въ слѣдъ за симъ отрядомъ, свояку своему Ярославу Владиміровичу и Князьямъ Муромскимъ, Владиміру и Давиду Юрьевичамъ. Узнавъ о томъ, старшіе Глѣбовичи сняли осаду. Рать Вел. Князя возвратилась отъ Коломны, и Всеволодъ Глѣбовичь, оставивъ Святослава въ Пронскѣ, самъ уѣхалъ въ Владиміръ: чѣмъ воспользовались большіе братья; снова осадивъ Пронскъ, отняли у жителей воду, и велѣли сказать Святославу: Не мори людей голодомъ; ты намъ братъ: сдай городъ, а мы *тебя не съѣдимъ:* только не приставай ко Всеволоду. Малодушный Святославъ, исполняя волю Бояръ, примирился съ братьями, и что-

бы не утратить Княженія, выдалъ имъ связанную дружину Всеволодову, жену его и Владимірцевъ. Всеволодъ Глѣбовичь, пріѣхавъ въ Коломну, мстилъ Святославу разореніемъ области Пронской; а Великій Князь требовалъ отъ измѣнника, чтобы онъ возвратилъ ему Владимірцевъ, говоря: *Ты у мене выбилъ я челомъ. Аще ты ратенъ, си ратни же; аще ты миренъ, а си мирни же.* Глѣбовичи, слыша, что Всеволодъ Юрьевичь собираетъ войско, объявили себя покорными. Великій Князь не хотѣлъ съ ними мириться. Въ 1187 году пріѣхалъ въ Владимиръ Епископъ Порфирій.

(65) См. *Кіев. Лѣт.* — Сочинитель *Слова о полку Игоревѣ*, обращаясь къ Ярославу, говоритъ: »Галичкы »*Осмомысле* Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ зла»токованнѣмъ столѣ; подперъ горы Угорскыи (Кар»патскія) своими желѣзными плъкы, заступивъ Коро»леви (Венгерскому) путь, затвори къ Дунаю ворота, »меча (кидая) бремены чрезъ облаки, *суды рядя до »Дуная.* Грозы твоя по землямъ текуть; отворяеши »Кыеву врата, стрѣляеши съ отня злата стола »Салтани за землями.

(66) О семъ происшествіи говорятъ Польскіе Историки Кадлубекъ и Богуфалъ, но отчасти несправедливо и вообще неясно. Сіи Историки (или ихъ новѣйшіе дополнители, какъ мыслилъ Нарушевичь: см. его Hist. Nar. Polsk. IV, 57) перемѣшали людей и случаи.

Длугошъ пишетъ, что Казимиръ Справедливый женился въ 1168 году на Еленѣ, дочери Всеволода Мстиславича, Князя Бельзскаго. Супруга Казимирова и въ нашихъ лѣтописяхъ называется родною племянницею Романа Мстиславича (*братаничною*: см. *Россійск. Библіот.* стр. 300). Всеволодъ Мстиславичь скончался Монахомъ въ Апрѣлѣ 1195 году (см. *Кіев. Лѣт.*) и погребенъ въ Владимірѣ Волынскомъ въ церкви Богоматери.

(67) См. Нарушев. Hist. Nar. Polsk. IV, 68, и Прая Ann. Reg. Hung. кн. III, стр. 179.

(68) Константинъ Всеволодовичь родился, какъ означено въ харатейныхъ, въ 1186 году, Маія 18, въ Субботу (но сіе число Субботою было въ 1185). Бракъ Константиновъ совершился за годъ до войны Черниговской; а какъ она была, по лѣтописи Новородской, въ 1196 году: то вѣроятно, что сей Князь женился въ 1195.— Всеволодъ въ 1187 г. выдалъ дочь свою Всеславу за Ростислава, сына Ярослава Всеволодовича Черниговскаго. Другая Всеволодова дочь, Верхуслава или Антонія (см. ниже, примѣч. 137) сочеталась бракомъ съ Ростиславомъ Рюриковичемъ, 1189 году, Іюня или Іюля 30: такъ въ харатейныхъ и другихъ; а въ *Кіев. Лѣт.:* »того же лѣта« (будто бы еще въ 1187).

(69) Въ Каталогахъ сказано, что Митрополитъ Константинъ преставился въ 1174 или въ 1177 году. Лука поставленъ Марта 11 (1185 г.), скончался въ 1189 году, Ноября 10, и погребенъ на другой день у Соборной Владимірской церкви. Всеволодъ въ 1190 году отправилъ въ Святославу и Митрополиту духовнаго отца своего, Іоанна, который и былъ поставленъ Епископомъ Генв. 23.

(70) О разрушеніи Городца или Остера см. Т. II, стр. 297.

(71) Сына Романова, Ярополка, въ 1175 году: о чемъ мы выше упоминали.

(72) См. *Новогород.* год. 1185, а харатейныя подъ годомъ 1186.— Полоцкимъ Княземъ въ 1181 году былъ Всеславъ Васильковичь, Логожскимъ Всеславъ Микуличь, а Друцкимъ Глѣбъ Рогволодовичь.

Новогородцы погибли въ Заволочьѣ въ 1187 году. — Мстиславъ изгнанъ въ томъ же 1187 году, а Ярославъ Владиміровичь пріѣхалъ въ Новгородъ Ноября 20.

»Оже купляху по двѣ ногатѣ хлѣбъ, а кадь ржи »по 6 гривнъ.« Въ кади было 8 осминъ.

(73) См. Далина Gesch. des R. Schw. Т. II, стр. 119, 120. Далинъ говоритъ, что сіи врата церковныя назывались въ Новѣгородѣ *Сартунскими:* вѣроят-

но, что онъ слышалъ о *Корсунскихъ* (см. *Исторіи* нашей Т. I, примѣч. 413); но въ Софійской церкви есть дѣйствительно такъ называемыя *Шведскія* врата, не серебряныя, а мѣдныя.

По Финляндскимъ извѣстіямъ Россіяне около сего времени сожгли Або (см. Iust. Chron. Episc. Finnl. стр. 12).

(74) См. Грубер. Liefländ. Chronik I, 69, и Далина Gesch. des R. Schw. II, 97, 98.

(75) См. Грубер. Liefländ. Chr. I, стр. 46 и слѣд. Кто послѣ Всеслава Васильковича (см. выше, стр. 64) или 1181 года княжилъ въ Полоцкѣ, не знаемъ. У Володаря Минскаго былъ сынъ Василько: не онъ ли назывался и Владиміромъ? Татищевъ, ссылаясь на Хрущевскую лѣтопись, разсказываетъ, что въ 1182 году Василько Ярополковичь Дрогичинскій воевалъ съ *Владиміромъ Володаревичемъ* Минскимъ; что первый, соединясь съ Поляками и Мазовшанами, у рѣки Буга разбилъ Владиміра, и взявъ *Брестъ,* оставилъ тамъ *брата жены своей, Князя Мазовецкаго;* что Владиміръ съ дружиною Полоцкихъ Князей опять завладѣлъ Брестомъ, плѣнилъ Мазовшанъ, побѣдилъ за Бугомъ Василька и Ляховъ; что Василько ушелъ къ тестю *Лешку,* который прогналъ Владиміра изъ Подляшья въ Брестъ; что Василько, не имѣя чѣмъ заплатить тестю за его труды и будучи бездѣтенъ, уступилъ ему свое владѣніе, отнятое послѣ Ляхами у *дѣтей Лешковыхъ;* что Романъ Мстиславичь Владимірскій, узнавъ о томъ, завоевалъ Дрогичинскую область. Сіе извѣстіе могло бы служить доказательствомъ, что сынъ *Володаревъ* назывался *Владиміромъ,* если бы оно не смѣшено было съ явною ложью. *Брестъ* принадлежалъ не *Минскимъ*, а Волынскимъ Князьямъ, и *Лешко* Мазовецкій *не имѣлъ дѣтей* (см. Наруш. Hist. Nar. Polsk. IV, 69).

(76) Въ горахъ, по Енисею, находятся изгарины и плавильни древнихъ шамошнихъ рудокоповъ, доказы-

вающія, что Сибирскіе народы издавна плавили серебро и золото, дѣлая всѣ нужныя для того орудія не изъ желѣза, а изъ мѣди (см. *Путешествіе Палласа*, Ч. III, стр. 572 въ Русск. переводѣ). Сіи старыя рудокопни обыкновенно называются въ Сибири *Чудскими копями* (см. *Сочиненія о Сибирск. рудникахъ*, Ч. I, отдѣл. 2, стр. 134).

(77) См. *Кіев. Лѣт.* — Святославъ умеръ въ 1194.

(78) См. тамъ же и въ *Синопсисѣ*.

(79) И Кадлубекъ упоминаетъ о томъ (Hist. Pol. стр. 810).

(80) См. Кадлуб. Hist. Pol. стр. 812.

(81) См. *Кіев. Лѣт.* Ярославъ Великій отдалъ сперва лѣвую сторону Днѣпра брату Мстиславу: области Святослава Ярославича (Черниговъ, Муромъ, Рязань) находились тамъ же.

(82) Въ *Новогород.* (стр. 5) сказано, что Черниговцы плѣнили *Бориса* Романовича: слѣдственно Мстиславъ назывался Борисомъ (см. выше, примѣч. 42)? — См. *Кіев. Лѣт.*

(83) Въ Торжкѣ, въ 1181 году.

(84) См. *Кіев. Лѣт.*

(85) Ярополкъ Ярославичь.

(86) Ярославъ въ 1198 году послалъ сына, Изяслава, княжить на Лукахъ: »и бяше отъ Литвы *оплечье* » (защита) Новугороду «...

(87) См. *Пушкин.* и *Троицк.*

(88) См. *Воскресенск.* II, 117. Племянникъ Всеволодовъ умеръ въ Переяславлѣ въ 1199 или 1200 году, а Ярославъ или Ѳеодоръ отправился туда въ 1201.

(89) О смерти Владиміра Галицкаго не упоминается ни въ харатейныхъ, ни въ *Ростов.*, ни въ *Воскр.*, ни въ *Кіев. Лѣт.* — Длугошъ говоритъ о Владиміровой смерти подъ годомъ 1198, а Кадлубекъ передъ 1200, сказывая, что Владиміръ не оставилъ *законнаго* наслѣдника, и что Россійскіе Князья отчасти силою, отчасти хитростію, старались присвоить себѣ Га-

личь. Сей же Историкъ пишетъ, что Романъ выросъ въ Польшѣ.

(90) Кадлубекъ, стр. 814: quia non possumus ferre iram terrae, Principum sediliones, invidiam. Далѣе о тиранствѣ Романа, стр. 815: quosdam vivos terrae infodit, quosdam membratim discerpit, alios excoriat, multos quasi signum ad sagittam figit, nonnullos prius exenterat, quam interimit, и проч.

(91) Стр. 816: unde solenne illi erat quasi proverbium: *melle securius uti apum non posse*, *nisi penitus oppresso non rarefacto examine*. Сію пословицу, извѣстную и Римлянамъ во времена ихъ тирановъ, нашелъ я въ *Волынск. Лѣт.* (въ рукописи. стр. 657).

(92) Сей Ингварь Ярославичь былъ внукъ Изяслава II и правнукъ Мстислава Великаго.

О тогдашнемъ счастливомъ походѣ Романа въ землю Половецкую говорятъ согласно наши и Византійскіе Лѣтописцы (см. Memor. Popul. II, 1023).

(93) См. *Рос. Библ.* стр. 300, 301.

(94) Письмо Епископа Матѳея находится въ выпискахъ сдѣланныхъ Аббатомъ Альбертранди изъ Библіотеки Ватиканской въ 1790 году для Историка Нарушевича, по волѣ Короля Станислава. Яковъ Ивановичь Булгаковъ получилъ сіи любопытныя выписки отъ самаго Альбертранди и сообщилъ мнѣ. О Епископѣ Краковскомъ Матѳеѣ см. въ Длугош. Hist. Polon. T. I, стр. 461, 509. Письмо начинается такъ: Matthaei Cracoviensis Episcopi epistola ad Abbatem Clarevallensem de suscipienda Ruthenorum conversione. Выписываемъ изъ онаго слѣдующее: Gens illa Ruthenica multitudine innumerabili ceu sideribus adaequata.... Christum solo quidem nomine confitetur, factis autem penitus abnegat.... Ruthenia, quae quasi est alter orbis, etc.... Si enim gloria celeberrima et Thracius Orpheus et Thebanus Amphion coelo inseruntur et astris, et post mortem carmine vivunt, quod sylvestres et lapideos homines lyrae cantibus delinivit, quanto

magis nos speramus, quod gentes exteras et immanes sacer Abbas Christo conciliet, etc.

Иннокентій III, уподобляя власть духовную солнцу, а мірскую лунѣ, ставилъ себя ниже одного Бога, и гораздо выше Царей. Онъ любилъ жаловать въ Короли: Армянскій, Болгарскій, Чешскій, были ему обязаны симъ достоинствомъ.

(95) Въ Некрологѣ Эрфуртскаго Петрова монастыря (см. Traditiones veteres Coenobii S. Petri Erfordiae, стр. 19) записано: XIII Kal. Julii Romanus, Rex Ruthenorum: hic dedit nobis XXX marcas; т. е.: »19 »Іюня (умеръ) Король Русской Романъ, давшій намъ »30 марокъ.« Точно въ сей день Западная Церковь празднуетъ память Св. Гервасія, день, въ который убитъ Романъ, по сказанію Длугоша.

Отселѣ начинаетъ повѣствовать *Волынскій Лѣтописецъ,* но въ описаніи происшествій не означаетъ времени, сказавъ, что сдѣлаетъ то послѣ согласно съ Хронологіею Греческою и Латинскою. Хотя въ Ипатьевскомъ спискѣ и означены годы, но безъ сомнѣнія не Авторомъ, а переписчикомъ, и на угадъ, ибо его лѣтосчисленіе во всѣхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ несправедливо.

(96) См, *Волынск. Лѣт.*, стр. 621. — О бѣдствіи, претерпѣнномъ *Литвою* отъ Романа см. Матв. Стрыковскаго. Стрыковскій ошибся, считая сего Князя Романомъ *Ростиславичемъ* Смоленскимъ (а за нимъ и Татищевъ). Романъ *Галицкій* и *Волынскій,* а не *Смоленскій,* былъ *тогда* сосѣдомъ Литовцевъ на Сѣверѣ: онъ смирялъ ихъ; объ немъ сказано и въ *Словѣ о полку Игоревѣ* (стр. 31, 32): »а ты, буй Романе и Мсти»славе (братъ его! суть бо у ваю желѣзныи папорзи« (верхняя часть брони) »подъ шеломы Латинскими. »Тѣми тресну земля и многи страны. *Литва,* Ятвя»зи, Деремела« (одинъ изъ Латышскихъ народовъ) »и »Половци сулици своя повръгоша, а главы своя по»клониша подъ тыи мечи харалужныи.«

Объ извѣстности Романа въ Визант. лѣт. см. выше, примѣч. 92.

(97) См. *Воскресен.* II, 141.

(98) См. *Троицк.* л. 188 на обор. — Игорь Святославичь Сѣверскій умеръ въ 1202 году, Олегъ Святославичь въ 1204, а братъ его, Владиміръ, въ 1201, осенью.

(99) См. *Волын. Лѣт.*

(100) »Совокупя Новгородци, Плесковичи, Ладожаны, Новоторжци, и пойде скоро, и дождася отца »на Москвѣ.« *Новогород. Лѣт.* относитъ сіе происшествіе къ 1209, а Суздальскій къ 1207: первый ошибся. Великій Князь выступилъ *Авг.* 19 въ *Воскресенье* и взялъ Рязанскихъ Князей подъ стражу *Сент.* 22 въ Субботу: такъ было въ 1207 году. *Послѣ* того упоминается въ лѣтописяхъ о лунномъ затмѣніи Февраля 3: оно случилось въ 1208 году (см. Астрономич. таблицы въ l'Art de vér. les Dates).

(101) См. *Новогород.*, *Пушкин.* и *Воскресен.* — Клеветники, Олегъ и Глѣбъ Владиміровичи, были внуки Глѣба, а Романъ и Святославъ братья Игоря Глѣбовича, коего сыновья именуются въ Родослов. Книгѣ Ингварь-Козма и Юрій. Всеволодъ Глѣбовичь за нѣсколько времени до того умеръ въ Пронскѣ. — Великій Князь послалъ заключенныхъ сперва въ Владиміръ, а послѣ въ Петровъ или Петровскъ (въ Ярославск. Губерніи): см. *Воскресен. Лѣт.*

(102) Сей Михаилъ былъ сынъ Всеволода Глѣбовича. Въ харатейныхъ онъ называется *Чюръ-Михаилъ;* въ другихъ *Киръ* (господинъ) *Михаилъ;* въ нѣкоторыхъ *Рюрикъ-Михаилъ.*

(103) Здѣсь въ первый разъ упоминается о *Рязанскомъ* Епископѣ: сія Епархія зависѣла до того времени отъ Черниговскаго Епископа.

(104) »Избытъкъ раздѣлиша по *зубу*, по три гривнѣ по всему городу и на щитъ; аще кто потай »похватилъ, а того единъ Богъ вѣдаетъ.« Здѣсь *зубъ* не есть описка, вопреки мнѣнію Болтина: такъ и

въ харатейномъ и въ другихъ спискахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сіе имя употреблялось въ Новогородскомъ денежномъ счетѣ. *Никон. Лѣт.* выпустилъ имя *зуба*, не разумѣвъ его. Великій Князь Ростиславъ въ 1159 году дарилъ Святослава Ольговича *рыбьими зубами* (см. сей *Исторіи* Т. II, стр. 337). Въ старинныхъ нашихъ сказкахъ часто говорится о рыбьихъ зубахъ драгоцѣнныхъ. На примѣръ: »въ чердакѣ была »бесѣда (сѣдалище) дорогъ рыбей зубъ« (см. *Древнія Рус. Стихотворенія*, стр. 2). Обыкновенная цѣна такого зуба могла быть принята въ денежный счетъ, подобно *кунѣ* и *векшѣ*. Въ 1641 году Патріархъ Іоасафъ прислалъ въ Соловецкій монастырь пять зубовъ рыбьихъ, вѣсомъ въ 11 фунтовъ, а цѣною въ 11 тогдашнихъ рублей (см. *Лѣтопис. Соловецк. монастыря*, стр. 48). Извѣстно, что зубы *морскихъ единороговъ*, причисляемыхъ къ роду китовъ (см. Бомара Dict. d'Hist. Nat. подъ словами Baleine, Narwhal, Licorne de mer) гораздо лучше слоновой кости для всякой работы. Въ Даніи, въ Розенбергскомъ дворцѣ, показываютъ престолъ, сдѣланный изъ сихъ зубовъ, и цѣнятъ его дороже золота. Новогородцы могли издревле получать оные отъ промышленниковъ Норвежскихъ. Такъ бы я думалъ, если бы Герберштейнъ не сказалъ намъ, что въ древней Россіи назывались *рыбьими зубами* моржовые клыки, и нынѣ употребляемые на разныя подѣлки (см. его De R. M. Comment. стр. 85). Моржъ, какъ извѣстно, есть огромное морское животное (Trichecus Rosmarus): оно часто показывается на берегахъ Сѣвернаго Океана.

(105) О Князѣ Владимірѣ см. выше стр. 57. Братъ Владиміровъ, Давидъ, княжилъ около 1214 году въ Торопцѣ (*Новогород. Лѣт.* 79).

(106) См. *Лѣт. Воскресен.* — Бѣлгородъ находился близъ Старой Рязани.

(107) См. выше, стр. 135.

(108) См. *Волынск. Лѣт.*

(109) См. харатейныя, также *Воскр.* и *Ростовск.*

(110) См. *Воскресен.*

(111) Всеволодъ преставился въ 1212, Апр. 15, въ Воскресенье, по окончаніи Литургіи (см. *Воскр. Лѣт.*). — Онъ въ разныхъ мѣстахъ лѣтописей называется Великимъ, а въ Родослови. Книгахъ *Большимъ Гнѣздомъ*, отъ многочисленности своего потомства.

(112) См. *Книгу Степенную*, I, 285. — Сіи мнимые коробы суть обросшія мхомъ глыбы, носимыя вѣтромъ по озеру: см. *Дневн. Записки Лепехина*, Т. I, стр. 20.

(113) См. *Рос. Библіот.* стр. 285, 286.

(114) См. *Воскр. Лѣт.* II, 150. Татищевъ назвалъ ее Любовію.

(115) См. *Никоновск. Лѣт.*: въ *Троицк.* харатейной тоже.

(116) Татищевъ пишетъ, что и въ его время нѣкоторые знатные люди еще держались сего древняго обыкновенія, и что младенцы переходили тогда изъ рукъ женскихъ въ мужескія. Въ *Требникѣ* есть молитва на первое стриженіе волосовъ у младенца. Тамъ сказано: »Заповѣдавый намъ вся во славу Твою »творити, пришедшаго раба твоего начатокъ сотво»рити стрищи власы главы своея, благослови вкупѣ »съ его воспріемникомъ« и проч. Крестный отецъ приводилъ духовнаго сына въ церковь, гдѣ Священникъ читалъ надъ ними сію молитву.

(117) Слова Мартина Галлуса. Кадлубекъ также пишетъ о семъ обрядѣ, сказывая, что постриги раждали между людьми духовное свойство, и что мать постригаемаго считалась названою сестрою постригающаго. (Кадл. Hist. Polon. стр. 639).

(118) См. *Историческое Изображеніе Грузіи*, сочиненное въ Александро-Невской Академіи, стр. 15—17.

(119) Посланіе къ Рос. Духовенству находится въ выпискѣ Альбертрандіевой, о коей мы упоминали (см. выше, примѣч. 94). Оно такъ начинается: *Archiepiscopis, Episcopis etc. per Rutheniam constitutis.* Назна-

въ харатейномъ и въ другихъ спискахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что сіе имя употреблялось въ Новогородскомъ денежномъ счетѣ. *Никон. Лѣт.* выпустилъ имя *зуба*, не разумѣвъ его. Великій Князь Ростиславъ въ 1159 году дарилъ Святослава Ольговича *рыбьими зубами* (см. сей *Исторіи* Т. II, стр. 337). Въ старинныхъ нашихъ сказкахъ часто говорится о рыбьихъ зубахъ драгоцѣнныхъ. На примѣръ: »въ чердакѣ была »бесѣда (сѣдалище) дорогъ рыбей зубъ« (см. *Древнія Рус. Стихотворенія*, стр. 2). Обыкновенная цѣна такого зуба могла быть принята въ денежный счетъ, подобно *кунѣ* и *векшѣ*. Въ 1641 году Патріархъ Іосафъ прислалъ въ Соловецкій монастырь пять зубовъ рыбьихъ, вѣсомъ въ 11 фунтовъ, а цѣною въ 11 тогдашнихъ рублей (см. *Лѣтопис. Соловецк. монастыря*, стр. 48). Извѣстно, что зубы *морскихъ единороговъ*, причисляемыхъ къ роду китовъ (см. Бомара Dict. d'Hist. Nat. подъ словами Baleine, Narwhal, Licorne de mer) гораздо лучше слоновой кости для всякой работы. Въ Даніи, въ Розенбергскомъ дворцѣ, показываютъ престолъ, сдѣланный изъ сихъ зубовъ, и цѣнятъ его дороже золота. Новогородцы могли издревле получать оные отъ промышленниковъ Норвежскихъ. Такъ бы я думалъ, если бы Герберштейнъ не сказалъ намъ, что въ древней Россіи назывались *рыбьими зубами* моржовые клыки, и нынѣ употребляемые на разныя подѣлки (см. его De R. M. Comment. стр. 85). Моржъ, какъ извѣстно, есть огромное морское животное (Trichecus Rosmarus): оно часто показывается на берегахъ Сѣвернаго Океана.

(105) О Князѣ Владимірѣ см. выше стр. 57. Братъ Владиміровъ, Давидъ, княжилъ около 1214 году въ Торопцѣ (*Новогород. Лѣт.* 79).

(106) См. *Лѣт. Воскресен.* — Бѣлгородъ находился близъ Старой Рязани.

(107) См. выше, стр. 135.

(108) См. *Волынск. Лѣт.*

(109) См. харатейныя, также *Воскр.* и *Ростовск.*

(110) См. *Воскресен.*

(111) Всеволодъ преставился въ 1212, Апр. 15, въ Воскресенье, по окончаніи Литургіи (см. *Воскр. Лѣт.*). — Онъ въ разныхъ мѣстахъ лѣтописей называется Великимъ, а въ Родослов. Книгахъ *Большимъ Гнѣздомъ*, отъ многочисленности своего потомства.

(112) См. *Книгу Степенную*, I, 285. — Сіи мнимые коробы суть обросшія мхомъ глыбы, носимыя вѣтромъ по озеру: см. *Дневн. Записки Лепехина*, Т. I, стр. 20.

(113) См. *Рос. Библіот.* стр. 285, 286.

(114) См. *Воскр. Лѣт.* II, 150. Татищевъ назвалъ ее Любовію.

(115) См. *Никоновск. Лѣт.:* въ *Троицк.* харатейной тоже.

(116) Татищевъ пишетъ, что и въ его время нѣкоторые знатные люди еще держались сего древняго обыкновенія, и что младенцы переходили тогда изъ рукъ женскихъ въ мужескія. Въ *Требникѣ* есть молитва на первое стриженіе волосовъ у младенца. Тамъ сказано: »Заповѣдавый намъ вся во славу Твою »творити, пришедшаго раба твоего начатокъ сотво- »рити стрищи власы главы своея, благослови вкупѣ »съ его воспріемникомъ« и проч. Крестный отецъ приводилъ духовнаго сына въ церковь, гдѣ Священникъ читалъ надъ ними сію молитву.

(117) Слова Мартина Галлуса. Кадлубекъ также пишетъ о семъ обрядѣ, сказывая, что постриги раждали между людьми духовное свойство, и что мать постригаемаго считалась названою сестрою постригающаго. (Кадл. Hist. Polon. стр. 639).

(118) См. *Историческое Изображеніе Грузіи*, сочиненное въ Александро-Невской Академіи, стр. 15—17.

(119) Посланіе къ Рос. Духовенству находится въ выпискѣ Альберттрандіевой, о коей мы упоминали (см. выше, примѣч. 94). Оно такъ начинается: *Archiepiscopis, Episcopis etc. per Rutheniam constitutis.* Назна-

1*

ченнаго посла въ Россію называетъ Папа filium nostrum G. tituli S. Vitalis Presbyterum Cardinalem, virum genere nobilem, litterarum scientia praeditum, и проч. Въ концѣ подписано: Datum Viterbii, Nonis Octobris (7 Окт.) anno X (то есть, въ 10 годъ Иннокентіева правленія).

(120) Груберъ. Liefländ. Chronik, Ч. I, стр. 14, 31, 45, 47, 51, 52, 63; Кельх. Liefländ. Historiae, стр. 25 — 30, и Балтаз. Руссова Liefl. Chronica, л. 1—3. — Архіепископу Лунденскому, Андрею, о коемъ здѣсь упоминается, Саксонъ Грамматикъ приписалъ свою Исторію Датскую. Руссовъ говоритъ, что Лифляндцы обожали еще свѣтила небесныя и *змѣй*. Латыши называли Юммала Auxtheias Vissagistis. Женщины покланялись богинямъ Лаймѣ и Дяклѣ: первая благотворила родильницамъ, а вторая младенцамъ. Дѣвицы приносили жертву идолу Ваицгантосу (Waitzganthos), моля его, чтобы онъ далъ имъ льну для одежды.

(121) Liefländ. Chr. I, 74, 75. — О Герсикѣ см. Бишинг. Erdbeschr. T. I, 1027.

(122) Случаи Всеволодова княженія, о коихъ мы не упоминали, суть слѣдующіе:

Въ 1180 у Вел. Князя родилась четвертая дочь Сбыслава-Пелагія въ день Св. Димитрія. — Въ 1182 преставился Архимандритъ-Игуменъ Печерскій Поликарпъ (см. *Кіев. Лѣт.*) и Епископъ Полоцкій Діонисій. Въ 1185 г. Маія 18, въ Субботу, родился у Вел. Князя сынъ Константинъ. — Въ 1186, Сент. 7, преставился Новогородскій Епископъ Илія, или Іоаннъ, и погребенъ въ притворѣ Св. Софіи. Князь и народъ избрали на его мѣсто Гавріила, брата Іоаннова. — Въ 1187 г. родился у Вел. Князя сынъ Борисъ, у Рюрика осенью сынъ Владиміръ-Димитрій. — Въ 1188 г. скончался сынъ Всеволодовъ, Борисъ. — Въ 1189 г. скончался сынъ Всеволодовъ Глѣбъ Сент. 29. У Ярослава Владиміровича, свояка Всеволодова, родилась въ Новѣгородѣ дочь на Рождество Богородицы. Родился у Вел. Князя Всеволода сынъ Георгій. — Въ 1190

г. умеръ Епископъ Бѣлогородскій Максимъ, на мѣсто коего поставилъ Рюрикъ своего отца духовнаго, Андреяна, Игумена отъ Св. Михаила Выдубецкаго. Апрѣля 19 скончался Святополкъ Юрьевичь, шуринъ Рюриковъ. Внукъ Святослава Всеволодовича, Давидъ Ольговичь, женился на дочери Игоря. Родился въ Новѣгородѣ у Ярослава Владиміровича сынъ Михаилъ-Изяславъ; а въ 1191, Фев. 8, у Вел. Князя Ярославъ-Ѳеодоръ. — Въ 1192 г. въ Русѣ на островѣ Игуменъ Мартирій соорудилъ церковь Преображенія и завелъ монастырь. — Въ 1193, Маія 24, преставился Архіепископъ Гавріилъ (въ монашествѣ Григорій); на его мѣсто избрали Игумена Мартирія, бывшаго въ Русѣ. Въ Новѣгородѣ у Ярослава родился сынъ Ростиславъ. У Давида Ростиславича родился сынъ Мстиславъ-Ѳеодоръ, зимою. — Въ 1194, Окт. 25, родился у Всеволода сынъ Владиміръ-Димитрій. — Въ 1195 умеръ Князь Рязанскій, Игорь Глѣбовичь. — Въ 1196, въ Февр., преставился Изяславъ, меньшій сынъ Ярослава Изяславича, правнукъ Мстислава Великаго. Въ Мартѣ привезли въ Кіевъ тѣло умершаго Глѣба Юрьевича Туровскаго, шурина Рюрикова. Марта 27 родился у Всеволода сынъ Святославъ-Гавріилъ. — Въ 1198 году, по *Кіев. Лѣт.*: »на зиму родися дъщи у Ростислава у Рюриковича, и нарекоша имя ей Ефросиніа, »прозваніемъ *Измарагдъ,* дорогый камень.« Рюрикъ отдалъ дочь свою Всеславу за Рязанск. Кн. Ярослава Глѣбовича. У Ярослава Владиміровича умерли два сына, Изяславъ въ Лукахъ, Ростиславъ въ Новѣгородѣ. Всеволодъ послалъ Павла на Епископство въ Переяславль южный. Авг. 28 родился у Вел. Князя сынъ Іоаннъ. — Здѣсь конецъ древней *Кіевской Лѣтописи,* соединенной съ *Волынск. Лѣт.* Далѣе слѣдуютъ одни Волынскія и Галицкія извѣстія. — Въ 1201, Дек. 24, преставилась въ Владимірѣ супруга Ярослава Владиміровича, *свесть* (своячина) Великаго Князя. Архіепископъ Митрофанъ поставленъ Іюля 3, а въ Новгородъ пріѣхалъ Сент. 14. — Въ 1202, Авг. 5, пре-

ставилась Февронія, супруга Михаилова, бывшаго Велик. Князя. Зимою скончалась Евфросинія Борисовна, дочь Всеволодова брата, въ Кидекшѣ. Въ 1204 умеръ сынъ Олега, Князя Черниговскаго (вмѣстѣ съ отцемъ). Дек. 18 преставился Муромскій Князь Владиміръ Юрьевичь и положенъ въ церкви *Христовѣ*. 30 Декабря скончалась дочь Всеволодова Елена. Въ 1206 Великій Князь женилъ своего сына, Ярослава-Θеодора, на дочери Юрья Кончаковича (Хана Половецкаго). Въ 1209, Дек. 7, родился у Константина сынъ Василій, а въ 1210, Іюня 18, Всеволодъ-Іоаннъ. — По *житію благовѣрнаго Князя Константина и сыновъ его, Михаила и Θеодора, Муромскихъ чудотворцевъ*, напечатанному въ Прологѣ (Маія 21), до самыхъ временъ Всеволода III язычество царствовало въ Муромѣ. Тамъ сказано, что въ 1192 году *Князь Великій* Константинъ *Святославичь*, потомокъ Св. Владиміра, собравъ войско въ Кіевѣ, съ сыновьями Михаиломъ и Θеодоромъ осадилъ Муромъ и взялъ его; что въ жаркой битвѣ подъ стѣнами города убитъ Михаилъ; что Константинъ основалъ тамъ первую церковь Благовѣщенія, просвѣтилъ весь народъ крещеніемъ; что сродникъ его, Георгій Ярославичь, (въ XIII вѣкѣ) возобновилъ сей храмъ, и съ того времени мощи Константиновы и сыновей его начали славиться чудесами. Мы должны замѣтить для Читателей, что о Князѣ Константинѣ Святославичѣ совсѣмъ не упоминается ни въ лѣтописяхъ, ни въ родословныхъ; что отъ временъ Андрея Боголюбскаго до нашествія Татаръ господствовали въ Муромѣ потомки Ярослава Святославича, правнука Св. Владиміра, изъ коихъ ни одинъ не назывался Константиномъ; что отъ 1175 году до 1204 княжилъ тамъ Владиміръ Юрьевичь, а отъ 1204 до 1228 братъ его, Давидъ Юрьевичь. — Въ рукописномъ Житіи сего Константина, Муромскаго Чудотворца (см. нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 209) прибавлено, что Муромъ имѣлъ прежде стѣны каменныя и *мраморныя*, отъ коихъ и названъ

Муромомъ; что Константинъ ввелъ тамъ истинную Вѣру въ 1223 году съ такими же обрядами, какъ Св. Владимірь въ Кіевѣ. Мы знаемъ по современнымъ лѣтописямъ, что уже въ 1096 году находились Христіанскія церкви въ Муромѣ.

(123) См. *Воскресенск. Лѣт.* II, 156. — Владимірь поѣхалъ въ Переяславль въ 1213 году; а женился въ 1215 на дочери Глѣба Святославича, который по кончинѣ Рюрика сдѣлался Черниговскимъ Княземъ.

(124) Сей городъ былъ ниже Владиміра 60 верстъ: см. *Больш. Чертежъ,* стр. 201.

(125) Вѣроятно, что Рюрикъ умеръ не за-долго до изгнанія его наслѣдниковъ изъ Кіевской области въ 1214 году (см. *Новогородск. Лѣт.*). — Старшій Рюриковъ сынъ, Ростиславъ, зять Всеволода Великаго, тогда же или скоро умеръ: объ немъ не упоминается болѣе.

(126) О причинѣ Владимірова изгнанія сказано въ Liefl. Chronik, I, 97. Напрасно искавъ защиты Полоцкаго Князя, онъ уѣхалъ въ Ригу.

См. о Всеволодѣ Борисовичѣ *Новог. Лѣт.* стр. 79. Сей Князь былъ сынъ Бориса Романовича (см. выше, примѣч. 82).

(127) См. Грубер. Liefl. Chronik, I, 98, 121. Сіе было въ 1214 году.

(128) »Иде Князь (въ 1214 году) на Чудь на Ереву« (Ервенъ, гдѣ нынѣ Вейсенштеинъ) »къ морю.« См. Liefl. Chr. I, 95, и *Новог. Лѣт.* 79. — Въ *Новог. Лѣт.* Давидъ Торопецкій названъ только братомъ Владиміра Псковскаго: вѣроятно, что Мстиславъ родился отъ первой супруги Мстислава Храбраго, а Давидъ и Владимірь отъ второй.

(129) См. *Новогород.* и *Воскресен.* — Ингварь, внукъ Изяслава II, княжилъ и прежде въ Кіевѣ, въ 1202 году.

(130) Сей Князь былъ прежде женатъ на Княжнѣ Половецкой (*Воскресенск.* II, 141). Въ харатейной

Пушкин. и *Троиц.* лѣтописи сказано, что Новогородцы *выгнали* Мстислава въ 1216 году. Мы болѣе вѣримъ *Новогородской.*

(131) О Владимірѣ Псковскомъ см. Liefländ. Chronik. I, 104 — 107. Тесть Владиміровъ, Дитрихъ, братъ Епископа Альберта, отдалъ ему въ управленіе Идумейскую область (между Ригою и Венденомъ), но какъ его господство не нравилось Ордену, то Владиміръ уѣхалъ въ Россію. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ возвратился съ женою и съ сыновьями, принялъ опять начальство надъ Идумеею, жилъ въ замкѣ Метимнѣ, судилъ народъ и старался всѣми способами умножать казну свою. Одинъ изъ тамошнихъ Священниковъ, именемъ Алобрандъ, недовольный его корыстолюбіемъ, сказалъ ему: »Государь! ты долженъ судить людей право, а »не утѣснять ихъ. Отнимая послѣднее у бѣдныхъ, »можешь ли утвердить здѣшній народъ въ Христіан»ской Вѣрѣ?« Князь разсердился и съ гнѣвомъ ему отвѣтствовалъ: »Алобрандъ! я заставлю тебя подѣ«литься со мною собственнымъ твоимъ богатствомъ.« Владиміръ опять уѣхалъ въ Россію, и сдержалъ слово, данное имъ Священнику, какъ увидимъ послѣ.

(132) Синод. библ. No 46.

(133) Библіотеки Синодальной No 365 въ четвертку, и No 46 въ листъ.

(134) Святослава Всеволодовича. — О битвѣ см. *Воскресенск.* и другія. Въ *Новогород. Лѣт.* сказано, что Мстиславъ и Константинъ стояли на *рѣкѣ Липицѣ.*

Всеволодъ, сынъ Мстислава Романовича, находился также съ Новогородцами.

Никон. Лѣт. говоритъ, что Александръ Поповичь, слуга его Торопъ, Добрыня Резаничь *Златый Поясъ* и Нефедій Дикунъ были витязи Константина Всеволодовича; но въ другихъ достовѣрнѣйшихъ лѣтописяхъ объ нихъ не упоминается.

Число убитыхъ означено мною по *Воскресен. Лѣт.*

(135) См. рукописныя (Синодал. библ. No 365, и *Воскр.*).

(136) См. *Новогород.* и *Воскресен. Лѣт.* II, 165.

(137) Іоаннъ, Епископъ Суздальскій, Ростовскій и Владимірскій, въ 1214 году отказался отъ Епархіи. Тогда Константинъ отправилъ духовнаго отца своего Пахомія, Игумена Петровскаго, въ Кіевъ, и Митрополитъ Матѳей поставилъ его Епископомъ Ростову (Ноября 1). Когда же Пахомій (въ 1215 году, Генв. 28) пріѣхалъ въ Ростовъ, Георгій захотѣлъ имѣть особеннаго Епископа и выбралъ Симона, бывшаго Игуменомъ въ обители Рожественской; а Кіевскій Митрополитъ посвятилъ его. Въ современной лѣтописи названъ Симонъ (умершій Схимникомъ въ 1226 году, Маія 22) *учительнымъ и милостивымъ.* Тѣло его было погребено въ Соборной Владимірской церкви: какимъ же образомъ очутилось въ Кіевской пещерѣ (гдѣ его показываютъ), не знаю. О сочиненіяхъ сего Епископа см. въ *Патерикѣ* (л. 196 и 201 на об.), гдѣ напечатано и посланіе его къ Поликарпу, но выпущены самыя любопытнѣйшія мѣста, или все историческое, касающееся до характера и жизни Поликарповой (Синодал. Библ. No 163): »разумѣхъ тя санолюбца, и »славы ищеши отъ человѣкъ.... Сущимъ отъ Бога »не хощеши *повинутися* (повиноваться), и мыслиши »высочайшая.... Пишеть же ми книги (письма) Княгиня Ростиславля« (супруга Ростислава Рюриковича, дочь Вел. Князя Всеволода III) »Верхуслава, хотящи »тебе поставити Епископомъ Новуграду на Онтоніево »мѣсто, или Смоленску на Лазарево мѣсто, или *Юрьеву* на *Олексіево* мѣсто: *аще ми и тысяща сребра* »(слова Княгини) *расточити тебе ради и Поликарпа* »*ради.* И рѣхъ ей: дщи моя *Анастасіе!* дѣло не бого- »угодно хощеши сътворити. Абы пребылъ въ мана- »стыри неисходно съ чистою съвѣстію... то не »токмо бы въ Святительскую одежду обolченъ, но »и Вышняго Царьства достоинъ бы былъ.... Аще бы »ты былъ достоинъ таковаго сана, не быхъ тя пу- »стилъ отъ себе; но своима рукама Намѣстника тя »поставилъ быхъ въ обѣ Епископьи, Володимерю и

»Суздалю, яко же Князь Георгій хотѣлъ, но азъ ему »възбранилъ, видя твое веледушіе (гордость).... Азъ »бы радъ оставилъ Епископьство и работалъ Игу»мену, *но въси, кая вещь держить ми;* и кто не »вѣсть мене грѣшнаго Епископа Симона и сея Збор»ныя (Соборныя) церкви красоты Володимерскія и дру»гія Суздальскія, юже самъ создалъ! Колико имѣета »градовъ и селъ! и десятину збираютъ по всей земли »той; а тѣмъ всѣмъ владѣетъ наша худость. Предъ »Богомъ ти молвлю: всю сію славу и власть яко калъ »мнѣлъ быхъ, аще бы ми трескою (коломъ) торчати »за враты или сметіемъ (сором) валятись въ Пе»черскомъ манастыри и попираему быти человѣки, »лучьши есть чести временныя. День единъ въ дому »матере Божія паче 1000 лѣтъ, въ немъ же волилъ »быхъ пребывати, паче неже жити ми въ селѣхъ »грѣшничихъ.« Сей Поликарпъ, описатель житія Печерскихъ Угодниковъ, здравствовалъ, какъ видимъ, и былъ простымъ Монахомъ Лавры во время Епископства Симонова, отъ 1215 до 1226 года; слѣдственно онъ не Архимандритъ Поликарпъ, умершій въ 1182 году (см. выше, примѣч. 122): чего незналъ Авторъ Поликарпова житія, писаннаго въ новѣйшія времена (см. *Патерикъ*).

(138) См. *Воскресен. Лѣт.*

(139) Современный Ливонскій Лѣтописецъ (Liefländ. Chr. I, 125) говоритъ что Россіяне, соединясь съ Эзельцами и Чудью, имѣли около 20,000 воиновъ; что они бросали мертвыя тѣла въ рѣку, текущую у подошвы горы, на коей стоялъ Оденпскій замокъ, дабы осажденные не могли брать воды для утоленія своей жажды; что Нѣмцы терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, и что голодныя лошади Рыцарей *отгрызали хвосты* одна у другой. Сіе происходило въ 1217 году.

(140) См. *Волынск. Лѣт.* — По хронологіи Ипатьевскаго списка (см. выше, примѣч. 95) Король Венгерскій приходилъ въ Галичь въ 1209 году, Даніилъ

уѣхалъ къ браmу въ Каменецъ въ 1210, а сѣлъ на Владимірскомъ пресmолѣ въ 1211.

(141) См. Райнальд. *Annales Ecclesiastici*, Т. XIII, сmр. 236.

См. *Воскресенск.* II, 156. Бракосочеmаніе и коронованіе Андреева сына совершилось, можеmъ быmь, года черезъ два. Въ рукописномъ хараmейномъ жиmіи Св. Саломеи, коmорое находилось въ Залуской библіоmекѣ, сказано, чmо сія Княжна не имѣла еще mогда и mрехъ лѣmъ оmъ рожденія (см. Наруш. Hist. Nar. Polsk. IV, 185).

(142) Сіе злодѣяніе совершилось по *Новогородск. Лѣт.* въ 1218 году, а по хараmейнымъ въ 1217, Іюня 20, когда Георгій Всеволодовичь уже княжилъ въ Суздалѣ.

(143) Консmанmинъ пресmавился въ 7 часу дня. Васильку было mогда девяmь лѣmъ, а Всеволоду десяmь оmъ рожденія.

Супруга Консmанmинова скончалась въ 1221 году, Генв. 24, и положена въ Росmовѣ.

(144) Сынъ Мсmислава Романовича Кіевскаго.

(145) »Пособи Богъ Новгородцемъ« См. Liefländ. Chr. I, 139. Кельхъ въ своей Исmоріи (сmр. 59) говориmъ, чmо Россіяне одержали побѣду.

(146) См. *Воскр. Лѣт.* I, 26.

(147) См. *Воскресен. Лѣт.* II, 169. Сіе было въ 1219 году.

См. *Лѣтоп. о великомъ градѣ Устюгѣ* (наход. въ Вологодской Епископской библіоmекѣ). Въ жиmіи Св. Іоанна Усmюжскаго (см. *Пролог.* Маія 29) сказано, чmо сей городъ былъ нѣкогда mамъ, гдѣ село *Пухово* на берегу Сухоны. — *О Князьяхъ Устюжскихъ* см. въ *Новогородск. Лѣт.* сmр. 176.

Первобыmные обиmаmели Вологодской и Архангельской Губерніи обыкновенно называюmся въ нашихъ лѣmописяхъ Заволоческою Чудью. Оmкуда же пришли Россіяне въ Усmюгъ, изъ Новогородской или

Суздальской области, и кто основалъ сей городъ, они или Чудь, не знаемъ. Здѣсь въ первый разъ объ немъ упоминается. Устюгъ зависѣлъ тогда отъ Великаго Князя Суздальскаго: ибо жители его составляли часть Георгіева войска; а послѣ отъ Ростовскаго (см. Т. IV, примѣч. 188). Древнѣйшій изъ Устюжскихъ Святыхъ, коихъ житіе описано въ Прологѣ, есть Прокопій Юродивый, умершій въ 1303 году, купецъ Нѣмецкій, принявшій въ Новѣгородѣ Вѣру Греческую (см. *Прол.* Іюля 8; но въ рукописныхъ святцахъ именуются еще Іоаннъ Праведникъ и супруга его Марія, *начальники* древняго Устюга (погребенныя у церкви Вознесенія на посадѣ, также преподобный Кипріанъ, строитель Архангельскаго монастыря, которые жили гораздо прежде.

(148) (*Воскр.* II. 169). Мѣсто, нынѣ именуемое *посадъ Старая Унжа*, находится въ Костромской Губерніи на берегу рѣки сего имени.

Святославъ ходилъ на Болгаровъ въ 1220 году. Въ харатейныхъ сей походъ описанъ кратко.

Городъ Ошелъ, находившійся не далеко отъ устья Камы, былъ взятъ и сожженъ Іюля 15.

(149) По харатейнымъ Новгородъ Нижній заложенъ въ 1221 году. Татищевъ пишетъ, что на семъ мѣстѣ находился прежде Болгарскій городъ, разоренный Россіянами.

(150) См. *Воскресен.* II, 174.

Въ *Волынск. Лѣт.* о Коломанѣ ни слова: вѣроятно, что онъ былъ въ Венгріи. Длугошъ пишетъ, что Коломанъ ушелъ тогда изъ Галича вмѣстѣ съ Епископомъ Краковскимъ, Викентіемъ Кадлубекомъ, и съ Канцлеромъ Лешка Бѣлаго Ивономъ; но именитые чиновники Польскіе не могли быть въ сіе время у сына Андреева, ибо Лешко находился въ ссорѣ съ Андреемъ. Нарушевичь справедливѣе говоритъ о бѣгствѣ Кадлубека уже по разбитіи Венгерскаго Воево-

ды, Фильшя. — Первый походъ Мстислава въ Галичь былъ въ 1219 году.

(151) См. *Волынск. Лѣт.*

(152) »Въ тоже время присылаша Князи Литовскіе къ »Великой Княгини Романовой, и къ Даниловн, и къ Василькови, миръ дающи. Бяху же имена Князей: се старшій »*Живиньбудъ*, *Довьялъ*, *Довьспрункъ*, братъ его *Миндогъ*, братъ Довьяловъ Виликаиль; а Жемоитскыи »Князь *Эрдивилъ*, *Выкынтъ Арусковичь*, *Кинтибудъ*, »*Вънибудъ*, *Бутовитъ*, *Виженвь* и сынъ его *Вишьли*, »*Китеній*, *Пликосовъ Асебулевитъ*, *Вишимутъ*, его же »уби Миндогъ и жену его поялъ и братью его побилъ, »*Эдивила*, *Сѣпрудѣйка*; а се Князи изъ Литвы: *Юдькы*, *Пукѣйкъ*, *Бикши*, *Ликѣйкъ*. Вси миръ даша Князю Дан. и Вас. и бѣ земля покойна. Ляхомъ же не »престающимъ пакостящимъ и приведе на ня Литву »и много убійства сътворишась въ нихъ« (*Вол. Лѣт.*).

(153) Полагаемъ, что Мстиславъ въ первый разъ занялъ Галичь въ 1219 году, изгнанъ Венграми уже въ слѣдующемъ, а побѣдилъ ихъ и плѣнилъ Коломана или въ 1220 или въ 1221 году.

(154) См. Длугоша и Стриковскаго. Такую же хитрость употребилъ Изяславъ II (см. выше). Длугошъ I, 607: O magne lux et victor Mscislae Mscislavice! o fortis accipiter (соколъ) и проч.

(155) Нѣкоторыя изъ описанныхъ здѣсь обстоятельствъ взяты изъ Длугоша, коего повѣствованіе кажется на сей разъ достовѣрнымъ, будучи согласно въ главныхъ обстоятельствахъ съ *Волынск. Лѣт.* Онъ безъ сомнѣнія пользовался какими нибудь Галицкими извѣстіями.

(156) См. Наруш. Hist. Nar. Polsk. IV, 190.

(157) См. Стриковск. Литовскую Хронику и Мѣхов. Hist. Pol.

(158) Сіи мирныя условія извѣстны намъ по грамотѣ Папы Гонорія III, писанной въ 1222 году къ Андрею Венгерскому (см. Райнальд. Annal. Eccles. XIII.

324, 325). Папа, отвѣтствуя сему Королю, говоритъ: Casu sinistro accidit, Regem ipsum (Коломана) cum sponsa sua et pluribus aliis viris nobilibus à tuis hostibus capturari, et tamdiu extra regnum ipsum mancipatos custodiae detineri, donec, necessitate compulsus, cum ipsos aliter liberare non posses, iuramento praestito promisisti, quod filio tuo, tertio genito, concesseris ipsi regnum (Галицію) praefatum . . . filiam nobilis viri Mizoslai (Мстислава) matrimonialiter copulares, super quo utique Apostolicae provisionis suffragium postulasti. *Волынск. Лѣт.*, не сказавъ ничего о мирѣ, говоритъ о бракѣ Мстиславовой дочери »Галичаномъ бо хо»тящимъ Данила . . . Мьстиславъ же дасть Галичь »Королевичю.« Сіе было уже послѣ Калкской битвы съ Татарами въ 1224 году; но Мстиславъ единственно *исполнилъ тогда* договоръ прежній (какъ видно изъ письма Гоноріева), заключенный въ 1221 году. Длугошъ пишетъ, что Венгерскій Королевичъ, по условію *черезъ три года* получилъ Галицкое Княженіе. Сей Историкъ не зналъ третьяго сына Королевскаго, Андрея, и думалъ, что Мстиславова дочь, которую онъ называетъ *Маріею* (а другіе *Еленою:* см. Гебгарди Gesch. des R. Hung. II, 91) вышла за Белу, и что Мстиславъ возвратилъ Галичь Коломану.

(159) Въ письмѣ Гонорія (см. выше: Regi, nato suo secundo genito (Коломану) ad Regnum Gallitiae sibi datum per venerabilem fratrem nostrum, Strigoniensem Archi-Episcopum, auctoritate Sedis Apostolicae coronato in Regem. О первой невѣстѣ Андреевой, Царевнѣ Арменской, см. Прая Annal. Reg. Hung. III, 216. Далѣе говоритъ Папа: Cum enim, sicut accepimus, praefatus filius tuus et filia supra dicti Mizoslai in minori existant constituti aetate, antequam ad nubiles annos perveniant, tibi cautius et consultius provideri poterit in hoc casu, и проч.

(160) *Волынск. Лѣт.*—Въ Червенѣ княжилъ братъ Александровъ, Всеволодъ Всеволодовичь.

(161) См. Liefl. Chr. I, 140, 148, 158, 170, 176, 177.

Владиміръ Псковскій ограбилъ тогда домъ Священника Алобранда (см. выше). Ярославъ, сынъ Владиміра Псковскаго, названъ въ Liefl. Chr. *Герцеславомъ*. — Латыши и нынѣ именуютъ Венденъ Кесисъ и Цесисъ, Zehsis. Ливонскій Лѣтописецъ и здѣсь въ означеніи времени отстаетъ отъ нашего четырмя годами.

(162) См. Маллета Hist. de Danemarc, III, 395 — 401. Ревель основанъ въ 1218 или 1219 году. Тамъ былъ прежде замокъ Линданиссе: Датчане разрушили его. Прежде вся сія область называлась Ревелемъ. Отъ чего произошло Русское имя Колываня, не знаю: оно должно быть Чудскаго языка.

(163) Liefl. Chr. I, 160, 180, 189. Шведскій Король Іоаннъ около 1220 году присталъ къ берегамъ Эстоніи — той части ея, которая называлась Роталіею, противъ острова Эзеля, и гдѣ до нынѣ одинъ погостъ называется Rötel. Оставивъ войско въ замкѣ Леалѣ, Король возвратился въ Швецію. — Походъ Россіянъ къ Колываню или Ревелю былъ по нашей лѣтописи въ 1223, а по Ливонской въ 1222 году.

(164) Liefl. Chr. I, 64, 189, 191, 193, 196. Сей Лѣтописецъ разсказываетъ, что Вячко (Viesceka), начальствуя въ Кукенойсѣ, былъ плѣненъ Рыцарями, но освобожденъ Епископомъ въ 1206 году; а послѣ ограбилъ, умертвилъ многихъ Нѣмцевъ, и боясь мести, ушелъ въ Россію. Въ Новогородской лѣтописи (стр. 36) еще подъ 1167 годомъ упоминается о Князѣ Вячкѣ, томъ или другомъ (см. сей *Исторіи* Т. II. примѣч. 356). — Сами Нѣмцы укрѣпили замокъ Юрьевскій.

(165) Въ *Новогородск. Лѣт.* сказано: »убиша Князя »Вячка Нѣмци въ Гюргевѣ, а городъ взяша« (въ 1224 году, а по Ливонск. лѣтописи въ 1223.)

(166) Liefl. Chr. I, 201.

(167) Маловажныя происшествія описаннаго нами времени суть слѣдующія:

Въ 1213, Окт. 23 родился у Георгія сынъ Всеволодъ-Димитрій.—Въ 1214 у Константина родился сынъ Владиміръ-Димитрій. Въ 1216 преставился Ростовскій Епископъ Пахомій и погребенъ въ церкви Богоматери: мужъ добродѣтельный, исполненный книжнаго ученія. Поставленъ Епископомъ Ростову Кириллъ, Черноризецъ Суздальской обители Св. Димитрія. Новогородцы смѣнили Посадника Юрья Ивановича и выбрали Твердислава Михалковича.—Въ 1219 родился у Ярослава Всеволодовича сынъ Ѳеодоръ. — Въ 1220 преставился въ Кіевѣ Россійскій Митрополитъ Матѳей, Авг. 19.— Въ 1223 скончался Новогородскій Архіепископъ Митрофанъ Іюля 3. Граждане въ тотъ же день ввели въ домъ Святительскій Хутынскаго Монаха, Арсенія, человѣка добродѣтельнаго.

(168) См. сей *Исторіи* Т. II, стр. 40 и годъ 1133. Изяславъ Мстиславичь ѣздилъ въ Смоленскъ, чтобы взять съ тамошняго Владѣтеля *дары* для Великаго Князя: сіи дары были обыкновенною данію.

(169) См. Т. II, стр. 141.

(170) Въ семъ смыслѣ Рязанскіе, Тверскіе, иногда Смоленскіе и Черниговскіе именовались *Великими*, а не *Мѣстными*, какъ сказалъ Болтинъ. Послѣднее названіе принадлежитъ новѣйшимъ временамъ. Князь Мѣстный значилъ то же, что Помѣстный; онъ былъ ниже Удѣльнаго или Владѣтельнаго.

(171) Города Слуцкъ, Мозырь и другіе на берегахъ Припети были отданы Георгіемъ Долгорукимъ роду Князей Черниговскихъ: см. сію *Исторію* въ описаніи годовъ 1149 и 1155; также *Воскресенск. Лѣт.* II, 67, и *Новогородск.* стр. 20, 79.

(172) См. Т. II, стр. 137, и выше стр. 192.

(173) Такъ по смерти Изяслава I вступилъ на Кіевскій престолъ не сынъ его, а братъ Всеволодъ I, послѣ Всеволода старшій его племянникъ Святополкъ, послѣ Мстислава Великаго братъ Ярополкъ, и проч.

(174) То есть, Ярославъ Святополковичь, сынъ его Юрій, внукъ Глѣбъ, и проч.

(175) *Рос. Библіот.* стр. 210, и *Воскресенск. Лѣтоп.* I, 290. Монахъ Рубруквисъ въ 1253 году встрѣтился съ Половчаниномъ, который даже говорилъ Латинскимъ языкомъ (въ Бержерон. Voyages, I, стр. 45.)

(176) Memor. Popul. II, 672—722.

(177) См. *Ярославову Правду* и *Новогородск. Лѣт.* стр. 81, 89 и 112, гдѣ сказано, что Князь на пять лѣтъ освободилъ простой народъ отъ дани.

(178) Мы уже видѣли множество примѣровъ сего народнаго своевольства. Не говоря о славныхъ Вѣчахъ Новогородскихъ, вспомнимъ мятежъ Кіевлянъ при Изяславѣ I и требованія предложенныя ими на Вѣчѣ Игорю II (см. Т. II, стр. 84 и 236.)

На Вѣчѣ, бывшемъ въ Владимірѣ по смерти Андрея Боголюбскаго, присутствовала вся *Дружина, отъ мала до велика:* см. *Рос. Библіот.* стр. 255.

(179) См. выше, стр. 15, *Рос. Библ.* стр. 202, 203, и *Новогород. Лѣт.* стр. 40.

(180) См. *Новогород. Лѣт.* стр. 75, гдѣ сказано, что у Дмитра, Посадника и богатаго купца, были села; см. также выше, стр. 31.

(181) Она напечатана при Царѣ Алексіи Михайловичѣ, по *благословенію Іосифа Патріарха* (слѣдственно прежде Никона), но была извѣстна въ Россіи вѣка за четыре до временъ его: что доказывается харатейною Кормчею Книгою, писанною для Софійской Новогородской церкви около 1280 года (см. нашей *Исторіи* Т. II, примѣч. 65).

Кормчая Книга содержитъ въ себѣ и нѣкоторые гражданскіе законы, коими въ случаяхъ, неопредѣленныхъ Россійскимъ Правомъ, руководствовались наши судьи въ государствованіе Іоанна III (см. Т. VI). Царь Алексій Михайловичь, уже издавъ *Уложеніе*, счелъ за нужное въ 1654 году разослать ко всѣмъ Воеводамъ выписки изъ Греческихъ законовъ Номоканона, и велѣлъ судить по онымъ дѣла уголов-

ныя: о чемъ будемъ говорить въ Исторіи XVII вѣка, и тогда представимъ достопамятный указъ Царскій въ подлинникѣ.

(182) См. *Воскресенск. Лѣт.* I, 284, 301; II, 57, и *Новогородск. Лѣт.* 83. Ростовцы изгнали Епископа Леона, Князь Черниговскій Антонія, и проч. — О Епископѣ Кириллѣ сказано въ Пушкинской лѣтописи.

(183) См. *Воскресенск. Лѣт.* II, 39 и 140, Новогород. 62, и сію *Исторію* въ описаніи 1150 года.

(184) См. *Воскресенск. Лѣт.* I, 205. Далѣе См. *Рос. Библіот.* стр. 94 и 204, *Воскр. Лѣт.* II, 33. О Конюшихъ упоминается въ Ярославовой *Правдѣ.* *Сѣдельники* и *Кощеи* также были въ числѣ придворныхъ.

(185) См. выше, примѣч. 20.

(186) См. выше, примѣч. 37. Имя *Пасынковъ* въ смыслѣ Боярскихъ Отроковъ есть весьма древнее. Въ Несторово время одно мѣсто въ Кіевѣ называлось *Пасынча бесѣда*, то есть, сборное мѣсто сихъ военныхъ людей.

(187) Такъ вооружались Переяславскіе *граждане* для спасенія Владиміра Глѣбовича (см. выше, стр. 74) и поселяне Суздальскіе для отраженія Новогородцевъ и Смолянъ въ 1216 году: см. выше.

(188) См. Т. II, стр. 83.

(189) См. *Воскр. Лѣт.* II, 84, 111, *Рос. Библіот.* 136 и *Новогород. Лѣт.* 93.

(190) Войско Андрея Боголюбскаго, осаждавшее Вышегородъ въ 1173 году; но кромѣ дружинъ его союзниковъ.

(191) См. *Рос. Библіот.* 223, 224, *Новогород. Лѣт.* 38, и Liefl. Chr. I, 193, 195.

(192) См. *Воскр. Лѣт.* II, 76.

(193) См. въ Бержерон. Voyages путешествіе Рубруквиса (въ 1253 году) стр. 1 и 5. Россіяне давали

за возъ соли по двѣ ткани бумажныя, которыя стоили ½ *гиперпера* или Константинопольскаго червонца (см. Дюканж. de infer. aevi numismat. Dissert. стр. 71).

(194) См. Sammlung Russ. Gesch. T. II, стр. 10, 83. Половцы не владѣли Херсонскою областію.

(195) См. Фоліетт. Hist. Genuens. стр. 297.

(196) См. выше, стр. 73, и *Рос. Библіот.* 278.

(197) См. выше, примѣч. 16, *Патерикъ* въ житіи Св. Агапита, и *Слово о полку Игоревѣ* стр. 22. Венеціяне узнали Россіянъ чрезъ Константинополь со времени Крестовыхъ походовъ. — Объ изгнаніи Мартина Сандомирскаго пишетъ Длугошъ, Hist. Polon. кн. VI, стр. 649: Wladimirus Kioviensis Dux veritus ritum suum Graecum per fratres Praedicatores, videlicet Martinum de Sandomiria, Priorem Kioviensem, et alios fratres ejus, utpote viros Religiosos et exemplares, pessundari et confundi, praefatos Fratres de Ecclesia S. Mariae in Kiow, ordini praefato consignata, et circa quam habebant suum conventum, expellit, redeundi facultatem eis interminans. Энгель въ своей Gesch. von Halitsch стр. 556, ссылаясь на Окольскаго, сочинителя книги Russia Florida, разсказываетъ, что Владиміръ выгналъ тогда Доминиканскаго Монаха Іакинѳа; что сей Монахъ, вылечивъ прежде его дочь и возвративъ ей зрѣніе, пользовался отмѣнною милостію Княжескою, съ дозволенія Владимірова проповѣдывалъ Латинскую Вѣру въ Черниговѣ, Смоленскѣ, Москвѣ и проч. Это сказка. Владиміръ не могъ дозволить Іакинѳу проповѣдывать въ Черниговѣ и Москвѣ, ибо сіи города не зависѣли отъ него. Къ тому же Іакинѳъ находился въ Кіевѣ послѣ 1240 года (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 9).

(198) См. *Путешествіе* Палласа I, 192 — Лепехина *Записки*, I, 272 — Миллер. Samml. Rus. Gesch. V, 214, 428. Сіи надписи переведены для Государя Петра 1 въ 1722 году Казанскимъ Армяниномъ Иваномъ

Васильевымъ. Одна изъ нихъ 557 года; но должно знать, что Армянское лѣтосчисленіе начинается съ нашего 552 года, Іюля 9 (см. l'Art de vérif. les dates). — Нынѣшнее село Болгары (не далеко отъ Тетюшъ) основано на самыхъ развалинахъ древняго Болгарскаго города. Тамъ видны ровъ, валъ и даже каменныя зданія, еще не совсѣмъ разрушенныя временемъ; семь палатъ, четыре башни, два столба. Бывшая тамъ мечеть Татарская обращена въ церковь Св. Николая. Жители называютъ остатки другаго зданія *Греческою палатою* и *судейскимъ домомъ*. — Арабскій Географъ X вѣка, Ибнъ Гаукаль (см. Géographie Orientale d'Ebn-Haukal par Silvestre de Sacy) пишетъ о городѣ Болгарѣ и другомъ сосѣдственномъ, сказывая, что въ нихъ около десяти тысячь жителей.

(199) Эрбелотъ. Biblioth. Orient. подъ словомъ Bulgar, и Миллер. Samml. R. G. VII, 428.

(200) То есть, отъ 619 до 742 года Эгиры (см. Палласа I, 193). Всѣхъ Арабскихъ надписей 47, изъ коихъ 22 одного 623 или 1226 года: Палласъ заключаетъ, что въ семъ году было тамъ моровое повѣтріе. Приведемъ здѣсь одну надпись: »Господь есть »Богъ живый и безсмертный... Гробъ Владѣтеля »Шахима, Мамякова сына. Мамякъ Мартуловъ сынъ, »Мартулъ Суваровъ. Всевышній да успокоитъ его »Своимъ милосердіемъ. Умеръ въ году отъ Магоме»та 623« (см. Лепех. *Записки* I, 274).

(201) См. выше, стр. 97.

(202) См. Т. II, стран. 204, Саксон. Граммат. стр. 271, и въ Сартор. Gesch. des Hanseat. Bund. I, 191, гдѣ приведено слѣдующее мѣсто изъ грамоты Императора Фридриха, писанной въ 1187 году: Ruteni, Goti, Normanni, et ceterae gentes orientales ad civitatem sepius dictam (Любекъ) veniant et recedant. Тоже сказано въ договорѣ Смоленскаго Князя съ Нѣмцами: см. ниже. Адам. Бременскій (въ Линденбр. стр. 58) около 1070 года пишетъ, что въ его время Датчане доплывали иногда до Новагорода въ 4 недѣли. О

церкви Русской въ Готландіи см. Nov. Act. Societ. Upsal. T. II, стр. 101, и ниже.

Королевскіе Шведскіе чиновники, посыланные въ XVII вѣкѣ на островъ Готландскій, привезли оттуда слѣдующее извѣстіе: Ex India, Persia, Arabia, Graecia devehebantur merces Derbendam, Caspii portum maris, hinc per mare istud et Wolgae fluvium ad urbem Moscuae, tum porro terrestri primum itinere non longo, et aquis dein variorum fluminum mariumque Wisbyam usque, utpote in centro sitam Balthici oceani, et in qua, sicut gentes aliae, ita Russi quoque templum habuere publicum domumque convehendis ac permutandis mercibus propriam. См. Сарт. Gesch. des Hans. B. I, 381.

(203) Въ Любекскомъ Архивѣ нашелся Латинскій списокъ договора Готландцевъ и Нѣмцевъ съ Новымгородомъ, напечатанный Дреероmъ въ книгѣ *Specimen juris publici Lubecensis*, стр. 177, съ нѣкоторыми выпусками и даже грубыми ошибками: что доказано вѣрнымъ, новымъ спискомъ сей грамоты, не давно присланнымъ изъ Любека къ Е. С., Государственному Канцлеру, Графу Николаю Петровичу Румянцеву. На примѣръ, Дрееръ выпустилъ важныя слова въ концѣ трактата: Via a curia Gotensium trans curiam Regis usque ad forum libera erit et edificiis inoccupata, libertate, quam Rex edidit *Constantinus*; а въ началѣ, вмѣсто *Rex*, *Borchravius* (то есть, Посадникъ) Dux (Тысячскій) et Nogardienses discretiores, поставилъ: *Rex Borchramus*. Еще не видавъ сего новаго списка (который будетъ скоро изданъ), Лербергъ угадалъ истину (см. его Untersuchungen, стр. 239 — 272). — Предложимъ содержаніе грамоты.

»Во имя Бога Всемогущаго Аминь, и проч. »Купцы Нѣмецкіе и Готландскіе да торгуютъ свободно въ областяхъ Новогородскихъ, какъ издревле »бывало; могутъ, входя въ Неву, рубить лѣсъ для »своей надобности, и въ случаѣ кораблекрушенія жители должны не грабить ихъ, но оказывать имъ

»всякую помощь: въ удостовѣреніе чего Князь и Бо-
»яре Новогородскіе цѣлуютъ святый крестъ.« (Въ подлинникѣ: Cum mercatores Theutonici vel Gotenses veniunt in *Berko*, in regno regis Nogardiensium, и проч. Сей *Берко* есть *Біорко*, на Юго-Западъ отъ Выборга. Ежели сей островъ принадлежалъ тогда къ Новогородскимъ владѣніямъ, то предлагаемый договоръ былъ писанъ прежде 1293 года, когда Шведы овладѣли сею частію Кореліи. См. Лерберга Untersuchungen, стр. 258).

»За всякую обиду, сдѣланную гостю, отвѣтствуетъ »Правительство. Если въ пути украдутъ у Нѣмца »вещь цѣною ниже полугривны кунъ, то воръ мо»жетъ откупиться отъ наказанія двумя гривнами »кунъ; а если она дороже, но стоитъ менѣе полу»гривны серебра, то виновный долженъ быть *нака»занъ розгами и заклейменъ на щекѣ*, или заплатить »десять гривенъ серебра. За важнѣйшее воровство »казнить смертію. Преступленіе, учиненное въ Ижер»ской области, судится ея Тіуномъ; а если онъ чрезъ »два дни не явится, то *старшины гостей могутъ са»ми наказать вора* по означеннымъ правиламъ.

»Когда *гости зимніе*, или желающіе зимовать въ »Новѣгородѣ, будутъ на Ижерѣ, Тіунъ высылаетъ »лодошниковъ, кои немедленно отправляются съ го»стями, дающими каждому изъ нихъ 8 кунъ или мор»докъ и двѣ салфетки, или вмѣсто оныхъ 3 мордки, »а *гости лѣтніе* сверхъ того четыре хлѣба и со»судъ масла или 2 куны за хлѣбы, а за масло три »мордки.« (Въ подлинникѣ названы лодошники vectores и ductores или Vorschkerle, рѣка Ижора, Vorsch, Тіунъ Oldermannus. Ижерскій приставъ долженъ былъ извѣстить Тіуна о прибытіи гостей. Собравшимся лодошникамъ позволялось только однажды сварить себѣ кушанье (decoquetur eis unum caldarium, et non plus), чтобы не задерживать купцевъ. *Куньи мордки*, capita Martatorum, вообще то же, что куны: см. Т. I, примѣч. 472; но куны были различныя. Въ дого-

ворахъ Князя Тверскаго Михаила съ Новымгородомъ упоминается о кунахъ долгихъ (см. ниже). Собственно такъ называемая *кунья мордка* превосходила, кажется, въ цѣнѣ обыкновенную куну: ибо въ трактатѣ сказано, что за печеный хлѣбъ гости платили 2 куны, а за сосудъ масла 3 мордки куньи, то же за пару салфетокъ. Лодошники получали сію плату дошедши съ гостями до рыбачьихъ хижинъ). »Пошлина въ Но-»вѣгородѣ« — платимая въ какомъ-то мѣстѣ Gesievelt — »уставлена равная для *зимнихъ и лѣтнихъ* »*гостей:* съ каждаго изъ судовъ купеческихъ гривна »кунъ; съ нагруженнаго мясомъ (соленымъ), мукою и »пшеницею ½ гривны, а съ другихъ съѣстныхъ при-»пасовъ нѣтъ никакого сбора. Гости, взявъ Рускую »ладію съ Невы, въ Новѣгородѣ даютъ лодошнику »уставленную цѣну и окорокъ ветчины или 5 гри-»венъ кунъ; еслиже ладія встрѣтилась имъ на Вол-»ховѣ или на Ладожскомъ озерѣ (Aldagen), то пла-»тятъ единственно половинную цѣну. Буде ладія »отстанетъ въ пути отъ другихъ или разобьется, »то лодошникъ хотя и не отвѣтствуетъ за сіе не-»счастіе, однакожь не можетъ требовать платы; »но за товаръ, испорченный имъ отъ небреженія, »платитъ купцу. Если гости и лодошники, имѣвъ въ »пути ссору, примирятся, то уже не надобно поми-»нать объ ней въ Новѣгородѣ.

»Гости, по древнему обыкновенію, могутъ сво-»бодно, входя въ Неву, торговать съ Корелою и съ »Ижерцами.

»Въ Новѣгородѣ за перевозъ товаровъ на гостиной »дворъ Нѣмцы платятъ съ ладіи 15 кунъ, а Готланд-»цы 10. Тамъ Новогородцы не могутъ предписы-»вать никакихъ законовъ въ куплѣ. Сіи гостиные »дворы пользуются неограниченною свободою. Ежели »укроется въ оныхъ преступникъ, то иноземцы не »обязаны выдавать его: онъ судится единственно »тамошнимъ судомъ. Герольды и Бирючи не входятъ »ни въ Нѣмецкій, ни въ Готландскій дворъ: одинъ

» Посолъ Княжескій имѣетъ сіе право. Обиженный » Россіяниномъ гость жалуется Князю и Тіуну Новогородскому, обиженный гостемъ Россіянинъ Старѣйшинѣ (Oldermanno) иноземцевъ, который одинъ » можетъ взять его подъ стражу. Ссоры между Россіянами и гостями судятся на дворѣ Св. Іоанна » Княземъ, Старѣйшиною (иноземцевъ) и Новогородцами. Неистовая забава, въ коей люди бьются дреколь» емъ, не должна быть терпима на улицѣ между дворами Нѣмецкими, чтобы Россіяне и гости не имѣли » повода къ ссорамъ. Кто силою вломится въ гостиный дворъ и сдѣлаетъ Нѣмцамъ обиду, тотъ подвергается ихъ произвольной мести, а начальство » за него не вступается; если же уйдетъ и будетъ » обличенъ семью свидѣтелями, долженъ заплатить » двойную виру или двадцать гривенъ серебра, а каждый его сообщникъ 2 гривны серебра, сверхъ особеннаго убытка, причиненнаго симъ насиліемъ. Когда » же виновный бѣденъ, за него платятъ Новогородцы. » Если преступникъ будетъ задержанъ на дворѣ Нѣмецкомъ, то его должно наказать всенародно. Кто » дерзнетъ ломать ворота или заборъ сего двора, » или пуститъ въ оный *стрѣлу*, или броситъ камень, » тотъ платитъ десять гривенъ серебра.

» Всѣ приходящіе на гостиный дворъ торгуютъ » въ ономъ свободно; нѣтъ розницы между Россіяниномъ и Нѣмцемъ (modica vel nulla est differentia). » Гости пользуются такою же свободою внѣ сего » двора.

» Нѣмцы могутъ невозбранно учить своихъ отроковъ языку Русскому. Отъ церкви Св. Николая до » гостинаго двора и самой улицы не должно застроивать никакого мѣста. — Кладбище Св. Петра, » торговые дворы Нѣмцевъ и Готландцевъ могутъ » быть обносимы заборомъ, какъ и прежде. Церкви » (Нѣмецкія) Св. *Петра* и Св. *Николая* въ Ладогѣ » пользуются, какъ и въ старину, особенными, отведенными имъ лугами.

»Если будетъ ссора между *зимними гостями* и »Россіянами, то *лѣтнимъ гостямъ* нѣтъ до оной ни»какого дѣла, и вообще каждый иноземный купецъ, »не смотря на сію распрю, имѣетъ свободный вы»ѣздъ изъ Новагорода. Ежели она не будетъ прекра»щена ни въ годъ, ни въ два, то на третій годъ »Новогородцы уже могутъ поступить съ гостями »какъ съ непріятелями: описать ихъ имѣніе, запо»чить, и проч.« (fiet *Pandatio* admittetur. Глаголъ pandare означалъ apposer ban sur quelque chose: см. Дюканж. Glossar. Такъ Новогородцы поступили съ Нѣмцами въ 1188 году). »Россіянинъ не имѣетъ также »права задержать въ домѣ у себя иностранца; но »долженъ объявить его вину Старѣйшинѣ, который »предостерегаетъ своего единоземца.

»Въ случаѣ войны между Новымгородомъ и стра»нами окрестными гость Нѣмецкій или Готландскій, »ни мало не участвуя въ оной, воленъ ѣхать, куда »ему угодно. Нельзя также принудить его, чтобы »онъ вооружился и шелъ въ походъ съ Новогородца»ми. — Гость Нѣмецкій, желая изъ Новагорода от»правиться въ Готландію, даетъ гривну серебра въ »церковь Св. Пятницы« (Sti Vridach, т. е. Freytag).

»Во всякой тяжбѣ гостя съ Россіяниномъ должны »быть свидѣтелями два гостя и два Россіянина. Если »Россіянинъ и гости несогласны въ свидѣтельствѣ, »то жребій рѣшитъ, на чьей сторонѣ истина. Но»вогородецъ, будучи должникомъ гостя и другаго Но»вогородца, обязанъ заплатить прежде гостю; а если »не можетъ, то лишается свободы, вмѣстѣ съ же»ною и съ домочадцами. Заимодавецъ выводитъ его »на торгъ, и воленъ увезти изъ Новагорода, буде »никто не искупитъ сего должника.

»Ежели — чего Боже сохрани — убіетъ кто Свя»щенника, Старѣйшину и Посла, то убійца платитъ »двойную виру или 20 гривенъ серебра; въ другихъ »случаяхъ 10 гривенъ; за убіеніе холопа 2 гривны »серебра; столько же и за рану свободнаго человѣка,

»а за рану холопа ½ гривны; за пощечину столько же.

»Вѣсы гостинаго двора могутъ быть два раза въ »годъ повѣряемы: на нихъ должно вѣсить всѣ то»вары Нѣмецкіе и Россійскіе. Гость платитъ вѣ»совщику 9 векшей съ капи, или съ двѣнадцати пудъ« (9 Schin de Cap.) См. о *капи* ниже. Векша названа здѣсь Schin. По Смоленскому, ниже предлагаемому договору надлежало платить вѣсовщику съ двухъ капей одну куну: изъ чего можно заключить, что Смоленская куна равнялась цѣною съ 18 Новогородскими векшами; а какъ въ гривнѣ серебра было въ 1228 году Смоленскими кунами четыре гривны, а Новогородскими въ 1230 году семь гривенъ, то вѣроятно, что куна вообще содержала въ себѣ десять векшей (см. сей *Исторіи* Т. I, примѣч. 475). »Избранный »Новогородцами вѣсовщикъ цѣлуетъ крестъ во увѣ»реніе, что не будетъ никого обманывать, и за вѣ»шеніе металловъ драгоцѣнныхъ не беретъ платы. »Узаконенный пробирщикъ, взявъ отъ гостей сере»бро для плавки, долженъ, возвращая имъ оное, ис»ключить примѣсъ. Иноземецъ можетъ требовать »вторичной повѣрки въ вѣсѣ своего металла. За про»бирщика, буде онъ не возвратитъ гостю серебра »его, отвѣтствуютъ Новогородцы. Вѣсъ, называемый »*капь*, содержитъ въ себѣ 8 Ливонскихъ талантовъ« (въ талантѣ было 60 фунтовъ). »Законная мѣра для »продажи и купли есть та, которая хранится въ »(Нѣмецкой) церкви Св. Петра.

»Гости зимніе и лѣтніе, отправляясь изъ Нова»города, могутъ взять на Ижерѣ проводника, коему »даютъ 8 мордокъ и 1 хлѣбъ. Они вольны ѣхать съ »товарами и на собственныхъ лошадяхъ.

»Дворъ Готландскій съ церковію, съ кладбищемъ »Св. Олава и съ окрестными лугами по древнему »уставу должны быть отъ всего свободны. Мѣсто »вокругъ сего двора на 8 шаговъ принадлежитъ Гот»ландцамъ: тутъ не строить никакого зданія, и »не складывать лѣсу. Они уже не обязаны мостить

»и чистить мостовыхъ за прежній, проданный ими
» дворъ.

»Какими правами и выгодами пользуются гости
»въ землѣ Новогородской, такими же пользуются и
»Новогородцы въ Готландіи. — Аминь.«

Вѣроятно, что сей любопытный трактатъ писанъ скоро послѣ временъ Константиновыхъ или около 1230 года; но дѣйствительно ли былъ принятъ и утвержденъ Новогородцами? не думаю: ибо не находимъ въ немъ ни года, ни именъ Князя, Посадника и Тысячскаго, которыя обыкновенно означались въ Новогородскихъ грамотахъ. Вѣроятно ли также, чтобы Новгородъ далъ иноземцамъ право судить Россійскихъ преступниковъ, буде не явится Тіунъ въ уставленный срокъ, и чтобы за воровство маловажное (нынѣшними деньгами отъ одного до пяти или шести рублей) клеймили, а за важнѣйшее казнили воровъ смертію, въ землѣ, гдѣ самый убійца откупался серебромъ? Иноземные купцы, опасаясь частаго воровства болѣе, нежели рѣдкихъ убійствъ, могли предложить сей законъ; но могло ли Новогородское Правительство согласиться на оный? Александръ Невскій казнилъ развратителей своего сына, и народъ свергалъ мятежниковъ съ мосту; но такія преступленія были уже государственныя, а не частныя или не гражданскія, обыкновенно наказываемыя у насъ денежными пенями отъ временъ Ярослава до XIV вѣка. — Однакожь во всякомъ случаѣ памятникъ нашихъ купеческихъ связей съ Германіею, ознаменованный печатію древности, стоитъ замѣчанія, изображая путь и средства Нѣмецкой торговли въ сѣверозападныхъ областяхъ Россіи. Мы не усомнились внести нѣкоторыя обстоятельства сего договора въ нашу Исторію.

(204) Сіи краткія, но достовѣрныя извѣстія собраны г. Сарторіемъ въ его Geschichte des Hanseatischen Bundes, T. I, стр. 189 — 198 и T. II, стр. 428 — 454. Тамъ упоминается, отъ XIV до XV вѣ-

ка, о частыхъ жалобахъ Новогородцевъ на обманы Ганзейскихъ купцевъ въ добротѣ и мѣрѣ Фламанскихъ суконъ, и проч. — Справедливо сомнѣваясь о мнимыхъ *несмѣтныхъ* богатствахъ тогдашняго Новагорода, Сарторій прибавляетъ, что тамъ до 1383 году не было даже и моста черезъ Волховъ! Сей ученый Историкъ не сказалъ бы того, если бы зналъ Новогородскую лѣтопись.

(205) См. Т. II, примѣч. 64.

(206) См. Торфея Hist. Norveg. IV, 154, и Далина Gesch. des Schwed. R. II, 144.

(207) Древній харатейный списокъ сего важнаго договора находится въ библіотекѣ Графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина. Мы обязаны сообщить оный любопытнымъ читателямъ отъ слова до слова:

»Князь Мстиславъ Давыдовиць послалъ свои мужи, »Еремѣя Попа, Пантелѣя Сотьского, отъ Смольнянъ въ Ригу, а изъ Риги на Готьскый берегъ, »утверживати миръ, а розлюбье на сторону отверечи, которое было межи Нѣмци и Смольняны; а »за тотъ миръ страдалъ (старался) Рулфъ изъ Кашля »(Касселя?) и Тумашъ Михайловичь, абы добросердье »межь ихъ было, абы Рускымъ купцемъ въ Ризѣ и на »Готьскомъ березѣ, а Нѣмечкымъ купцемъ въ Смоленьской волости любо было, какъ миръ утвер»женъ, и добросердье абы въ вѣкы стояло, и Князю »любо бы и всимъ Смолняномъ и Рижаномъ и всимъ »Нѣмчемъ, по Встoчному морю ходящимь, оже такую правду вънсали, которою правдою быти Ру»сину въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ, абыша тоя »правды держали и въ вѣкы.

»Богъ того не дай, оже розбой по грѣхомъ при»годитьсь межи Нѣмци и Руси, что за что платити, абы миръ не раздрушенъ, абы Нѣмцичю любо »было. — А се починокъ правдѣ:

1. »Оже убьютъ вольнаго человѣка, платити за »голову 10 гривенъ серебра по 4 гривны кунами или »пѣнязи а за холопа гривна серебра; аже кто хо-

»лопа ударить, гривна кунъ. Та же правда буди и въ
»Смоленскѣ, и въ Ризѣ, и на Готьскомъ березѣ.

2. »Аще око выбьють или руку отътнуть, или
»ногу, или иная которая храмота на тѣлѣ явиться,
»5 гривенъ серебра, а за зубъ 3 гривны серебра. Та-
»же правда буди въ Смоленскѣ и на Готьскомъ бе-
»регу.

3. »А кто деревомъ ударить человѣка до крови,
»полторы гривны серебра; аже ударить по лицю
»или за волосы иметь, или батогомъ шибеть, пла-
»тить безъ четверти гривна серебра; аже послови
»(послу) пригодится пакость или Попови, въ вся-
»кой обидѣ за два человѣка платити дань.

4. »Аще кто друга ранить, а хромоты на тѣлѣ
»не будеть, полторы гривны серебра платити.

5. »Аще Руский гость или въ Ризѣ, или на Готь-
»скомъ березѣ извинится (будетъ виноватъ), ника-
»коже его всадити въ дыбу (колодку), оже будеть
»порука понь; не будеть ли порукы понь, то лзѣ
»всадити въ желѣза. Или Нѣмецкый гость извинится,
»не лзѣ его вереци въ погребъ; оже не будеть понь
»порукы, лзѣ его всадити въ желѣза.

6. »Оже Нѣмечкый гость дасть свой товаръ въ
»долгъ въ Смоленьскѣ, а Русинъ будеть долженъ Ру-
»си, ино Нѣмцичю напереди взяти. Таже правда бу-
»ди Русину въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ.

7. »Аще Князь взверьжеть (гнѣвъ) на Русина, и
»повелить его розграбити съ женою и съ дѣтьми,
»а Русинъ будеть долженъ Нѣмцичю, (то Нѣмцичю)
»напередъ взяти, а потомъ како Богови любо и Кня-
»зю. Таже правда буди Русину въ Ригѣ и на Готь-
»скомъ берегу.

8. »Или Нѣмечкый гость дасть холопу Княжю
»или Боярьску, а кто задницю (наслѣдіе) его возметь,
»то у того Нѣмцичю товаръ взяти. Таже правда
»буди Русину въ Ригѣ и на Готьскомъ берегѣ.

9. »Русину же не лзѣ вести одинаго Русина въ по-

»слушьство, ни двою. Таже правда буди Нѣмцемъ въ »Смоленскѣ.

10. »Русину же не лзѣ имати Нѣмчина на желѣзо« (испытаніе посредствомъ раскаленнаго желѣза) »такоже и Нѣмцичу Русина; аже возлюбишь самъ своею »волею, то его воля.

11. »Русину же не лзѣ позвати Нѣмцича на поле »(поединокъ) въ Смоленскѣ, ни Нѣмцичю въ Ригѣ и »на Готьскомъ березѣ, или Нѣмечкый гость битися »въ Руси межи собою мечи или сулицами, Князю то »ненадобѣ и никакому Русину, а правятся сами по »своему суду.

12. »А иметь Русинъ Нѣмчица у своей жены, ино »за соромъ 10 гривенъ серебра: такоже Русину въ »Ригѣ и на Готьскомъ берегу.

13. »Аще которой Нѣмцичь учинить насилье надъ »вольною женою въ Смоленскѣ, а дотолѣ было не »слышати блядиѣ ей, 10 гривенъ серебра за соромъ; »таже правда буди Русину въ Ригѣ и на Готьскомъ »березѣ.

14. »А како услышить Волоскый Тіунъ, еже гость »Нѣмечкый пріѣхалъ въ Смоляны на Волокъ, по»слати ему своего человѣка вборзѣ къ Волочаномъ, »ать перевезуть Нѣмечкый гость съ товаромъ; а »никтожь иметь имъ пакостити, занеже въ той »пакости велика пагуба бываеть Смолняномъ отъ »поганыхъ. И Нѣмцемъ метати жеребьи, кому пой»ти напередъ. Аще иный гость будеть Рускый, то»му пойти позади.

15. »А како будеть гость Нѣмечкый въ городѣ, »дати имъ Княгини поставъ частины, а Тивуну Во»лочному рукавичь перьстатый Готьскый« (рукавицы съ перстами или перчатки).

16. »А который Волочанинъ вкладываеть товаръ »Нѣмечкый или Смоленскый на кола своя чересъ Во»локъ везти, а что погынеть того товара, всимъ »Волочаномъ платити. Таже правда буди Русину и »на Готьскомъ березѣ.

17. »А како будеть Нѣмечкый гость въ Смолень»скѣ городѣ, тако ему продати свой товаръ безо »всякія борони (препятствія); а какъ будеть Рускый »гость въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ, вольноже »ему продати безо всякой борони.

18. »Аще который Нѣмчиць хочеть пойти съ »своимъ товаромъ въ иный городъ, Князю не боро»нити, ни Смолняномъ; или который Русинъ всхо»четь съ Готьскаго берега въ Нѣмечкую землю въ »Любокъ (Любекъ), Нѣмцемъ не боронити пути того.

19. »Аще который Русинъ возметъ товаръ у Нѣм»чица, а понесеть товаръ изъ двора, тый товаръ »не ворочаеться; или который товаръ купилъ у Ру»сина и понесеть изъ двора, тый товаръ не воро»чаеться.

20. »Русину же не лзѣ позвати на опцій (общій) »судъ, развѣе на Смоленскаго Князя; аже возлюбить »Нѣмцичь на опьчій судъ, то его воля. А Нѣмцичю »не лзѣ позвати Русина въ Ригѣ или на Готьскомъ »берегѣ на опчій судъ: всхочеть ли Русинъ на обчій »судъ, то его воля.

21. »Русину же не лзѣ приставити Дѣчкаго« (Дѣтскаго, Отрока, военнаго пристава) »къ Нѣмцичю въ »Смоленьскѣ, но преже обвѣстить старѣйшему ихъ: »оже старѣйшина его не умолвить, то лзѣ ему при»ставити. Такоже и Нѣмчичю въ Ригѣ и на Готьскомъ »березѣ, не лзѣ ему приставити Дѣтьского.

22. »Оже будеть Русину товаръ имати на Нѣм»чичи или въ Ригѣ, или на Готьскомъ березѣ, въ ко»торомъ городѣ въ иномъ Нѣмечкомъ: пойти истьцю »къ истьчю, и взяти ему тая правда, которая въ »томъ городѣ; а *рубежа* имъ не дѣяти; а Нѣмчицю »таже правда взяти въ Руси.« Слово *рубежъ* употреблено здѣсь въ смыслѣ насильственнаго захваченія.

23. »А Нѣмчичю платити вѣсцю отъ двою капью »(съ 24 пудъ) купа Смоленьская.

24. »Оже купити Нѣмцичю гривну золота, дати

»ему погата вѣсцю, или продасть, не дати ему ни »векши.

25. »Или который Нѣмцичь купить судъ (сосудъ) »серебряный, дати ему отъ гривнѣ куна вѣсцю, или »продасть, не дати ему ни векщи.

26. »Аще купить Нѣмцичь гривну серебра, дати »вѣсцю 2 векши, или продасть, не дати ему.

27. »Оже Нѣмчинъ дасть серебро платить, дати »ему куну Смоленьская гривень (съ гривны).

28. »Аще вощный пудъ« (вощаной вѣсъ или 12 пудъ) »исказиться, лежить капь во святiй Богородици на »горѣ, а другая въ Нѣмечкой Богородици: то тымъ »пудъ извѣряче, право учинити. Таже правда буди Ру-»сину въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ.

29. »Нѣмчичю же всякой товаръ вольно купити »безъ борони въ Смоленьскѣ, такоже и Русину воль-»но купити всякый товаръ безъ борони въ Ризѣ и »на Готьскомъ березѣ.

30. »Нѣмчичю же не надобѣ никое мыто изъ Смо-»леньска до Ригѣ, а изъ Ригы до Смоленьска; такоже »и Русину не надобѣ мыто съ Готьскаго берега и »до Ригѣ, а изъ Риги до Смоленьска.

31. »Аще Смоленьскый Князь пойдеть на войну, »не надобѣ ему (Нѣмцу) ѣхати; оже всхоцеть съ Кня-»земъ, то своя ему воля; такоже буди и Русину воля »въ Ризѣ и на Готьскомъ березѣ.

32. »Аже Русинъ или Нѣмчичь иметь тatя у сво-»его товара, въ томъ его воля, что хочеть учинити.

33. »Русину же не дати пересуда (судной пошли-»ны) ни въ Ригѣ, ни на Готьскомъ берегѣ, ни Нѣм-»чичю же платити пересуда въ Смоленьскѣ или у »Князя, или у Тiуна, или урядили будутъ добрiи мужи; »болѣ же того не поимати ни въ Ригѣ, ни на Готь-»скомъ березѣ. Таже правда буди Нѣмечкому гостю »въ Смоленьскѣ.

34. »А пудъ (вѣсъ) дали Нѣмчи Волочаномъ, иже »имъ товаръ возити всякому гостю, и коли иска-»зиться, а подругъ (такой же) его лежить въ Нѣ-

»мечькой божницѣ, а другыи ковати извѣривше »тими.

35. »Епископъ же Рижьскый, Фолкунъ Мастеръ »*Божіихъ Дворянъ* (Рыцарей Христовыхъ), и вси »волостели по Рижской земли дали Двину волену отъ »устья до верху по водѣ, и по берегу всякому гостю »Рижьскому и Нѣмечькому ходящимъ внизъ и верхъ. »Богъ того не дай, аще кого притца прiиметь, или »ладья уразиться Руская, или Нѣмечькая, вольно ему »свой товаръ привезти къ берегу безъ всякой боро-»ти. Аще будеть въ пособленіе людій мало будеть, »а къ тому принаймати людій въ помочь; то, что »будеть сулилъ найма, черезъ то болѣ не взяти. Та-»же правда буди Русину въ Ризѣ и на Готьскомъ »березѣ, и Нѣмчичю въ Смоленьской волости и въ »Полтьской и въ Витебьской. А си грамота напи-»сана бысть при Попѣ Иванѣ и при Мастерѣ Фул-»кинѣ и при Рижьскихъ мужехъ, и при многыхъ куп-»чехъ Рижьскаго Царства, еже есть тѣхъ печать »на сей грамотѣ. А се суть сему послуси (свидѣтели) »Регемблдъ, Тетартъ, Адамъ, горожане на Готь-»скомъ березѣ; Мемеберъ, Вередрикъ Домомъ изъ »Люпка (Любека); Индрикъ, Тонліеръ: таже суть »изъ *Южата* (Данцига?) — Кондратъ кривый, Еганъ »Кинотъ: ти суть изъ Мунстера (Минстера) — »Берникъ и Фолкирь, тиже суть изъ *Глугли* (Гре-»нингена?) — Яремъ, Брахтъ: тиже суть изъ *Дрот-»мины* (Дортмунда) — Индрикъ, Чижикъ: тиже изъ »*Дрямь* (Бремена?) — Альбряхъ Слукъ, Берняръ Ве-»летеръ, Алеберь судья Рижскій: тоже суть Рижане. »Аще который Русинъ или Нѣмчиць противитися »всхочеть сей правдѣ, да тотъ противенъ Богу и »сей правдѣ.«

(208) См. Т. II, стр. 67.

(209) Вотъ древнѣйшее извѣстіе о судебныхъ поединкахъ въ Россіи, о коихъ столь много говорится въ законахъ Царя Іоанна Васильевича.

(210) Здѣсь называется *волокомъ* пространство

между Двиною и Днѣпромъ, чрезъ которое надлежало сухимъ путемъ везти товары.

(211) Во всѣхъ нашихъ старинныхъ Ариѳметикахъ сказано о вѣсахъ такъ: »берковецъ 10 пудъ, *че»тверть вощаная* (или *капь*) 12 пудъ, ансырь $2\frac{1}{2}$ гри»венки и 8 золотниковъ (или 128 золотниковъ), а »нынѣшній ансырь фунтъ или 96 золотниковъ, а въ »литрѣ $1\frac{1}{2}$ гривенки, а золотниковъ 72,« и проч. Нашъ древній вѣсъ *Капь* содержалъ въ себѣ 8 Ливонскихъ талантовъ, какъ сказано въ заключенномъ между Нѣмцами и Новогородцами трактатѣ, (см. выше, примѣч. 202): Statera, quae dicitur *Cap*, debet in gravitate continere VIII Livonica talenta. — Здѣсь именно означаются куны *Смоленскія:* слѣдственно между сими, Новогородскими и другими кунами была розница.

(212) См. Liefländ. Chron. II, 23. Тамъ сказано, что онъ заключенъ въ 1128 году, на Латинскомъ и Русскомъ языкѣ, и что Мстиславъ Смоленскій подписался за Князей Полоцкихъ и Россіянъ Витебскихъ.

(213) Если бы при Ярославѣ гривна серебра содержала въ себѣ, на примѣръ, не болѣе двухъ гривенъ кунами, то вѣроятно ли, чтобы Князь Смоленскій вдвое уменшилъ пеню за убійство цѣною серебра, опредѣляя взыскивать съ убійцы тѣ же сорокъ гривенъ кунами? Количество драгоцѣнныхъ металловъ безъ сомнѣнія увеличилось въ Россіи съ XI до XIII вѣка. — О Новогородской гривнѣ 1230 году см. нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 475.

(214) Церковь Софіи, Кіевская и Новогородская, также Соборная въ Владимірѣ, построенная Андреемъ; безъ сомнѣнія и другія: ибо Лѣтописецъ сказываетъ за рѣдкость, что Суздальская была отдѣлана одними Русскими художниками.

(215) См. *Воскресенск. Лѣт.* II, 118. О Милонѣгѣ см. въ *Кіев. Лѣт.* подъ годомъ 1198. Сей же Милонѣгъ, думаю, въ 1185 г. построилъ Новогородскую

церковь Св. Вознесенія (см. *Новогородск. Лѣт.* г. 6693).

(216) Кіевск. *Патерикъ*, 120, 123.

(217) Я видѣлъ нѣсколько такихъ расписанныхъ листовъ въ древнихъ Евангеліяхъ и другихъ церковныхъ книгахъ. Наименую изъ нихъ двѣ: Псалтирь XII вѣка въ библіотекѣ Московскаго Профессора, Г. Баузе, и весьма же древнее Евангеліе въ библіотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина. — Считаю за нужное упомянуть здѣсь о славныхъ, такъ называемыхъ *Каппоніановыхъ доскахъ* (Tabulae Capponianae), о коихъ столь многіе Ученые писали и спорили (см. Ассеман. Kalend. Eccles. Univ. T. I, стр. 1 и слѣд.). Священникъ Герасимъ Фока, уроженецъ Кефалонскій, будучи въ Москвѣ Духовникомъ (какъ увѣряютъ) Государя Петра Великаго, въ даръ отъ него получилъ живописное изображеніе всѣхъ Россійскихъ Святыхъ (въ маломъ видѣ) на пяти доскахъ, съ означеніемъ мѣсяцевъ и дней, когда торжествуется ихъ память. Герасимъ скоро умеръ отъ язвы въ Константинополѣ; а братъ и наслѣдникъ его за 300 червонныхъ уступилъ сіи картины Маркизу Александру Каппонію, отдавшему ихъ, какъ безцѣнное произведеніе *древняго* Русскаго искусства, въ библіотеку Ватиканскую. Необыкновенный блескъ, нѣжность или тонкость красокъ, и даже правильность рисунка удивили Италіянскихъ художниковъ. Самъ Каппоній написалъ о томъ цѣлую книгу въ 1731 году, и думалъ, что такія краски могли быть составлены единственно изъ соку неизвѣстныхъ травъ или какого нибудь химическаго смѣшенія. Игнатій Кульчинскій, Авторъ книги Specim Ecclesiae Ruthenicae, угадывалъ, что сіи картины писаны во время Владиміра Святаго. Ассемани считалъ оныя памятникомъ XIII вѣка: ибо на нихъ изображены нѣкоторые Святые, признанные Греческою Церковію послѣ Владиміра, но нѣтъ ни одного, жившаго въ XIV столѣтіи: заключеніе вѣроятное для однихъ иностранцевъ! И нынѣ пишутъ у насъ на доскахъ такія Святцы съ изображеніемъ единственно древ-

нихъ Святыхъ Греческихъ. Гладкость и тонкость красокъ, столь удивительныя для Каппонія, происходятъ отъ того, что наши иконописцы, разводя оныя яичнымъ бѣлкомъ, послѣ обыкновенно лощатъ одежду и лица на образахъ зубомъ или другимъ подобнымъ веществомъ. Однимъ словомъ, Каппоніевы Святцы могли быть произведеніемъ XVII вѣка. Внизу на доскахъ (сдѣланныхъ, по мнѣнію Каппонія, изъ Ливанскаго кедра!) живописцы означили имена свои; на одной: *писалъ Андрей Ильинъ;* на другой: *писалъ Никита Ивановъ;* на третьей: *писалъ Сергѣй Васильевъ.* Ассемани хотѣлъ насъ даже увѣрить, что сіи живописцы были Аѳинскіе Монахи, и Греки!

(218) См. выше, стран. 177. Увидѣвъ шелковыя, золотомъ шитыя перчатки въ гробѣ Папы Иннокентія IV, погребеннаго въ 1254 году, Италіянцы хвалятся изобрѣтеніемъ въ Европѣ сего искусства, неизвѣстнаго во Франціи до XV вѣка. Впрочемъ еще въ Библіи упоминается о виссонѣ *швенномъ,* и проч.

(219) См. *Патерикъ* л. 125, 126, 127, 178.

(220) См. Т. II, стр. 28, примѣч. 142, 328, и выше, примѣч. 23, 137; см. также *Патерикъ* Кіевскій и *Степен. Кн.* I, 270, 272.

(221) Сочинитель именуетъ Князей *своего* времени, Ярослава Галицкаго и другихъ, жившихъ въ концѣ XII вѣка. А. С. Шишковъ въ примѣчаніяхъ на *Слово о полку Игоревѣ* утверждаетъ, что сочинитель не отъ себя величаетъ сихъ Князей, но именемъ Святослава: гордый Владѣтель Кіевскій не могъ называть ихъ своими *Господами,* или *Государями,* какъ тамъ сказано (стр. 29, 30): »вступита, Господина, »въ златый *стремень*... стрѣляй, Господине, Кон»чака,« и проч.

(222) О семъ происшествіи 1185 года см. выше, стр. 71. — Всеволодъ, хваля свою Курскую дружину, говоритъ (*Слово о полку Игоревѣ*, стр. 8): »а »мои Куряни свѣдоми *къмети:*« *кметями* назывались

слуги и дружина: см. ниже, примѣч. 230. Въ тишулѣ слово *полкъ* употреблено въ смыслѣ *битвы*.

(223) Сочинитель хочетъ сказать, что Россіяне, обогатившись золотомъ и Греческими тканями, бросили остальное, менѣе драгоцѣнное.

224) »Се бо *Готскія* красныя дѣвы . . . звоня Ру»скымъ златомъ,« и проч. Со временъ славнаго Германариха жили Готѳы (см. Т. I, примѣч. 86) въ Тавридѣ, гдѣ властвовали тогда Половцы.

(225) *Слово о полку Игоревѣ,* стр. 31. Здѣсь рѣчь о Романѣ Мстиславичѣ Волынскомъ или Владимірскомъ (который сдѣлался послѣ Галицкимъ) и двоюродномъ братѣ его, Мстиславѣ, сынѣ Ярослава Луцкаго. Авторъ говоритъ ниже: »Ингварь, Всеволодъ« (братья Мстислава Ярославича) »и вси три Мстиславича, не »худа гнѣзда шестокрилци.« Сравнивая сихъ *трехъ* братьевъ съ пернатыми, онъ называетъ ихъ *шестокрылыми* для того, что у трехъ птицъ *шесть* крыльевъ; а Мстиславичами именуетъ по ихъ прадѣду, Мстиславу Великому.

(226) Въ томъ смыслѣ, кажется, что его одинъ умъ замѣнялъ *восемь* умовъ. »Отверзаешь путь къ »Кіеву:« т. е. кого хочешь, пускаешь въ Кіевъ.

(227) См. Т. II, стр. 82. О смерти Изяслава I, убитаго въ 1078 году вмѣстѣ съ Борисомъ Вячеславичемъ (см. Т. II, стр. 97), Сочинитель говоритъ (стр. 16): »съ тоя же Каялы Святоплкъ (или Ми»хаилъ, сынъ Изяславовъ) не *сѣчѣ* я отца своего ме»ждю Угорьскими иноходьцы ко Св. Софіи къ Кыеву.« Издатели не угадали истиннаго смысла сей рѣчи, гдѣ есть описка: »по *велѣ* я,« вмѣсто: »по *сѣчѣ* я« то есть, *взялъ*. Сочинитель хочетъ сказать, что Святополкъ взялъ на мѣстѣ битвы и повезъ въ Кіевъ *тѣло* отца своего на Венгерскихъ иноходцахъ; но современный Несторъ пишетъ, что Изяславъ убитъ не далеко отъ Чернигова. —

(228) О семъ счастливомъ походѣ Святослава см. выше, стр. 70.

(229) То есть, Хапу, у коего Игорь былъ плѣнникомъ.

(230) Сія церковь была построена Мстиславомъ Великимъ (см. Т. II, примѣч. 225). Въ той же книгѣ, въ коей находится *Слово о полку Игоревѣ* (въ библіотекѣ Графа А. И. Мусина-Пушкина) вписаны еще двѣ повѣсти: *Синагрипъ, Царь Адоровъ,* и *Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ.* Онѣ безъ сомнѣнія не Русское сочиненіе, но достойны замѣчанія по древности слога. Первая сказка начинается такъ:

»Въ то время азъ Акырь *книгчій (книжникъ)* бѣ, »и речено ми есть отъ Бога: *отъ тебе чадо не ро»дится.* Имѣніе же имѣя паче всѣхъ человѣкъ; по»яхъ жену и устроихъ домъ, и жихъ 60 лѣтъ, и не »бысть ми чяда, и създахъ требникы (жертвенники) »и възгнѣшихъ огнь, и рѣхъ: Господи Боже мой! аще »умру, и не будетъ ми наслѣдника, и ркутъ чело»вѣци: *Акыръ праведенъ бѣ, и Богу истинно слу»жаше; аще умретъ и не обрящеться мужескъ плъ* »(полъ), *иже постоитъ на гробѣ его, ни дѣвическъ »плъ, иже бы его оплакала; ни иже по немъ задницу* »(наслѣдство) *възметъ*... И нынѣ прошу у тебе, Го»споди Боже мой! даждь ми мужескъ полъ: гда пре»ставлюся, да всыплетъ ми пръстъ (персть) на очи »мои.« Сія самая повѣсть переведена съ Арабскаго на Французскій языкъ и напечатана въ Продолженіи *Тысячи одной ночи.* Какимъ образомъ она сдѣлалась извѣстною въ древней Россіи? — Вторая повѣсть изображаетъ богатырство трехъ сыновей одной набожной вдовы, и племянника ихъ, Девгенія. Дѣйствіе происходитъ въ землѣ Греческой. Сочиненіе не богато стихотворными вымыслами: храбрецы бьютъ людей какъ мухъ и сѣкутъ головы тысячами. Однакожь сообщимъ нѣкоторыя описанія. »Ста Амера »на сумежіи Грецкой земли и рече: Боярство мое »великое, сынове Аравитьстіи! имѣете ли дръзость »на Гречкую землю, противу тѣ (той) силѣ плки »поставиши? И единъ Аравитянинъ велегласно рче...

»устны у него пяди; на конецъ устенъ висяху многы »жуковины, и по конецъ носа 12 замка замчена.« О Девгеніи сказано: »двѣнадцати лѣтъ мечемъ играетъ, »а на 13 лѣто копіемъ, а на 14 лѣто похупается (по»кушается) всякый звѣрь побѣдити.« Онъ ѣдетъ къ славной красавицѣ Странговнѣ, бренчитъ подъ окномъ ея на гусляхъ серебряныхъ съ золотыми струнами, и говоритъ: »Кажи ми отца своего и братію, ка»ковы суть? И начя дѣва ему глаголати: на отцѣ »моемъ брони златы и шеломъ златъ съ каменіемъ »драгымъ и жемчюгомъ саженъ, а конь у него по»крытъ паволокою зеленою; а братіа моя суть въ »сребреныхъ бронехъ, только шеломы златы, а кони »у нихъ чрьвленою паволокою покрыты.« Побѣдивъ отца и братьевъ, Девгеній говоритъ имъ: »азъ спа»рости твоея дѣля пожалую дамъ ти свободу, и сы»номь твоимь; толико (только) знаменіе свое хощу »възложити на васъ... И бѣ на Стратигѣ златъ »крестъ прадѣда его многоцѣненъ, и у сыновь его »*жуковинъ* многоцѣнны съ драгымь каменіемь; то »взя у нихъ за знаменіа мѣсто.« Онъ женится на Стратиговнѣ, и тесть предлагаетъ ему дары: »Пода »Стратигъ своему зятю 30 фаревь (коней), а по»крыты драгыми паволоками, а сѣдла и узды зла»томъ кованы; пода ему конюхъ 20, пардусовъ и со»коловъ 30 съ кръмилици своими, и дасть ему ко»жуховь 50, сухымь златомь шиты, и паволокъ ве»ликыхъ 100; шатеръ великъ единъ шитъ весь зла»томь: вмѣщахуся вонь многы тисуща (тысящи) »вой, и ужица бяху шатра того шолъкова, а колца »сребрена; и подасть ему икону злату Св. Ѳеодоръ, »и копіа 4 Аравитьская, и мечь дасть прадѣда сво»его. А теща подасть ему драгыхъ паволокъ зеле»ныхъ 30, кожуховь 20, сухымъ златомъ шитыхъ »съ драгымъ каменьемъ и съ жемьчюгомъ; прьвый »шуринъ уноша подасть ему 50 поясовь златокован»ныхъ, иина шурья даша ему многы дары, имъ же »нѣсть числа.« — Замѣтимъ нѣкоторыя древнія сло-

ва въ сихъ двухъ повѣстяхъ: хорекъ называется *дъхоръ* (см. сей *Исторіи* Т. IV, примѣч. 63), рогатина *рогвица,* толще *вътпье,* куфшинъ *кнея,* слуги *клети* (у Славянъ Иллирическихъ cmeiii значить быть въ подданствѣ). *Жуковина* или *жиковина* есть перстень: сіе слово часто употребляется въ грамотахъ XV и XVI вѣка, особенно въ Крымскихъ.

Въ той же книгѣ находится еще *Сказаніе о Индіи богатой,* или мнимое письмо *Священника Іоанна* къ Мануилу, Греческому Императору. О семъ Царѣ-Священникѣ см. ниже, примѣч. 239. Іоаннъ сказываетъ Мануилу, что ему повинуется въ Индіи 72 Царя; что въ его земляхъ родятся *потамы* (получеловѣка и полпса) *урши* или медвѣди, Фениксы, рыбы съ золотою кровью, звѣри о пяти ногахъ, и Сатиры; что люди тамъ не лгутъ, ибо отъ всякой лжи блѣднѣютъ какъ мертвецы; что улицы намощены драгоцѣнными камнями, и проч.

(231) Такъ Епископы убѣждали Святополка II не мучить Василька, а Долгорукаго освободить Берладника; такъ Митрополитъ удерживалъ Новогородцевъ отъ войны междоусобной; такъ Архіепископъ Митрофанъ примирилъ народъ съ Княземъ (см. выше, стр. 197), и проч.

(232) См. Т. II, стран. 80. Въ самыхъ монастыряхъ бывали иногда *пиры*, осуждаемые Митрополитомъ Іоанномъ въ его *Церковномъ правилѣ* (см. Т. II, примѣч. 142). — О Всеволодѣ I говоритъ Несторъ (въ печат. стр. 133): »бѣ же вздержаясь отъ »пьянства.« — О дѣтяхъ побочныхъ см. *Русскую Правду* (сей *Ист.* Т. II) отдѣленіе XXXVII; см. также въ договорѣ Князя Смоленскаго съ Нѣмецкими городами статью I.

(233) При Всеволодѣ I (Т. II, стр. 114), Ярополкѣ II, (Т. II, стран. 214), при Игорѣ II (Т. II, стр. 238), послѣ Андрея Боголюбскаго (выше, стр. 30), и проч.

(234) См. *Воскресен. Лѣт.* I, 69.

(235) См. Т. II, примѣч. 328, въ отвѣтахъ Нифонта на вопросы Кирпковы.

(236) Не говоря о Святославѣ, который, будучи слабымъ отрокомъ, уже металъ копья въ Древлянъ, замѣтимъ, что Всеволодъ III, осаждая Пронскъ, имѣлъ съ собою двухъ сыновей, Георгія десятилѣтняго и Владиміра пятилѣтняго.

(237) См. въ Бержерон. собраніи, Т. I, Voyage de Benjamin, стр. 65. Веніаминъ именуетъ городъ *Пинъ* или *Финъ:* думаютъ, что надобно читать *Хиве*, т. е. Кіевъ (см. Шпренгеля Gesch. der Entdeck. 278).

Достойно замѣчанія, что Персидскій Стихотворецъ XII вѣка, Низами, въ своей Поэмѣ Александра Великаго, упоминаетъ о Россіянахъ какъ о союзникахъ сего Героя: озлобясь на нихъ за опустошеніе столицы Королевы Арменской, онъ плѣнилъ Россійскаго Царя, именемъ Кайтала (см. въ Гаммер. Fundgruben des Orients, о твореніяхъ Низами, стр. 119). Это сказка; но свидѣтельствуетъ, что Россіяне въ XII вѣкѣ уже славились могуществомъ въ Персіи.

(238) См. Дегина Histoire générale des Huns, T. III, кн. XV, стр. 2 и слѣд.; также Абульгази-Баядуръ-Хана Histoire généalogique des Tatars, Гобилев. Histoire des Mongous, Пети де-ла-Круа Histoire du grand Genghiskan, и въ Эрбелот. Bibl. Orient. статьи Genghiskhan, Mohammed, и проч. Все, что говорю здѣсь о Моголахъ или Татарахъ, взято изъ сихъ источниковъ.

(239) Дегинъ пишетъ (H. des Huns, кн. XV, стр. 20), что сей Татарскій Ханъ, обращенный въ Христіанство Несторіанскими Миссіонаріями, былъ тотъ *Священникъ* и Царь Іоаннъ, который велъ переписку съ Папами и Государями Европейскими. Онъ славился въ Европѣ во время путешественниковъ Карпина и Рубруквиса (см. Бержерон. Voyages etc. T. I). Фишеръ думалъ, что *Священникомъ Іоанномъ* назывался Патріархъ Несторіанскій (Сибирск. Исторія, стр. 43 и слѣд.). Другіе искали сего романическаго Царя-

Пресвитера въ Абиссиніи. Между бумагами, полученными мною изъ Кенигсбергскаго Архива, находятся два письма Великаго Магистра Нѣмецкаго, Конрада фонъ Юнгингена, отъ 20 Генваря 1407 года къ Королямъ Арменіи и *Абассійскому или Священнику Іоанну* (Regi Abassiae sive Presbitero Iohanni). Здѣсь Abassia означаетъ не Абиссинію, но Кавказскую Абазу или Авхазію. Вотъ новое открытіе для объясненія темной сказки о Священникѣ Іоаннѣ!

(240) Они прислали въ даръ Чингисхану птицу кречета, называемую по-Турецки *Шунгаръ* (см. Абульгази Hist. des Tatars, стр. 205). Сибирскіе Моголы или Мунгалы разсказываютъ, что Чингисханъ имѣлъ главное свое жилище при рѣкахъОнонѣ и Курюлюмѣ, изъ коихъ первая впадаетъ въ Шилку, а другая въ озеро Далай (см. Миллер. *Исторію Сибирскую*, стр. 3); что Вельможи, избравъ сего бывшаго Царевича въ Ханы, совѣтовались, какое дать ему новое имя; что въ ту минуту какая-то птица закричала: *Чингисъ!* и Вельможи назвали его симъ именемъ.

(241) См. Дегин. H. des Huns, кн. XV, стр. 24, и нашей *Исторіи* Т. I, примѣч. 42.

(242) Татары, Турки и Россіяне называютъ Имперію Хинскую Китаемъ отъ имени народа Татарскаго, Китаевъ *или* Китановъ, владѣвшихъ ея сѣверною частію въ X вѣкѣ, но истребленныхъ во XII столѣтіи Татарами Ніучами, покорившими сію же часть Китая. Ушедши въ Малую Бухарію, Китаны основали тамъ особенную *Державу*, названную Кара-Китай или Черный Китай, для отличія отъ ихъ прежней восточной страны. Сіи Китаны, спасаясь бѣгствомъ отъ Ніучей, жили нѣсколько времени на берегахъ Иртыша и Оби, какъ до-нынѣ разсказываютъ Сибирскіе Татары, прибавляя, что тамошніе дремучіе лѣса казались имъ *рогами* и привели ихъ въ ужасъ (см. Фишер. *Сибирск. Исторію*, стр. 9).

(243) Т. I, стр. 24.

(244) См. ихъ Исторію въ Дегин. Hist. des Huns,

Т. I, стр. 241, и Т III, стр. 174 — 251. Сельчуки разрушили владычество Турковъ-Газневидовъ, которыхъ Государь въ XI вѣкѣ первый именовался Султаномъ. Прежде Цари Магометанскіе назывались Малеками (см. Дегин. Т. III, стр. 162).

(245) На картахъ пишется сія земля Харазмъ, Kharasm; называется также Ховарезмомъ, у насъ же Хивою (см. Рычкова *Топографію Оренбургск.* стр. 19).

(246) См. Абульгази Hist. des Tatars, стр. 257 въ примѣч.

(247) См. Дегин. H. des Huns, кн. XV, стр. 51.

(248) См. Баеров. Opuscula, de muro Caucaseo, стр. 122 и слѣд. Когда Петръ Великій взялъ Дербентъ, то начальникъ сего города вручилъ ему любопытное Арабское сочиненіе о древностяхъ Дагестана. Между бумагами Миллера нашелъ я также рукопись подъ заглавіемъ: *Извѣстіе о городѣ Дербентѣ, переведенное съ Арабскаго языка въ Кизлярѣ* 1758 *году, стараніемъ Генералъ-Маіора и Кизлярскаго Оберъ-Коммендaнта фонъ Фрауендорфа.* Та и другая рукопись согласны въ главныхъ обстоятельствахъ; сообщаю извлеченіе изъ Миллеровой:

» Кубатъ Шахъ царствовалъ въ Персіи около времянъ Магометовыхъ (еще въ VI вѣкѣ) и безпрестанно воевалъ съ Царемъ Каганомъ Туркомъ (Козарскимъ). Каганъ владѣлъ нагорною стороною рѣки Волги, имѣя тамъ богатую столицу, близъ моря Каспійскаго, и до 400,000 воиновъ. Наконецъ они помирились. Каганъ выдалъ дочь свою за Кубатова сына Нуширвана (или Хозроя I), и дозволилъ Персидскому Шаху построить на границѣ каменную стѣну, чтобы ихъ подданные могли жить спокойно. Шахъ возобновилъ древнюю Каспійскую стѣну Александра Великаго (см. нашей Исторіи Т. I, стр. 45), сдѣлалъ въ ней многія желѣзныя ворота и такъ укрѣпилъ, что 100 воиновъ могли защищать оную противъ 100,000 непріятелей (Баеров. Opuscula, стр. 123). Сынъ его, Нуширванъ, еще при жизни

»отца основалъ Дербентъ съ другими городами и »провелъ отъ него стѣну до Аграхани, гдѣ жилъ »Царь Изфендіяръ, данникъ Кагановъ, въ богатомъ »мраморномъ дворцѣ, наполненномъ драгоцѣнными ме-»таллами.

»Аравитяне, завладѣвъ Персіею, побѣдили Кагана, »и начальникъ ихъ (будто бы самъ Магометъ) совѣ-»товалъ Персіянамъ еще болѣе укрѣпить Дербентъ, »ключь ихъ Государства. Чрезъ нѣкоторое время »сей городъ отложился отъ Персіянъ и поддался »Кагану: Аравитяне при Калифѣ Велитѣ (или Валидѣ, »царствовавшемъ отъ 705 до 714 года) взяли его и »разорили до основанія, но снова построили, устра-»шенные набѣгами Каспійскихъ народовъ. Абу-Абентъ-»Джерра, Визирь Персидскій, завоевалъ весь Даге-»станъ, укрѣпилъ Дербентъ, построилъ тамъ семь »мечетей и семь желѣзныхъ воротъ. Преемникъ сего »Визиря освободилъ гражданъ Дербентскихъ отъ дани »и велѣлъ, чтобы *невѣрные*, пріѣзжая туда для ку-»печества, жили за городомъ въ особенномъ Кара-»ванъ-Сараѣ, и чтобы пословъ чужеземныхъ вводили »въ крѣпость всегда съ завязанными глазами. Визирь »Мерванъ снова наложилъ дань на Дербентцевъ и на »всѣхъ окрестныхъ жителей. Кумыки давали ему 50 »работниковъ, 50 женщинъ и 20,000 горстей пшени-»цы - Кубичинцы 50 работниковъ, Хайданъ 500 ра-»ботниковъ и 20,000 горстей пшеницы, мѣстечко »Кура, Ахты, Мискинь по 20,000 горстей пшеницы »и по 400 *рублей* деньгами, а Ханъ Шамаханскій »12,000 батмановъ пшеницы. Хлѣбъ изъ всѣхъ мѣстъ »привозили въ Дербентъ, и клали въ большомъ ка-»менномъ анбарѣ. Сей городъ прославился въ самыхъ »дальнѣйшихъ государствахъ; но злодѣй, именемъ »Джіулъ, тайный другъ Кагановъ, овладѣлъ Дербен-»томъ, утѣснилъ народъ и довелъ до нищеты: жи-»тели разбѣжались въ Берды и въ Шамаху. Знаме-»нитый Калифъ, Гарунъ Алъ-Рашидъ (современникъ »Карла Великаго) самъ былъ въ Дербентѣ и старал-

» ся снова привести его въ цвѣтущее состояніе. На-
» конецъ окрестные народы перестали свозить дань
» въ сей городъ, который упалъ совершенно; жители
» обѣдняли, не захотѣли уже заниматься воинскимъ
» искусствомъ и начали торговать въ чужихъ зем-
» ляхъ. « — — Замѣтимъ, что Моисей Хоренскій (см. его Geograph. стр. 356) упоминаетъ о *стѣнѣ Дербентской* (murus Darbandius).

(249) См. Абульгази Hist. des Tatars, стр. 310; также нашей *Исторіи*, Т. I, примѣч. 40. Лѣтописцы Русскіе говорятъ, что Татары побѣдили Ясовъ: Абульгази же именуетъ Алановъ.

(250) См. *Воскр. Лѣт.* II, 176, также *Новогород. Лѣт.* стр. 99 и слѣд.

(251) См. *Вольгн.* и *Новогород. Лѣт.* — Чингисханъ былъ, какъ мы сказали, роду Могольскаго; но какъ большая часть его войска состояла изъ Ордъ Татарскихъ, имъ покоренныхъ, то имя Татаръ сдѣлалось общимъ. Между нынѣшними Моголами, или Мунгалами, и нашими Татарами есть великая разница въ языкѣ и въ самой наружности: первые сходствуютъ съ Калмыками, вторые съ Турками. Абульгази производитъ тѣхъ и другихъ въ седьмомъ колѣнѣ отъ сына Іафеѳова, Турка, сказывая, что Аланца-Ханъ имѣлъ двухъ сыновей, Татара и Могола (Hist. des Tatars, гл. II и III), и что пращуръ ихъ, Таунакъ, началъ первый употреблять соль (уронивъ нечаянно кусокъ мяса на соляную землю). Въ самомъ дѣлѣ ни одинъ изъ народовъ Татарскихъ не именуетъ себя Татарами, но каждый называется особеннымъ именемъ земли своей, увѣряя, что всѣ они происходятъ отъ Турка; но какъ Абулгази пишетъ, что Татары составляли многолюднѣйшее племя между Турецкими народами, то можно заключить, что прежде какая нибудь сильная Орда дѣйствительно такъ называлась (см. Фишер. *Сибирск. Исторіи*, стр. 86 и далѣе). Сіе мнѣніе утверждается еще и тѣмъ, что Якуты въ числѣ боговъ своихъ поклоняются идолу *Татару*. Пер-

сидскіе и Арабскіе Историки не знаютъ сего имени, обыкновенно называя Чингисхана Царемъ народа Могольскаго. Нѣкоторые Ученые думали, что оно есть Китайское: ибо Китайцы называютъ всѣ народы сосѣдственные Та-та. По сказанію Карпина (его Voyage въ Бержерон. стр. 38), имя Татаръ произошло отъ рѣки Татара.

(252) Сей Мстиславъ Святославичь названъ здѣсь *Козельскимъ*. — Юный братъ Даніиловъ, Василько, оставался тогда въ Владимірѣ Волынскимъ. Въ *Воскресенск.* и *Волынск. Лѣт.* сказано, что Даніилу Романовичу было тогда около 18 лѣтъ; но Романъ убитъ въ 1205 году, а Даніилъ остался послѣ него четырехъ лѣтъ. О Всеволодѣ Мстиславичѣ см. выше, стр. 196.

(2 3) См. древн. лѣтописи, и *Волынск. Лѣт.*

(254) Въ *Воскресен.* и другихъ лѣтописяхъ поставлено здѣсь 16 Іюня; но въ харатейной *Новогородской* 31 Маія; и въ *Троицкой* то же число. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прибавлено: » Въ Пятокъ: « такъ и было въ 1224 году, какъ означено въ *Новогородской* и *Волынской*.

(255) Въ наименованіи Князей (коихъ родъ не означенъ въ лѣтописяхъ), слѣдую харатейной *Новогородской*. Яновка и Шумскъ суть города Волынскіе, а Нѣсвижъ въ Минской Губерніи. Изяславъ былъ сынъ Ингваря Луцкаго (см. выше, примѣч. 129). — А въ *Никон. Лѣт.* прибавлено: » Убиша Александра Поповича и слугу его Торопа и Добрыню Рязанича, *Златаго пояса* « — и вмѣсто десяти тысячь убитыхъ Кіевлянъ поставлено 60,000.

(256) См. Т. II, примѣч. 269. Дубровна есть мѣстечко въ Могил. Губ. въ Орш. Округѣ. Вѣроятно, что Князь Дубровецкій былъ изъ роду Кривскихъ или Полоцкихъ.— На рѣкѣ Нижней Горыни есть также мѣсто Дубровицы: оно у Поляковъ долго называлось Княжествомъ.

(257) Абульгази Histoire des Tatars, стр. 313, 314.

Въ лѣтописи: »Татаромъ же не дошедшимъ до Нова-»города *Святополъчскаго*, Русь же не вѣдяху злобы и »лести Татарскые, исхождаху противу имъ со кре-»сты; они же избиваху всѣхъ.« Здѣсь говорится о Святополчѣ, бывшемъ на Днѣпрѣ ниже Кіева близъ Витичева (см. сей *Исторіи* Т. II, примѣч. 155.)

(258) См. Абульгази Histoire des Tatars, стр. 314.

(259) См. *Новогород*. стр. 99.

(260) Сія комета была примѣчена и въ другихъ земляхъ Европейскихъ (Cométographie I, 400.)

(261) См. *Новогород*. и *Пушкин*. *Лѣт*.

(262) См. *Пушкин*.

(263) См. *Пушкин*. въ описаніи 1227 года.

(264) См. Райнальд. Annales Eccles. T. XIII. стр. 371. Письмо начинается такъ: *Universis Regibus Russiae*. Gaudemus in Domino, quod sicut audivimus nuntii vestri ad venerabilem fratrem nostrum Mutinensem Episcopum A. S. L. a latere nostro transmissi, eum humiliter rogaverunt, ut partes vestras personaliter visitaret, quia cupientes sana doctrina salubriter instrui, parati estis omnes errores penitus abnegare. Можетъ быть, чиновники Псковскіе дѣйствительно изъявляли готовность къ соединенію Вѣръ Греческой и Латинской, чтобы Римскій посолъ и Ливонскіе Рыцари тѣмъ усерднѣе защищали ихъ. Въ Ливонской Хроникѣ (Ч, I, стр. 205) сказано, что послы Новогородскіе и другіе въ 1224 году пріѣзжали къ Епископу Моденскому въ Ригу, но единственно для того, чтобы онъ именемъ Папы утвердилъ заключенный ими миръ съ Орденомъ.

(265) Въ Смоленскѣ княжилъ тогда Мстиславъ Давидовичъ.

(266) См. *Пушкин*.

(267) Въ древнемъ Богемскомъ нарѣчіи слово *удатный* означало и *храбраго*. — Далѣе см. *Вольгнск*. *Лѣт*. Въ Длугош. Hist. Polon. кн. IV, стр. 604: Mscislaus, ob praestantiam *Chrobri* appellatus.

(268) См. *Пушкин*.

(269) См. *Пушкин.* Солнечное затмѣніе 14 Маія означено въ астрономическихъ таблицахъ.

(270) О *постригахъ* см. выше, стр. 154; о Твердиславѣ стр. 194. Посадникъ Водовикъ былъ въ 1229 году избранъ на мѣсто Іоанна.

(271) См. *Пушкин.*

(272) Водовикъ умеръ въ 1231 году. Ярославъ пріѣхалъ въ Новгородъ Дек. 30, а черезъ двѣ недѣли опять уѣхалъ.

(272) »Кунляхомъ« — въ харатейной *Новогородской* — »по гривнѣ хлѣбъ;« но во всѣхъ другихъ спискахъ: *полугривнѣ хлѣбецъ* — »и поболши; а ржи »четвертую часть кади по *гривнѣ серебра*« — а во всѣхъ другихъ спискахъ: *по семи гривенъ*, то есть, кунами: слѣдственно семь гривенъ Новогородскими кунами составляли тогда гривну серебра, или нынѣшними деньгами 10 рублей серебряныхъ, если оцѣнимъ фунтъ серебра въ 20 рублей. См. *Троицк.*, *Арх.* и *Воскр.*

(274) Вѣроятно, что хлѣбъ привезли Готландцы изъ Визби; а можетъ быть и дѣйствительные Нѣмцы изъ Любека и другихъ городовъ. Татищевъ пишетъ, что Болгары возили тогда хлѣбъ по Окѣ и Волгѣ во всѣ города Россійскіе, и прислали Вел. Князю Георгію 30 судовъ съ житомъ: за что Георгій отдарилъ ихъ золотомъ, серебромъ и костями рыбьими.

(275) См. *Пушкин.* и *Новогород.*

(276) Ярославъ былъ женатъ вторымъ бракомъ на дочери Мстислава Мстиславича Галицкаго; но, можетъ быть, онъ женился послѣ въ третій разъ.

(277) Сей Владиміръ Мстиславичь умеръ, кажется, во Псковѣ; а сынъ его, Ярославъ, долженъ былъ оттуда выѣхать.

(278) *Новогород. Лѣт.* стр. 137. Гробница сей Княгини *Евпраксіи* и нынѣ стоитъ въ Псковскомъ монастырѣ Св. Іоанна, гдѣ показываютъ древній мѣдный подсвѣчникъ, на коемъ вырѣзано описаніе упомянутаго

чуда; то же сказано и въ надгробной надписи. — Сочинитель *Степен. Кн.* ошибся, назвавъ Ярослава Владиміровича Псковскаго внукомъ Рюрика Кіевскаго (Т. I, стр. 353). Объ немъ еще упоминается въ описаніи дѣйствій 1245 года. Къ нему, думаю, писано письмо Григорія IX, Папы Римскаго, напечатанное въ Райнальд. Annal. Eccl. подъ годомъ 1231. Узнавъ отъ Епископа Прусскаго, что онъ желаетъ присоединиться къ Латинской церкви, Григорій старался утвердить его въ семъ намѣреніи. Ярославъ Владиміровичь, по сказанію Ливонской Хроники, въ 1245 году отказалъ Дерптской церкви половину своего законнаго наслѣдства, то есть, Псковской земли (см. Арнт. Liefländ Chr. II, 47).

(297) См. *Новогород. Лѣт.* стр. 122.

(280) По сказанію Алберта Стадскаго сіе сраженіе было въ 1236 году (см. Арндт. Liefl. Chr. II, 37), а по нашимъ лѣтописямъ въ 1237 или 1238. См. *Новогород. Лѣт.* стр. 127. Въ Псковской Архивской лѣтописи, л. 159: »Избиша Литва (въ 1237) на *Каменъ* »Псковичь засадою Сент. 25;« а въ Псковской Синодальн. No 349, л. 169, поставлены годъ 1238 и 25 Октября. — Не говорю о невѣрномъ лѣтосчисленіи Руссова и Кельха.—Мѣсто *Каменъ* было въ области Псковской за рѣкою Великою (см. *Псков. Лѣт.*).

(281) См. *Воскрес. Лѣт.* II, 191. Въ сіе время уже всѣ главные Удѣльные Князья — то есть, Кіевскіе, Черниговскіе, Смоленскіе — назывались *Великими* (см. *Новогород. Лѣт.* стр. 45 и 122).

(282) Въ *Вольт. Лѣт.* (по *Ипатьев.* списку въ 1229 году, а по Длугош. въ 1227): »Времени минувшу, ѣха »Василько *Суждьлю* на свадбу *шурина* своего ко »Вел. Князю Юрью« (въ 1230 году женился старшій сынъ Вел. Князя, Всеволодъ).

(283) *Новогород. Лѣт.* стр. 115. Хотя въ *Ростов., Воскр.* и *Никон. Лѣт.* Изяславъ, союзникъ Михайловъ, названъ *Мстиславичемъ,* (*внукомъ Романа* Ростиславича Смоленскаго); но онъ, по всѣмъ обстоятель-

ствамъ, долженъ быть сынъ того Владиміра Игоревича, который съ братьями господствовалъ въ Галичѣ и спасся бѣгствомъ отъ ихъ жалкой участи вмѣстѣ съ сыномъ *Изяславомъ*. О немъ упоминается нѣсколько разъ въ *Волынск. Лѣт.* — Въ *Пушкин.*, *Троицк.* и *Новогород. Лѣт.* сей Михаиловъ сподвижникъ, княжившій послѣ въ Каменцѣ, именуется просто *Изяславъ* безъ отчества. — Въ Родословныхъ Книгахъ сказано, что Владиміръ Рюриковичь умеръ въ Смоленскѣ; а *Псков. Лѣт.* упоминаетъ о кончинѣ его подъ 1239 годомъ.

(284) См. Туроц. Chron. Hung. гл. 74. — Длугошъ пишетъ (Hist. Pol. кн. VI, стр. 633), что по смерти Венгерскаго Королевича, Коломана, Даніилъ овладѣлъ Галичемъ, а Изяславъ, союзникъ Половцевъ, скоро завоевавъ сію область, уступилъ оную Михаилу.

(285) См. *Пушкин. Лѣт.*

(286) См. *Троицк. Лѣт.*

(287) См. *Пушкин. Лѣт.*

(288) Дегин. Hist. des Huns, кн. XV, стр. 72, и Карпин. Voyage, стр. 44. Карпинъ пишетъ, что Чингисханъ убитъ громомъ; а Сибирскіе Мунгалы разсказываютъ, что онъ, силою отнявъ у Тангутскаго Хана молодую жену, былъ ночью зарѣзанъ сю, и что она, боясь казни, утопилась въ рѣкѣ, названной по тому Хатунъ-Голь, или *женскою* (см. Миллер. *Сибирск. Ист.* стр. 6).

(289) Абульгази Hist. des Tatars, стр. 367. Близъ дворца Угадаева находился прекрасный колодезь: вода лилася изъ челюстей серебрянаго тигра. Знатнѣйшіе чиновники жили въ особенныхъ домахъ, и сіе мѣстечко, называемое Каракарумъ, было окружено большимъ звѣринцемъ. Сіе описаніе Каракарума въ Voyage de Rubruquis, стр. 106.

(290) См. *Пушкин. Лѣт.*

(291) См. *Новогород. Лѣт.* стр. 127. — Въ другихъ новѣйшихъ лѣтописяхъ (см. *Русскій Временникъ*, I, 93) названы здѣсь Давидъ Ингоревичь Муромскій,

Глѣбъ Ингоревичь Коломенскій, Всеволодъ Пронскій; но Давидъ Муромскій (и не Ингоревичь, а Юрьевичь) умеръ еще въ 1228 году, какъ означено въ *Пушкин.*; наслѣдникомъ же его былъ сынъ Юрій. Князь Всеволодъ Глѣбовичь Пронскій умеръ за долго до нашествія Татаръ. Въ Родословныхъ Книгахъ столь же несправедливо означено, что сынъ его, Киръ Михаилъ, княжилъ при Батыѣ въ Пронскѣ: сей Михаилъ убитъ еще въ 1218 году (см. выше, стр. 192.)

(292) См. *Русск. Временникъ*, I, 93 и слѣд. Тутъ и Князь Юрій Рязанскій наименованъ въ числѣ убитыхъ; но другіе лѣтописцы говорятъ, что онъ погибъ въ городѣ Рязани. Олегъ Ингворовичь, бывъ долго плѣнникомъ, умеръ въ 1258 году (см. ниже). Лѣтописи современныя суть Новогородская, Волынская, Суздальская, или Пушкинская.

(293) См. *Русск. Временникъ* и *Вольгн. Лѣт.*

(294) Въ *Русск. Временникѣ:* »и не бѣ стонющаго, »ни плачущагося но вси вкупѣ мертви лежаще.« *Никонов. Лѣт.* прибавляетъ о жестокости Татаръ слѣдующее: »груди возрѣзываху и желчь вымаху, и »съ иныхъ кожи одираху, а инымъ иглы и щепы за »ногти біяху,« и проч.

(295) См. *Русск. Времен.* 101-103. Вообще повѣсть сія основана, кажется, на одномъ преданіи: хотя не достовѣрна, однакожь достойна замѣчанія. Я имѣю подлинникъ *Русскаго Временника* или Костромской лѣтописи: онъ писанъ (кромѣ новѣйшихъ прибавленій) въ XVII вѣкѣ, и принадлежитъ Графу А. И. Мусину-Пушкину.

Въ Зарайскѣ при Соборной церкви Св. Николая, построенной во время Царя Өеодора Алексѣевича въ 1681 году, есть другая церковь Іоанна Предтечи, основанная, какъ сказываютъ, на гробахъ Князя Өеодора, Княгини Евпраксіи и сына ихъ Іоанна. Въ семъ Соборѣ стоитъ образъ Николая Чудотворца, окованный золотомъ и серебромъ въ царствованіе Василія Іоанновича Шуйскаго, въ 1608 году, и привезенный

изъ древняго Херсона. Въ упомянутой Костромской лѣтописи или *Временникѣ* (I, 77) находятся слѣдующія обстоятельства: »Въ 1224 году Св. Николай явился во снѣ Херсонскому Іерею Евстафію и сказалъ ему: возьми мой Чудотворный образъ, жену свою Өеодосію, сына твоего, Евстафія, и гряди въ землю Рязанскую. Іерей не зналъ, гдѣ сія земля. Св. Николай вторично ему явился, толкалъ его въ ребра и велѣлъ ему итти на Востокъ (развѣ на Сѣверъ). Евстафій еще медлилъ, и въ наказаніе ослѣпъ; но снова прозрѣлъ, когда рѣшился исполнить волю Угодника. Св. Николай не велѣлъ ему итти чрезъ землю Половецкую, а сѣсть на ладію въ устьѣ Днѣпра, плыть до Варяжскаго моря, въ область Нѣмецкую, или *Ригу*; оттуда же ѣхать сухимъ путемъ въ Новгородъ и Рязань. Евстафій такъ и сдѣлалъ. Жена его хотѣла остаться въ Новѣгородѣ, и за то едва не умерла отъ *жестокой болѣзни*. Увѣдомленный во сновидѣніи о шествіи образа, Князь Рязанскій Өеодоръ выѣхалъ къ нему на встрѣчу и съ изумленіемъ увидѣлъ его лучезарное сіяніе. Отецъ Өеодоровъ, Георгій, или Юрій, взявъ съ собою Рязанскаго Епископа, *Ефросина Святогорца*, пріѣхалъ также поклониться святой иконѣ, для коей они заложили особенную церковь. Св. Николай чудеснымъ образомъ предвѣстилъ тогда Өеодору славную его кончину,« и проч. Упомянемъ еще о другой достопамятности Рязанской. Въ 36 верстахъ отъ нынѣшней Рязани есть древній такъ называемый Богословскій монастырь. Въ немъ хранилась какая-то золотая печать Батыева, которую Архіепископъ Михаилъ около 1653 года взялъ въ Соборную церковь, боясь, чтобы Мордовскіе разбойники не похитили сей драгоцѣнности, чрезъ нѣсколько лѣтъ употребленной на позолоту водосвятной чаши и другихъ церковныхъ утварей. Разсказываютъ, что образъ Іоанна Богослова въ семъ монастырѣ писанъ Русаремъ, наученнымъ живописи отъ самого Апостола, и присланъ Іеруса-

лимскимъ или Цареградскимъ Патріархомъ въ даръ Князю Рязанскому.

(296) Абульгази (Hist. des Tatars, 479) разсказываетъ басню, что Россіяне вмѣстѣ съ друзьями своими, Нѣмцами, окопались близъ Москвы, и 3 мѣсяца противились Татарамъ; что Шейбани, братъ Батыевъ, подкрѣпленный шестью тысячами новыхъ воиновъ, напалъ на окопы съ одной стороны, а Батый съ другой, и что Россіяне наконецъ бѣжали, оставивъ на мѣстѣ 70,000 человѣкъ.

(297) См. *Пушкин. Лѣт.*

(298) »Взяша (Татары) Суждаль и Св. Богородицю »разграбиша, и дворъ Княжь огнемъ пожгоша, и мо»настырь Св. Дмитрія пожгоша, а прочіи разграбиша, »а Чернци и Черници старыя и Попы, слѣпыя и »хромыя, и глухыя, и трудоватыя, и люди всѣ из»сѣкоша; а что Чернецъ уныхъ, и Черниць, и По»повъ, и Попадій, и Дьякопы, и жены ихъ, и дчери, »и сыны ихъ, то все ведоша въ станы.« Въ *Русскомъ Временникѣ:* »церкви и монастыри пожгоша; »точію сохрани Господь Дѣвичь монастырь Положе»женія Ризы Богоматери, въ немъ же иноческое бо»реніе прохожаше страдально блаженная Ѳеодулія со »своими съ постницами, дщи Вел. Князя Михаила »Черниговскаго и Мученика, нареченная въ иноческомъ »чину Евфросинія.« Вѣримъ, что дочь Михаилова и супруга Василька Ростовскаго, по смерти его, скончала дни свои Инокинею въ семъ монастырѣ; но тогда Василько былъ еще живъ.

Далѣе въ *Новгород. Лѣт.:* »и стригошася вси »(Владимір. Вельможи) въ образъ, таже въ Скиму »отъ *Владыки Митрофана*, Князь (Всеволодъ) и Кня»гыни, дчи и сноха (Георгіевы) и добріи мужи.« Въ *Церковной Исторіи Россійской* несправедливо сказано, что одни Новогородскіе Епископы назывались тогда *Владыками.* — Въ *Волын. Лѣт.:* »Увидѣвъ Кн. Все»володъ, яко крѣпчае брань належитъ, убояся -- бѣ »бо младъ — и изыде изъ града съ маломъ дружины,

» песый дары многы, надѣяше бо ся отъ него животъ » пріяти. Онъ же (Батый) яко звѣрь свирѣпый повелѣ предъ собою зарѣзати й.« — Въ *Пушкин.*: »Въ » Субботу Мясопустную почаша наряжати лѣсы, и » порокы ставиша до вечера, а на ночь огородиша » тыномъ около всего города. Въ *Недѣлю* мясопу- » стную по заутрени приступиша къ городу *Февраля* » въ *седьмый, на память Ѳеодора Стратилата,* и » бысть плачь великъ въ градѣ.« Мясопустъ былъ Февраля 7 въ 1238 году; а выше сказано, что Татары обступили Владиміръ Февраля 3, во *Вторникъ*: развѣ Февраля 2?

Супруга Георгіева, Агаѳія, погребена въ Успенскомъ Соборѣ Владимірскомъ. Въ старыхъ рукописныхъ Святцахъ названы снохи ея Маріею и Христиною (см. Главу *О Святыхъ града Владиміра*). Далѣе: »Всѣ » иконы одраша; а иныя изсѣкоша, а иныя поимаша, » и кресты и ссуды (сосуды), и книгы одраша, и пор- » ты блаженныхъ первыхъ Князій, еже бяху повѣша- » ли въ церквахъ на память собѣ... И ту убьенъ » бысть Пахомій, Архимандритъ монастыря Рожде- » ства С. Богородицы, и Данило, Игуменъ Успенскый, » Ѳеодосій Спаскый и прочіи... Всеволода съ бра- » томъ *внѣ града* убиша» и проч.

(299) См. *Новогород. Лѣт.*

(300) См. *Пушкин.* — О супругѣ Василька см. выше, примѣч. 298. *Никон. Лѣт.* называетъ ее Маріею.

(301) Въ *Новогород. Лѣт.*

Далѣе: » гоняшася отъ Торжку оли до Игнача креста, » за 100 верстъ до Новагорода.« Надобно вспомнить, что старыя версты были вдвое болѣе нынѣшнихъ.

(302) Въ Родословныхъ Книгахъ сказано, что у Михаила Черниговскаго былъ сынъ Мстиславъ Карачевскій, у Мстислава сынъ Титъ, у Тита Иванъ, у Ивана *Василій*, убитый Батыемъ въ Козельскѣ: возможно ли, чтобы Михаилъ въ сіе время имѣлъ уже праправнука, когда большой сынъ его, Ростиславъ, въ 1229 или 1230 году былъ еще младенцемъ или отрокомъ?

Подобныхъ нелѣпостей довольно въ нашихъ Родословныхъ Книгахъ. — Татищевъ сказываетъ, что Князь *Василій* прозывался *Козля*.

(303) А не изъ Новагорода. *(Воскресен.)*.

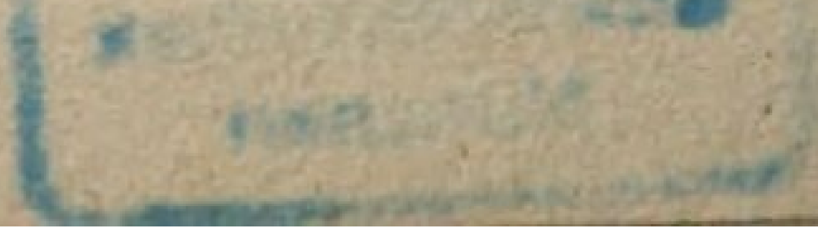
Предлагаемъ маловажныя извѣстія Лѣтописцевъ сего времени. — Въ 1227 году, Марта 14, Митрополитъ Кириллъ, находясь тогда въ Владимірѣ съ четырмя Епископами, поставилъ Митрофана Игумена Богородицкаго въ санъ Святительскій, при Велик. Князѣ и дѣтяхъ его, братьяхъ Святославѣ, Іоаннѣ, Боярахъ и народномъ множествѣ; въ числѣ зрителей былъ и самъ Лѣтописецъ Суздальскій. Маія 1 (въ другихъ спискахъ: Маія 11 и 13) сгорѣлъ городъ Владиміръ, 27 церквей и дворецъ Константиновъ съ бывшею въ немъ церковію Св. Михаила. Въ 1228, Генв. 6, преставился Схимникомъ Князь Владиміръ-Димитрій Всеволодовичь и положенъ въ Соборной церкви Владимірской Богоматери. На Святой недѣлѣ умеръ сынъ Давида Муромскаго и самъ Давидъ, принявъ Схиму (не сынъ ли сего Давида признанъ Святымъ подъ именемъ Петра, коего память бываетъ 15 Іюня? см. *Прологъ*. Мощи сего Князя и супруги его Февроніи лежатъ въ Муромскомъ Соборѣ). Князь Святославъ Всеволодовичь отпустилъ отъ себя жену съ великимъ награжденіемъ, ибо она захотѣла быть Монахинею; сія дочь Муромскаго Князя уѣхала въ Муромъ до Борисова дня и тамъ постриглась. Племянникъ Вел. Князя Георгія, Всеволодъ Константиновичь, женился въ Переяславлѣ на дочери Олега Святославича Курскаго. Сент. 21 родилась у Вел. Князя Георгія дочь Ѳеодора. — Въ 1229, Генв. 5, сгорѣлъ въ Владимірѣ Княжескій дворецъ и 2 церкви. Епископъ Ростовскій Кириллъ оставилъ Епископію. — Въ 1230 году » Василько, Все» володъ и Володимеръ (Константиновичи) послаша къ » отцю своему Гюргю и къ Епископу Митрофану по » Кирила *Игумена* и *Архимандрита* монастыря Св. » Богородицы Рождества, дабы и пустилъ на Епископ-

» ство Ростову, и отпусти. Изыдоша на срѣтенье » Кирилово Князи и Княгини, и Боляре, и вси мужи, и » введоша и въ Св. Зборную церковь. « Великій Князь Георгій женилъ сына своего старѣйшаго, Всеволода, на дочери Владиміра Рюриковича Кіевскаго. Въ *Новогород. Лѣт.*: » той же зимѣ введоша съ Хутина отъ Св. » Спаса Арсенія Игумена, мужа кротка, Князь Яро» славъ, Владыка Спиридонъ и вьсь Новгородъ, и даша » ему Игуменство у Св. Георгія, а Саву лишиша, по» садиша въ келіи, и разболѣся, лежавъ 6 недѣль, и » преставися Марта 15, въ Субботу предъ обѣднею... » А дай Богъ молитва его святая всѣмъ Кресть» яномъ и мнѣ грѣшному *Тимоѳею Пономарю* « (а въ другомъ спискѣ, напечатанномъ въ *Продолженіи древ. Вивліоѳики:* » Іоанну Попови «).— Въ 1231 году Февр. 2, по лѣтописи Кирилловской (Синод. библ. No 351), перенесены мощи Св. Леонтія Ростовскаго изъ церкви Іоанна въ Соборную Св. Богоматери. Князь Василько послалъ избраннаго имъ Епископа Кирилла въ Кіевъ. Митрополитъ и Епископы окрестные, Порфирій Черниговскій, Олекса (Алексій) Полоцкій, Бѣлогородскій и Юрьевскій, съ Архимандритомъ Печерскимъ Акиндиномъ и съ Игуменами Михаиломъ Выдубецкимъ, Петромъ Спасскимъ, Симеономъ Андреевскимъ, Корниліемъ Ѳеодоровскимъ, Аѳанасіемъ Васильевскимъ, Симеономъ Воскресенскимъ, Климентомъ Кириловскимъ, Іоанномъ Мученическимъ изъ Чернигова, посвятили Кирилла Апрѣля 6, при Князѣ Владимірѣ Рюриковичѣ и тогдашнемъ Воеводѣ Кіевскомъ Іоаннѣ Славновичѣ. » Бяхуть же и иніи Князи Русти » на сонмѣ въ Кыевѣ: Михаилъ Черниговскый, сынъ » его Ростиславъ, Мстиславичь Мстиславъ, *Ярославъ,* » *Изяславъ* « (см. выше, примѣч. 283.) » Ростиславъ Борисовичь « (племянникъ Владиміра Рюриковича) » и » иніи мнози Князи, « И бысть Намѣстникъ прежъ быв» шихъ въ Ростовѣ Леонтья Святаго, священнаго Епи» скопа Исаіи и Нестера и всѣхъ, яже почиша. Не оста » ихъ ни чѣмъ, вслѣдуя нравомъ ихъ и ученью; не пок-

»мо бо словомъ уча, но и дѣла кажа.... вся прихо»дящая изъ окрестныхъ градъ въ Св. Зборную цер»ковь, ово послушающе ученья его, ово же хотяще »видѣти украшенья церкви Владычицы нашея Бого»родицы; бысть бо украшенье ея чюдно, акоже не »бысть у прежбывшихъ Епископъ. Ученью же и »тщанью дивльсяй (самъ Лѣтописецъ) сего Кирила, съ »страхомъ и покореньемъ, послушая въ узцѣ мѣстѣ »нѣкоемъ«... — Іюля 24 родился у Князя Василька сынъ Борисъ.—Въ 1232 году женился Князь Владиміръ Константиновичь (а Татищевъ прибавляетъ: »взялъ »дочь Игоря Рязанскаго, Надежду«). Въ 1233 скончался Митрополитъ Кириллъ.— Въ 1236 году родился у Василька сынъ Глѣбъ. Въ ту зиму Вел. Князь Георгій женилъ сыновей своихъ Владиміра и Мстислава. Въ 1237 году прибылъ лѣтомъ изъ Никеи въ Кіевъ Митрополитъ Іосифъ, родомъ Грекъ.

Конецъ Примѣчаній III Тома.

Bayerische Staatsbibliothek München

ОГЛАВЛЕНІЕ
III ТОМА.

ГЛАВА I.
ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ АНДРЕЙ.

Стран.

Области Андрея. Набѣги Половцевъ. Возвращеніе Мстислава въ Кіевъ. Кончина сего Князя. Война Андреева съ Новымгородомъ. Миръ. Набѣгъ Половцевъ. Кончина Глѣба. Смерть вѣроломнаго Владиміра. Кіевъ отданъ Смоленскому Князю. Сайгатъ или трофеи Половецкіе. Сынъ Андреевъ въ Новѣгородѣ. Война съ Болгарами. Ссора Андрея съ Ростиславичами. Происшествія въ Галичѣ. Свойство Мстислава Храбраго. Осада Вышегорода. Коварство Черниговскаго Князя. Убіеніе Андрея. Мятежъ въ землѣ Суздальской. Ненависть къ Андрею. Свойства его. Первая ересь. Злодѣй Епископъ. Населеніе Вятки 1.

Г. 1169 — 1174.

ГЛАВА II.
ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ МИХАИЛЪ II.

Вѣче въ Владимірѣ. Добродушіе Михаила. Гордость Ростовцевъ. Корыстолюбіе Бояръ. Торжество Михаила. Кончина и свойства сего Князя. Междоусобіе въ южной Россіи 37.

Г. 1174 — 1176.

ГЛАВА III.

ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ВСЕВОЛОДЪ III ГЕОРГІЕВИЧЬ.

Вѣроломство Ростовцевъ. Война съ Княземъ Рязанскимъ. Ослѣпленіе двухъ Князей. Славолюбіе Мстислава и кончина его. Раздоръ Вел. Князя съ Черниговскимъ. Вѣроломство Святослава. Упреки Всеволоду. Великодушіе Мономахова потомства. Осада Торжка. Политика Новогородцевъ. Браки. Война съ Болгарами. Народъ Литовскій. Война съ Половцами. Огнестрѣльное оружіе. Бѣдствіе Игоря. Мужество Владиміра. Герой Всеволодъ. Торки и Берендѣи. Междоусобіе въ Рязани. Добродѣтели Ярослава Галицкаго. Слабости и бѣдствіе Кн. Владиміра. Властолюбіе Романа. Вѣроломство Короля Венгерскаго. Благородство сына Берладникова. Князь Владиміръ въ Германіи. Изгнаніе Венгровъ изъ Галича. Браки. Временная независимость Кіева. Добродѣтели Владиміра Глѣбовича. Безпокойства въ Смоленскѣ и Новѣгородѣ. Ссора съ Варягами. Воинскіе подвиги. Бѣдствія Чуди. Нѣмцы въ Ливоніи. Серебро Сибирское. Кончина и характеръ Святослава. Княжна Евфимія за Греческимъ Царевичемъ. Пиры въ Кіевѣ. Миролюбіе Духовенства. Гнѣвъ Романа. Битва въ Польшѣ. Мятежный духъ Ольговичей. Неблагодарность Романова. Политика Всеволодова. Строгость и веледушіе Давида. Война съ Половцами. Всеволодъ подчиняетъ себѣ Новгородъ. Слава и тиранство Романа. Опустошеніе Кіева. Пострижение Рюрика. Посольство Папы къ Роману. Отвѣтъ Романа. Характеръ сего Князя. Рюрикъ снова на престолѣ. Происшествія въ Галичѣ. Кон-

Стран.

стантинъ въ Новѣгородѣ. Сѣверскіе Князья господствуютъ въ Галичѣ. Бѣгство Романова семейства. Коварство Всеволода Чермнаго. Бѣдствіе Рязанскихъ Князей. Хитрость Всеволода. Жестокость Вел. Князя. Смѣлость Мстислава. Миръ съ Ольговичами. Мятежи въ Галичѣ. Неповиновеніе Константина. Кончина и характеръ Всеволода Великаго. Мудрость Великой Княгини. Постриги. Князь Россійскій въ Грузіи. Разныя бѣдствія. Взятіе Царяграда. Нѣмцы въ Ливоніи. Основаніе Риги. Орденъ Меченосцевъ. Духовная власть въ Новѣгородѣ 47.

Г. 1176 — 1212.

ГЛАВА IV.

ГЕОРГІЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМІРСКІЙ, КОНСТАНТИНЪ РОСТОВСКІЙ.

Междоусобіе. Изгнаніе Мономахова Дому изъ южной Россіи. Благоразуміе Россіянъ въ дѣлахъ Вѣры. Подвиги Мстислава. Строгость Ярославова. Голодъ въ Новѣгородѣ. Славная битва Липецкая. Великодушіе Мстислава. Епископъ Симонъ 164.

Г. 1212 — 1216.

ГЛАВА V.

КОНСТАНТИНЪ, В. К. ВЛАДИМІРСКІЙ и СУЗДАЛЬСКІЙ.

Добросердечіе Константина. Дѣла Ливонскія. Важное предпріятіе Мстислава. Пылкость юнаго

Стран.
Данiила. Тиранство Венгровъ въ Галичѣ. Убiйства въ Рязани. Смерть Константина . . . 183.
Г. 1216 — 1219.

ГЛАВА VI.

ВЕЛИКIЙ КНЯЗЬ ГЕОРГIЙ II ВСЕВОЛОДОВИЧЬ.

Безпокойства въ Новѣгородѣ. Великодушiе Посадника. Дѣла церковныя. Войны. Устюгъ. Новгородъ Нижнiй. Освобожденiе Галича. Неблагоразумiе Мстислава. Происшествiя въ Ливонiи. Мужественный Вячко. Набѣгъ Литвы. Слухъ о Татарахъ 194.
Г. 1219 — 1224.

ГЛАВА VII.

СОСТОЯНIЕ РОССIИ съ XI до XIII ВѢКА.

Права Великихъ Князей. Удѣлы. Княжескiе съѣзды. Право наслѣдственное. Враги внѣшнiе. Правленiе. Обряды и чины двора. Войско. Торговля. Ганза. Договоръ съ Нѣмцами. Деньги. Художества. Науки. Поэзiя. Нравы. Древнѣйшее путешествiе въ Россiю. 222.

ГЛАВА VIII.

ВЕЛИКIЙ КНЯЗЬ ГЕОРГIЙ ВСЕВОЛОДОВИЧЬ.

Происхожденiе Татаръ. Чингисханъ. Его завоеванiя. Половцы бѣгутъ въ Россiю. Мнѣнiя о Та-

Стран.
тарахъ. Совѣтъ Князей. Избіеніе пословъ Татарскихъ. Битва на Калкѣ. Правило Татаръ. Побѣдители скрываются. Удивленіе Россіянъ. Ужасныя предзнаменованія. Новыя междоусобія. Набѣги Литовскіе. Походъ въ Финляндію. Христіанство въ землѣ Корельской. Новогородцы жгутъ волшебниковъ. Нелюбовь къ Ярославу. Сношенія съ Папою. Бѣдствія Новогородцевъ. Происшествія въ Южной Россіи. Льготныя грамоты Вел. Ярослава. Землетрясеніе. Затмѣніе солнца. Мятежъ въ Новѣгородѣ. Голодъ и моръ. Услуга Нѣмцевъ. Криводушіе Михаила. Святая Евпраксія. Война съ Нѣмцами и съ Литвою. Бѣдствіе Смоленска. Подвиги Даніиловы. Война съ Мордвою. Миръ съ Болгарами. Мученикъ Аврамій. Смерть Чингисхана. Его завѣщаніе. Новое нашествіе Татаръ или Моголовъ. Отвѣтъ Князей. Заразъ. Взятіе Рязани. Мужество Евпатія. Коломенская битва. Сожженіе Москвы. Взятіе Владиміра. Опустошеніе многихъ городовъ. Битва на Сити. Герой Василько. Спасеніе Новагорода. Осада Козельска. Отшествіе Батыево 258.
Г. 1224 — 1238.

Bayerische StaatsBibliothek

Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Istorija Gosudarstva Rossijskago

Bd.: 3

Sanktpeterburg' (1830)

Russ. 266 z-3
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10783979-0